

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

Иван Клулас

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

В ЗАМКАХ ЛУАРЫ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

ПОВСЕДНЕВНАЯ

Иван Клулас

Ivan Cloulas
LA VIE QUOTIDIENNE
DANS LES CHATEAUX DE LA LOIRE
AU TEMPS DE LA RENAISSANCE

HACHETTE

ЖИЗНЬ

В ЗАМКАХ ЛУАРЫ
В ЭПОХУ
ВОЗРОЖДЕНИЯ

МОСКВА · МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ · ПАЛИМПСЕСТ · 2001

УДК 940.20
ББК 63.3(0)4
К 51

*Перевод с французского
О. ЖУКОВОЙ и Л. КАЙСАРОВОЙ*

*Научная редакция и вступительная статья
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
А. П. ЛЕВАНДОВСКОГО*

*Художественное оформление серии
С. ЛЮБАЕВА*

*Ouvrage réalisé avec le soutien du
Ministère des affaires étrangères français
et de l'Ambassade de France en Russie*

*Издание осуществлено при поддержке
Министерства иностранных дел Франции и
Посольства Франции в России*

*Перевод осуществлен по изданию:
Ivan Clouas.
La vie quotidienne dans les châteaux de la Loire
au temps de la Renaissance.
Paris, Hachette, 1989.*

ISBN 5-235-02393-5

© Hachette Littératures, 1983
© Жукова О., Кайсарова Л., перевод, 2001
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2001
© Издательство «Классик», 2001

Эпоха Возрождения... Эти слова рождают в нас массу понятий и ассоциаций. Неминуемо представляешь себе, как после долгого сна Средневековья человечество внезапно проснулось и, подняв из мрака забвения наследие античности, обрело новую, высокую культуру, плодами которой мы пользуемся и поныне. В нашем представлении Возрождение навсегда слилось с феноменом Италии XIV—XVI веков, где от великого Джотто до гения Леонардо, Рафаэля и Микеланджело благотворный взрыв обновления получил свои наиболее совершенные и законченные формы. Но вот что кажется странным: в России (да и не только в России) всегда бытовала и бытует не итальянская форма понятия Возрождения — «Ринашименто», а ее французский эквивалент — «Ренессанс». Впрочем, если вдуматься, объяснить это несложно. Начавшись в Италии, процесс обновления культуры и искусства охватил затем регионы, расположенные к северу, и это так называемое Северное Возрождение именно во Франции обрело ту яркую и своеобразную форму, с которой позднее познакомились и страны Восточной Европы. Как бы то ни было, французское Возрождение, которому в значительной мере посвящена предлагаемая книга, представляет уникальное явление, всегда вызывавшее интерес у специалистов — литераторов, искусствоведов, архитекторов, художников, а

равно и у рядовых читателей и зрителей. Между тем нельзя не заметить, что в отличие от классического, итальянского Возрождения термин «Северное Возрождение» (под который подпадает и французская культура конца XV—XVI века) носит несколько условный характер. Если в Италии новые культура и искусство создавались в значительной мере на основе «возрождения» интереса к традициям античности, то в таких странах Западной Европы, как Нидерланды, Германия или Франция, подобных традиций, а равно и памятников античности не было или почти не было, и, следовательно, «возрождаться» вроде бы было и нечему. Тем не менее процесс этот в своей основе все же оставался единым, ибо под «возрождением» в широком смысле слова принято понимать прежде всего полное обновление западно-европейской культуры в эпоху гуманизма за счет преодоления феодально-готического мышления и создания новых форм, отвечающих новым тенденциям в развитии общества.

Впрочем, французское Возрождение, хотя и входит в общую категорию Северного Возрождения, имеет ряд характерных, только ему присущих особенностей, не установив которые, невозможно выяснить его суть.

Прежде всего, хотя французский Ренессанс имел собственную основу, явным возбудителем и двигателем его оказалось влияние именно Италии. И это видно уже из персоналий отцов французского Возрождения, которыми сплошь оказались иноземные мастера, в первую очередь — Леонардо, Челлини, Россо, Приматиччо. Не случайно знаменитая «Первая школа Фонтенбло» была представлена почти исключительно итальянскими живописцами, а первые чисто французские художники Ренессанса оказались сплошь их подражателями, и лишь к концу века появился великий национальный портретист — Франсуа Клуэ. Для сравнения заметим, что в Нидерландах или Германии XVI века ничего подобного не было: там, хотя и просматривается итальянское влияние, в целом тон задавали национальные мастера —

брatья Ван Эйки, Рогир, Мемлинг, Брейгель, Дюрер, Кранах, Гольбейн.

Второе, не менее ощутимое отличие французского Возрождения состоит в его более поверхностном, а зачастую и чисто внешнем проявлении ренессансных черт. Во французском искусстве XVI века никогда не было той эмоциональной напряженности, которая характерна для творчества Босха, Брейгеля, Тильмана Рименшнейдера или Нитарда. Это, впрочем, и понятно, поскольку во Франции в силу сложившихся условий Возрождение (в отличие от Нидерландов или Германии) обслуживало в первую очередь двор абсолютного монарха и вышло не из толщи народных эмоций, а явилось воплощением прихотей короля и его фаворитов.

И наконец, еще одна особенность, которая в какой-то мере объясняет некоторую ущербность французского Возрождения по сравнению с его северо-восточными соседями. Если в Нидерландах и Германии (как, впрочем, и в Италии) Возрождение достигло высшего блеска в сфере живописи, то для Франции главной ареной деятельности мастеров новой формации неизменно оставалась архитектура. Именно здесь в наибольшей степени проявили себя самобытность французского искусства, его связь с национальными традициями и немеркнущее величие. И в этом тоже нет ничего удивительного, поскольку именно архитектура была той ветвью искусства, которая оформляла величие абсолютной монархии и ради этого могла пользоваться теми колоссальными средствами, которые щедро отпускал король для своих повседневных удовольствий, а равно и для своего прославления в глазах подданных и среди зарубежных соперников.

Именно архитектура Франции конца XV—XVI века дает полную возможность проследить развитие ренессансного искусства и его особенности в этой стране.

Готическую архитектуру недаром называют «французским искусством»: Франция показала блестящие образцы готики XII—XIII веков, а ее готичес-

кий храм и готический замок стали объектами подражания для остальной средневековой Европы.

...Когда проезжаешь вдоль средней Луары по земле, которая и сегодня величается «страной замков», временами кажется, будто попал в сказку времен своего детства: именно в детской книжке ты некогда с таким восхищением рассматривал башни и башенки с высокими остроконечными кровлями и машикулями, причудливые зубчатые стены, окна-бойницы, ворота с подъемными мостами... Не слишком мудрствующий турист наверняка с восторгом бы воскликнул: «Вот он, средневековый замок-крепость, настоящий рыцарский замок!» В действительности же большинство этих замков никакого отношения к феодальному замку-крепости не имеет, а их причудливая фортификация носит чисто декоративный характер. Когда эпоха Возрождения начиналась, когда ушли в прошлое феодальные войны, прежние феодалы стали превращаться в богатых вельмож. Старым тесным замкам-крепостям они предпочли обширные дворцы, отделанные лучшими мастерами и художниками. Зато в своем декоре дворцы эти должны были сохранить воспоминание о славном прошлом — отсюда их феодальные излишества. В результате появился замок-дворец, сменивший замок-крепость. Но... для ясного понимания картины нам придется совершить небольшой экскурс в другую страну.

Казалось бы, именно на родине Возрождения, в Северной и Средней Италии должен был появиться наиболее типичный ренессансный замок. Но Италия не знала готики, да и феодалы в этом регионе были иными, а во Флоренции — цитадели Возрождения — они давно превратились в изгоев: там господствовали не рыцари, а богатейшие купцы и банкиры. И дома они строили на свой лад: особой роскошью отличался интерьер, зато снаружи любой дворец, будь то палаццо Медичи-Риккарди, Строцци или Ручелай, был очень простым (далеко не сказочным!) зданием, прямоугольным, составленным из рустованного камня, почти лишенным украшений; прообразом такой архитектуры служил грубоватый дворец Бард-

желло, административный центр старой Флоренции. В этом проявилась специфика социальной жизни города: там кипела внутренняя борьба, и если в других государствах Запада область боролась с областью, то во Флоренции — улица с улицей, и дворцы богачей, возглавлявших враждующие партии, должны были ограждать себя кажущейся невзрачностью, а также мощными стенами, крохотными окнами-бойницами и массивными приземистыми входными дверьми.

Другое дело — Франция. Она прошла период блестящей готики («французского стиля»), и Ренессанс в ней мог наслоиться только на эту основу — отсюда «сказочность» французских ренессансных замков. Поэтому-то влияние Возрождения здесь преломилось на свой лад, дав самобытные и уникальные результаты. Но — все по порядку.

В конце XV века феодализм уступает место централизации, объединение Франции, прерванное Столетней войной и династическими неурядицами, наконец завершается. Сокрушив с помощью хитрых интриг своего главного соперника, герцога Бургундского Карла Смелого, Людовик XI, этот, по выражению современников, «всемирный паук», расправился с другими крупными феодалами и заложил фундамент абсолютной монархии. Несмотря на то, что в руках его сконцентрировались колоссальные ресурсы, сам он жил скромно, не «бросая денег на ветер», и его прославленный Плесси-ле-Тур, где Людовик провел последние годы жизни, это не только не дворец, но и не «сказочный» замок, а скорее добротный двухэтажный дом с витой башенной лестницей и высокой готической кровлей, укрепленный наружными стенами и рвом. Однако при ближайших преемниках этого короля положение резко меняется. В 1494 году начались затянувшиеся более чем на полстолетия Итальянские войны, в которых участвовали один за другим четыре французских короля — Карл VIII, Людовик XII, Франциск I и Генрих II — и которые, не дав этим королям больших политических выгод, свелись в основном к разграблению Северной и Средней Италии. Но не только потоки золота и драгоцен-

ностей хлынули в королевскую казну Франции. Войны привели к близкому знакомству с высокой культурой итальянского Возрождения, и культура эта внешними своими формами пленила французских монархов, одновременно придав своеобразную окраску начавшемуся в это же время подъему национальной французской литературы и искусства. К богатому французскому двору потянулись художники, ваятели, архитекторы из Италии, отменно принимаемые и щедро вознаграждаемые. И разумеется, в этих условиях феодальный замок быстро стал терять свои привычные формы, приобретая совершенно новые черты. Прежде всего это коснулось главных королевских резиденций — замков Блуа, Фонтенбло и Шамбора; о них мы и расскажем, ибо произошедшие с ними изменения наиболее показательны.

Замок Блуа своей древнейшей историей восходит к VIII—X векам, когда в нем обитали непокорные феодалы, графы Блуа и Шампани. Естественно, от той далекой поры в конструкции замка ничего не сохранилось; его наиболее архаичная, типично готическая часть, которую сберегло время, относится к середине XII века. Но свой характерный облик замок стал принимать с начала Итальянских войн, когда в 1498—1503 годах было построено «крыло Людовика XII». Этот первый этап в создании нового комплекса имел еще много характерных черт, идущих от феодальной эпохи: асимметрию плана, плоскостность фасада, высокую готическую кровлю. Но в нем уже явно обозначились и новые, ренессансные признаки, такие, как большая пропорциональность форм, отказ от «вертикализма» всей постройки, значительное число скульптурных украшений реалистического характера. Количество этих признаков значительно умножилось в «корпусе Франциска I» (построен в 1515—1524 годах), наружный фасад которого своими лоджиями, нишами и арками вполне отчетливо выражает идеи французского Возрождения.

Примерно такой же путь проделал и королевский замок-дворец Фонтенбло, мимо которого по вполне понятной причине (это не замок Луары!) прошел ав-

тор предлагаемой книги. В XII веке маленький охотничий павильон королей Людовика VI и Людовика VII, Фонтенбло принял вид феодального замка с тех пор, как Людовик Святой в середине XIII века отстроил в нем массивный донжон. В дальнейшем замок стал местом жительства многих королей из династий Капетингов и Валуа: в нем родился и умер Филипп Красивый, в нем подолгу проживали Иоанн Добрый и Карл VI. Но подлинным создателем дворца Фонтенбло стал Франциск I, который в 1528 году начал его радикальную перестройку. Стремясь сделать дворец красивым и престижным, этот король не жалел средств и для декорирования Фонтенбло пригласил таких мастеров, как Приматиччо и Россо, прекрасно справившихся с поставленной задачей и создавших один из очаровательнейших ансамблей XVI века. Начиная с этого времени Фонтенбло постепенно утрачивает остатки феодальных черт и превращается в яркий памятник французского Возрождения. Работы, начатые Франциском I, были продолжены при Генрихе II, Екатерине Медичи и Карле IX, но не остановились и позднее, и замок-дворец расширился и модернизировался на протяжении столетий.

Но, пожалуй, особый интерес в этом отношении представляет другая ренессансная резиденция французских монархов, замок Шамбор, расположенный в 16 километрах от Блуа. В отличие от Блуа или Фонтенбло, Шамбор не имел древней основы и строился от начала до конца в эпоху Возрождения*. Тем более интересно, что, начав строительство в 1519 году, когда в Блуа было уже отстроено «крыло Людовика XII», несущее в себе явные ренессансные черты, Франциск I начал с типичной феодальной основы. Действительно, план замка (хотя и существует версия, что подсказал его итальянец Доменико да Кортон**), был вполне традиционен и напоминал

* Прежде там стоял охотничий домик, разрушенный к началу работ.

** Версия, будто план Шамбора был составлен Леонардо да Винчи, не имеет серьезного основания; Леонардо умер в том же 1519 году, а перед этим тяжело болел и не работал. К тому же в плане Шамбора нет ничего, что напоминало бы о великом флорентийце.

план Венсена, построенного в XIV веке. Композиционной основой Шамбора стал гигантский квадратный донжон с круглыми башнями по углам. Хотя замок и не был предназначен для обороны, вокруг донжона был вырыт глубокий ров, через который перебрасывался подъемный мост (это в постройке XVI века!). Типичным для Средневековья было и прямоугольное ограждение стен, с двумя башнями у входа в замок. Впрочем, на этом сходство с минувшей эпохой и кончалось. Далее шло богатое и пышное Возрождение. Три этажа донжона были причудливо декорированы на итальянский манер. Большие вытянутые окна пересекали поверхность стен. Архитекторы отказались от таких элементов Средневековья, как дозорная галерея, машикули, бойницы. Совершенно новым для французской архитектуры был принцип соединения донжона с угловыми башнями посредством перемычек на мощных аркадах. Особую нарядность замку придавала терраса, завершавшая композицию донжона: бесчисленные шпили, каминные трубы, башенки, изысканно украшенные фронтоны образовывали как бы игрушечный городок на крыше. Все это было щедро приправлено лепкой: изображения сирен, саламандр, львов, сатиров, драконов пестрели повсюду. Замок производил настолько необычное впечатление, что в годы Великой французской революции вышел указ о необходимости разрушения этой «ненормальной груды камней» ради постройки «домов для санкюлотов». К счастью, решение не было выполнено.

Мы сочли возможным остановиться на этих трех постройках, каждая из которых типична и в то же время своеобразна, а все вместе они наглядно иллюстрируют мысль, высказанную выше. Можно было бы еще много рассказать о французских замках и сочетании в них феодально-готических и ренессансных элементов. Но предоставим слово автору книги, глубокому знатоку и блестящему рассказчику.

Имя Ивана Клуласа широко известно во Франции. Доктор исторических наук, архивист-палеограф, главный хранитель Национальных архивов, член

Французской школы в Риме и Дома Веласкеса в Мадриде, лауреат Большой парижской премии 1982 года, И. Клулас — автор многих исследований, публикаций, научных и научно-популярных трудов по проблемам эпохи Возрождения, среди которых особенно читаемы художественные биографии Лоренцо Великолепного и Екатерины Медичи.

Книга о замках Луары занимает особое место в творчестве писателя. Это историческое (лучше даже сказать, историко-бытовое) повествование, написанное в необычном ракурсе: автор повествует об истории Франции (точнее, истории восьми ее королей) эпохи Возрождения через историю их резиденций, замков Луары. Впрочем, конструкцию можно перевернуть, и это будет тоже верно: Клулас посвящает читателя в историю замков Луары через коллизии их державных хозяев — французских монархов конца XV—XVI веков. Собрав и сгруппировав обширнейший и разнообразный материал, связанный с повседневной жизнью обитателей замков, И. Клулас показал их привычные занятия, нравы, обычаи, взаимоотношения, праздники и обряды. При этом любознательный читатель найдет в книге такие подробности и детали, каких не разыскать ни в одной энциклопедии. Он узнает, например, сколько «мохнатых» ковров было в Амбуазском замке, какие туалеты носил герцог Анжуйский, каковы были доходы Дианы де Пуатье, как праздновали в Шенонсо прибытие Франциска II и что за блюда подавали Екатерине Медичи в Страстную пятницу 9 апреля 1563 года. Все эти частности, однако, не заслоняют главного: логики повествования и заложенной в нем идеи. И. Клулас очень точно и обоснованно разбивает свой труд на три части, первая из которых — заря ренессансных замков, вторая — пышный расцвет и третья — неизбежный упадок и угасание, совпадающие с угасанием их властителей, последних представителей выродившейся династии Валуа. Бытовое и эпическое повествование в книге удачно чередуется с ярко описанными драматическими ситуациями, такими, как Амбуазский заговор или убийство герцо-

га Гиза. В результате перед нашим взором проходит внушительная и замечательная по своей цельности эпопея: подлинная история, которая читается как роман, или роман, в котором нет ни капли вымысла. Когда-то К. Керам назвал свою книгу о древностях «Роман археологии»; думается, книгу И. Клуласа с неменьшим основанием можно назвать «Роман замков».

Русское издание книги снабжено иллюстрациями, представляющими облик главных описанных автором замков и их владельцев. Учитывая сложность авторского текста, читатель найдет в книге обширные комментарии, сделанные в основном Л. Кайсаровой и относящиеся в первую очередь к элементам архитектуры и костюма.

А. Левандовский

Торжественные и стройные, привычно живописные замки Луары хранят в себе великое множество воспоминаний, тайн и образов, рожденных одним из самых ярких периодов истории Франции — эпохой Возрождения. Берега величественной реки невозможно представить себе без этих символов чудесной цивилизации, которая пришла на смену временам, полным невзгод, восславив удовольствия и радости жизни.

Самые древние замки извели бедствия Столетней войны. Их крепостные стены укрывали несчастного Карла VII, привезенного Жанной д'Арк из Шинона на коронацию в Реймс. Позднее «буржский король»¹ вернулся в долину Луары ради утех и любви, променяв ярость сражений на галантные игры и наслаждения в Лоше, подле своей фаворитки Аньес Сорель. А неприступным замкам пришлось превращаться в тюрьмы или места расположения воинских частей. У подножия их стен на равнине вырастали загородные особняки. Так, Плесси-ле-Тур Людовик XI построил как частную резиденцию. Не только там, но даже в Амбуазе, где жили королева и дети короля, стали проявляться новые веяния.

Для перемен не хватало лишь искры, и она залетела из Италии. Карл VIII привез ее из своего корот-

¹ Так иронически величали Карла, оставившего врагам Париж и устроившего свою резиденцию в Бурже.

кого неаполитанского похода. И замок Амбуаз робко использовал в своем еще готическом оформлении находки иного зодчества, пришедшего из-за Альп.

Этот процесс не остановила трагическая смерть молодого государя в 1498 году. Двоюродный брат и наследник Карла VIII Людовик XII привез в Блуа вдову короля, на которой женился, а вместе с ней — строителей из Амбуаза. И старинный феод Орлеанского дома возродился, как блистательный центр искусства.

Продолжение Итальянских войн привело в движение правящую элиту по обе стороны Альп и стало причиной переезда во Францию художников, мастеров, ученых, не считая знаменитых заложников и пленников, таких, как несчастный Лодовико Моро¹, герцог Милана. Восшествие на престол Франциска I в 1515 году значительно усилило эту тенденцию. Король больше не мог довольствоваться тем, что его заказы исполняли никому неизвестные мастера. Ему требовались самые знаменитые: Леонардо да Винчи, Россо, Приматиччо. Ему нужны были замки, соответствовавшие его величию. В Блуа он пристроил к королевским апартаментам новое крыло с грандиозной лестницей. Но главным его детищем, исполненным подлинно монархического размаха, стал сказочный город-замок Шамбор — обитель наслаждений, райский уголок среди богатого дичью леса. С другой стороны Луары с Шамбором перекликалось еще одно необычное строение — Фонтенбло, дворец грез, способный разместить бесчисленное множество придворных.

Монархия расставалась с эпохой умеренности, поддерживавшейся Людовиком XII. Двор превращался в некое государство в государстве. Тесный кружок при государе имел свою иерархию, ревностно защищал свои обязанности и привилегии, которыми он был обязан прославленным воинам, снискавшим лавры в Итальянских походах, и благословению богатых прелатов, получавших колоссальные доходы с

¹ Лодовико Сфорца, прозванный Моро (мавр), герцог Миланский (1494—1500). О его судьбе см. ниже, с. 97—99.

множества диоцезов и аббатств. Одновременно шли преобразования в правительстве и начинали создаваться новые политические структуры. Вокруг государя, законного источника права и власти, сосредоточивались все более многочисленные чиновники, которые разрабатывали для него указы и проверяли их исполнение.

Блестящая свита придворных разъезжала по стране вслед за своим сеньором королем или регентшей, его матерью, останавливаясь порой в замках Луары. После коротких и ярких, подобно молнии, королевских посещений дворцы былых времен словно засыпали, а Амбуаз вновь превращался в пансион для юных принцев. Вернуться на берега Луары Екатерину Медичи и ее детей вынудили религиозные войны. Древние резиденции с оборонительными сооружениями сослужили полезную службу против внезапных атак фанатиков, а в спокойные времена обитатели замков вновь возвращались к развлечениям, и до городских кварталов долетали отблески сияния их пиршеств и балов. Екатерина Медичи — последняя из тех, кто в эпоху Возрождения устраивал празднества в долине Луары, в своем замке Шенонсо.

Эхом тех праздничных возгласов прозвучали в Блуа крики протеста лигистов Генеральных Штатов по получении известия об убийстве герцога Гиза Генрихом III. И дивная эпоха Возрождения навсегда утонула в страхе и братоубийственной ненависти. Целое столетие она одухотворяла обитателей изысканных королевских замков, ею был отмечен каждый миг их повседневной жизни. Аллеи и сады, огромные залы с наборными полами, величественные белокаменные ступени до сих пор свидетельствуют о многих героях истории, когда-то неистово праздновавших на берегах Луары рождение Нового времени.

КОРОЛЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ РОСКОШИ И КОМФОРТА

Глава первая

Золоченое убежище монархии: Мен, Шинон и Лош

Королевский дом, воздвигнутый в долине Луары в XV веке, очень походил на дома сеньоров и нотаблей¹ окрестных провинций. Король Карл VII, в бытность свою еще дофином, герцогом Туренским и Беррийским, в 1418 году бежал из Парижа, захваченного бургундскими Живодерами². Он нашел убежище при дворе своей тещи Иоланды Арагонской, вдовы Людовика II Анжуйского и матери герцогов Людовика III и Рене, номинальных королей Иерусалима и Сицилии.

Мен, замок наслаждений

Дофин Карл унаследовал замки от своего дяди, герцога Жана Беррийского. Из всех своих резиденций он предпочитал Мен-сюр-Йевр. На одной из самых изящных миниатюр «Роскошного часослова» герцога Беррийского изображено это сооружение (закончено в 1396 году), словно ласточкино гнездо

¹ Нотабли — «почетные лица» из числа привилегированной знати в феодально-абсолютистской Франции.

² Живодеры (или Кабошьены, по имени их старшины Кабоса) — сторонники бургундской партии, поднявшей в 1413 году восстание в Париже против администрации Карла VI.

прилепившееся к крепости на вершине скалы в том месте, где сливаются Йевр и Онен. Но вопреки внешнему облику это было довольно фешенебельное жилище — «обитель удовольствий». В башнях, расположенных выше дозорного пути, разместились шестиугольные просторные залы, залитые светом высоких готических окон. Там находилась одна из самых замечательных библиотек того времени, богатая ценными миниатюрами. Карл принимал в ней своих друзей и любовниц, впрочем, он не забывал и собственную супругу, невозмутимую Марию Анжуйскую, подарившую ему четырнадцать детей. Именно в Мене 24 октября 1422 года, после смерти отца, Карла VI Безумного, он был единогласно избран королем. Но Францию ему еще предстояло завоевать: большей ее частью владели тогда англичане и бургундцы. Вокруг нового короля завязалась борьба группировок и фаворитов. А король шел на поводу собственных страстей и потакал чужим желаниям.

Шинон, скала трех замков

Время от времени Карл VII занимался и государственными делами: так, в Шиноне, где он проживал в 1428 году, он собрал сначала Штаты Северной Франции — весной, потом — осенью — Генеральные Штаты. Древние графы Анжуйские и английские короли возвели эту крепость на отвесной скале, омываемой Вьенной: в огромном вытянутом четырехугольнике — 400 метров в длину и 70 в ширину — в ряд выстроились три замка, разделенные между собой глубокими рвами: форт Сен-Жорж, Срединная крепость и форт Кудре. Крепостные башни, бойницы, контрэскарпы¹ и подъемные мосты сделали крепость неприступной. Недавно проведенные работы придали ей импозантный вид: Сре-

¹ Контрэскарп — передняя отлогость рва, ближайшая к противнику.

динную крепость украсила элегантная Часовая башня¹, ход из нее вел в покои, построенные Карлом VII, в большой зал и во флигель для дам. Королевские апартаменты занимали семидесятиметровое крыло, возвышавшееся над городом. Благодаря старым описаниям ремонтных работ известна его внутренняя планировка: на первом этаже находились винный погреб, людская, кухня и арсенал; на втором — «ковровая комната», ее каменный пол покрывали мягкие ковры, — королевская спальня². С ней сообщался кабинет, с ним — другая комната, маленький зал, и еще одна, в которой позднее жил гувернер дофина. Четыре каменные лестницы, изящно украшенные каминные, широкие каменные скамьи под окнами с крестообразными каменными переплетами в маленькой квадратной южной башне и отхожее место над ровом с водой в западном флигеле — вот и все, что осталось сегодня от внутреннего интерьера. Но даже эти детали показывают, насколько практичным и хорошо обустроенным было жилище короля.

Ассамблеи проходили в огромном зале — 27 метров в длину и 9 в ширину. Он занимал весь второй вновь надстроенный этаж, опираясь на крепостную стену и старую Казначейскую башню. Туда вели восемнадцать ступеней крыльца. Несущие конструкции нефа³ не были скрыты, зал хорошо освещался тремя большими окнами, выходящими в сад, и высоким окном с видом на город. Король попадал в большой зал прямо из своих покоев по внешней де-

¹ В Часовой башне сохранились часы 1399 года, по сей день вызывающие время.

² В Средние века слово «спальня» обозначало не только место, где спят, но и всю совокупность украшавших ее гобеленов и ковров. При переездах «спальню», то есть ковры и гобелены, нередко брали с собой.

³ На несколько нефов рядами столбов или колонн разделялось здание прямоугольной вытянутой формы, так называемая базилика. Первоначально в Византии так назывался дворец архонта базилевса — высшего духовного лица города; в Древнем Риме это общественные здания. Впоследствии строения такого типа стали использовать для христианских храмов, и базилики приобрели форму латинского креста.

ревянной галерее. 8 марта 1429 года¹ с наступлением темноты сюда привели Жанну д'Арк. В зале горело более пятидесяти факелов: в нем собрались триста вооруженных рыцарей и сеньоров. Среди богато одетых придворных Жанна выделялась своим мужским костюмом юного оруженосца: черный пурпурэн², длинные шоссы³, короткая черно-серая роб⁴, черный шерстяной шаперон⁵, темные волосы, подстриженные в кружок. Как она и предсказывала, Жанна сразу узнала Карла VII, скромно стоявшего в толпе царедворцев, поздоровалась с ним и поведала о своей миссии: Бог повелел, чтобы король был коронован в Реймсе, а англичане — изгнаны из Франции. После того как ей удалось убедить своего собеседника, ее поселили в центральной башне соседнего замка — форта Кудре, куда Филипп Красивый в 1306 году заточил магистров ордена тамплиеров.

Там она провела около тридцати дней, до и после поездки в Пуатье, где ее обследовали теологи. В 20-х числах апреля Жанна покинула королевскую резиденцию, чтобы совершить победоносную орлеанскую эпопею и знаменитый поход на Реймс.

В Шиноне Жанна не только беседовала с королем, но и усердно посещала святые места. У главного входа в форт Сен-Джорж находилась часовня с таким же названием, построенная Генрихом II Плантагенетом. Она имела размеры настоящей церкви и стояла над криптой⁶. Королевской молельней считалась часов-

¹ Разница дат с 1 марта 1400 года по 29 февраля 1500 года по сравнению с сегодняшним календарем составляет плюс 9 дней, то есть упомянутое событие произошло 17 марта по новому стилю.

² Пурпурэн — средневековая стеганая на вате короткая облегающая одежда, надеваемая под доспехи, кроем соответствовавшая конструкции лат.

³ Шоссы — длинные, разъемные, облегающие ноги штаны-чулки.

⁴ Роб — первоначально обобщающее понятие для верхней одежды. В XVI веке верхняя парадная мужская одежда и женское верхнее платье с распашной спереди юбкой.

⁵ Шаперон (*chaperon* — *фр.*) — род капюшона с длинным «хвостом». В эпоху Средневековья шаперон был мужским и женским головным убором. В XIV столетии мужчины стали носить его с жестким бортом, удлинени «хвост» и стали драпировать его над бортом, спуская узкую часть на плечо.

⁶ Крипта — подземная часовня.

ня Сен-Мелен в Срединной крепости, службу там проводил настоятель монастыря. Именно в форте Кудре, где, собственно, и жила Жанна, у подножия башни она вновь впала в состояние божественного экстаза и услышала «голоса» святых архангела Михаила, Екатерины и Маргариты.

Ансамбль замков в Шиноне не только располагал всем необходимым для обеспечения проживания короля и его свиты, но мог выдержать и длительную осаду. Для снабжения замка водой около большого зала имелся колодец глубиной 33,5 метра, он же служил входом в подземные каменоломни, где добывали камень при строительстве замка. Другой колодец, более глубокий — 47 метров, находился в форте Кудре, скрывая в своих недрах подземные ходы на случай осады, которые вели напрямиком в город.

Новое жилище в Лоше

Внешний вид крепости в Шиноне, где жил Карл VII, свидетельствует о том, что обитатели замка постоянно опасались внезапных атак. То же самое можно сказать и о Лоше, второй из крепостей в долине Луары, находящихся во владении короля. Мощный пояс укреплений располагался на крутом мысе, с севера и северо-востока омываемом быстрым течением Эндра. Старый романский донжон¹ графов Анжуйских, своеобразный замок в замке, надежная защита, прямоугольной громадой возвышался позади трех миндалевидных башен на южной оконечности крепости. В XV веке его «улучшили и дополнили» фортом Мартеле с многочисленными подземными карцерами и донжоном нового типа — Новой башней. Она помещалась в том месте, где сходились различные пояса укреплений: донжона, замка и расположенного ниже города. Это позволяло не бояться вражеских пуль, откуда бы они ни летели.

¹ Донжон — главная сторожевая башня в средневековом замке.

Попасть на территорию замка можно было с запада через основательно укрепленные ворота. В противоположность этому огромному защитному сооружению внутренний, «птичий» дворик производил впечатление уютного уголка отдыха. Там, за выдвинутым вперед оборонительным укреплением Сент-Урс, и располагалась собственно резиденция Карла VII, королевские покои со своей коллегиальной церковью XII века, называвшейся сначала Нотр-Дам, а затем — Сент-Урс. Замок короля живописно венчает город. Здание состоит из двух корпусов, один из них в свое время занимал Карл VII, другой же был выстроен позднее, при Карле VIII и Людовике XII.

Более старый корпус поражает комфортом: за его грозными стенами можно было свободно предаваться самым изысканным чувственным удовольствиям. Действительно, именно в Лоше Карл VII провел счастливые годы со своей знаменитой фавориткой Аньес Сорель. Первое здание, «старые залы», обращено к городу круглой башней, называемой «башней прекрасной Аньес». С 1809 года в ней находится надгробие королевской фаворитки, перенесенное сюда из коллегиальной церкви. Башенка с собственной лестницей скромно украшена скульптурной консолью¹, изображающей встречу двух возлюбленных. Углом к башне примыкает соединенное с ней коридором высокое здание, увенчанное четырьмя изящными башенками с небольшими коническими крышами. На щипце² здания с северной стороны изображена сцена из героической поэмы — схватка рыцаря со львом. Ничего чрезмерного, лишь изысканность и гармония, свидетельство хорошего вкуса. Позже к

¹ Консоль — поддерживающий элемент выступающих частей здания (карниза, балкона, лестницы).

² Щ и п е ц — острроверхий фронтон средневековых домов с высокой двухскатной кровлей, отсюда щипцовая крыша. Фронтон — верхняя часть фасада (то есть лицевой части здания) между двумя скатами крыши до карниза. Фронтоны бывают треугольные и полукруглые в зависимости от формы крыши. Внутреннее пространство фронтона называется тимпаном, на тимпане размещается скульптура или роспись, в арках то же самое называется люнет.

этому зданию пристроили второй корпус, более низкий, «новые залы». Впоследствии Анна Бретонская основала там восхитительную молельню, а потому на камне на века осталась выгравированная эмблема королевы — горноста́й, окруженный витым шнуром. Королевский замок стал местом, предназначенным исключительно для отдыха и удовольствий. Из высоких окон открывались привольные картины: лес в окрестностях Лоша и цветущие луга в долине Эндра.

Королевский церемониал

В замке король Карл жил с приближенными: советниками, учеными клириками и прекрасными дамами своего небольшого двора. Он рано вставал, исповедовался и каждый день выслушивал по три мессы: одну большую, с песнопениями, и две простые, потом молился. Восстановив силы, он совершал небольшую прогулку верхом на рысаке из собственной конюшни, затем возвращался в свои покои, где давал аудиенции. Художник Жан Фуке изобразил его в костюме для официальных церемоний: длинной объемной отороченной мехом роб, скрывающей тощее тело, и фетровой шляпе с широкими загнутыми полями и зигзагообразным контрастным орнаментом. Обычно же король носил короткую тунику, стянутую на талии, и зеленые шоссы; отнюдь не красившие его. Обедал и ужинал он в одиночестве за специально накрытым столом. Иногда, по его просьбе, ему читали Священное Писание. Король играл в шахматы, кости, шары, стрелял из арбалета или уезжал поохотиться; как и его предки, он держал соколиный двор и псовую охоту.

Королева Мария Анжуйская иногда присоединялась к развлечениям супруга. Она тоже слушала три мессы и читала молитвы, потом вышивала с придворными дамами, прогуливалась или сопровождала короля на охоте. Много времени она посвящала детям, но большинство из четырнадцати детей

смерть отняла у королевы: вот почему она предпочитала одеваться в черное. Беременность стала ее привычным состоянием и не мешала постоянно переезжать с мужем из одной резиденции в другую в неудобных повозках, похожих на шарабаны. Трактат о рангах и званиях, написанный Алиенорой де Пуатье, виконтессой де Фурне, донес до нас правила, царившие в королевском доме. Он называется «Придворные почести» и весьма точно передает французский и бургундский церемониал.

Разумеется, члены королевской семьи имели привилегии перед остальными князьями и сеньорами. Но размер земельных владений тоже много значил. Так, маршал двора Бургундии, находясь в свите, признавался высшим должностным лицом при короле — наравне с маршалом Франции; а герцог Бургундский, его сеньор по феодальной иерархии, во время королевской коронации держал королевскую корону двумя руками, в то время как другие пэры¹ королевства имели право прикасаться к ней лишь одним пальцем.

Когда герцогиня Бургундская, Изабелла Португальская, посетила Карла VII в 1445 году, она обедала и ужинала не с королем и королевой, а с женой дофина. Жене дофина, как и королю, блюда подавались «закрыто»: все кушанья накрывали салфеткой, а герцогине же они подавались «в открытую». То же правило определяло и подачу вин в бокалах в конце обеда.

До того, как жена дофина садилась за стол, и после того, как она отвеживала все яства, которые ела с серебряной тарелки руками, она ополаскивала руки в двух чашах. Герцогине же подносили лишь одну чашу, куда столтник, резавший ей мясо, наливал воду из кувшина, подавая при этом полотенце. После окончания обеда герцогиня вставала на колени перед женой дофина.

¹ Пэ́р (*фр. pair* — равный) — звание представителей высшего слоя феодалов, особенно во Франции и Англии, имевших право требовать «суда равных» для разрешения судебных дел. Во Франции из пэров позже состояла верхняя палата парламента, а звание пэра стало наследственным. В 1848 году пэрство было упразднено.

Обычай опускаться на колени перед членами королевской семьи был распространен везде, даже в Бургундии: когда будущий Людовик XI, еще дофин, бежал от своего отца в Брюссель, герцогиня Бургундская почтила его таким образом. Обычно знатные дамы заставляли менее знатных дам или придворных кавалеров, своих «рыцарей чести», нести длинный шлейф их платья, однако в присутствии дофина или короля им приходилось самим держать конец собственного шлейфа.

Церемониал рождения королевских детей был установлен в мельчайших деталях и для королевы, и для герцогини Бургундской. Для этого события готовили специальную комнату. Там устанавливали две кровати, а между ними — «большой стул с высокой спинкой». Напротив камина ставили кушетку на колесиках. Балдахин из зеленого дамаста¹, шелковой узорчатой ткани, и привязанные зелеными же шелковыми ленточками к верху балдахина зеленые атласные занавеси защищали от сквозняков. Пол покрывали «мохнатые» ковры. Кровати и кушетку застилали простынями из тонкого полотна и покрывали крапчатым горностаевым мехом на фиолетовой подкладке. Кресло с высокой спинкой было обтянуто парчой цвета крамуази².

За пределами родильной комнаты помещался большой буфет, четыре его полки ломились от хрустальной посуды, инкрустированной золотом и драгоценными камнями. Гостей поджидали золотые вазочки, полные сластей. Сбоку, на маленьком столике стояли кувшины и кружки с «гипокрасом» — сладким вином с корицей. В течение двух недель окна держали закрытыми, комнату освещали лишь факелы и восковые свечи.

Соседнее помещение предназначалось для ребенка. Его обставляли так же, как комнату матери: только

¹ Да м а с т — шелковая ткань с тканым узором того же цвета: на блестящем фоне матовые узоры или наоборот.

² Крамуази — ярко-красный, ярко-малиновый, «королевский» цвет.

на месте кушетки у камина помещалась колыбель. Третья комната служила парадной залой для официальных визитов: кровать и кресло с высокой спинкой, обтянутое бархатом и золотистой парчой.

О рождении ребенка возвещали колокола всех церквей. В городе зажигались праздничные костры. Потом младенца крестили в серебряной купели перед главным алтарем церкви, украсив ее стены коврами.

Такие же четкие правила регламентировали и траурную церемонию. Королева одевалась в черное, а король — в красное. Жилище драпировали черной тканью. Вдовы не должны были выходить из своих покоев: они принимали гостей лежа на парадных кроватях; королева — в течение года, герцогиня или дама более низкого звания — в течение полутора месяцев.

Обслуживание государя и вельмож

Кроме придворных дам и кавалеров, в королевскую свиту входила также группа лиц, которые обеспечивали быт короля, распорядясь и контролируя прислугу: виночерпий или мундшенк¹, хлебодар², стольник, резавший мясо, служащий лакей³. Им помогали молодые дворяне: пажи от семи до четырнадцати лет и оруженосцы или кавалеры — от четырнадцати до восемнадцати, а иногда и до двадцати одного года. Строгие правила существовали также в отношении одежды. Так, в домах графов запрещено было носить горностаевый крапчатый мех (с хвостиками) и мех черных генетт⁴, а также робы в складку из парчи. Самые богатые ткани, облачаться в которые им

¹ На виночерпия возлагались заведование винными погребами и снабжение двора вином.

² Чин «хлебодар» можно приравнять к стольнику или камергеру.

³ Чин «служащий лакей» — это комнатный дворянин.

⁴ Генетта (виверра генеттовая) — мелкое хищное млекопитающее, близкое к мангусте, мех которого ценился в Средние века.

дозволялось, — бархат, дамаст и шелк. На ливреях у них не могло быть золотых вензелей или цветов. Дворянам низшего ранга не мог прислуживать за столом дворецкий с жезлом¹; если дворянам прислуживали дворяне, им полагалось класть салфетку на руку, а не на плечо. Дамам не разрешалось заставлять других дам носить шлейф их платья. Дом королевы Марии Анжуйской насчитывал шестнадцать при дворных дам, двор жены дофина Маргариты Шотландской, первой жены будущего Людовика, — семь.

«Царствование» Аньес Сорель

В 1444 году в круг придворных дам королевы государь ввел свою фаворитку, Аньес Сорель. Он познакомился с ней в бытность ее придворной дамой у Изабеллы Лотарингской, супруги Рене Анжуйского. Целых пять лет молодая красавица властвовала над королем. Он подарил ей сеньорию Боте-сюр-Марн, с правом ношения этого имени, потом другие владения, в частности замок Иссуден в Берри и владение Вернон в Нормандии. Ее братья тоже имели отношение к королевскому дому. Двое из них состояли в штате резиденции короля, двое других служили в королевской гвардии. Аньес занимала далеко не второстепенное место: вопреки этикету ей прислуживали, как принцессе, и она вела воистину королевский образ жизни. Она владела драгоценностями редкой красоты, в том числе бриллиантами. После ее смерти король выкупил их за значительную сумму в 20 600 экю². Ее наряды были великолепны, а шлейфы платьев — длиннее, чем у любой другой дамы королевства. Она считалась одной из самых лучших клиенток крупного негодянта и королевского казначея Жака Кёра. Он поставлял ей мех куницы, шелка с Востока,

¹ Дворецкий с жезлом — привилегия короля.

² Экю — золотая монета, примерно равная по стоимости ливру; в XVI веке весила 3,3—3,6 г.

золототканые материи из Египта. Желая блистать не только нарядами, но и красотой, Аньес обнажала грудь и плечи. Из-за нее мода сделалась еще более расточительной, и это возмущало архиепископа Жана Жувенеля дез Юрсена. Обращаясь к королю, он приводил факты безрассудных трат на шлейфы и гребни, золотые цепочки, драгоценные камни и наряды, называя это роскошью дурного тона, которой подражают мещанки. Чтобы наряжать дам, сетовал прелат, король увеличил сеньорам выплаты из податей, собираемых с бедняков. Бог покарает за такое, ведь женщина чем меньше разряжена, тем красивее. А те, кто носит высокие прически и шлейфы, — настоящие ослицы, выкрашенные на продажу! Такие дамы обнажают соски, чтобы возбуждать мужчин и выгоднее продаваться.

Напрасно красавица Аньес растратила целое состояние на милостыни и подаяния нищим и церквям, в ней видели лишь алчную королевскую любовницу; ее упрекали в том, что из-за нее король бросил беременную королеву, дабы блистать на турнирах. Так, в июне 1446 года Карл VII, расположившись в маленькой усадьбе Разийи вдали от королевы, жившей уединенно в замках Монти или Шинон, возглавил вместе с королем Рене Анжуйским рыцарский турнир «Опасная скала», или, иначе, «Империя пасти дракона». В небольшой долине установили преграду, пройти через которую дама могла только в сопровождении рыцаря, а тот сразу оказывался лицом к лицу с соперником, вызывавшим его на поединок на копьях. Король Карл и его шурин Рене в черных доспехах, верхом на конях, покрытых черными же попонами, были судьями на поединке, и все это — для того, чтобы развлечь прекрасную Аньес. Карл пробыл там целых восемь месяцев, в то время как в Шинонском замке королева в одиночестве ожидала рождения ребенка. Свою признательность супруге король выразил лишь тем, что, поздравляя ее в декабре 1446 года с рождением еще одного сына, прислал три тысячи ливров и платье для благодарственного молебна.

Постепенно фаворитка начала играть политическую роль. Помимо Жака Кёра, ее влиятельным другом стал сын королевского секретаря, Этьен Шевалье, который в 1445 году был отправлен послом в Англию, а в 1449-м назначен секретарем финансов. Он заказал Жану Фуке часослов¹, который хранится теперь в Шантийи: в нем изображены придворные и Аньес, послужившая прообразом для Мадонны с Младенцем на картине для церкви в Мелене, сегодня находящейся в музее Антверпена. На этом полотне изображена прекрасная молодая женщина с жемчугом на голове, в сюрко² принцессы и большой королевской крапчатой горностаевой мантии, с обнаженной левой грудью.

Апофеозом Аньес стало ее водворение в королевской резиденции в Лоше. Попытавшийся вступить за королеву дофин Людовик был грубо изгнан отцом. Фаворитка участвовала во всех церемониях и пиршествах, где обычно священнодействовал повар Гийом Тирель по прозвищу Тайеван³.

Король выделил Аньес особый замок и двух камердинеров — Гийома Гуффье и Гийома де Курсель. Но ей не пришлось этим воспользоваться: по дороге к своему возлюбленному, отправившемуся воевать в Нормандию, она умерла преждевременными родами 11 февраля 1450 года в маленьком замке, неподалеку от аббатства Жюмьеж⁴. Аньес родила королю трех дочерей: Марию, Шарлотту и Жанну, их воспитали при дворе благодаря заботам Антуанетты Менье, двоюродной сестры Аньес, выданной за Андре де Вилькье. Старшая из них заключила прекрасный

¹ Часослов — богослужебная книга, которая содержит неизменяемые молитвы, произносимые чтецом и певцами во время литургии, вечерни и утрени, а также молитвы, произносимые священником и чтецом на полунощнице, часах и повечерии.

² Сюрко — средневековая одежда, надеваемая поверх котт (одежда вроде блузы). Мужское сюрко было коротким, женское — длинным и часто без рукавов. Самой изящной из таких одежд было «королевское сюрко». Оно сохранилось как официальная одежда королей до начала XVI века и было распространено по всей Европе.

³ «Большой парус» — *фр.*

⁴ По другой версии Аньес отравили.

брак с Оливье де Коэтиви. Вторую единокровный брат Людовик XI выдал за Жака де Брезе, который зверски убил ее ночью 13 июня 1476 года, застав в покоех с ловчим¹ из королевской охоты. Третью Людовик XI просватал за Антуана де Бюей, сына графа Сансерского. Новый король уделял много внимания потомству сводной сестры, тем самым ему удалось добиться примирения внутри королевского семейства.

Останки Аньес погребли по-королевски. Над местом захоронения ее сердца и внутренних органов, в капелле Нотр-Дам в Жюмьеже, высится великолепное надгробие из черного мрамора, над ним — статуя белого мрамора, изображающая молящуюся Аньес с собственным сердцем в руках. Тело ее было перенесено в коллегиальную церковь Нотр-Дам в Лоше и захоронено в середине хоров в саркофаге черного мрамора. На надгробной плите из белоснежного отполированного мрамора высечена Аньес в отороченном мехом сюрко принцессы, отдыхающая в окружении двух ангелочков и двух агнцев. Красноречивая символика. Но тело Аньес не оставили в покое: за первой эксгумацией в 1777 году последовали осквернение и почти полное разрушение могилы во время революции в 1794-м; в 1806-м все, что можно, отреставрировали и поместили в башне королевских покоев, где мраморное надгробие хранится и сегодня.

После смерти фаворитки король Карл не покинул свое жилище в Лоше, но при этом вновь начал странствовать в Турени, переезжая из Монти-ле-Тур в Шинон, Бурж, Мён-сюр-Йевр или старинный замок графов Анжуйских, Амбуаз. Эту крепость, похожую на Шинон и Лош, он старался укрепить. Карл брал пример с короля Рене Анжуйского, постоянно «кочевавшего» из одного маленького замка в окрестностях Анжера в другой. С этого момента в стране вновь воцарился мир. Эпоха мощных крепостей безвозвратно уходила в прошлое: наступало время «обитателей наслаждений», рожденных непреодолимым желанием комфорта и удовольствий.

¹ Ловчий — егермейстер псовой охоты.

Людовик XI, король Турени

Людовик XI — первый король Франции, которому предстояло провести почти всю жизнь в самом сердце того региона, где он появился на свет. А родился Людовик 3 июля 1423 года во дворце епископа в Бурже.

Многотрудное воспитание короля

Еще ребенком его отвезли в Лош, где он и рос. В 1429 году он видел там Жанну д'Арк в зените славы, после освобождения Орлеана. Ему исполнилось тогда всего шесть, но он никогда не забывал встречу с этой героиней, вдохнувшей в его отца, апатичного Карла VII, силы, необходимые для изгнания врага. Именно в то время его начали обучать по программе, тщательно разработанной гуманистом¹ Жаном Жерсоном, ректором Парижского университета, под бдительным оком опытного педагога Жана Мажори. В специальной комнате в Лоше он изучал грамматику, риторику, математику и музыку, а также религиозную и светскую историю. Вторую половину дня он посвящал физическим упражнениям, вместе со своими сверстниками учился стрелять из лука, обращаться с клинком и копьем.

В 1433-м, на одиннадцатом году жизни, Людовик сменил место проживания: вместе с отцом, матерью и сестрами он переехал в Амбуаз. Король-отец лишь незадолго до переезда вступил во владение этим замком. Амбуаз располагался в местности, похожей на Лош: замок на обрывистом мысе, где маленькая речушка Амасс сливается с Луарой. Там, очень давно, может быть, еще в римскую эпоху, на крайней западной оконечности мыса выросла крепость, позднее принадлежавшая графам Анжуйским.

¹ Гуманистом в ту эпоху назывался человек, занимающийся словесностью и древностями.

В XI веке деревянные оборонительные сооружения сменил каменный донжон, а в церкви возле него хранились мощи святого Флорентина. Граф Фульк Нера пожаловал это владение семье Сюльписа Амбуазского. Людовик, виконт Туарский, последний потомок старшей ветви, имел неосторожность примкнуть к заговору против фаворита Карла VII — Жоржа де ла Тремуиля. Парламент Пуатье 8 мая 1431 года приговорил его к смертной казни, затем смягчил наказание, подвергнув конфискации имущества.

Присоединение Амбуаза к королевскому домену в сентябре 1434 года принесло Короне новое жилище на Луаре, недалеко от столицы, но в провинции. Карл VII укрепил крепостные валы, построил Часовую башню над потерной¹, предпринял ремонтные работы после пожара. В 1434 году дофину Людовику оказали торжественный прием в соседнем городе Туре. Именно здесь, в замке Тура в день святого Жана, 24 июня 1436 года, его обвенчали с Маргаритой Шотландской, дочерью короля Якова I. Дофину было тринадцать, невесте — одиннадцать. На следующий день в часовне замка Людовик, облаченный в сероголубой, расшитый золотом бархат, поцеловал Маргариту, одетую в длинную мантию принцессы и увенчанную короной. После чего молодых разлучили до достижения ими брачного возраста. Принцесса жила в окружении приближенных королевы, своей свекрови, проводя время за сочинением стихов на новом для нее языке. Вокруг собирались дамы и придворные поэты, среди них она вела жизнь затворницы, в отличие от своего супруга, активно участвовавшего в борьбе против англичан и в кампаниях по освобождению королевства от Живодеров. Жена дофина питалась зелеными яблоками, пила уксус и сильно затягивала корсет, чтобы сохранить тонкую талию. Супруг напрасно ждал, что она родит ему ребенка. В конце концов она умерла от воспаления легких 16 августа 1445 года. Поползли слухи о том, что она

¹ Потерна — в крепостных сооружениях закрытый проход, сообщение в виде галереи.

была неверна своему мужу, и это приносило дофину лишние страдания, тем более невыносимые, что они довершали его собственные несчастья: против него плели интриги фавориты отца, к тому же он терпеть не мог его любовницу, прекрасную Аньес.

В итоге дофин, как известно, бежал из Франции в августе 1456 года. Он нашел убежище в Брюсселе при бургундском дворе. Его дядя, герцог Филипп Бургундский, подарил ему замок в Женаппе. Летом 1457 года дофин обосновался в этом сельском убежище со своей второй супругой, Шарлоттой Савойской.

В Женаппе, на землях Бургундии, в этой богатой дичью стране, чета дофина в течение тех пяти лет, пока продолжалось его изгнание, вела простую жизнь, соответствующую их вкусам. Они мало с кем были знакомы и посещали лишь незнатных дворян по соседству. Утром дофин молился Богородице и слушал мессы. Потом, завтракая на ходу, отправлялся на соколиную или псовую охоту. Во время этих разъездов он узнавал последние новости у простолюдинов, например у цирюльника Оливье ле Дена, который впоследствии стал его правой рукой. При маленьком дворе популярностью пользовались занимательные истории, например «Сто новых новелл», сочиненные при дворе Филиппа Бургундского.

Король обосновался в Турени

В июне 1461 года Карл VII умер в замке Мён-сюр-Йевр. Едва Людовик получил это известие, он тут же вернулся во Францию. После коронации он прибыл в долину Луары и торжественно въехал в Тур. Людовик многое сделал для мест, где прошло его детство: основал ткацкую мастерскую по изготовлению шелковых тканей, в 1470 году перевел производство золотых тканей из Лиона в Тур, открыл судоходство на Луаре, продолжил строительство дамб для укрепления берегов. Тур превратился в настоящую столицу королевства: отсюда Людовик XI отдал распоряже-

ние, которое ознаменовало новый этап его борьбы против своего брата Карла и недовольных, объединившихся за его спиной в Лигу. В 1468 году он созвал здесь Генеральные Штаты. После того как Карл Смелый подверг его унижительному заточению в Перонне, король удалился в Амбуаз, недалеко от Тура, где в марте 1469 года заключил мир на условиях, навязанных ему герцогом Бургундским. Именно в Амбуазе, в капелле коллегиальной церкви Святого Флорентина в августе 1469 года он основал орден Святого Михаила, дабы объединить верных ему людей для защиты церкви и государства. Лош тогда превратили в государственную тюрьму, и его стенам предстояло увидеть знаменитых заключенных. Тюрьма была оборудована двумя клетками в человеческий рост из деревянных прутьев, покрытых железом, народ прозвал их «королевскими дочурками». Кардинал Жан — один из тех, кто в них содержался.

Даже в период ожесточенной борьбы против Карла Смелого Людовик не хотел надолго оставаться ни в одной из своих официальных резиденций и стремился в Турень. Конечно, он навещал в замке Амбуаз Шарлотту Савойскую, скромную, миловидную, но не блещущую красотой принцессу, которая рожала ему детей, в то время как он открыто изменял ей. Так, в 1476 году он вернулся из Лиона с двумя «трофеями»: девицами легкого поведения — Пас-Фийон и Жигон. Он разместил их в Амбуазе, в двух шагах от королевских апартаментов.

Жизнь королевы в Амбуазе

Постоянное отсутствие короля не мешало королеве жить на широкую ногу в своей резиденции. Она содержала при себе пятнадцать придворных дам, двенадцать камеристок, более сотни служащих челядинцев — «домашних должностных лиц»¹, советников, секретарей, финансовых поверщиков, капелла-

¹ Officiers domestiques можно назвать камергерами или камерюнкерами.

нов — домовых священников, лютнистов, медиков, мундкохов и конюших, а также всевозможных слуг. В комнатах замка, как известно по одной описи того времени, имелись пушистые ковры, гардины, стены были обиты черной, красной, зеленой и белой саржей, там стояли кровати с балдахинами с кистями, отделанные драгоценными тканями. Здесь мы бы увидели серии гобеленов, изображавших «Историю Трои», «Источник молодости», а то и просто растения и зелень; здесь висели зеркала в золотой оправе, картины, например «Рождество».

Сундуки королевы содержали сотни локтей тканей для нарядов. В них хранились пятьдесят платьев (роб) из ярко-красного, черного, серого и фиолетового атласа и шелка, расшитой золотом ткани, переливчатой тафты, миланского бархата, кипрского камлота, коричневого сукна. Многие предназначались для королевских приемов. Одни были оторочены и подбиты мехом горностая, другие — французской куницы, соболя или ломбардского ягненка. Белье, расшитое «в венецианском и дамасском стиле», поступало из Голландии и Кутанса.

В ларцах сберегались всевозможные драгоценности: «бриллианты граненые, плоские, голубые и отшлифованные с двух сторон, рубины, бирюза, золотые браслеты, усыпанные заморскими камнями, золотые цепочки, цепочки с эмальями, ожерелья из восточного жемчуга, бриллиантовые цветы лилии, камеи, оправленные в золото».

Для пиршеств и приемов у королевы имелось в запасе тридцать подносов, сорок тарелок, десять тазов, десять чаш для омовения рук, десять графинов, дюжина чашек, семь кувшинов, четыре соусницы, шесть бонбоньерок, десять подсвечников, пятьдесят ложек, все массивное, серебряного литья. В 1470 году бюджет королевы на содержание дома составлял 37 тысяч ливров¹. Эта сумма складывалась из годового

¹ Ливр — фунт — золотая монета, весившая в XVI веке около 3,8 г. Чеканились и серебряные ливры, весом около 14,2 г. Ливр во все времена делился на 20 су или 24 денье.

пенсии в 10 тысяч ливров, который предоставлял король, остальное — поступления от соляных амбаров Парижа, Труа, Бове, Нарбона, а также пошлины за судоходство по Сене. В 1470 году на питание было потрачено 15 тысяч ливров. Покупка мебели и одежды обошлась в 5 тысяч ливров. Королева приобрела более 350 локтей ткани на платья себе, придворным дамам (на одно платье шло 3—4 локтя), а также одежду для бедных. Расходы на кройку и шитье достигли двух тысяч ливров. Было изготовлено покрывало из фиолетовой тафты, чтобы «класть на кровать во время родов королевы»; ширма, которую «ставили вдоль камина, чтобы дым не шел на монсеньора Дофина»; гарнитур для «жестяного седалища» для комнаты королевы; колпак из ткани, «чтобы накрывать клетку с попугаем в комнате вышеназванной дамы», квадратные подушки для капеллы, комплект для экипажа; «попоны для лошади, на которой вышеназванная дама разъезжает по стране».

Нового белья было куплено на 2800 ливров и обуви на 900 ливров: сто семьдесят пять пар, башмаки на простой, кожаной, пробковой подошве, ночные туфли, башмаки на подкладке белого сукна, сапоги до колен.

А вот расходы на драгоценности очень скромны: несколько сот ливров, — ларцы королевы и так уж полны. Однако она добавила в них «златотканое кольцо, усеянное белыми и красными аютиными глазками», «золотую заколку для прикрепления страусиных перьев к шляпе», «восемнадцать цветных эмалей на серебре для герба на дверцах экипажа».

Мелкие заказы и развлечения потребовали восьми сотен ливров: принадлежности для шитья и вышивки, книги, колоды карт, пергамент и бумага, заказ миниатюр Жану де Лоне, художнику из Тура.

Несмотря на большое количество разнообразных расходов, у королевы оставалось еще около четырех тысяч ливров. В силу необходимости государыне приходилось быть экономной. Живя уединенно в замке на вершине холма высоко над городом, мало принимая и редко устраивая приемы, она все свое время посвящала воспитанию детей. Старшая Анна

(1461 года рождения) в 1474-м вышла замуж за Пьера де Бурбона, сеньора Боже. Жанна, младшая, некрасивая девочка, родившаяся в 1464 году, обручилась по приказу короля с его кузеном Людовиком Орлеанским, будущим Людовиком XII. Дофин Карл (1470 года рождения) остался единственным наследником мужского пола, так как его брат Франциск, родившийся в 1472 году, умер год спустя. Королева пыталась развеять скуку чтением. В ее библиотеке было более ста томов, в том числе религиозные книги: Новый Завет, Псалтырь Людовика Святого, «Золотая легенда», «Жизнь святого Венсена и других святых», «О граде Божьем» Блаженного Августина, «Утешение философией» Боэция, «Гора созерцания» и книга проповедей Жерсона, трактаты о морали, как например: «Странствия по человеческой жизни» Гийома де Дегийвиля, «Часы Трои», «Клериадус и Меладис», «Книга царя Александра», а также «Декамерон» Боккаччо, «Книга о Понтусе и прекрасной Сидонии», «Разговор четырех дам» Алена Шартье, «Роман о Мелюзине» Жана Аррасского, «Город дам» Кристины Пизанской, «Чудеса мира», «Книга о свойствах вещей», «Книга о травах и деревьях» и многие другие.

Юные годы дофина Карла

Рождение дофина Карла отмечали огромным факельным шествием в городе Амбуазе, которое проследовало от церкви Сент-Флорентэн и Сен-Дени до церкви Христа Спасителя на острове посреди Луары. Воспитание принца доверили группе верноподданных: Этьену де Веку, Жану де Дайону, Жану Бурре, сеньору де Плесси. Бурре посылал королю бюллетени о состоянии здоровья мальчика: «Государь! Монсеньор дофин, благодарение Богу и Пресвятой Деве Марии, находится в добром здравии, весел и хорошо кушает».

Стоило ребенку закашлять, отец начинал тревожиться. Он мучился вопросом, где дофин мог простудиться, предполагая, что за мальчиком недоглядели.

Бурре успокаивал короля новым докладом о состоянии здоровья ребенка: «Он хорошо спит, хорошо кушает, отдыхает под беличьими одеялами, забавляется с птицами, но не перевозбуждается».

Мэтр Адам Фюме, королевский лекарь, регулярно посещал дофина. Если Карлу не возбранялось выходить, его отводили бросать птичек соколам. Во время линьки, когда соколов запирали в клетках, Карл смотрел, как они едят. Огромное значение для Людовика имел круг общения сына. Он разрешал видеться с ним лишь тем, кто получал на это специальное позволение. Во избежание досадных встреч жителям Амбуаза не давали слушать мессу в коллегиальной церкви замка Сент-Флоран: для них построили приходскую церковь в городе. Когда Бурре не мог отделаться от посетителей, он принимал их в городе; после обеда им дозволялось подняться на несколько минут в замок и взглянуть на дофина. Опасаясь, как бы иностранцы не завезли в Амбуаз чуму, им запретили въезд в город. Король никому не доверял. Днем и ночью солдаты дежурили на куртинах возле замка. Из долины были видны огни костров, у которых они грелись.

Гийом Кузино и Ги По давали дофину Карлу уроки права. Наиболее известным политическим изречениям и народной мудрости обучал его Пьер Шуане, врач и астролог. К концу жизни сам король дал сыну наказы, как править государством. Это произошло 21 сентября 1482 года в тронном зале замка в присутствии придворных. Людовик XI заставил сына поклясться в том, что он будет управлять королевством, «его истинным наследством», во благо подданных и государства. Нотариус Паран составил акт об этой клятве, произнесенной ребенком.

После нескольких кровоизлияний в мозг король захотел женить дофина на богатой наследнице. Его выбор пал на Маргариту Австрийскую — дочь Максимилиана и Марии Бургундской, скончавшейся 17 марта 1482 года. По Аррасскому миру (23 декабря 1482 года) маленькая принцесса была обещана дофину: в качестве приданого Франция получила

графства Артуа и Бургундское. В апреле 1483 года Маргарита покинула Нидерланды и прибыла в Лиль на носилках, сидя на коленях у кормилицы, наряженная в черное атласное платье, расшитое золотой нитью, крупными жемчугами и драгоценными камнями, и в черном токе¹ из велюра поверх белого полотняного чепчика. Маленькая принцесса встретилась в Эдене с французским посольством, прибывшим за ней из Турени, — Пьером де Боже и его женой, Анной Французской. 22 июня 1483 года принцесса прибыла в Амбуаз.

Дофин, одетый в атлас цвета крамуази, верхом на скакуне выехал из замка вместе с графом де Дюнуа, сиром де ла Тремуилем, Жаком де Брезе, великим сенешалем Нормандии, Этьеном де Веком, бальи² из Мо, несколькими дворянами и тремя десятками лучников, чтобы встретить принцессу на дороге в местечке под названием Поместье королевы. Как только невеста подъехала, Карл поклонился дамам, а потом отправился в особняк вблизи Амбуазского моста. Там он переоделся в длинную золототканую роб для участия в церемонии венчания.

Двое детей вошли в специально отгороженное пространство, где и встретились в присутствии прелата, племянника главного сенешаля Нормандии и протонотария, который по очереди спросил об их согласии на брак. Получив положительный ответ, он соединил их руки, и дофин два раза поцеловал принцессу. Так был заключен этот брак. В городе Амбуазе начались празднества.

На площади Карруа установили большой шатер с матерчатой крышей; под ней возвышался помост, богато украшенный художником Этьеном де Салем, скульптором Пьером Брио из Шомона и столяром Матлином Примелем, вырезавшим изображение святой Маргариты. Над шатром развевались знамена

¹ Ток (*toque — фр.*) — жесткая шляпа в форме усеченного конуса, с жестким бортом и небольшими, слегка загнутыми вверх полями.

² Бальи — в феодальной Франции — королевский чиновник, правитель округа — бальяж.

Франции и Австрии. Было дано представление «История Париса и трех богинь». Декорации передвигались при помощи механизмов. Фонтан разбрасывал по сцене струи воды и вина. Парис был в костюме рыцаря, богини — одна в голубых, другая в красных, третья в зеленых одеждах. Вокруг главных героев скакали одетые в зеленое дикари.

После гуляний Людовику XI оставалось жить всего два месяца; Шарлотте Савойской — пять. Больной король равнодушно принимал то, как убирали замок для принцессы и дофина. Он лишь оплатил работы, контроль за ними осуществляли его приближенные, в частности Жан Бурре. Здание нового королевского дворца было закончено в 1465 году; отстроили «маленький домик», а в донжоне переделали галереи. На эту постройку в 1464 году потратили 4 тысячи ливров, в 1474-м — 3250, что дает представление о сумме расходов за год. К большой церкви замка пристроили капеллу, посвященную святому Блезу.

Плесси — уединение среди полей

Несмотря на преобразования, сделавшие старый замок в Амбуазе более приятным, внимание короля сосредоточилось исключительно на его любимой резиденции Плесси-ле-Тур. Домен под названием Ле Монтиль раньше принадлежал Одуану Тушар де Майе, королевскому камергеру. Карл VII некоторое время жил в этом охотничьем домике на равнине, расположенной почти в месте слияния Луары и Шера, недалеко от Тура. В 1463 году Людовик XI купил его за 5500 золотых экю и сразу же начал перестраивать.

Название Плесси-дю-Парк, данное в то время домену, означает «Плесси в парке¹» и свидетельствует о большом, богатом дичью охотничьем хозяйстве, огражденном каменными стенами. Людовик XI действительно располагал там великолепными охотничь-

¹ Французское слово «parc» обозначает и парк, и зверинец, и плетень для овец, и выгон для быков.

ими угодьями и к тому же надежным местом для уединения. Все, кто приезжал сюда, оказывались перед глухой крепостной стеной и, преодолев ее по подъемному мосту, попадали в просторный квадратный дворик, где размещались гвардейцы короля, в основном шотландцы, традиционные союзники Франции против Англии; позже, после битвы при Муртене в 1476-м, король стал набирать также и швейцарских гвардейцев. Шотландская гвардия приравнивалась в правах к аристократии: их обслуживали оруженосцы, пажи и слуги. Шотландцы везде сопровождали короля и присутствовали при его трапезе.

По другому подъемному мосту преодолевали следующий крепостной вал, который защищал второй двор замка, где по левую руку от входа виднелось крыло королевских апартаментов — три комнаты на первом этаже и три на втором; в одной из них умер Людовик XI. Застекленная галерея перед фасадом здания позволяла королю наблюдать за всеми входящими и выходящими. Молельня отделяла королевские покои от залов для приемов, украшенных гобеленами из Фландрии, обставленных бархатными стульями, освещенных люстрами и серебряными факелами. Эти помещения открывались редко — только для приема послов.

По правую руку возвышалось здание, где жили королевские приближенные и советники. Один флигель предназначался специально для герцога Людовика Орлеанского, двоюродного брата и зятя короля; Людовик XI не доверял кузену и предпочитал держать его на виду. В подвалах замка находились галереи, нижние залы, кухня, карцеры.

После 1475 года король уединился в Плесси. Опасаясь за свою жизнь, он приказывал совершать частые обходы окрестных лесов. Он усовершенствовал оборонительные сооружения, усилив их снаружи решеткой из железных прутьев. В стену вделали прутья с остриями; на самой высокой части стены установили четыре сторожевые вышки. Сорок лучников стояли там на посту. Они имели приказ стрелять в каждого, кто приблизится ночью к замку.

Усиленные меры безопасности и постоянное присутствие специально поселенных вблизи замка Оливье ле Дэна, человека, способного на все, и Тристана Пустынника, главного прево¹, послужили основой для многочисленных рассказов о быстрых и жестоких расправах. Правда, подтверждений им не нашлось. На самом деле, король любил прогулки на свежем воздухе и непосредственное человеческое общение, но всегда боялся покушений.

Он следил за подчиненными, часто менял слуг, наведывался на кухню и задавал там всякие каверзные вопросы. Известен анекдот, как король поинтересовался у пятнадцатилетнего помощника булочника, приехавшего из Берри, сколько тому платят: «Ты работаешь и зарабатываешь? — Точно так же, как король. — А сколько зарабатывает король? — На расходы ему, как и мне, хватает». У недоверчивого хозяина и работники себе на уме.

Стол короля

Обычно король ел в одиночестве, но иногда посылал приглашения нотаблям, жившим по соседству. Отправляясь к нему, гости беспокоились: чем-то закончатся эти обеды, похожие на приманку? По правде говоря, крупные сеньоры и сами старались держаться подальше от Плесси. Единственным, кто позволял себе резкость с королем, был врач Жак Куатье, очень близкий к государю в последние его годы. Людовик XI давал ему доходные должности: в 1476-м он назначил его вице-президентом счетной палаты, а в 1482-м — президентом, при этом не заставляя его выполнять должностные обязанности. В следующем году Куатье добился

¹ Прево — должностные лица в средневековой Франции с XI века. Эти королевские чиновники обладали судебной, военной и фискальной властью в пределах административно-судебных округов, на которые делился королевский домен. С XIII века прево были поставлены под контроль бальи на Севере Франции и сенешалей — на Юге. С XV века у прево сохранились функции королевского судьи первой инстанции. В XVIII веке должность была упразднена.

для своего племянника Амьенского епископства, а для себя — месячной пенсии в десять тысяч золотых эку.

Врач проверял все, что подавалось королю на стол. Этим столом заведовал славный повар Жан Пастурель. Сохранился список блюд, мало соответствующий нашему представлению о диетическом питании. В нем можно найти королевскую хлебную похлебку, суп с клецками — кусочками теста, приготовленными в остром соусе или сваренными в молоке, суп с гранатами; белую колбасу из мяса каплуна; рябчиков, куропаток, простых и греческих кур, ежей, аистов; панты молодого оленя, мелко нарезанные и пожаренные в топленом свином сале; все это в лимонном соусе, в соусе из выдержанного вина, в соусе «додин», составленном из «сока» жареной птицы. В кремы добавляли немного золотистого песка, миндальной или розовой пудры; часто подавали «белый изюм» или «изюм в листьях инжира», наподобие вафельных трубочек, «которые развлекали гостей, когда те уже сыты и сидят за столом лишь для того, чтобы вести беседы и пить». Вино текло рекой: его привозили из Орлеана, Бона, Бордо и Экса. Вино подавали с ароматными травами или пряностями.

Охота — пуща неволи

Долгое время охота в заповедниках близ Плесси поддерживала сносное физическое состояние короля, способствуя сжиганию излишков жира от обильного питания. Филипп де Коммин в своих «Мемуарах» свидетельствовал о той страсти, какую король испытывал к охоте — соколиной и псовой: «Вставал он рано утром, весь день в любую погоду преследовал оленей и иногда забирался в самую глушь. А потому возвращался обычно усталым и почти всегда на кого-нибудь разгневанным: ведь это такое занятие, при котором не всегда добиваются желаемого... Бывало, его охота длилась несколько дней, и он оставался передохнуть в деревнях, если тому не мешали известия об очередной войне».

Впрочем, Людовик XI считал охоту только развлечением и придерживался правила отправляться на нее, выполнив неотложные государственные дела. По крайней мере, об этом свидетельствует одно из его писем. «Меня, — писал он, — предупредили из Нормандии, что армия англичан распущена на этот год, поэтому я отворачиваюсь от них и, чтобы не потерять сезон, собираюсь охотиться на кабанов и убивать их в ожидании другого сезона, когда надо будет охотиться на англичан и убивать уже их».

Постарев, став слабым, болезненным, будучи почти при смерти, король пытался скрыть свое состояние от самого себя. За огромные деньги он выписывал из дальних стран различных животных для зверинца, конюшни, псарни и даже пытался заселить леса некоторыми редкими видами. По словам Коммина, он приказывал за любую цену покупать «добрых лошадей и муллов... за собаками он отправлял куда угодно: в Испанию — за шустрыми маленькими левретками, в Бретань — за испанскими борзыми, очень дорогими по цене; в Валенсию — за маленькими мохнатыми собачками, за которых платил дороже, чем их продавали. В Сицилию он специально послал человека приобрести у одного местного королевского чиновника мула и заплатил за него вдвое; в Неаполь послал за лошадьми. Отовсюду ему привозили диких животных: из Берберии — странных маленьких волков не больше лисы, называемых шакалами; в Данию и в Швецию поехали за двумя сортами животных, одни, называемые лосями, станом похожи на оленей, но громадны, как буйволы, и с короткими мощными рогами, другие же называются северными оленями, станом и мастью они смахивают на ланей, но с гораздо более ветвистыми рогами; я видел северного оленя, обладавшего шестью рожками. За три пары таких животных он уплатил купцам 4500 немецких флоринов¹».

¹ Флорин — золотая монета весом в 3,53 г, чеканившаяся во Флоренции с 1252 года и имевшая международное хождение. Венецианский флорин назывался дукатом, немецкий — гульденом.

Король Англии слал ему в подарок рожки и кожаные бутылки — охотничьи атрибуты, необходимые во время привалов. Людовик XI вывел специальную породу собак, способных загнать оленя. Первая такая собака, упоминаемая в книгах по псовой охоте, носила кличку Суйар. Она была преподнесена в дар государю бедным дворянином. Сенешаль, видя, что король не особенно дорожит Суйаром, попросил у него собаку, чтобы подарить самой умной даме королевства. «Кто же она?» — спросил король. «Мадам Анна де Боже, ваша дочь», — ответил тот. «Скажите лучше, наименее глупая, — резко ответил Людовик XI, — ведь умных женщин не бывает». Но так как именно король вывел новую породу собак, льстецы не упустили случая воспользоваться этим.

Анонимный автор «Трактата о Новом Свете» написал произведение под названием «Книга об охоте великого сенешаля Нормандии и рассказы о славном псе Суйаре, который принадлежал королю Франции по имени Людовик Одиннадцатый». Собаки, любимцы короля, жили в необыкновенной роскоши; борзые щеголяли в ошейниках из ломбардской кожи с золотыми клепками — настоящих колье и получали особый уход: лапы им мыли в теплом вине, еду готовили аптекари, ради них совершались молитвы и приношения святому Губерту. Самый любимый пес Мистоден носил платье и спал на настоящей постели. Дабы снискать благосклонность короля, европейские князья дарили ему собак.

В июне 1473 года псарь герцога Миланского, Антонио, привез двух охотничьих собак, кобеля и суку. Король подарил герцогу в ответ двух своих борзых.

Вынужденный жить в Плесси, Людовик XI томился от скуки, не имея возможности на закате дней выезжать на охоту. Для развлечения он выдумал в своей комнате миниатюрную охоту: пускали крыс, за ними гонялись собаки, послушные голосу и жестам. Королю казалось, что он вновь на коне преследует оленя по лесу, и он оживал.

Но развлечения не могли избавить короля от страха перед приближающейся смертью. Он обратился к молитвам и суевериям, которые сопровождались дарами по обету и приношениями сотен тысяч франков самым известным местам паломничества как во Франции, так и за границей: Трем Волхвам в Кельне, Божьей Матери в Ахене, святому Сервию Утрехтскому, святому Бернардину в Аквиле, нескольким церквям в Неаполе, святому Якову в Компостелле и святому Иоанну Латеранскому в Риме. Король выписал знаменитые реликвии: из Рима — антиминос¹ с алтаря, где якобы служил обедню святой Петр; из Флоренции — кольцо епископа Ценобиуса, которое исцеляло от проказы. Лоренцо Великолепный договорился с флорентийской семьей, владевшей этой реликвией, которая одолжила на время кольцо, и король с удовольствием надел его на палец: Людовик думал, что болен этой страшной болезнью. Он отправил грека Биссипата на острова Зеленого Мыса, чтобы тот привез ему гигантских черепашек, чья кровь, как говорили, излечивала этот недуг. Наконец, король решил прибегнуть к святому миро из Реймса. Получив разрешение папы, он отправил в Реймс делегацию сеньоров и прелатов, обязав их привести в Тир сосуд со святыней. Сосуд прибыл в Плесси 1 августа 1483 года одновременно с крестом Карла Великого и жезлом Аарона и Моисея из Сен-Шапель в Париже. Эти священные реликвии лежали на буфете в королевской спальне до самой кончины государя.

Еще король прибегнул к помощи людей, известных своей святостью и способных испросить у Неба продления его жизни.

В конце 1482 года он попросил знаменитого Франциска Паолийского из Калабрии приехать ухаживать за ним. Уступив просьбам князя Фредерика

¹ Антиминс — греч. «вместопрестол», освященный плат с изображением Иисуса Христа во гробе и вшитыми внутрь святыми мощами канонизированного святого. Только на антиминосе может быть совершаема литургия.

Неаполитанского и папы Сикста IV, отшельник отправился в путь с тремя учениками. Он добрался до Марсея, поднялся по Роне, 24 апреля оказался в Лионе, а затем по Луаре он спустился до Тура.

Когда святой старец прибыл в Плесси, король встал перед ним на колени, «как если бы это был сам папа». Он умолял «просить Бога за него, чтобы Господь соизволил продлить ему жизнь». Затем монаха препроводили в скит, который Людовик приказал построить специально для него возле капеллы Святого Матфея. Те, кто видел старца, в частности Филипп де Коммин в своих «Мемуарах», признавали, что им «никогда не приходилось видеть другого человека, который вел бы столь праведную жизнь и чьими устами столь несомненно вещал бы Святой Дух». Король угождал отшельнику как мог, например, 29 июня он написал министру финансов Лангедока: «Прошу вас отправить мне лимоны, сладкие апельсины и пастернак для святого человека». Старец находился при короле до последней минуты, а после его смерти остался в Плесси. Карл VIII, очень уважавший старца, приказал возвести для него церковь в парке замка, и она стала первым сооружением нового религиозного ордена францисканцев. Старец почил в 1507 году, в девяностолетнем возрасте, а в 1519 был причислен папой Львом X к лику святых.

Людовик XI созерцал свои реликвии, слушал знакомый лай собак и пение птиц и отдавал распоряжения о собственных похоронах. Местом своего последнего пристанища он выбрал Нотр-Дам в Клери. На могиле он приказал установить свою статую выше человеческого роста, из позолоченной меди со вставками из голубой и багряной эмали.

Ее изготовили немецкие мастера за тысячу золотых экю. Людовик с длинными черными волосами, ниспадающими почти до плеч, в охотничьем костюме стоит на коленях перед Богородицею. На боку у него шпага, через плечо — охотничий рог, а на шее — цепь ордена Святого Михаила. Рядом с ним — одна из его знаменитых борзых в кожаном с золотом ошейнике.

Утром в субботу, 30 августа, у короля началась агония. Он попросил причастить его, во время «приобщения Святых Таин» речь его была разумной», он прочитал соответствующие молитвы «в здравом сознании и доброй памяти, ясно, отложив житейское попечение». Он сохранял способность говорить «вплоть до молитвы «Отче наш» в момент кончины». Он молил Богоматерь Амбрэнскую о кончине и повторил слова Псалмопевца «На Тебя, Господи, уповаю». Умер он в субботу вечером, между восемью и девятью часами.

2 сентября тело государя было перевезено в церковь Святого Мартиана Турского, где и состоялось отпевание, потом, через четыре дня его похоронили в Нотр-Дам де Клери, а три месяца спустя рядом с ним положили и королеву — Шарлотту Савойскую.

Кончина короля, как и смерть его супруги, в самом центре провинции, которую они предпочли остальным, засвидетельствовала прочную связь между Короной и долиной Луары. Жизнь небольших дворов в Амбуазе и Плесси протекала в том же ритме, что и жизнь королевского двора в Турени. Безудержная страсть короля к охоте, болезненное добровольное затворничество в последние годы, чрезмерная набожность — все это связывало Людовика XI со Средневековьем. Но король жил уже на заре иной эпохи. Его энергичная политика, победы и великие свершения, ставшие возможными во многом благодаря личным контактам с людьми, иногда даже самыми низкими по рангу, — вот лишь некоторые признаки его открытости миру. Об этом свидетельствуют посольства, отправленные во все крупные государства того времени, постоянный интерес короля к товарам знакомых и незнакомых земель, и само место его обитания — Плесси, крепость-резиденция, просторная и веселая, украшенная картинами, с садом между крепостными стенами и живыми голосами птиц.

В жизни государя был пройден еще один этап: король спустился с чопорных вершин высоких замков, чтобы жить в свое удовольствие в окружении свободно выбранных им друзей, а не среди кучки придвор-

ных, чье присутствие прежде навязывали строгие правила феодальной иерархии. Не изменив еще формы культуры, Ренессанс уже утвердился как эпоха раскрепощения человека. Король приобрел право жить как заблагорассудится в том месте, которое выбрал сам, как всякий свободный человек, согласно его вкусам и суждениям.

Глава третья

Амбуаз — лучезарная молодость короля

Случайно присоединенный к королевскому домену Амбуаз обрел некоторую известность при Шарлотте Савойской, а по-настоящему прославился со времени вступления на престол дофина Карла.

Семейные праздники

До тринадцати лет Карл VIII практически не покидал стен родного замка. Но хотя по приказу короля за ним внимательно следили и заботились, он все же не был заперт в собственной резиденции. Со своим воспитателем, Жаном Бурре, и слугами он разъезжал по загородным резиденциям, отправляясь то в Клу (сегодня это Кло-Люсе), то в Берне или Нуазе. Он навещал своего отца в Плесси-ле-Туре. Иногда Карл покидал Амбуаз по приказанию: так, например, он присутствовал — чтобы позже засвидетельствовать — на заключении брака между своей сестрой, грустной, некрасивой Жанной Французской, с ее двоюродным братом Людовиком, сыном поэта Карла Орлеанского и блистательной Марии Клевской. Людовик XI надеялся, что брак, оказавшись бесплодным, навсегда прекратит жизнь младшей ветви королевского рода, неизменно доставлявшей ему множество забот.

Дофин присутствовал при благословении этого брака епископом Орлеанским в сентябре 1476 года;

этот же прелат благословлял в замке Монришар союз старшей дочери Карла, Анны с Пьером де Боже, младшим братом герцога Бурбонского, который был старше ее на двадцать один год.

По такому случаю в Амбуазе царило радостное оживление. Принцы и принцессы приезжали с толпой пажей поздравить королеву и дофина. Они не скупились на подарки наследнику престола: ему преподнесли серебряные свистки, хрустальные шары, карты, луки, подарили соколов, собак и коней. Молодой принц насколько возможно вел активную жизнь на природе под наблюдением своих наставников, которые по-прежнему пеклись о его здоровье. Образование тоже не оставлялось без внимания: к двадцати годам он прочитал «Большие Французские хроники» и «Розу войн», сборник политических изречений. Король лично, как уже упоминалось, приезжал в Амбуаз экзаменовывать сына. Он заставил его поклясться, что тот будет править, следуя благоразумным указаниям надежных советников Короны — близких престолу сеньоров и крупных нотаблей. А сам он позаботится о том, чтобы дофин заключил выгодный брачный союз, на практике подтверждавший политическую искушенность сына. Речь идет о браке между Карлом Французским и дочерью Максимилиана Австрийского, Маргаритой, наследницей Марии Бургундской. Этой маленькой девочке трех с половиной лет, которую все называли «маленькой королевой», предстояло получить воспитание в Амбуазе возле будущего супруга. Когда 30 августа 1483 года Людовик XI скончался, Карла отдали под опеку его старшей сестры, Анны де Боже до достижения совершеннолетия: 30 июня 1484 года ему исполнялось четырнадцать лет.

Генеральные Штаты в Туре

Одним из первых важных событий, произошедших во время царствования Карла VIII, стал созыв Генеральных Штатов королевства 15 января 1484 года в Туре, в тронном зале архиепископства. Так как ко-

ролева-мать, Шарлотта Савойская, умерла 1 декабря 1483 года, Карл VII на время покинул Амбуаз и отправился в Плесси-ле-Тур. Он собрал там 287 депутатов от провинций. Король учился быть популярным: памятуя наставления матери и калабрийского отшельника Франциска Паолийского, в сентябре 1483 года по случаю счастливого восшествия на престол он проявил воистину «королевскую скромность»: простил налогоплательщикам последнюю четверть податей. Подарок значительный — более миллиона ливров. Выслушав жалобы депутатов, молодой король еще больше расщедрился: снизил подати с 4500 до 1500 тысяч ливров — то есть на две трети — случай беспрецедентный в истории французской Короны.

Вихрь праздников, в том числе коронация, и драматических событий, таких, как «безумная война»¹, восстание вельмож, в частности Людовика Орлеанского, вынудил молодого короля уехать из долины Луары. Вскоре ему пришлось принимать меры против интриг герцога Бретани, Франциска II, желавшего выдать свою дочь и наследницу Анну за Максимилиана Австрийского. Когда Анна, став герцогиней после смерти отца, готовилась вступить в этот брак, о котором уже было условлено, король Карл, угрожая оружием, вынудил ее отказаться. В качестве супруга он предложил себя. Помолвка состоялась 17 ноября 1491 года. Невесте Карла, одиннадцатилетней Маргарите Австрийской, пришлось вернуться во Фландрию в грусти и печали. От молодого государя она получила в качестве утешения и свидетельства вечной дружбы дорогую золотую цепь.

Бракосочетание Карла VIII в Ланже

Теперь следовало заключить бретонский брак, и он состоялся в замке Ланже 6 декабря 1491 года. Рано утром король покинул свою резиденцию в Плесси и по

¹ Серия мятежей крупных французских феодалов во главе с герцогами Орлеанским и Бретонским против королевского правительства.

Луаре добрался до Ланже. В парадном зале его встретила принцесса, маленькая брюнетка пятнадцати с половиной лет. Она была хороша лицом, но худа и заметно хромала, несмотря на высокие каблуки. Сам король был тоже небольшого роста, некрасив, с толстыми губами и большим орлиным носом, но его черные навывкате глаза смотрели на мир живо и пронизательно. Он отличался любезностью и оптимизмом и быстро завоевывал симпатии окружающих. В большом зале Ланже они обменялись согласием на брак в присутствии Альбийского епископа Луи Амбуазского. Личный духовник государя, Жан де Рели, епископ Анжерский отслужил мессу. Затем подписали договор: Бретань присоединялась к Франции, и Анна не могла отказать от этой дарственной. В случае, если король умирал, не оставив наследника, она была обязана выйти замуж за его преемника. Чтобы ускорить заключение брака, не стали ждать разрешения церкви, необходимого для того, чтобы отменить предыдущие обязательства обоих супругов и преодолеть препятствие, каким являлось их родство в четвертом колене. Соответствующие буллы папа Иннокентий VIII прислал лишь на следующий год. Стремясь сделать из торжественной церемонии роскошный праздник, не сэкономили ни на чем. Хотя казна Бретани была истощена долгой войной с Францией, молодая королева не поскупилась на наряд из золотой парчи с рельефными рисунками, вышитыми, как сообщают хроники, «выпуклым золотым швом». На нее пошло восемь локтей такой ткани. Одевание дополняли соболь стоимостью 58 тысяч ливров и очень красивый мех выдры. Анна привезла с собой две кровати. Одна была отделана черным, белым и фиолетовым дамастом: 50 локтей ткани потребовалось на занавеси и балдахин, 19 — на покрывало и 12 локтей красной тафты на подкладку балдахина. Вторую кровать украшали занавеси и балдахин из ткани цвета червонного золота; кисти и обивка — фиолетовые, золототканые, с черной шелковой бахромой.

Молодой супруг не остался в долгу. Он убрал замок коврами из Турции и Фландрии, стоимыми бо-

лее 10 тысяч ливров, а также привез роскошную серебряную посуду, много мебели, золотых и шелковых тканей. В Плесси-ле-Тур, куда он прибыл с новобрачной на медовый месяц, он искал прежде всего комфорт. Карл приказал снять с королевской кровати тяжелые золотые занавеси и заменить их широкими белыми драпировками, пропускавшими солнечные лучи. По сути, этот брак являлся прежде всего политическим, однако в тиши обновленной резиденции протекала настоящая идиллия. Свою привязанность к жене Карл выразил тем, что совершил святое помазание и короновал Анну в церкви Сен-Дени 8 февраля 1492 года. Ценой значительных финансовых и территориальных уступок король положил конец распрям между Францией и Англией, Арагоном и Империей¹. Теперь у него освободились руки, и молодой государь мог начать действовать в политике с тем размахом и величием, которые считал необходимыми как в собственном королевстве, так и за его пределами. У него уже зрел план завоевания Неаполя.

Новый замок в Амбуазе

С давних пор король желал обзавестись собственной пышной резиденцией. Он испытывал большую привязанность к Амбуазу, где прошло его детство. Но старый замок с пятиугольным донжоном, занимавший западную оконечность плоскогорья, выглядел слишком незначительным даже по сравнению с новыми сооружениями и галереями Людовика XI и не мог олицетворять роскошь, о которой мечтал молодой король. Расширять замок было возможно только на восток, за ров, пересекавший плоскогорье по обе стороны от церкви Сент-Флорентэн. В 1489 году король приказал расчистить там место для стройплощадки. Ненужное сбрасывали с выступа вниз, а жители города подбирали. Однако строительство началось лишь осенью. Для его финансирования король

¹ Имеется в виду Священная Римская империя.

взимал специальный сбор: пять денье с каждого центнера соли, проданного в королевстве.

Всего за пять лет выросли два крыла здания, продолжившие прежние постройки: одно на север, фасадом к Луаре — «покои короля», другое на юг, возвышаясь над долиной Амасса — «обитель Семи Добродетелей», или «кухонный дом», или, более благородно, «резиденция королевы». В замок попадали через две огромные башни, которыми заканчивалось каждое из этих зданий. Под донжоном имелся сводчатый проход, его восточный выход позволял добраться до коллегиальной церкви Сент-Флорентэн. Обращенная к Луаре башня Миним, названная так из-за близкого расположения монастыря нищенствующего ордена францисканцев, а на юге башня Юрто демонстрировали гостям короля удобство огромных пологих подъемов для всадников и повозок. Винтовой подъем трехметровой ширины раскручивался на протяжении ста пятидесяти метров от уровня долины до уровня замка, опираясь на центральную пустотелую башню диаметром шесть метров; наружный диаметр каменной спирали составлял 20 метров. Эти две огромные круглые башни — к ним предполагалось добавить третью, незаконченную, — не были предназначены для обороны, напротив, они служили наглядным примером образа жизни нового монарха, символом открытости и размаха.

Работы продвигались быстро, их не прервал даже Итальянский поход 1494—1495 годов. На стройке работало более ста семидесяти квалифицированных каменщиков, им помогали от семидесяти до девяноста подручных. Столь же многочисленны и мастера других цехов, особенно плотники. Работы продолжались и зимой. Счета расходов, составивших с 1 октября 1495 года по 30 сентября 1496-го — 30 тысяч ливров, показывают, что каменщики, столяры и рабочие трудились ночью при свечах, разводили костры, чтобы отогреть камни для строителей, и безуспешно пытались подавать воду по трубе с мельницы в Совиньи в двух лье от Амбуаза. Не забывали и про донжон, где разместились король и королева в ожидании завер-

шения работ. Там закончили и украсили капеллу Сент-Юбер, фризы и скульптуры которой (тимпан¹ с изображениями святого Кристофа и сцены обращения в веру святого Губерта) выполнили мастера-фламандцы: Пьер Минар, Козин Утрехтский и Корнель де Нев.

Во рву, отделявшем на востоке донжон, который утратил свое оборонное значение из-за постройки жилого корпуса, оборудовали зал для игры в мяч, огороженный тремя ярусами галерей; одна из них, «высокая галерея», возможно, и есть та самая «галерея Акельбака», где впоследствии скончался король.

«Мэтром стройки», «генеральным директором работ», был Раймон де Деза из Берна. Свою карьеру он начал при Карле VII в качестве портного и слуги в королевской опочивальне. Завоевав доверие Карла VIII, он сделался бальи Амбуаза, потом казначеем Франции в Лангедоке. С 1492 года он получал в качестве жалованья 20 ливров ежемесячно, с 1496-го — 40 ливров, кроме того — «компенсации» иного порядка: в 1493 году король даровал ему две тысячи золотых экю. Под началом этого человека строительство вели три мастера: Колен Биар, Гийом Сенор и Луи Арманжар, впоследствии они трудились на главных стройках при короле Людовике XII. Некоторые из работавших там каменщиков стали знамениты, например Жак Сурдо и Пьер Тринко, возводившие Блуа и Шамбор.

Первым из новых зданий закончили обитель Семи Добродетелей, в настоящее время не сохранившуюся. Это был изящный замок, обращенный южным фасадом к долине Амасса: шесть окон с крестообразными переплетами на двух этажах и шесть люкарн² на крыше пропускали свет. Спереди в неболь-

¹ Тимпан — украшенное треугольное поле фронтона или украшенная поверхность стены между аркой и перемычкой.

² Люкарна (*фр. lucarne* от *лат. lucerna* — свеча, светильник) — небольшое, первоначально круглое окно, освещающее чердачное помещение или мансарду; другое название — слуховое окно. В готических зданиях люкарны похожи на башенки с окошками на крыше. Мансарда — чердачное помещение под высокой кровлей, используемое как жилье; названа по имени французского архитектора XVII века Франсуа Мансара (1598—1666), работавшего в Блуа век спустя после описываемых событий.

шом павильоне, надстроенном колоннами, находились колодцы. Несколько «разнородный» фасад, выходящий во двор, выглядел вполне элегантно. С правой стороны шла четырехаркадная галерея с тремя люнетами, в двух из них помещались лепные гербы Франции и Иерусалимского королевства, право на которое отстаивал Карл VIII, а в третьем красовался обнаженный меч — символ, принятый королем во время похода на Неаполь. Галерея поддерживала второй этаж с четырьмя окнами с крестообразными переплетами на щипце. Еще на этом фасаде можно было видеть терракотовые статуи, изображавшие все Семь Добродетелей.

С левой стороны два этажа галерей были декорированы пятью отступающими аркадами. Ловко скрытая под перпендикулярным к зданию навесом отлогая рампа¹ позволяла въезжать на лошади в галерею второго этажа. Каменную ограду, подпиравшую рампу, украшали скульптуры больших оленей. Первый этаж занимали три просторные кухни, каждая из них имела большой камин из трех частей и еще один, поменьше. На втором этаже находились галереи, приемный зал и две большие комнаты короля и королевы с гардеробными. Витражи на окнах изображали мечи, лавровые венки, пальмовые ветви и инициалы королевы.

Крыло здания, выходящее к Луаре, которое существует и по сей день, привлекает внимание очень простой и одновременно величественной архитектурой: нижний этаж занимает невысокий зал, свет туда попадает сквозь мощные аркады. Над ними, перед просторным залом Совета, состоящим из двух пятипролетных нефов², находится балкон с железной балюстрадой, которая станет модной лишь век спустя. Свет в зал пропускают высокие окна с двумя поперечными перекладинами. Наконец,

¹ Рампа — наклонный въезд, пандус.

² Неф — продольная часть западно-европейского христианского храма, расчлененная колоннадой или аркадой на главный, более широкий и высокий, неф и боковые нефы (по одному или по два).

композицию фасада подчеркивают люкарны очень богатым декором своих наверший и своими тимпанами¹ с изображениями обнаженного меча, а в действительности — меча правосудия, обрамленного лаврами победы и перевитого инициалами Карла VIII.

Таким образом, за несколько лет король возвел на возвышенности Амбуаза великолепную резиденцию, развивая стиль роскошных и удобных дворцов Карла VII и Людовика XI.

Сервис королевского дома

Отдавая предпочтение именно этому замку, молодой король разместил здесь и свиту, свою и королевы. Слуг у него было в четыре раза больше, чем у Людовика XI: в 1490 году их насчитывалось 318; в 1495-м, по возвращении из Итальянского похода, — 366 человек. Каждый получал в среднем 400 ливров в год, но основные должности приносили по меньшей мере в три раза больше, причем к ним добавлялись крупные «компенсации». Общий расход королевской резиденции вырос с 85 165 ливров в 1490 году до 500 тысяч ливров в 1496-м. Все служители находились под началом обер-гофмейстера, Антуана де Шабана, которого затем сменил Гюи де Лаваль, и — полицейского чиновника. Назначенные камергерами представители знати очень высокого ранга считались прикрепленными к королевскому двору, на самом деле они пользовались полной независимостью. Таким образом, должность обер-камергера занимали граф де Дюнуа и Рене де Лорен. Камергерами числились герцоги Орлеанский и Бурбонский. Но настоящими служителями в комнатах короля, спавшими возле него и посвященными в его тайные намерения, являлись «комнатные служители» — камердинеры. В 1495 году наряду с ними появились «комнат-

¹ Тимпан находится, естественно, на щипце люкарны — между окошком и скатами ее крыши.

ные секретари» — камер-секретари. Первым из них стал Флоримон Роберте, уравненный с секретарем по финансам. Он хорошо знал иностранные языки: итальянский, испанский, немецкий и поэтому возглавлял службу королевской дипломатической почты.

В замке обитало много хлебодаров, виночерпиев, стольников, разрезавших мясо, «бельевщиц» — кастелянш¹ и кормилиц (прежде всего тех, которые кормили грудью государя и имели право жить в его доме до самой смерти), пажей и благородных отроков. Король имел двух исповедников, первым на этой должности официально состоял епископ Анжерский, Жан де Рели. Духовник и священник заботились также о духовном развитии всего придворного персонала.

В 1495 году, по возвращении из Италии, при дворе состояло девять хирургов, два аптекаря и семь медиков, пять из них лечили только короля. Астролог, Антуан дю Амле, служивший раньше у Людовика XI, обращался к звездам всякий раз, когда король собирался предпринять что-нибудь важное, и указывал благоприятные дни.

У короля были личный художник Жан Бурдишон и собственный ювелир Жан Галан, шпалерный мастер Жан Лефёвр, гравер Гийемен Майефер, портной Раймон де Дезе (именно ему он позже поручит возглавить строительство замка). Наряду с ними стоит назвать и постоянных поставщиков короля и королевы: парфюмера, книготорговца и других. Для того чтобы обеспечить пребывание королевской семьи на свежем воздухе, требовались различные службы — конюшни, псарни, соколиный двор, где работало несколько сотен слуг. Безопасность же государя обеспечивала военная свита, включавшая в себя сто дворян королевской резиденции, сто шотландских и сто французских лучников, а также контингент швейцарской гвардии.

Вместе со свитами королевы и детей короля окру-

¹ Не путать с кастеляном — смотрителем крепости.

жение государевой семьи достигало тысячи человек, служивших посменно. Одни жили в замке, другие — неподалеку от него.

Мебель, ковры и коллекции

В 1493 году Карл VIII сделал большие приобретения для улучшения внутреннего убранства Амбуаза. Заново были отделаны покои короля, королевы, дофина, герцогини Бурбонской, принцев и принцесс, а также комнаты главных слуг замка. Там поместили 45 кроватей с матрасами и пуховыми подушками, набором из бумазеи и канского тика, в том числе — 32 большие кровати, 13 средних; для каждой имелось две дюжины постельного белья.

Комнаты, а по большим праздникам и двор замка украшали французские и фламандские гобелены. Целые серии на сюжеты Ветхого Завета: они изображали Моисея, Ионафана, Эсфирь и Ассура, разрушение Иерусалима; а также на античные сюжеты: подвиги Геракла, Ясона, осада Трои, Александр Великий; наконец, сюжеты в национальных традициях: «Роман о Розе»¹, Девять Храбрецов, пилигримы к святому Михаилу, битва при Форминьи в 1450 году, в которой Карл VII победил англичан. Размеры ковров весьма значительны: от 46 до 161 локтя — французские (1,18 м равняется французскому локтю, то есть от 54,28 до 189,98 м), а фламандские — от 276 до 527 локтей (0,65 м равняется фламандскому локтю, то есть от 179,40 до 342,55 м). В королевских покоях находилось множество ковров Мишле с изображением

¹ «Роман о Розе» — памятник французской средневековой литературы. Первая часть поэмы написана в 20-х годах XIII века Гильомом до Лоррисом. Повествование облечено в форму аллегорического сна автора, где фигурируют персонифицированные пороки и добродетели, рассказывает о любви поэта к Розе, олицетворяющей идеальную женственность. Вторая часть написана около 1260 года клириком Жаном де Мёном. Он пересматривает куртуазные взгляды, некоторые философские воззрения эпохи, отстаивает равенство людей. «Роман о Розе» был популярен в XIV—XVI веках.

дикарей и дровосеков. Обивка стен там была желтого и красного цветов, также как и в трех остальных государевых комнатах. Новые портьеры, пологи, балдахины, навесы и оборки кроватей в этих покоях были сделаны из яркого дамаста, шелка, атласа с подкладкой из тафты и arrasской саржи.

На полу лежало более ста пятидесяти «мохнатых турецких ковров, которые с одной стороны имели такой ворс, что тонула нога, а с другой были совсем гладкие». Их размеры достигали в среднем от пяти до шести локтей в длину и от двух до трех в ширину. Еще имелось пятьдесят дамасских ковров и двадцать так называемых «баррагандских» или «бураканских»¹. Обстановку, помимо постелей, составляли более пятидесяти сундуков, куда убирали одежду, около пятидесяти столов из дуба и орехового дерева, дюжины сервантов, стульев, обтянутых красной кожей, табуретов, скамеек. Для украшения столов имелось порядка пятидесяти больших скатертей и дюжин двадцать салфеток, предназначенных для того, чтобы накрывать подаваемые блюда. Массивная посуда из серебра — кувшины для вина, чаши, тазики, миски — поражала великолепием. Ее украшал витой шнур, любимый орнамент Анны Бретонской. За серебряные и золотые изделия Жану Галану, королевскому ювелиру, было заплачено 4092 ливра. Это большой кувшин для воды, стоящий на восьми львах из позолоченного серебра, с двумя ручками в виде дикарей; большой сосуд для охлаждения вина с двумя ручками, одна в виде дикаря, а другая — дикарки, державшими эмалированный флажок с гербом Франции; наконец, большая корзина для подачи хлеба на стол, украшенная позолоченными дикарями.

Покупки обошлись королю примерно в 40 тысяч ливров, сумма очень значительная. Все это прибавилось к имуществу старого замка и без того роскошному, а в некоторых залах — весьма любопытному. Так, королевская оружейная палата, в соответствии с

¹ *Voûr* (*фр.*) — персидский шелк, «баракан», «баркан» — грубая шелковая ткань. Речь идет о тканых шелковых коврах.

описью 1499 года, хранила легендарное оружие: меч Ланселота, меч гиганта Изора, секиру короля Хлодвига, меч Дагобера, кинжал Карла Великого; а также исторические сувениры: две секиры Людовика Святого, мечи Филиппа Красивого, Карла VII и Людовика XI, секиру дю Геклена и доспехи Жанны д'Арк. По возвращении из Италии Карл VIII добавил к ним два меча, которыми он сражался в Форну.

Итальянские трофеи

Из Италии король вывез много произведений искусства. Одна партия, переправляемая по морю — бронзовые двери Капель Нуово и витраж, — была задержана в Рапалло и возвращена в Неаполь. Остальное в 1496 году из Неаполя в Амбуаз доставил «ковровщик» Никола Фаго. Он перевез 130 гобеленов, 172 ковра, 39 шпалер для стен из крашеной и золоченой кожи, картины, скульптуры из мрамора и порфира¹, походные кровати, модные в Неаполе, отрезки белого, серого и черного миланского бархата и, наконец, 1140 томов из библиотеки арагонских королей. Произведения искусства предназначались для обители Семи Добродетелей.

Король не ограничился предметами искусства, он привез в Амбуаз и самих людей искусства — около двадцати итальянцев самых разных профессий. Компания избранных: скульптор Гвидо Маззони, более известный как Паганино, архитектор-орнаментщик Жером Пашеро, архитектор Доменико да Кортона, ставший знаменитым под именем Боккадор, Фра Джокондо, венецианский францисканец, гуманист, инженер и архитектор, который, прожив десять лет во Франции, вернулся в Италию, чтобы участвовать в строительстве собора Святого Петра в Риме. Садовник Дон Пачелло из деревни Меркольяно принял за разбивку сада замка на север от коллегиальной

¹ Порфир — вулканическая горная порода с крупными кристаллами, окрашенными в основную мелкокристаллическую массу.

церкви. Саду он придал форму вытянутого прямоугольника, засадив его отдельно яблоневыми, грушевыми и апельсиновыми деревьями. По периметру сад обнесли крашеной решетчатой изгородью. Стоящая на северном краю земляной насыпи галерея преграждала путь ветрам, но закрывала вид на Луару. Там же находился фонтан — в восьмиугольном павильоне со статуей на куполе. Другой итальянец, инженер Лука Вижено, установил в королевском птичнике специальную печь «для выведения и вылупления цыплят без кур». В качестве смотрителя за королевскими попугаями из Неаполя привезли «мавра». Приехали неаполитанские портные, чтобы передать французам тонкости своего ремесла. От преподавателя греческого языка Иоанна Ласкариса король ждал плодотворного научного сотрудничества с французскими учеными. Но вообще-то не похоже, чтобы Карл VIII намеревался немедленно включить в работу «привозных» людей искусства: строительство в Амбуазе было уже близко к завершению, и вновь прибывшие не могли что-либо изменить. Единственное новшество в декоративном оформлении верхних частей башни Миним — изображения дельфинов, головы Медузы и одного из подвигов Геракла, выполненные в новой манере.

Дофин Карл-Орланд

Король и королева находились в Амбуазе постоянно. Они привозили туда своих маленьких детей: так было и с дофином Карлом-Орландом, крещенным итальянским именем по совету отшельника Франциска Паолийского. Принц, родившийся в Плесси-летуре 10 октября 1492 года, был почти тотчас же перевезен в Амбуаз. Там его крестили 13 октября в присутствии пяти сотен придворных дам и кавалеров, надевших по этому случаю свои лучшие наряды. Отшельник Франциск Паолийский посвятил королевского ребенка Деве Марии. На время итальянского похода король и королева оставили дофина в Амбуа-

зе, но, дабы с ним ничего не случилось, они дали подробные инструкции: сто гвардейцев должны были постоянно нести службу у ворот города и входа в замок; иностранцы лишались права проезжать через Амбуаз, поблизости не разрешалось охотиться. Однако эти меры не смогли предотвратить эпидемию оспы, свирепствовавшей в тех краях: 6 декабря 1495 года трехлетний наследник умер. Охваченная горем королева перевезла его тело в Тур, где в кафедральном соборе для него возвели великолепный мраморный мавзолей, в котором позже захоронили и трех остальных младенцев королевской четы: в 1496 и 1497 годах — двух мальчиков, скончавшихся сразу после рождения, а в 1498-м — девочку. Одной из повседневных обязанностей королей была покорность Божьей воле.

Повседневные королевские развлечения

Каждый день в Амбуазе начинался с мессы. Иногда после обеда служили другую службу, с проповедью, зато послеобеденные часы и конец дня были свободны. Время, остававшееся после совещаний по государственным делам, проводилось в играх и забавах: бильярд и кегли в хорошую погоду, кости, карты и шахматы, столь любимые королевским окружением и гораздо меньше — самим королем, часто проигрывавшим своей сестре Анне де Боже. Королева Анна Бретонская любила играть в карточную игру под названием «флюкс»; в нее играют вчетвером, а выигрывает тот, кто в конце игры больше всех наберет карт одной масти. После этих развлечений должное воздавалось искусству поваров. Потом отправлялись в зал для игры в мяч. В Амбуазе их два, один — в южной части сада, другой — около донжона в старом рву, перегораживавшем эспланаду между старым и новым замком. Придворные вызывали друг друга на игру и заключали пари на победителей. Мяч для игры в этёф — лапту, из ткани или кожи, туго набитый материей, был очень тяжелым: во избежание несчастного

случая на голову надевали большую фетровую шляпу. Король слыл большим мастером в этой игре, и многие дамы приходили на галереи над площадкой, чтобы посмотреть на него.

Турнир, благородная игра, длившаяся от восьми до десяти дней, начинался поединками — индивидуальными состязаниями — и заканчивался имитацией всеобщей баталии. Его организовывали на Пасхальной неделе или в мае. Знатные сеньоры хвастали великолепным вооружением, дорогими роб, расшитыми золотой нитью и усыпанными драгоценными камнями. Это развлечение нельзя назвать бесполезным: сеньоры обучались владению копьем, что им очень пригодилось во время итальянской кампании.

Король был страстным охотником; он любил хищных птиц. Пьетро Медичи, сын Лоренцо Великолепного, не смог бы сделать ему более ценного подарка, чем те сорок девять соколов, которых он ему послал. Карл VIII собирал также и домашних птиц: в замке стояли клетки для певчих пичужек, украшенные колокольчиками и лентами. В Плесси в огромном птичнике жило множество канареек; в Амбуазе король содержал в своей комнате попугаев. В то время они были настоящей редкостью: три попугая стоили дороже золотого кольца с изумрудом. Еще у короля и королевы были горлицы, белая ворона и белая альпийская куропатка.

Собаки — еще одна страсть государя. Три королевские борзые, Партнэ, Бовуазан и Парис, могли свободно заходить в комнату хозяина. Там они могли и напроказить, например, разорвать золототканые занавеси на кровати, но им все прощалось. У короля имелись доги в кожаных ошейниках и маленькие собачки с черным шелковым бантиком на шее. Потом началась мода на обезьян, за ней — на львов: король Рене Анжуйский, герцог Бретонский Франциск, отец королевы Анны, содержали их в своих зверинцах. Карл VIII поселил своих львов в Амбуазе в большом рву замка перед восточными воротами. Однажды королева Анна ради развлечения отправилась посмот-

реть варварский спектакль: осла бросили на съедение диким зверям.

У знати существовал обычай дарить друг другу скакунов и жеребцов-производителей, поэтому лошади в королевских конюшнях — как на подбор. И в самом деле, проезжая перед подданными, королю было важно пройти красивым аллюром. В последние годы жизни Людовик XI носил поверх длинной роб манто¹, подбитое горностаевым мехом. Такое же одеяние стал надевать на торжественные замковые церемонии и его сын. Выезжая верхом, Карл VIII поверх пурпуэна надевал короткую приталенную роб. На поясе у него висел кинжал, а во время охоты — рог из слоновой кости на перевязи черного бархата. Зимой он укутывался в «кабан» — камлотовый плащ с капюшоном с длинными рукавами и кап² из черной каталанской кожи. Когда он облачался в доспехи, то сверху набрасывал великолепную тунику³. Начинали входить в моду «прорези» на рукавах, пришедшие из Швейцарии: рукава разрезались, чтобы из-под материала был виден блестящий атлас. Цвета одежды имели символическое значение: из ткани голубого цвета, усеянной золотыми лилиями, могли быть сделаны только вещи короля, а придворные одевались в красные и золотые цвета. На флаге — белый крест на красном фоне. Кроме того, у Карла VIII имелись личные цвета: после женитьбы — фиолетовый с белой отделкой, а позже, в 1497 году, изменив прежний образ жизни, он стал носить серый и черный: этим он хотел показать, что отказывается от мимолетных увлечений, какие у него слу-

¹ Манто (*manteau, фр.*) — первоначально накидка, плащ без рукавов, королевская мантия. В XVI веке еще и одежда некоторых должностных лиц. Такое манто (в форме круга или полукруга) имело колоколообразные рукава.

² Кап (*cape, фр.*) — длинный широкий плащ в форме полукруга с небольшим отложным воротником. Если его делали с капюшоном, он назывался «кап по-испански».

³ Туника — так называется женская и мужская одежда, состоящая из двух кусков ткани, соединенных между собой боковыми швами. В верхней части остаются несшитыми участки для рук и головы. Туника родилась в Древнем Риме.

чались, в частности в Амбуазе. Надо сказать, Анна Бретонская была ревнива; даже беременная, она сопровождала короля во время длительных выездов на охоту, дабы лишить его соблазна ночных привалов.

Придворные наряды оживлялись головными уборами. Обычно носили объемные шляпы-боннэ на основе скуфьи — круглой шапочки, или тяжелые баретты с загнутыми или ровными полями. Во время торжественных церемоний или на параде над головными уборами развевались султаны из перьев павлина, белой цапли, фазана или аиста с добавлением золотых нитей и бриллиантов. На латах и шлемах мерцали драгоценные камни.

Приближенные короля ввели моду на туфли с широкими носами, просторные и удобные — «медвежья лапа». Общепринятым стало мыться в ванне в своих апартаментах. Правила гигиены сделались более строгими, чаще мыли руки во время еды, блюда подавали на стол, накрыв салфетками. Белье, перчатки и одежду душили порошком из фиалки и красных роз Прованса. По каменному полу разбрасывали охажки вереска. Зимой окна закрывали внутренними ставнями с ромбическими стеклянными витражами на створках. Двери в комнатах утепляли портьерами. На окна стали вешать шторы. Но для того чтобы согреться, даже большого огня в камине было мало, поэтому горячими углями наполняли грелки для рук и ног, специальными грелками грели кровати. Когда королевские гости возвращались после развлечений на свежем воздухе, то в зависимости от времени года их встречали теплые или прохладные апартаменты.

После всего этого в конце дня оставалось лишь поставить в спальне государя шесть кушеток для камергеров и камердинеров и еще три кровати — в спальню королевы, для прочих слуг. В коридоре у входа в королевскую опочивальню дежурили восемь шотландских и восемь французских лучников, которые время от времени совершали обходы с факелами в руках.

Такой распорядок дня не исключал общения с высокопросвещенными людьми — гуманистами Гийомом де Рокфором, епископом Жаном де Рели, членами парижского парламента Жаном и Жерменом де Гоне; последний вел активную переписку с платониками из окружения Лоренцо Великолепного во Флоренции. С этой группой королевских приближенных были тесно связаны двое молодых людей: Лефевр д'Этабль, опубликовавший в 1497 году «Этику» Аристотеля и посвятивший ее Жану де Реми; и Гийом де Бюде, числившийся секретарем короля и таким образом имевший возможность часто видаться с Иоанном Ласкарисом, настоящим эллинистом, привезенным Карлом VIII из Неаполя во Францию.

Король желал увековечить свои деяния. Он поручил двум итальянцам — Жану де Кандиду, неаполитанцу, бывшему «чтецу» Карла Смелого, и Полю-Эмилю из Вероны — написать о них хроники. Монах ордена Святой Троицы Робер Гоген, заботившийся об образовании короля, составил краткий очерк истории Франции, в то время как великий дипломат Филипп де Коммин тайно продолжал писать свои мемуары. Из расположенных в провинции резиденций король отдавал приказы привести в порядок материалы архивов Казначейства и Хартий (то есть государственных актов), хранившиеся во дворце Сите в Париже, а также распорядился разъяснить вопрос о его правах на неаполитанский престол.

Государь, сам сочинявший стихи, окружил себя людьми литературы. Среди них выделялся Жан Роберте, секретарь ордена Святого Михаила, который перевел на французский язык Петрарку. Он был отцом Флоримона, главного составителя королевских писем. Позже прославились и другие поэты из его окружения: епископ Октавьен де Сен-Желе, Андре де ла Винь, Жан Буше. Они писали фривольные стихи или религиозные поэмы. В то время ценились и утонченная поэзия Петрарки, и такие грубые произведения, как, например, «Роман о Жане из Парижа»

или «Книга Фацети» Поджо Браччолини, переведенная Гийомом Тардифом.

В Амбуазе по приказу короля разыгрывались мистерии: в 1489 году — «Мистерия о Святом Дени» в честь приезда герцога Савойского, в 1497-м — «Рождество» с использованием хитроумного механизма: кукла, наполненная двенадцатью ракетами, загоралась при соприкосновении с тринадцатой, запущенной с галерки.

Анна Бретонская разделяла любовь супруга к станковой живописи. Среди приближенных короля были художники Жан Переаль и Жан Бурдишон, последователь Жана Фуке и иллюстратор часословов короля и королевы. Очень ценился Жан Эй: современные исследователи отождествляют его с «мастером из Мулена», автором прекрасной картины, на которой Анна де Боже изображена с мужем и дочерью; считается, что известный портрет дофина Карла-Орланда, находящийся сегодня в Лувре, также принадлежит его кисти. Скульптор Мишель Коломб тоже был одним из фаворитов короля.

Король и королева наслаждались поэзией риториков, их виртуозной и таинственной игрой слов при достаточно бедном содержании. Мастерами в этом деле слыли Жан Лемер, Жан Мешино, Жан Маро, отец Клемана; последний посвятил королеве сборник рондо под названием «Наука принцесс и благородных дам». Эта поэзия на случай, обычная для того времени, восхваляла живых и покойных принцев и принцесс, на античный манер воспевала знаменательные события и напоминала собой «Метаморфозы» Овидия и мифологические легенды, известные в Средние века.

Несчастный случай

Итак, королю и королеве нравилось оживление, царившее в замке: песни, гул стройки, продолжавшейся с новой энергией, голоса животных. Весенним днем 7 апреля 1498 года, накануне Вербного

воскресения, Карл вышел из своих покоев в обители Семи Добродетелей, чтобы вместе с супругой посетить текущие работы на строительстве и посмотреть на игру в мяч во рву замка. Они поднялись на галерею Акельбак, которая возвышалась над площадкой для лапты, и там король сильно ударился о косяк двери. Коммин записал это со слов епископа Анжерского и королевских камергеров. Галерея была в плохом состоянии — разломана у входа и вообще не блистала чистотой: «все ходили туда справлять нужду». Король, оправившись после удара, продолжил путь по галерее. Он побеседовал с приближенными, сказав, что намеревается впредь не совершать ни крупных, ни мелких грехов. В последнее время он сделался очень набожен и на предыдущей неделе два раза исповедовался, причем один раз накануне церемонии общения с заключенными, которую лично проводил в замке. Вдруг все увидели, что король упал — было два часа пополудни. Он пролежал так до одиннадцати часов вечера. Приближенные не осмеливались перенести его и оставили лежать на жалком соломенном тюфяке в грязном помещении. Трижды к нему возвращался дар речи, но всего на несколько мгновений: он обратился к Богу, Деве Марии, Святым Клоду и Блезу. После чего скончался от кровоизлияния в мозг.

Когда все было кончено, убитая горем королева, оставшаяся возле мужа, отвергла вдове белое одеяние, которое ей принесли, и захотела одеться в обычный черный цвет, символ вечной любви. Она отдала распоряжения о торжественном погребении короля в Сен-Дени. На следующий день после смерти супруга она получила соболезнования Людовика Орлеанского, двоюродного брата короля, которого кардинал Гийом Брисонне уже провозгласил королем Людовиком XII. Немного позже государь приехал лично засвидетельствовать свое почтение королеве-вдове и посоветовал ей покинуть Амбуаз, слишком напоминавший о счастливых днях, и сопроводить в Париж тело супруга. Он надеялся, что молодая женщина вспомнит о своем долге: по договору, под-

писанному в Ланже, она обязывалась выйти замуж за нового короля; но тот должен был сначала выполнить одну небольшую формальность: расторгнуть неудачный брак с уродливой Жанной Французской.

Глава четвертая

Блуа, или Величие зрелых лет

С великим трудом Анна Бретонская иссушила свои слезы на кладбище Сен-Дени. Ей следовало подчиниться воле нового монарха.

Развод короля

Людовик XII не терял времени. Он попросил папу Александра VI Борджиа расторгнуть его предыдущий брак. Церковная комиссия констатировала отсутствие согласия на брак со стороны супруга. В церкви Сен-Гатьен в Туре Жанна Французская подверглась унижительному допросу об интимных отношениях в браке. Чтобы избежать проверки на непорочность, которая могла оскорбить ее стыдливость, она сослалась на заявление короля о том, что он никогда не вступал с принцессой в те интимные отношения, в кои подобает вступать мужу. С этого момента процесс расторжения брака пошел своим ходом. Папа отправил своего сына Чезаре для передачи буллы о расторжении брака, а одновременно — кардинальской шляпы Жоржу Амбуазскому, любимому советнику Людовика XII. Римское посольство прибыло в Турень. Оно демонстрировало неслыханную роскошь: вереница мулов несла обитые красной тканью сундуки с вычеканенным гербом семьи Борджа; Чезаре, чей наряд украшали драгоценные камни, ехал на коне в окружении трех десятков сеньоров и прелатов; за каждой лошадью, накрытой попоной из красно-золотой парчи, ехали пажи в малиновом бар-

хате. В награду Чезаре Борджа получил супругу из знатного и богатого рода, Шарлотту д'Альбре, и титул герцога де Валентинуа.

Сына папы принимали в Шиноне; король не любил останавливаться в Амбуазе, где слишком многое напоминало о его предшественнике. У него появился грандиозный план превратить наследственную резиденцию в Блуа в настоящий королевский дворец. В октябре 1498 он решил строить новый фасад замка.

Блуа, феодальная столица

Графство Блуа, старинный феодал рода, происходящего в X веке от Тибо Плута, в XIII веке стало поместьем семьи Шатийон и было продано графом Гюи II брату короля Карла VI, Людовику. В 1392 году Людовик получил титул герцога Орлеанского и от брака с Валентиной Висконти, дочерью герцога Миланского, родил сына Карла. После того как отца Карла Орлеанского убил Жан Бесстрашный, а его мать умерла в ноябре 1408 года, четырнадцатилетний мальчик остался самым старшим в роду. Он укрепил свой замок в Блуа и приказал построить там большую башню.

25 октября 1415 года в битве при Азенкуре герцог был взят в плен англичанами, вторгшимися на территорию Франции, воспользовавшись тем, что она находилась в состоянии гражданской войны. Карл пробыл в Англии до 1440 года, пока его не освободили за колоссальный выкуп. Во время его длительного отсутствия батард, граф де Дюнуа, соратник Жанны д'Арк, защищал домен своего сводного брата. Карл, очень тонкий поэт, любивший, так же как и его отец, прекрасные книги, женился на Марии Клевской, дочери Бургундского герцога Филиппа Доброго, разделявшей его вкусы. Супруги принимали в своем замке художников, образованных людей и поэтов, в том числе Франсуа Вийона. К величайшей радости семидесятилетнего герцога, у его молодой жены после двух дочерей 27 июня 1462 года родился сын. Король Людовик XI дал внучатому племяннику такое же, как

у него, имя а вскоре, в 1464 году, когда у него самого родилась уродливая дочь Жанна, решил, что наследник герцогов Орлеанских должен жениться именно на ней.

Воспитание Людовика Орлеанского

Юный Людовик Орлеанский почти не знал своего отца, скончавшегося, когда сыну было три года, но в перестроенном замке Блуа все о нем напоминало. Внутренний двор укрепленной крепости оживляла галерея. Покойного герцога не заботили столь важные некогда оборонительные сооружения вокруг замка, и хотя рвы он засыпать не решился, зато за ними приказал разбить огромные сады, откуда можно было рукой подать до вековых лесов.

Ребенок с ранних лет, как только вышел из-под женской опеки, именно там учился скакать верхом и охотиться. Его воспитатель, Гийом Пью, к шестнадцати годам сделал из него лучшего во всем королевстве борца и игрока в мяч. Он отличался доблестью, силой и сноровкой, например, в Шатенеф-сюр-Шер он перескакивал на коне через рвы шириной в пять метров, однако все свое время проводил в развлечениях и играл в карты, растрачивая значительные суммы.

В то же время его мать, Мария Клевская, дала ему хорошее образование, обучив его изящной словесности и истории. Вместе с герцогиней он ходил на мессы в капеллу Сен-Кале внутри замка или в церковь Сен-Совер, находившуюся на заднем дворе. В день Богоявления, 6 января, прислуга, дети из церковного хора, девочки из окрестных деревень вместе с юным герцогом искали запеченный в пироге боб: девочка, которой он доставался, становилась «королевой» и получала в подарок платье.

Книга счетов донесла до нас сведения о расходах Марии Клевской: двадцать ливров ежедневно уходило на питание, что позволяло подавать гостям сытную пищу, а запасы делались обильные и разнообразные. Так, например, 24 мая 1472 года на кухню

привезли восемь дюжин яиц, пять с половиной баранов, свинью, полтеленка, каплуна из курятника, тридцать шесть кур, восемь голубей, зайца и два куска говядины. Но все эти продукты употреблялись не каждый день: по пятницам и субботам постились все, а некоторые — и по средам. Вино бесплатно поставлялось из города Орлеана. С наступлением темноты только герцогиня имела право пользоваться восковыми свечами. Ее приближенные жгли свечи из свиного сала. Играли в светские игры, например в бирюльки и табль. Иногда засиживались допоздна, вспоминали героический эпос, читали книги, декламировали стихи и музицировали.

Из своего воспитания, направленного на то, чтобы сделать из него настоящего сеньора, а также из политического опыта, обретаемого и в борьбе с интригами придворных, и в крупных деяниях своего предшественника, Людовик XII вынес тонкое знание человеческих характеров, приобрел вкус к общению с людьми, и в то же время — желание реализовать свои права: вскоре он отправится на завоевание герцогства Миланского, считая его своим наследством. К королевской доле Людовик XII относился с благоговением.

Людовик XII и Анна Бретонская

Людовику XII исполнилось тридцать шесть лет, когда он взшел на трон. Он выглядел уже довольно потрепанным и больным, вероятно вследствие бурной молодости. Анне Бретонской было лишь двадцать пять, когда 8 января 1499 года она вышла замуж за нового короля, она тоже многое повидала и не казалась слишком юной. Обычно она убирала волосы под бретонский чепец в мелкую плиссировку, а сверху надевала темного цвета кап. Она носила однотонные роб, облегающий корсаж с широкими рукавами с бархатной каймой или подбитые мехом черного ломбардского ягненка¹. Талию она перевязывала ви-

¹ Речь идет о сюрко.

тым монашеским поясом, а на шее носила золотую цепь с тяжелым крестом. Но во время официальных приемов королева представляла в великолепных нарядах: одна из ее парадных роб была сшита из шкур семиста горностаев.

Король одевался просто — в короткое мантио без рукавов из сукна или расшитого бархата. Волосы у него были средней длины, но на голове он носил боннэ из меха. Худое лицо и долговязая фигура соответствовали его «скупой и сдержанной натуре», писал дожу венецианский посол Доминик Тревизан в 1505 году. Питался король в основном вареной говядиной. Помимо военных кампаний ему нравилась соколиная охота, на нее он выезжал с апреля по сентябрь. Он также испытывал необходимость в комфорте. С согласия королевы Анны сразу по восшествии на престол он решил построить новое крыло в Блуа и обустроить его так же, как и королевское жилище в Амбуазе.

Триумфальная архитектура

В Блуа использован тот же принцип, который Карл VIII применял в Амбуазе: строительство новых частей замка могло вестись только за пределами старых феодальных построек, сохраненных вокруг центрального двора. На севере король приказал возвести жилой корпус, перегораживающий передний двор. Там он устроил главный вход в замок: над порталом в нише под готическим сводом красуется его конная статуя, выполненная на итальянский манер. Здание из камня и кирпича гармонировало с левым крылом, заложенным отцом короля, Карлом Орлеанским, перед капеллой Сен-Кале. Оно не очень высокое, двухэтажное, причем один этаж — это мансарда, но убранство поражает роскошью. Обрамляющая крышу балюстрада проходит перед люкарнами с фронтонами в стиле пламенеющей готики. Декоративные элементы «поставляла» Италия. Большую винтовую лестницу, построенную в квадратной баш-

не с левым подъемом от внутренней части фасада, украшают розетки с декором из листьев. На капителях¹ элегантно галереи нижнего этажа изображены дельфинов, парных птиц, путти², рогов изобилия. Галерею образовывали чередующиеся столбы цилиндрического и квадратного сечения. Цилиндрические были украшены ромбами с цветами лилии и горностаевыми хвостиками, а квадратные — вычурными панно с трофеями в античном стиле, обрамленными зигзагообразным готическим орнаментом. На этаж из квадратной башенки с лестницей ведут двери с низким закругленным порталом, над которым изображен дикобраз в короне: при выходе с этажа на лестницу эту же эмблему Людовика XII обрамляют буквы L, тоже украшенные коронами. Здание выглядит элегантно и жизнерадостно благодаря гармоничному сочетанию красного кирпича, белого строительного камня (каменные переплеты окон, карнизы, вставки кладки фасада, угловые камни, арки и балюстрады) и синего шифера на высоких крышах.

Если в Амбуазе итальянское влияние лишь скромно проявилось в оформлении новой верхней части башни Миним, то крыло Людовика XII в Блуа сразу стали строить в итальянской декоративной манере, но, что особенно важно, ее сумели удачно сочетать с французской традицией цветистой готики. Здесь объединились два направления: возвращение итальянского искусства к архитектурным принципам античности и изысканная фантазия французского Средневековья. В королевском жилище замка Блуа по-настоящему проявился французский Ренессанс.

На время строительных работ король Людовик XII поселился в правом внутреннем крыле старого зам-

¹ Капитель — верхняя часть колонны, расположенная между стволом опоры и горизонтальным перекрытием — антаблементом.

² Путти (*um. putto* от *lam. putus* — маленький мальчик, крошка) — в искусстве Ренессанса, классицизма и барокко изображения обнаженных малышей, в образах которых совместились черты античного амура и христианского ангела. В отличие от амуров, путти изображались без крыльев.

ка, выходящем на город. Для возведения нового здания приехали строители из Амбуаза: королевская архитектура послужила примером преемственности. Директором работ стал Франсуа де Понбриан. Этот старый слуга Людовика XI и Карла VIII в 1485 году был врагом Людовика XII, слывшего тогда мятежным принцем. Но король не держал на него зла, а, напротив, назначил де Понбриана на ответственную должность: тот возглавил работы в Амбуазе. Впоследствии королева Клод так же доверяла ему, как и ее отец, а Франциск I в 1519 году сделал его главным управляющим работ в Шамборе. Контролером работ назначили мастера-каменщика Симоне Гишара. Как помощник Гийома Кадо, мастера по работам, он осуществлял надзор за ходом строительства. Ответственным за каменные работы в Амбуазе был главный подрядчик Колен Биар. На новую стройку он пригласил уже проявивших себя Роланда Леру, Жака Сурдо, Пьера Тренко. Позже он трудился в Гайоне (Нормандия) у главного министра короля, кардинала Амбуазского, желавшего построить себе дом, похожий на резиденцию своего государя.

Уют королевского дома

Удивительно быстро отстроенный новый замок стал любимой резиденцией королевской семьи. Принцесса Клод, родившаяся в 1499 году в замке Раморантен, прожила в Блуа свои первые годы. Небольшие и просторные комнаты занимали второй этаж.

Людовик XII перевез сюда из Амбуаза и замка в Нанте узорчатые гобелены, шпалеры, мохнатые ковры, золотые и серебряные изделия.

Свет в комнату короля проникал сквозь широкое окно с балконом из резного камня, выходящее на передний двор. Эта комната служила рабочим кабинетом: здесь король принимал своего канцлера и секретарей. Рядом комната королевы. Анна установила в ней раскладную кровать, низкую и широкую, с занавесями из золотой парчи и пологом из дамаста

цвета крамуази. В комнату принцессы Клод попадали через апартаменты короля. Над люлькой висел балдахин из зеленого дамаста, а находящуюся рядом раскладную кровать, покрытую черной саржей, занимала воспитательница девочки, дама де Турнон. На стенах детской комнаты висела серия гобеленов с животными и их названиями на вытканых под изображением табличках.

Фрейлины королевы

Вокруг этого семейного очага обреталось множество дам и девиц, состоявших на службе при королеве: в 1492 году — шестнадцать дам и восемнадцать девиц, а в 1498-м — уже пятьдесят девять дам и сорок одна девица. Девять дам получали жалованье от 1000 до 1200 ливров в год, остальные — от 200 до 300 ливров, «благородные девицы» — фрейлины — от 50 до 100 ливров. Их расходы — на платья и украшения — были очень высоки и, помимо жалованья, на них приходилось тратить немалую долю личного состояния. Дамы и вправду происходили из благородных и влиятельных семей. Среди них: Шарлотта Арагонская, принцесса Тарентская; Анна де Бурбон, дама де Монпансье; Анна де Фуа, дама де Кандаль. Среди фрейлин — девицы де Турнон, де Гравиль, де Роган-Темене и две известные красавицы: Жанна де Шабо, носившая титул дамы де Монсоро, и Бланш де Монберон.

Ежедневно королева справлялась о своей дамской свите и проверяла, чтобы одежда каждой особы соответствовала той службе, которая от нее требовалась — демонстрировать гостям великолепие Короны. Но королева не забывала и о поддержке своих дам, она посылала им деньги в случае болезни или семейного траура. Она обеспечивала их приданым для удачного замужества — от двух до трех тысяч, — причем, не колеблясь, закладывала свои драгоценности, чтобы получить нужную сумму. В свободное от приемов время Анна вместе с дамами вышивала или

ткала гобелены, вела беседы, завтракала, организовывала увеселительные прогулки. Сопровождать дам и оказывать им необходимые почести специально приглашались благородные сеньоры.

Чтобы покрепче привязать к себе своих спутниц личными узами, Анна создала женский орден по типу ордена кордельеров. Ее отец, герцог Франциск II, учредил рыцарский орден, взявший своим символом витой пояс — *la cordeliere* — святого Франциска Ассизского. Анна расширила этот орден для дам. В зависимости от их достоинств она присуждала им знак отличия: золотую орденскую звезду, называемую «горжери», так как ее носили на шее. На ней белой и красной эмалью изображались двойные инициалы имени, обрамленные витым шнуром — кордельерой из черной эмали. Личная звезда Анны состояла из двойной буквы А. Вторая по красоте украшала шейку мадемуазель де Монсоро: композиция двойного S и двойного Z.

Пrestиж этого женского двора был настолько высок, что на некоторых фрейлинах женились государи других стран. Так, в 1500 году Владислав II Ягеллон, король Польши, женился на Анне де Кандаль, а в 1505-м Фердинанд Арагонский взял в жены Жермен де Фуа. Королева властно вмешивалась в личную жизнь своих фрейлин. Она одарила Анну де Гравиль, которая против воли своего отца вышла замуж за Пьера де Бальзака, и, наоборот, осудила брак Анны де Роган и Батарда Бургундского, заключенный по любви. Этот случай поразил современников и послужил сюжетом истории о Роландине — одной из новелл «Гептамерона» Маргариты Наваррской¹.

¹ Книга не была завершена и не была издана при жизни автора. Маргарита успела написать лишь 72 новеллы. Первое издание появилось в 1558 году, оно состояло из 67 новелл и в нем не было деления на «дни». Книге было дано произвольное название «История счастливых любовников». В 1559 году появилось более точное издание, подготовленное Клодом Грюже. Осторожный Грюже самые резкие антимонашеские новеллы (11, 44, 46) заменил другими, более нейтральными. То издание и получило название «Гептамерон» и затем неоднократно переиздавалось. Первое русское издание вышло в 1907 году.

Помимо дам, свита королевы включала более трехсот человек персонала и личную гвардию из ста бретонских дворян. Персонал, разумеется, занимался обычным сервисом — за столом, на охоте, на конюшне. Домом управлял благородный рыцарь Жак де Турнон, ему помогал главный дворецкий Жак д'Эпине. Всего имелось семь дворецких, восемь конюших, шесть хлебодаров, семь виночерпиев, шесть стольников, режущих мясо, четыре распорядителя зала (во время приема или бала), четыре мундкоха, шесть личных хлебодаров; семь мундшенков, семь людских хлебодаров и один булочник, восемь людских виночерпиев.

Чтобы лечить этих людей, королева содержала четырех врачей и аптекаря. Ювелир и столяр занимались неизбежным мелким ремонтом.

Королева любила своих пажей, но порой проявляла к ним строгость. Сначала у нее было два, потом три гранд-пажа, или «благородных отрока» и одиннадцать совсем маленьких пажей, всегда элегантно одетых. Они носили роб с широкими рукавами, разрезанными на уровне колен, красного цвета с лица и желтого с изнанки. Иногда их наряжали в пурпуэны черного бархата и штаны с чередующимися черными, красными и желтыми полосами. Шапочки пажей — токи — украшали перья тех же цветов. Зимой гранд-пажи надевали длинные придворные роб, подбитые мехом белого ягненка. Во время путешествия и они, и маленькие пажи закутывались в длинные красные плащи — кап.

Когда королева путешествовала на носилках, два маленьких пажа ехали верхом на мулах и следили за их поступью. Однажды на переднем муле сидел восьмилетний Франсуа де Бурдей — будущий отец Брантома, а на заднем — будущий командующий артиллерией Эстре. Им не удавалось согласовать ход животных, и королеву сильно трясло. Она высунула голову в окошко и просто сказала: «Бурдей, вас придется высесть, вас и вашего товарища».

Пажи расхохотались, не веря этому, ведь королева говорила спокойно, не повышая тона, но во время остановки они на самом деле отведали кнута, как и было обещано.

Строгая по необходимости, Анна при случае осыпала пажей подарками, особенно на Пасху и на день Избиения младенцев. Каждый из свиты всегда получал полезные подарки. Так, врачу Габриэлю Миро был пожалован золототканый, отделанный черным бархатом ягдташ, а его коллеге Оливье Лорану — сумма, позволившая ему поместить своих детей в пансион.

Сопровождать королеву — занятие не из легких. Анна постоянно разъезжала: всего в ее конюшне насчитывалось шестнадцать скакунов и кобыл для завода, шестнадцать лошадей для карет (так называемых «трясущихся повозок»), шесть лошадей для носилок, шесть маленьких, «кургузых» лошадок для пажей, шесть — для obsługi и пятьдесят мулов. Для всех верховых животных имелись великолепная сбруя и попоны из черного бархата или фиолетового сукна с узорами красным шелком и золотой нитью. Кроме того, королева любила путешествовать по воде из Тура до Амбуаза и даже до Нанта, поэтому располагала галиотом, позволявшим разъезжать по Луаре, как ей заблагорассудится.

Для такого образа жизни требовалось значительное состояние. К счастью, оно у Анны было. Ее сестра Изабо умерла в 1490 году, и Анна почти полностью унаследовала владения своего отца, герцога Франциска II, кроме графства де Вертю, отданного им незаконнорожденному сыну, и графства де Ришмон, конфискованного королем Англии. Помимо герцогства Бретанского (точный доход с него не известен, но оно стоило королевства), поместье королевы — графство Этамп приносило 3333 золотых экю дохода в год; графство Монфор-л'Амори вместе со своими пятью замковыми владениями, двумястами феодами и двумястами пятьюдесятью феодами «второй руки» (то есть зависящими от другого феода) приносило около 280 тысяч золотых экю; замковые владения де Удан и Нофль давали вместе 8834 золотых

эю. В общем, помимо доходов с Бретани, королева получала со своих доменов более 292 тысяч эю. В целом сумма достигала 5 822 600 золотых эю. Ежегодно, по милостивому распоряжению Карла VIII, к ним прибавлялось 200 тысяч ливров из основных сборов королевства.

Король Людовик XII оставил за своей женой право свободно распоряжаться этим богатством. Поэтому не стоит удивляться тому, что государыня вела такой роскошный образ жизни, особенно в начале своего второго царствования, когда она считалась равной с Австрийским домом, владевшим императорским титулом.

В светской жизни двора, чрезвычайно разорительной, казначеи занимали весьма важное место. Анна доверяла главе Денежной палаты, взыскивавшему подати с Бретани, очень ловкому человеку — Луи Рюзе. Одновременно королева заботилась о спасении собственной души: у нее было четыре духовника и пять домовых священников с многочисленным клиром. Музыка много значила при дворе, не только церковная, но и светская: четыре менестреля, двое певчих, несколько мастеров игры на тамбурине, на «*manucorde*» — щипковом инструменте вроде лиры или кифары, ребеке¹ и на лютне; итальянская танцовщица Лукреция, племянница некоего Франческо Николо из Флоренции, нанятая королевой «для танцевания и выделявания всяческих прыжков перед ней». При дворе жаловали поэтов, выполнявших обязанности историографов: Жан Лемер де Бельж, Жан Деморе, известный как Жан Маро, Андре де ла Винь, Антуан дю Фур, епископ Марсельский, исповедник короля и королевы, ординарный² придворный проповедник. Можно назвать и много других имен. В обязанности итальянцев входило обучение королевы: Фосто Анджелино де Форли занимался с ней математикой и литературой, а Давид Итальянский — геометрией.

¹ Ребек — старинный западно-европейский струнный смычковый музыкальный инструмент. Обычно имел три струны, строй — квинтовый.

² Определение «ординарный» часто встречается в наименованиях придворных чинов.

Можно представить себе этих придворных в черно-красных королевских ливреях¹, постоянно чем-то занятых и перемещающихся по замку шумной толпой, сверкающей золотом и драгоценными камнями. На стол королева приказывала подавать самые изысканные блюда: устриц, луарских миног, форелей, косуль, фазанов на золотой и серебряной посуде и для «орошения» — бургундское вино.

Прежде чем отправиться в свои покои, королева шла в молельню: окроплялась святой водой из массивной серебряной чаши, украшенной семью бриллиантами, семью рубинами и десятью большими жемчужинами. Молилась она перед золоченым триптихом. Вернувшись в спальню, королева садилась в высокое кресло, чтобы ее убрали ко сну. Служанки стояли перед ней, как на миниатюре из часослова, выполненного Бурдишоном, или сидели на полу. Потом принимались за чтение: королева получила в подарок все 1140 томов, привезенных Карлом VII из Италии, и прибавила к ним несколько сотен рукописей. Еще она обладала сорока пятью картинами; среди них были: восемь изображений Христа, семь — Девы Марии, два — святого Иеронима, одно — Геркулеса и двадцать семь портретов, среди которых и портрет Лодовико Моро.

Много времени Анна проводила за туалетом. Ей готовили лохань с благоухающей водой, подогреваемую снизу огнем железной печки. Мылась она в небольшой комнатке, где висели мешочки из бараньей и телячьей кожи, наполненные душистой пудрой.

Радости охоты

Иногда королева вставала ранним утром и отправлялась на охоту. Охоту она любила не меньше, чем король. У нее была личная свора: двадцать четы-

¹ Ливрея — в данном случае придворное платье, «дарованное», то есть установленное государем.

ре собаки, среди них девять огромных борзых из Нижней Бретани в черных бархатных ошейниках, отделанных четырьмя горностаями. Охотилась она и с соколами, поэтому заботилась о том, чтобы крылатая команда была всегда в наилучшей форме. Однако не меньше она любила вместе с мужем загонять косуль с помощью леопарда и рыси — эта мода пришла из Италии, где в герцогстве Миланском король не раз видел такую охоту.

Обычно Людовик XII развлекал гостивших у него принцев и послов зрелищем преследования добычи его леопардами. В окрестностях Блуа больше всего он любил охотиться в богатых дичью Эроньере, Понле-Руа и Плесси-ле-Туре. Уезжавшим гостям он дарил ловчих птиц разных видов, чтобы они могли охотиться вдоль рек или среди полей, коротая неблизкий обратный путь.

Когда после тяжелой болезни в середине своего царствования Людовик XII удалился в Плесси для восстановления здоровья, не имея возможности охотиться, он развлекался, глядя, как стреляют его лучники, а потом бешено скачут, загоня кабанов в чащу парка. Если он находил подходящие места для охоты, то, бросив все дела, останавливался там, чтобы вволю поохотиться. Так, во время возвращения из Италии, по дороге к королеве, он на неделю задержался в окрестностях Гренобля ради крупной дичи и соколиной охоты. На псовой охоте, не жалея лошади, он первым бросался в погоню, так что однажды, во время преследования огромного оленя, изможденная лошадь внезапно рухнула под ним, и он вывихнул себе плечо.

Людовик XI ограничил право дворян на охоту, а Людовик XII щедро пожаловал им специальное разрешение и даже даровал его тем новым подданным в Италии, которые раньше им не пользовались. Отныне они могли вволю напускать ястребов на перепелок и куропаток, правда, при условии, что внесли за это плату в королевскую казну.

Чтобы страсть к охоте увлекла наследника трона — герцога Ангулемского, получившего впоследствии в один прекрасный день титул «отца псовой

охоты», от короля не потребовалось, вероятно, больших усилий: он всего лишь брал юного принца с собой.

Материнские заботы

Когда позволяло здоровье, королева Анна не упускала случая отправиться на охоту с придворными дамами. Но при этом она не переставала оставаться хозяйкой дома и заботливой матерью, посвящая все свое время детям, в которых души не чаяла. Она подбирала им кормилиц и лекарей, способных следить за их здоровьем и давать об этом точный отчет. Несмотря на беспрестанную заботу, сохранить жизнь маленьким хрупким созданиям было очень сложно. После нескольких лет постоянных рождений и смертей королева впала в мрачную набожность. Она обосновалась на третьем этаже замка в Амбуазе, ее покои располагались рядом с алтарем капеллы и общались с ней. Из окна была видна река, а вдали — город Амбуаз. Были видны также люди, проходившие по внутреннему дворику, а перед старым зданием Карла Орлеанского — место, где расквартировалась бретонская гвардия, насыпная земляная площадка под названием Перш-о-Бретон, что означает «намест для бретонцев». В своем уединении королева терпеливо ожидала рождения наследника, но младенец либо рождался мертвым, либо вскоре умирал. Кроме Клод выжил еще лишь один ребенок: маленькая принцесса Рене, родившаяся в 1512 году.

Принцесса Клод занимала в то время покои, сообщавшиеся с апартаментами матери через приемный зал. Перед комнатой находился будуар, затянутый желтым шелком. Кровать окружали резные ларцы: один из них представлял сцену турнира, на другом, усеянном цветами лилии, изображалось Благовещение. Еще в комнате стоял стул с высокой спинкой и балдахин, скамеечка, аналой с триптихом, изображающим Рождество, шестиугольное венецианское зеркало, украшенное цветами лилии и пальмовыми

ветвями, полоскательница и, наконец, буфет с вазами, кувшинами для воды, серебряными подсвечниками и итальянскими фаянсами.

Капелла¹ Сен-Кале была совсем близко, ее полностью реконструировали. Королева Анна оформила ее великолепной живописью лучших мастеров того времени.

Новое искусство садоводства

Повседневная жизнь в этой комфортной резиденции текла спокойно и безмятежно. В погожие дни королевская семья находила приятным совершить небольшую прогулку в прекрасные сады, повелением короля устроенные мэтром-садовником Амбуаза, Пачелло де Меркольяно, к западу от замка. От самого жилища короля туда вела галерея через ров по каменному мосту. Сначала попадали в нижний сад — просторную прямоугольную площадку, поддерживаемую и защищаемую громадными каменными стенами. Аллеи делили ее на регулярные участки с цветниками геометрического рисунка. Маленький павильон, построенный в виде замка из известняка и кирпича, удобное место для отдыха и встреч, носил имя Анны Бретонской. Посреди сада стоял другой павильон, внутри него под аспидным² куполом с лантерной³, украшенным позолоченным изображением

¹ Капелла (каплица, часовня) — семейная церковь, служившая усыпальницей для членов семьи. В Средние века капеллы начали возводить как отдельно стоящие постройки, а также в качестве приделов городских соборов. Если в капелле нет алтаря, там совершают только требы, литургию не служат.

² Аспидный (греч. *iaspis* — яшма) — сланцевый, шиферный. Аспидный сланец — плотная разновидность глинистого сланца, легко распадается на тонкие пластинки; используется для изготовления грифельных (аспидных) досок и как кровельный материал.

³ Лантерна (лат. *lanterna* — фонарь, лампа) — в архитектуре итальянского Ренессанса, затем в европейской архитектуре классицизма и барокко небольшая башенка, завершающая купол здания, через окна которой освещается внутреннее подкупольное пространство; другими словами — световой фонарь. Иногда фонарем называют еще эркер, но это — закрытый балкон или лоджия на фасаде здания.

Архангела Михаила, находился красивый фонтан белого мрамора. Из нижнего сада поднимались на две другие террасы, ступенями расположенные друг над другом: сад Бретонри и верхний сад с большим колодцем и механизмом для зачерпывания воды.

Политики короля

Близкие к королю люди вместе с преданными слугами несли бремя власти. Кардинал Жорж Амбуазский, архиепископ Руана, являлся главой дипломатического корпуса и ведал королевскими финансами. Пюи де Рошфор, канцлер Шомон Амбуазский, крупный сановник и главный адмирал Франции, а также государственный секретарь Флоримон Роберте, менее знатный, но в большом фаворе у короля, разделяли все заботы государя по управлению страной. Военачальники, вроде Гастона де Фуа или знаменитого рыцаря Баярда, занятые в Итальянской войне, нечасто посещали Блуа. Иногда там появлялась важная персона — Пьер до Роан, маршал де Гие, приезжавший передать новости о младшей ветви Орлеанского дома: ведь в замке Амбуаз под его охраной находились вдова Карла Ангулемского, Луиза Савойская, и ее дети, Франциск, родившийся в 1492 году, и Маргарита, появившаяся на свет в 1494-м. При отсутствии дофина Франциск считался прямым наследником короны.

Княжеский визит:

принц Филипп Австрийский и Иоанна Кастильская

Итальянские войны, начатые королем с завоевания Миланского герцогства в 1499 году, привнесли не только итальянские элементы в архитектуру замка Блуа, но они имели и другие последствия. Иногда они становились причиной необычайного оживления. Так, в декабре 1501 года король и королева принимали эрцгерцога Филиппа Австрийского и его супругу Иоанну Кастильскую, направлявшихся из Ген-

негау¹ в Испанию. В августе предыдущего года Людовик XII, одержав победу в Италии, подписал в Лионе договор о примирении с Максимилианом Австрийским, давнишним своим соперником. Незадолго до этого у эрцгерцога и его жены родился сын Карл, ему в наследство предназначались Бургундия, Испания и, может быть, Империя. Лионский договор предусматривал свадьбу этого наследника с Клод Французской, которая, хотя и не могла унаследовать Французское королевство, была наследницей герцогского престола Бретани. В случае рождения мальчика в семье Людовика XII и Анны Бретонской наследство Клод перешло бы ему, а принцессе в приданое предназначалось приблизительно 300 тысяч золотых экю, в случае же смерти мужа ее вдовья часть составляла бы 20 тысяч экю. Предполагалось, что вдовья часть должна была включать в себя замки и крепости, подходящие для нее и гарантирующие безопасность и, по возможности, расположенные на землях, принадлежащих королю, а остальные — на землях Геннегау.

13 октября 1501 года в Тренто Максимилиан Австрийский подписал договор, но до ближайшего рейхстага (имперского сейма) во Франкфурте отложил передачу прав на владение герцогством Миланским, которое Людовик XII надеялся получить от его императорской власти. В ожидании, пока это произойдет, королю Франции было необходимо угодить императору. Вот почему прием, оказанный им эрцгерцогу Филиппу Красивому, сыну Максимилиана, и его супруге, был столь теплым.

Вечером, при свете факелов, эрцгерцог с женой торжественно въехал в Блуа. К замку от имени короля чету проводил герцог Алансонский в окружении прелатов. Вдоль дороги два ряда лучников сдерживали толпу любопытных. Швейцарцы и лучники гвардии стояли по всей окружности главного двора. Другие лучники с факелами в руках освещали большую

¹ Геннегау — историческая область, находящаяся на территории современной Бельгии.

винтовую лестницу, ведущую в королевские апартаменты. Государь, сидя на высоком кресле в окружении главных сановников королевства и первого принца крови, семилетнего Франциска Ангулемского, поджидал гостей. Помещение украшали лучшие гобелены, а камин декорировала золотая ткань.

Сойдя с коня у дверей нового дворца, эрцгерцог поднялся в апартаменты и соблаговолил отвесить три реверанса королю. Во время первого приветствия король встал и пошел навстречу гостю, снял с головы боннэ, а после третьего обнял и поцеловал эрцгерцога, попросив его надеть свой головной убор, на что тот ответил отказом. Вслед за своим супругом на главный двор въехала эрцгерцогиня Иоанна на коне, покрытом ярко-красной бархатной попоной; окружавшие ее самые знатные дамы — мадемуазель де Монпансье, мадам де Невер, мадам де Роган, мадемуазель де Кандаль — помогли ей спуститься с коня и подвели к королю. Обычай Франции требовал, чтобы люди, равные по рангу, приветствовали друг друга, обмениваясь поцелуями и поздравляя с благополучным прибытием. Эрцгерцогиня получила на это разрешение через епископа Кордовы, своего посла: сделав два реверанса королю, после третьего она согласилась принять его поцелуй, а потом поцеловала молодого наследника престола Франциска Ангулемского.

После того как эрцгерцог нанес визит королеве Анне, ожидавшей его в своей комнате, эрцгерцогиня тоже отправилась «засвидетельствовать почтение» королеве в сопровождении герцогини Бурбонской, Анны де Боже. На церемонии присутствовали самые знатные дамы обоих королевств. Наконец, мадам де Турнон, гувернантка маленькой невесты, Клод Французской, принесла двухлетнюю малышку. Их сопровождала свита из двадцати девчушек, старшей из которых не было и тринадцати. Мать жениха подошла «засвидетельствовать почтение» будущей невестке. При виде ее ребенок начал так громко кричать, что эрцгерцогиня не смогла произнести обычного: «Да хранит вас Господь», а слуги поспешили унести маленькую плачущую принцессу в ее комнату.

Когда прием был закончен, эрцгерцог и его жена удалились в приготовленные для них покои. Пира не устраивали: это происходило накануне Введения во храм, и король постился, питаясь лишь хлебом и водой. Эрцгерцог Филипп поужинал с графом Палатинским и сеньорами де Невер и де Линьи. Что же касается эрцгерцогини, то ее в это время торжественно потчевали вареньем. Один из дворецких короля отправился в ее комнату в сопровождении маленьких пажей, одетых в желтый дамаст с каймой ярко-красного бархата и державших в руках золотые канделябры с восковыми свечами. Впереди шла герцогиня Бурбонская с большим золотым ларцом, наполненным сосудами с вареньем, потом графиня Ангулемская с другим золотым ларцом с салфетками, за ней мадам де Невер, в чьем ларце находились ножи и вилки с золотыми ручками. И наконец, шли герцогиня де Валентинуа и мадемуазель де Фуа, каждая несла конфетницу со сладостями: одна была золотая, другая — из позолоченного серебра, такая большая, что, когда ее держали в руках, она почти касалась земли. Один за другим шли пять или шесть дворян, каждый нес по два золотых кувшина с вареньем; шествие замыкал аптекарь королевы, который нес золотой канделябр с восковыми свечами.

Угощение поставили на буфет и на кровать. Эрцгерцогиня поблагодарила герцогиню Анну, пробывшую у нее с четверть часа. Они поцеловались, и герцогиня Бурбонская, пожелав доброй ночи кухне, ушла, так и не отведав варенья.

Кровать эрцгерцогини нагрели серебряными грелками. Ковровщик-«постельничий» и привратник принесли сундук, обитый зеленым бархатом, со всеми необходимыми предметами туалета: зеркала в рамах из позолоченного серебра, горшочки для губок, пара платяных щеток, щетки с бархатными ручками, подушечка для булавок, футляры с расческами и салфетками из голландской ткани, служившими «ковриком для молитв», и пеньюары.

Из-за плохой погоды охоту на следующий день отменили. 8 декабря, в праздник Введения во храм, весь

день прошел в молитвах. 9-го после ужина устроили бал, длившийся более трех часов. Король и королева присутствовали, но участия не принимали. В воскресенье 12 декабря Людовик XII и Филипп Красивый заключили в капелле Сен-Кале договор о мире и дружбе в присутствии архиепископа Камбре, а на следующий день скрепили его печатью. Наконец наступил день отъезда. Король дал чете эрцгерцога эскорт из пятисот—шестисот всадников, и они вместе с высокопоставленными лицами отправились в Испанию.

Однако, несмотря на договор, Максимилиан Австрийский и Фердинанд Католический, отец Иоанны, не сдержали обязательство, и Фердинанд поднял в неаполитанском королевстве мятеж против Людовика XII. Вернувшись в Блуа в 1503 году, эрцгерцог пообещал приложить все усилия, чтобы восстановить мир в Италии. Но тщетно, Фердинанд Арагонский мало с ним считался и вел свою линию.

Борьба за престол

Анна Бретонская придавала большое значение браку своей дочери с сыном Филиппа Красивого. Ее собственный сын, к сожалению, не выжил, и теперь она возлагала все надежды на Клод, свою старшую дочь. В 1504 году король, казалось, был при смерти, и королева тайно погрузила принадлежавшие ей драгоценности, мебель и ковры на корабль, чтобы по Луаре переправить их в Нант, куда она хотела уехать с дочерью. Но, когда обоз выезжал за стены Амбуаза, маршал де Гие, воспитатель Франциска Ангулемского, приказал их остановить: он не хотел, чтобы исчезли ценности, которые должны были перейти Франциску Ангулемскому в случае его женитьбы на Клод (как это планировал Людовик XII). Король выздоровел, и королева отомстила маршалу. Она обвинила де Гие в оскорблении Ее Величества, но в конечном счете добилась всего лишь его ссылки в принадлежавший маршалу прекрасный замок дю Верже. До-

говор о наследовании, заключенный в Блуа с Австрийским домом, имел силу недолго, в 1506 году он был расторгнут Людовиком XII при поддержке Генеральных Штатов, собравшихся в Туре. А 21 мая 1506 года в Плесси состоялась помолвка Франциска Ангулемского и Клод Французской. Таким образом, корона возвращалась французскому принцу, и Бретань оставалась за Францией. С досады королева решила уехать на несколько месяцев в свое герцогство Бретань, но король ей не разрешил.

Королевский похоронный обряд

Все эти волнения изнурили Анну. Здоровье ее, расшатанное частыми родами, ухудшилось: в моче обнаружили песок; такую болезнь тогда лечить не умели. Она скончалась в страшных муках 9 января 1514 года в шесть часов утра в верхней комнате замка Блуа. Художник Жан Перреаль снял с нее посмертную маску для похоронной церемонии. Хирурги забальзамировали тело, извлекли сердце, которое должны были перевезти в Нант для погребения рядом с родителями умершей. В пятницу 13 января, в полночь, мертвую королеву положили в тронном зале нового крыла замка, накрыв парадную кровать парчой и горностаевым мехом. Ее нарядили в королевские одежды, золотое сюрко, роб из пурпурного бархата, подбитую горностаем, на голову поместили корону Франции, а сложенные на груди руки одели в белые перчатки. Большой парадной мантией из пурпурного бархата со шлейфом длиной в пять локтей задрапировали тело и подножие кровати. Справа на золотой подушке покоился скипетр, слева — жезл правосудия. Залу обрамляла широкая лента из черного бархата с гербовыми щитами королевы. На богатом алтаре красовался девиз Анны «*A ma vie*» — «Ради моей жизни» с золотым витым шнуром. У тела беспрестанно молились монахи.

Вся королевская семья, одетая в черное, присутствовала вечером в понедельник 16 января при перенесении тела в свинцовый гроб, установленный на

железных подставках. «Воспоминание», то есть изображение королевы, манекен с посмертной маской, вылепленной Перреалем, занял место Анны на парадной кровати. В течение пятнадцати дней в алтаре покоев ежедневно служили четыре мессы с песнопениями и много простых месс.

Наконец в пятницу 3 февраля кортеж выехал из замка и направился в церковь Сен-Совер, где находилось тело королевы до субботы 4 февраля. В этот день четырехколесная повозка с шестью лошадьми, покрытая черным и белым бархатом, окруженная четырьмя сотнями факелов и сопровождаемая лучниками швейцарской гвардии в доспехах, покинула Блуа и медленно отправилась на кладбище Сен-Дени, где 16-го должно было состояться погребение. Такой же траурный ритуал был соблюден и при отправлении в Нант ларца-ковчежца с сердцем королевы.

В Блуа впервые прошла почти вся жизнь государыни, от начала великолепного царствования до печального смертного часа. Глубоко скорбящий король не мог, однако, избежать участи любого монарха: королям не дозволяется долго оставаться вдовцами.

Год спустя он женился на Марии Йоркской, дочери английского короля Генриха VII: шестнадцатилетняя девушка вовлекла этого пятидесятилетнего старика в вихрь праздников и турниров. Если бы родился наследник, он мог бы совершенно законно отобрать корону у Франциска Ангулемского, но судьба распорядилась иначе. 1 января 1515 года Людовик XII скончался, и новый король, супруг Клод Французской, торжественно покинул замок Амбуаз, где со своей матерью и сестрой Маргаритой провел счастливые годы детства и юности.

Воспитание наследника престола

В самом деле, начиная с лета 1499 года, в течение шести лет Амбуаз был резиденцией наследника престола. Расположенный напротив Блуа замок стал словно вторым полюсом куртуазной жизни Фран-

ции. Луиза Савойская, родившаяся в 1475 году в семье графа де Бресса, младшего в семье Савойских, у его жены Маргариты Бурбонской, воспитывалась своими дядей Пьером де Боже и теткой Анной в замке Амбуаз. В 1488 году в возрасте двенадцати лет ее выдали замуж за Карла Ангулемского, младшего члена Орлеанской ветви, который был старше ее на шестнадцать лет. От него у нее родилось двое детей: Франциск (в 1492 году) и Маргарита, появившаяся на свет в 1494-м. Так как в 1496 году Карл Ангулемский умер и старшая ветвь Орлеанского дома оказалась на престоле вместе с Людовиком XII, Франциск стал считаться наследником короны, до того времени, пока не родится дофин. Луиза Савойская проживала в то время в Коньяке, превратив его в центр искусств и удовольствий, где прекрасно уживались писатели и поэты — Эмбер Шанделье и Шарль де Коэтиви, романисты — Октавиан де Сен-Желе, историки — Жан де Сен-Желе, любимый камергер Луизы, художники — миниатюрист Робине Тетар, музыканты...

Хотя Луиза и просила Людовика XII даровать Франциску имения старшей ветви Орлеанского дома, он на это не пошел, но пожаловал кузену престижную резиденцию вблизи своего замка — Амбуаз, заброшенный приближенными короля, но обретший новую жизнь при наследнике престола. Луиза Савойская посвятила себя воспитанию детей (шести и восьми лет). Религиозным заповедям их учил Франсуа де Мулен, священник из Пуатье. Он составил свои уроки нравственности в виде «Диалога между юношей и его исповедником». Франсуа де Рошфор, аббат Сен-Месмена, преподавал латынь, Кристоф де Лонгёй обучал праву и истории наций, Джан Франческо Конти — итальянскому. В библиотеке хранилось много произведений, будоражащих воображение: «Героини» Овидия, книги по истории Трои, книги о рыцарях Круглого стола, «О средствах против всякой фортуны» Петрарки, «Божественная комедия» Данте, «О злключениях знаменитых мужей», «О знаменитых женщинах» Боккаччо. Впоследствии Франциск I перевез их в Фонтенбло, а оттуда — в Па-

риж, где сегодня их можно видеть в национальной библиотеке.

Физическим и спортивным воспитанием молодого Франциска занимался Пьер де Роган, маршал де Жие, затем д'Артюс де Буази. Принца окружали друзья-однолетки — Робер де ла Марк, сеньор де Флоранж, или Флёрандж, по прозвищу Молодой Удалец, сеньор де Брион по имени Филипп Шабо, Морен де Монженю, Анн де Монморанси, ставший впоследствии коннетаблем¹ Франции. С ними он играл в разные игры с мячом, привезенные из Италии. Молодой Удалец рассказывал, что били по мячу с помощью «эскени» — «биты», маленькие лапки которой были полностью залиты свинцом», или еще отбивали шар «оловянным браслетом от локтя до кисти с кожаными ремнями и оловянной ручкой, которую зажимали в ладони». Соревновались, стреляя из лука, расставляли сети, чтобы поймать оленей и других диких животных. Строили небольшие крепости и брали их штурмом или защищали с клинком в руках. С возрастом они перешли к более серьезным играм, состязаниям и турнирам. Часто эти развлечения были рискованными, например, однажды в январе 1501 года в два часа пополудни недалеко от Амбуаза конь Франциска, закусив удила, понес его через поля и едва не убил. Происшествие так напугало Луизу Савойскую, что она написала о нем в своем дневнике.

В другой раз Франциск сумел удачно использовать случай для любовных утех. Об этом идет речь в сорок второй новелле «Гептамерона»: в ней Маргарита Ангулемская рассказывает, как принц, ее пятнадцатилетний брат, упал с лошади перед дверью красавицы в грязь и таким образом вынудил ее приютить его до тех пор, пока ему не принесли приличную одежду из замка.

Луиза Савойская делала все возможное, чтобы оградить сына от опасностей, таившихся в любовных похождениях и физических упражнениях, а также от

¹ Коннетабль — первоначально «великий конюший», во Франции с XIII по XVII век — главнокомандующий армией.

людских интриг. Она часто навещала отшельника Франциска Паолийского, которого очень почитала: не он ли предсказал ей в 1489 году, что у нее родится сын, который станет королем? Приезжая повидаться с ним, она увозила цветы из его сада и хранила их как реликвии. В 1507 году, когда он умер, она приказала достать его тело из простой могилы, куда он смиренно завещал себя похоронить, и, поцеловав его руки, повелела совершить новое погребение в достойном его мавзолее. Она выплатила Риму сумму, необходимую для канонизации старца, и 2 апреля 1519 года Франциск Паолийский был причислен к лику святых. Чрезвычайная набожность не мешала Луизе оставаться очень суеверной и постоянно советоваться со своим астрологом, Корнелиусом Агриппой.

В 1508 году, после своей помолвки, Франциск отправился ко двору. Его сестра Маргарита вышла замуж за герцога Алансонского. Их мать Луиза очень скучала, оставшись одна в Амбуазе. Вскоре она уехала в свой замок в Раморантене, потом перебралась в Коньяк. Амбуаз вновь погрузился в сон, однако про замок Франциск Ангулемский не забыл. В январе 1515-го, став королем, он отдал одно из первых своих распоряжений — вернуть Амбуазу его привилегии и права в память о годах «удовольствий и развлечений», проведенных им там вместе с матерью. Жалованные грамоты нового короля избавили городок от сборов, податей, займов, поборов и даже от уплаты восьмой части с вина, утвердив, таким образом, освобождение от государственных податей, относящееся ко времени Людовика XI.

Лош, узилище Лодовико Моро

Если Амбуаз, расположенный напротив замка Блуа, в царствование Людовика XII являлся обителью надежд, то другой замок, Лош, тоже некогда блиставший, стал, наоборот, обителью теней, главной государственной тюрьмой для побежденных и врагов короля. Донжон и его пристройки, Тур Нев — Но-

вая башня и башня Мартеле еще при Людовике XI были превращены в тюрьмы. Именно в башню Мартеле заключили Лодовико Моро¹, герцога Миланского, взятого в плен солдатами Людовика XII в понедельник Пасхальной недели в 1500 году у стен Новары при завоевании Миланского герцогства. Его отправили во Францию, где сначала держали в Пьер-Энсизе близ Лиона, а потом, в течение четырех лет — в башне Ли-Сен-Жорж возле Буржа. Наконец, дабы он не смог бежать, перевезли в Лош и заключили в трехэтажную тюрьму Мартеле.

В первую камеру бывшего герцога вела спиральная лестница из двадцати семи ступенек. Это прямоугольная комната размером шесть на четыре метра со сводчатым потолком и окном с крепкой железной решеткой. Рассказывали, что пленник, очень энергичный человек, тонкий политик, поэт и покровитель искусств, чтобы не впасть в отчаяние, попросил кисти и краски — золотисто-желтую, красно-коричневую и темно-синюю. Можно представить себе, как свергнутый герцог в черные дни выводил кистью ряды красных и желтых восьмиугольных звезд, исписывая стены длинными надписями на ломаном французском языке: «Тот, кто несчастен», «Тому, кто не верит, Фортуна не внимает». Посреди самой большой надписи он нарисовал шлем. Перья и орудия пыток сопровождали другую надпись: «Я выношу тюрьму под девизом: я вооружаюсь терпением благодаря пытке страданий, которые выпали на мою долю». Слово «rennes», обозначающее перья, раньше произносилось так же, как и reines — «страдания» пленников, а орудия пыток назывались в ту пору forces — «форс», что напоминало фамилию пленника — Сфорца (Sforza), звучащую по-французски Сфорс — Sforce. Таким образом, игра слов позволяет понять эту фразу иначе: «Я выношу тюрьму под девизом: я вооружаюсь терпением благодаря перьям Сфорца».

Над камином был изображен профиль самого пленника в шлеме. Прилегающий к камере коридорчик служил Лодовико для справления естественных

надобностей. Его украшали изображения пушек, сердце, лежащего оленя с таинственными буквами SAV SAN между рогов.

Проведя некоторое время в тюрьме вместе с Франческо Потремонта, который был искренне к нему привязан, Лодовико получил небольшое смягчение наказания. Его перевели в верхнюю комнату Круглой башни и разрешили пользоваться относительной свободой в ограде донжона под наблюдением зорких стражей — шотландских гвардейцев. Эту комнату он тоже украсил образами, которые теснились в его голове. В ней он и умер 18 марта 1508 года, после того, как продиктовал завещание. Его похоронили в коллегиальной церкви замка со всеми почестями, подобающими его рангу.

Незадолго до смерти он написал на стене следующие строки:

На приступ смерть идет, придется умирать.
Кругом лишь злоба. Нету сил, как больно:
На радость им мое паденье. Не о чем мечтать.
Ни об исцеленьи дамы умолять,
Ни гнаться за новой любовью.

Поэзия, меланхолические вирши, цветные картинки, напоминающие об утраченном величии, — последние радости того, кто был некогда столь всемогущ.

ЗОЛОТАЯ ПОРА РЕНЕССАНСА

Глава первая

Расцвет королевских резиденций

Восшествие на престол юной четы

Франциск Ангулемский стал королем совсем в молодом возрасте — в двадцать лет и четыре месяца: красивый юноша высокого роста, крепкий и улыбчивый, с черными волосами и светлой кожей. Некоторых недостатков — длинноватый нос и слишком тонкие для его телосложения ноги — современники не замечали, хотя они и отмечены на портретах того времени. И послы из Венеции, и император подчеркивали красоту и представительность государя. Он умел быть одновременно и величественным, и любезным, особенно с дамами. Он обладал необыкновенным здоровьем и прекрасными физическими данными. Хвалили его выносливость: вернувшись после целого дня на охоте, он отправлялся играть в мяч со своими приближенными. С самого начала царствования король проявлял беспримерную щедрость: в первые два месяца после восшествия на престол он роздал более 300 тысяч золотых экю.

Королеве Клод было пятнадцать лет. Чуть раньше чем за год до восшествия Франциска на престол, 18 мая 1514 года, она вышла за него замуж. Маленькая, невзрачная, немного хроменькая, но приветливая и учтивая со всеми, она не переставала восхищаться своим мужем. В присутствии свекрови, Луизы

Савойской, Клод терялась. Она знала, что ее обязанность — производить на свет наследников, и прекрасно справлялась с этой задачей, за восемь лет подарив королю семерых детей, после чего скончалась от истощения. В своей любви к мужу она дошла до того, что передала ему управление своими многочисленными наследными имениями, полученными в приданое от отца, Людовика XII: графствами Асти, Куси, Этамп, Монфор и Вертю. Себе она оставила лишь графство Блуа с замком, к которому была привязана и который очень любила.

Королева Клод, как и ее мать, была очень набожна и любила благотворительность: треть доходов она отдавала ордену Святого Франциска. Она любила природу и сады. Истории она не оставила ничего, кроме изысканного сувенира — сливы, которая носит ее имя¹. Натуралист Пьер Белон дю Ман, объехавший восток, Египет и Палестину, открыл там редкое сливовое дерево, привез его и вырастил в Блуа, в саду королевы, которой он и посвятил полученные в результате долгих стараний плоды.

Клод умела лучше всех ладить с двумя другими женщинами, окружавшими короля: его властолюбивой матерью, сорокалетней Луизой Савойской, и его сестрой Маргаритой, прекрасной принцессой, образованной и остроумной.

В первые дни царствования нового короля состоялись похороны его предшественника, умершего в Париже в своем замке де Турнель возле Бастилии. 12 января его положили рядом с королевой Анной в некрополе Сен-Дени. Франциск торопился принять миропомазание и корону: это было сделано 18 января в Реймсе. 15 февраля новый государь при большом стечении народа въехал в Париж.

Король немного задержался в древней столице. Он занимался подготовкой военной кампании, которую решил начать в Италии, дабы снова отвоевать захваченное Максимилианом Австрийским Миланское герцогство. Благодаря дарованным по случаю

¹Ренклод — «королева Клод».

счастливого восшествия на престол 2900 тысячам ливров, займам с городов и нотаблей, а также переплавке части золотой посуды в монеты, Франциск смог к лету собрать армию из десяти тысяч всадников и тридцати тысяч пехотинцев.

Торжества в Амбуазе

Ожидая, пока все будет готово к Итальянскому походу, в апреле молодой государь вернулся на берега Луары. 26 июня 1515 года в Амбуазе начались пышные празднества. Отмечали два события. Первое — передача королю королевой Клод в присутствии нотариуса всех прав на герцогство Миланское, являвшееся ее собственностью, поскольку оно принадлежало Орлеанскому дому. Государь разослал во все важнейшие города королевства грамоты с объявлением о своем отъезде в Италию и о назначении его матери, Луизы Савойской, регентшей на время его отсутствия. Вторым важным событием стал брак Антуана Лотарингского с Рене де Бурбон-Монпансье, сестрой герцога Шарля Бурбонского, которого король совсем недавно, 12 января, назначил коннетаблем Франции. На эту церемонию все окружение короля собралось сначала в коллегиальной церкви Сент-Флорентэн, а потом отправилось в тронный зал, где и состоялось пиршество. После угощения сеньоры и дамы расположились на верхних и нижних галереях обители Семи Добродетелей, выходы из которых были заставлены тяжелыми деревянными сундуками. Двор замка обнесли частоколом и таким образом превратили в ристалище. Король решил показать присутствующим «охоту на кабана».

Пьер Сала, состоявший на королевской службе со времен Людовика XI, рассказал об этом в своем сборнике «Подвиги нескольких королей».

Франциск I отправил в Амбуазский лес егерей за живым четырехлетним кабаном. Зверя посадили в сундук из толстых дубовых досок, обшитых железом, и доставили во двор замка.

Король хотел сразиться со зверем один на один, но отказался от этой затеи, уступив мольбам жены и матери. Тогда он приказал привязать посреди двора чучело, чтобы животное набросилось на него. Расвирепевший кабан выскочил на волю, со всего разбега вонзился в чучело и огромными клыками принялся рвать его что есть мочи. Сеньоры, находившиеся на нижних галереях, дразнили кабана. Тот старался добраться до них, но выходы были загорожены, и ему это не удавалось. Два сундука преграждали вход на пологий пандус, ведущий на второй этаж. Под ударами мощных клыков они немного сдвинулись, зверь единым махом преодолел рампу и внезапно оказался напротив короля.

«Король, — повествует Сала, — мог укрыться в комнате королевы, но это было ниже его достоинства. Он приказал всем удалиться, ибо хотел справиться с кабаном в одиночку, и стал ждать зверя с таким спокойствием, словно к нему приближалась девушка. Невозможно описать, каким ужасом были охвачены Королева и Госпожа Регентша, да и все остальные, видевшие, какая опасность угрожала королю. Но никто не осмеливался послушаться короля и встать между ним и кабаном, хотя поступить так желали пятеро или шестеро из его дворян. Он этого бы не потерпел. Кабан шел прямо на него. Король, никогда не расстававшийся с большим и острым мечом, неизменно висевшим у него на боку, выхватил его одним махом. Когда между ними оставалось не больше двух туазов¹, кабан бросился на него, стараясь вонзиться в бедро, чтобы нанести смертельную рану. Но отважный и непоколебимый король сделал полшага вперед и своим добрым мечом ударил кабана в грудь с такой силой, что пронзил насквозь. Раненый зверь оставил короля, спустился по другой винтовой лестнице, что возле колодцев, сделал по двору пять-шесть шагов и рухнул замертво...»

¹ Туаз — 1,949 м.

Через три дня после этого подвига Франциск отправился в Италию, торжественно въехал в Лион, встретивший его со всем блеском и почестями, и 15 августа перешел через Альпы. Известно, что вскоре счастье улыбнулось государю: 14 сентября в битве при Мариньяно он одержал победу над швейцарцами, защищавшими Миланское герцогство. Благодаря этой молниеносной победе итальянские князья признали его права на герцогство Миланское.

К радости военной победы прибавилась другая: 19 августа в Амбуазе родилась Луиза, первый ребенок в королевской семье. Но вскоре она умерла. Король и королева приложили все усилия, чтобы поскорее ее заменить: 22 октября 1516 года в Амбуазе на свет появилась маленькая Шарлотта.

Леонардо да Винчи в Кло-Люсе

Замок стал в то время почти постоянным местом празднеств. В январе 1516 года король привез сюда одного из величайших гениев Возрождения — Леонардо да Винчи. Король назначил ему годовое жалованье в 700 экю и поселил его в Кло-Люсе¹ рядом с Амбуазом, а сам, таким образом, обрел возможность непринужденно советоваться с великим человеком по вопросам новейшей архитектуры. Мастер работал вместе со своим другом и помощником Франческо Мельци и учеником Салаи. У него были слуга Жан-Батист из Виланиса и служанка из Тура — довольно скромная свита. Король заказал художнику картины с изображением святой Анны и святого Иоанна Крестителя, но, может быть, он ждал от Леонардо и более удивительных вещей: постройки судоходного кана-

¹ Кло-Люсе — небольшой особняк за пределами замка Амбуаз, соединенный с ним подземной галереей. В доме сохранилась обстановка, здесь находится музей, где собраны модели, выполненные по чертежам великого мастера. Считается, что это самая полная коллекция его удивительных машин. Леонардо похоронен на территории замка Амбуаз, в капелле Сен-Юбер, истинном шедевре пламенеющей готики.

ла в Раморантене близ новой королевской резиденции, переустройства замка в Амбуазе, планов других сооружений, оригинальных и грандиозных. Известно, однако, что гений успел лишь в общих чертах набросать эти проекты, а 2 мая 1519 года он умер. В знак уважения король похоронил его в коллегиальной замковой церкви Сент-Флорентэн.

Дела и развлечения

Король вел весьма «подвижный» образ жизни и все меньше времени проводил в Амбуазе. Итальянские походы, дипломатические встречи, поездки в провинцию часто и надолго отрывали его от Луары. Однако, приезжая в замок своей юности, он жил там очень размеренно. Встав утром, он, как свидетельствуют венецианские послы, читал депеши и государственные бумаги. Его советники предлагали варианты ответов, а он принимал решения, и секретари составляли соответствующие документы. Потом король присутствовал на мессе, а после трапезы отправлялся к матери, с которой всегда разговаривал без головного убора. Король активно участвовал в деятельности расширенного совета по государственным делам. Он встречался и обсуждал с дворянами своего возраста и дела, и совместные развлечения, например соколиную охоту.

Королевский день был насыщен праздниками и церемониями. Так, 17 января 1517 года король посвящал дворян в рыцари ордена Архангела Михаила. Церемония проходила в той же капелле, где в 1469 году орден создал сам Людовик XI. После того как новообращенным вручили орденские цепи, сеньоры приняли участие в состязаниях, организованных во дворе замка. Потом был показан необыкновенный спектакль: схватка одного из трех львов, выращенных в Амбуазе, с тремя огромными сторожевыми псами, которых пришлось оттаскивать от хищника, чтобы они не разорвали его на части. Затем состязания продолжились в Раморантене перед замком матери короля.

Жестокость и сладострастие

Сеньоры, которые участвовали в военных экзерсисах славного ордена, не всегда отличались благовоспитанностью. Даже присутствие короля не могло помешать их буйным и кровавым стычкам. Вскоре после праздника Богоявления, в январе 1518 года, разразилась жестокая ссора между Пьером Берардом, сеньором де Шиссе, и Помпераном, дворянином коннетабля Бурбонского, которого обвинили в трусости во время Итальянской кампании. В недавнем поединке хвост лошади, принадлежавшей де Шиссе, ударил по лицу Помперана, и тот счел себя оскорбленным. Дождавшись своего соперника у ворот Амбуаза, он хладнокровно убил его. Двое друзей убитого, сеньоры де Лорж и де Букаль, бросились за убийцей и серьезно ранили его, но тому удалось укрыться у амбуазских монахов-францисканцев. Власть королевского прево была бессильна перед проявлениями человеческой ярости.

Скрываясь под маской придворной вежливости, жестокость ожидала лишь благоприятного случая, чтобы проявиться, иногда, впрочем, под видом шутки. Это показал один несчастный случай, который мог иметь весьма серьезные последствия для короля.

В 1521 году Франциск вместе с сеньорами и дамами отправился праздновать Богоявление в замок Раморантен. Остановились перекусить неподалеку от замка, в особняке графа де Сен-Поля. И гостеприимный хозяин обнаружил боб в праздничном пироге, то есть, по народному обычаю, стал «королем». Чтобы поразвлечься, Франциск начал искать повод для ссоры с новоявленным «монархом» и принялся забрасывать его снежками. В ответ посыпались яблоки и яйца. Когда «снаряды» кончились, один из «осажденных» схватил в камине головню и бросил ее в окно. Полено ударило короля по голове и серьезно ранило его. Вначале для лечения пришлось сбрить волосы, а затем, чтобы скрыть шрам, король отрастил бороду: вслед за ним все стали но-

сить короткие волосы и окладистую бороду. Так родилась новая мода.

Следующий эпизод дает представление о том, как бесчинствовала молодежь, не занятая войнами и турнирами. Чтобы усмирить буйство молодых людей и помешать им нападать на порядочных дам и девиц, находящихся при дворе, король стал содержать эскадрон «придворных девиц греховной радости» за 45 ливров в месяц. Хозяйку этого учреждения, «даму девиц радости», звали Сесиль де Вьефвиль. Наблюдение за ними осуществлял прево замка. Все это существовало еще в 1533 году, когда король отправился в Марсель встречать папу Клементя VII: «девицы греховной радости» вместе с придворными дамами сопровождали святого отца и его племянницу Екатерину Медичи. Однако трудности у этого милого учреждения начались уже при Франциске I под давлением его матери, Луизы Савойской; позднее наемных развратниц удалила со двора сама Екатерина Медичи. А благородные дамы и девицы научили своих воздыхателей приличной любви.

Крещение дофина

Семейная жизнь короля давала много поводов для празднеств. 28 февраля 1518 года в Амбуазе родился дофин. Его назвали Франциском в честь отца и в благодарность старцу Франциску Паолийскому, на могиле которого Клод и регентша Луиза Савойская долго молились о рождении королевского сына. Крестными для маленького принца избрали самых знаменитых людей того времени. Первым был папа Лев X, его представлял племянник Лоренцо Медичи — герцог Урбинский, внучатый племянник Лоренцо Великолепного; вторым — герцог Антуан Лотарингский. А крестной матерью стала Маргарита, герцогиня Алансонская, горячо любимая сестра короля.

Зима близилась к концу. Приготовления к крещению шли своим чередом наряду со строительными работами в Амбуазе. Три года назад здесь активно взя-

лись за переделку и расширение замка под личным наблюдением жившей там регентши, Луизы Савойской. Между замком короля и коллегиальной церковью Сент-Флорентэн, перпендикулярно Луаре мастер-каменщик Колен Биарт отстроил здание, фундамент и нижние этажи которого были заложены еще при Людовике XII, мечтавшем превратить Амбуаз в официальную резиденцию предполагаемого наследника престола. Во время его царствования закончили только башни Миним и Юрто — грандиозные въезды в замок. Надстройку нового крыла продолжили Франциск I и его мать. На крыше возвели высокие люкарны и украсили их изображением изрыгающей огонь саламандры — эмблемой короля, а также королевским вензелем и гербом королевы Клод. Там же красуется и эмблема регентши — ее герб, составленный из двух частей: гербов Орлеанского и Савойского домов, обрамленных витым шнуром.

Чтобы ускорить окончание работ, Луиза Савойская не жалела ни денег, ни сил: с 1517 по 1520 год главному управляющему Самблансе она выделила на это огромную сумму — 230 тысяч ливров.

Крещение дофина Франции состоялось именно в этом обновленном замке. Младенца показали послам. Племянник папы, Лоренцо Медичи, герцог Урбинский, еще находился в пути. Он спешил, так как сразу после крестин должна была состояться его свадьба с французской принцессой Мадлен де ла Тур д'Овернь, богатой родственницей королевской семьи. Этот союз, улаженный еще прошлой осенью, так сказать, семейный пакт между папой Львом X (Медичи) и Франциском I, укреплял позиции французского короля в Италии. Королевской семье герцог привез великолепные подарки, в том числе картины Рафаэля «Святое семейство» для королевы Клод и «Святого Михаила» для короля. Сегодня эти полотна находятся в Лувре.

Таинство крещения состоялось вечером 25 апреля. Присутствовавшие при этом венецианские послы, а также Флеранж, верный спутник короля, описали ход событий.

Ребенок лежал в комнате королевы. Его парадную колыбель с занавесками из золотой и серебряной ткани украшал дельфин. Вошла процессия, возглавляемая герцогами Бурбонским и Алансонским. Герцоги обнажили головы, трижды поклонились перед колыбелью и приподняли серебряное покрывало. Герцогиня Алансонская, сестра короля, взяла новорожденного и передала его герцогу Урбинскому. В окружении слуг с факелами белого воска и в сопровождении музыкантов, игравших на гобоях и трубах, кортеж вышел из покоев. Во главе шествовали рыцари ордена Архангела Михаила, герцоги Бурбонский и Алансонский, сеньоры де Вандом, де ла Рош-сюр-Ион, де Сен-Поль со всем необходимым для крещения: сальными свечами, кувшином для воды, чашей для соли, коробочкой с миром. Младенца нес герцог, а помогала ему мадам де Бриссак, гувернантка дофина. По галерее, украшенной гобеленами, золотой и серебряной парчой, гирляндами цветов, они спустились во двор замка, где возвышался громадный шатер. Кортеж проследовал до церкви Сент-Флорентэн. Там уже собрались королевская семья, а также множество разодетых дам и дворян. Посреди церкви высился балдахин из роскошных тканей с драгоценными камнями, опиравшийся на четыре колонны из позолоченного дерева. Ребенка положили под балдахин, кормилица раздела его, а герцог Лотарингский, герцог Урбинский и герцогиня Алансонская держали его во время крещения. Окрестил его кардинал де Буази, ему помогали кардиналы Буржа и Вандома. Тот же порядок и та же торжественность сохранялись при возвращении. Церемония длилась более трех часов.

Клеман Маро, незадолго до этого ставший придворным поэтом, воспел радость королевства: «Да будет ласковым державное море для прекрасного дельфина¹, которого так ждала Франция!»

После празднеств начались танцы. В балете участвовали семьдесят две дамы, разделенные на шесть

¹ Игра слов — слово *dauphin* означает и «дельфин», и «дофин».

групп, одна из которых изображала итальянок в масках, играющих на бубнах. Вечер закончился роскошным пиром в замке.

Свадьба герцога Урбинского

Лишь только закончились гулянья в честь крещения дофина, стали праздновать свадьбу герцога Урбинского. Король вручил ему цепь ордена Архангела Михаила и назначил пенсию в 10 тысяч экю с графства Лаворского. Празднества должны были продлиться десять дней. Венчание назначили на 2 мая. Вечером на большом дворе замка, под шатром, натянутым во время крещения дофина, начался пир. За королевским столом сидели герцог Урбинский, кардиналы, первые сеньоры королевства, в том числе коннетабль Бурбонский, который, как брат невесты, был удостоен чести вести ее к алтарю. Невеста сидела за столом королевы возле регентши и сестры короля. В течение трех часов при свете факелов и под звуки фанфар подавались самые изысканные яства. Потом всех пригласили танцевать, и танцы продолжались до двух часов ночи. Наконец королева объявила об окончании бала и повела молодую герцогиню Урбинскую к ее брачному ложу. Позже Флеранж записал в своих мемуарах, что молодая, выйдя за герцога, «в придачу к мужу получила сильнейший и совершенно свежий сифилис». Лоренцо Медичи приехал во Францию в ослабленном состоянии, что стало поводом предположить, будто он болен венерической болезнью, хотя это, вероятно, было всего лишь последствием недавней раны, полученной при осаде Урбина. Во всяком случае, в брачную ночь он превозмог свою слабость, и юная герцогиня вскоре забеременела. В июне об этом сообщили папе. А 13 апреля следующего, 1519 года во Флоренции родилась Екатерина Медичи, будущая королева Франции.

Герцог Урбинский почтил своим присутствием состязания, организованные королем в честь свадьбы.

Они продолжались шесть дней. 3 мая Франциск I в окружении двадцати четырех всадников, разодетых в бархат и дамаст с развевающимися перьями на шляпах, объявил турнир открытым. Сражались столь горячо, что маркиз Мантуанский, Фредерик де Гонзаго и сенешаль Нормандии, Луи де Брезе, супруг одной из самых красивых молодых дам при дворе, Дианы де Пуатье, были серьезно ранены.

Через несколько дней после поединков и групповых состязаний состоялся грандиозный военный праздник: штурм специально построенной в поле крепости с деревянными стенами и настоящими рвами. Четыре большие деревянные пушки с железными обручами стреляли, по рассказу Флеранжа, «огромными баллонами, наполненными воздухом, столь же большими, как днище бочки». Форт защищали король и герцог Алансонский с шестью сотнями воинов. Коннетабль Бурбонский и герцог Вандомский с равным числом солдат начали штурм крепости. Осада закончилась победой нападавших, но несколько человек умерли от серьезных ран, полученных в результате стрельбы из деревянных пушек.

Король-охотник

Когда герцог и герцогиня Урбинские покинули Францию, Франциск I затеял очень осторожную дипломатическую игру, предшествовавшую великому событию 1519 года — выборам императора¹. 12 января скончался Максимилиан Австрийский. Король Франции употребил всю свою энергию, а также значительную сумму в 400 тысяч золотых экю, чтобы прошла его кандидатура. Однако 28 июня семь кур-

¹ В Средние века императора Священной Римской империи избирали князья-избиратели — курфюрсты. С 1438 года императорская корона фактически закрепилась за домом Габсбургов. Формально Священная Римская империя просуществовала до 1806 года, когда последний император Франц II отрекся от престола в ходе Наполеоновских войн.

фюрстов Империи избрали его соперника, Карла Испанского, внука Максимилиана, который и стал императором Карлом V. Франциск I очень огорчился и пытался скрыть свою горесть, совершая длительные поездки по своим владениям в долине Луары.

Он невероятно увлекся охотой. Так, преследуя оленя в сентябре 1519 года в Шапель-Вандомуаз, он наткнулся на низкую ветку и поранил себе глаз, чем чрезмерно напугал свою мать. Именно в это время король обрел титул «отца псовой охоты». Вокруг Амбуаза, между Луарой и Шоном, простирались вековые, богатые дичью леса, занимая территорию примерно в две тысячи гектаров. Король одевался в охотничий костюм из зеленого сукна и садился на своего коня; рядом с ним всегда был его любимый ловчий Пьер де Рутис из Берна, по прозвищу Пьеро. Целые дни напролет они проводили в седле. Королевской охотой руководил д'Анбо. В команду входили: его заместитель, двенадцать конных ловчих, шесть слуг с ищейками, шесть псарей с шестьюдесятью гончими и сто пеших лучников с большими рогатинами наподобие алебард; в их обязанности входили только установка шатров и расставление сетей на оленей. Ткань и деревянную арматуру для шатров перевозили на пятидесяти повозках по шесть лошадей каждая.

Содержание команды псовой королевской охоты обходилось в 18 тысяч ливров в год. Королевский соколиный двор возглавлял главный сокольник Рене де Коссе, одновременно занимавший должность первого хлебодара Франции. Главный сокольник получал 4 тысячи ливров жалованья, в его распоряжении находились 50 дворян, получавших от 500 до 600 ливров. Соколиный двор насчитывал 300 птиц. Главный сокольник взимал подать со всех птицеловов королевства, которые без его специального разрешения не имели права продавать птиц ни в городах, ни при дворе, иначе их товар конфисковывали. Содержание птичьего двора обходилось дорого: 36 тысяч ливров в год. В мае птицы начинали линять, и сокольников при дворе сменяли ловчие. Тогда начинался период охоты на оленей. А зимой на место ловчих возвращались со-

кольничие, и король мог непрерывно охотиться в любое время года.

Как и его предшественники, король усовершенствовал породу своих собак, скрестив диких собак из Бретани с белыми шотландскими — для улучшения потомства знаменитого Суйяра Людовика XI. Но охота — это не только спорт, но еще и увеселительная прогулка: по вечерам можно было встретить дам верхом на прекрасных конях; на их изящных ручках, обтянутых охотничьей кожаной перчаткой, сидели ястреб, кобчик или сокол.

Гийом Кретен, историограф королей от Карла VIII до Франциска I, в своей поэме «Разговор между двумя дамами о времяпрепровождении собак и птиц» описал возвращение с охоты.

Веселых друзей застолье
С речей началось хмельных.
Смеясь, обнимаясь, целуясь,
Сменяли одни других.
Гусей шпиговать, откупоривать вина,
Всем дело находится там.
Сегодня спастись никому не удастся:
Ни курам, ни голубям.
Про доблесть свою и победы
Влюбленные дамам твердят.
И тут же все Богом клянутся,
Что вреден любовный им яд.
Клянутся душой, что в страданиях
Проводят ночные часы.
В мученьях любви и желанья
Вздыхают и плачут они.

Легко можно представить себе, что для некоторых вечеринка заканчивалась недолгим уютом деревенских «привалов». Выезд на охоту позволял государю «сбежать» от жизни двора, делавшегося все значительнее.

Штат военных

Королевская гвардия, жившая в специально пристроенных помещениях или вблизи замка, состояла из отборных войск. Во главе двухсот дворян, разде-

ленных на две роты, с жалованьем в 20 эю в месяц, стояли Луи де Брезе, великий сенешаль Нормандии, и Жан Вандомский, видам¹ Шартра. Они получали по 2 тысячи ливров в месяц каждый. Солдаты несли караул только днем, вооруженные боевыми топорами — секирами «с вороньим клювом». Другой отборный корпус — шотландская гвардия, включающая в себя 25 «лучников-телохранителей» в белых казаках² с гербом и короной, тяжелых от золотого шитья, и 100 воинов, посменно охранявших ворота замка ночью. Командовал шотландцами капитан Роберт Стюарт, сеньор д'Обиньи.

Далее на иерархической лестнице военной свиты находились 400 французских лучников, разделенных на четыре роты со знатными сеньорами во главе. Они также щеголяли в казаках с золотым и серебряным шитьем.

Далее шла сотня швейцарцев под началом капитана Робера де ла Марка, сеньора де Флеранжа по прозвищу Удалец, который, между прочим, подробно описал состав королевской гвардии. Швейцарцы получали 12 ливров в месяц, и ежегодно — два обмундирования цветов короля и плюмажи.

Затем следует назвать 36 лучников у ворот, стоявших на карауле лишь днем. Их капитан получал жалованье в 1200 ливров, а их казаки сияли золотом и серебром.

Охрану двора осуществлял прево замка. Под его началом находились 36 лучников, вооруженных короткими дротиками, в казаках с вышитыми королевским гербом и мечом правосудия.

И наконец, последние на иерархической лестни-

¹ Видам — наместник епископа.

² Казак — один из прообразов пальто с короткими и широкими рукавами, с боковыми разрезами, обшитыми галуном. Казак служил одеждой для верховой езды и охоты. Этот «мушкетерский плащ» имел множество застежек по боковым швам и швам рукавов, число пуговиц порой превышало сотню. Он легко трансформировался: рукава вшивались в пройму только в верхней части, поэтому их можно было застегивать, чтобы надеть на руки, или отбросить назад, освободив руки. Казак легко превращался в короткую пелерину.

це — 60 так называемых «шатерных лучников». Им платили по семь с половиной ливров в месяц и одевали в красное. В их обязанности входило в случае необходимости расставлять шатры для короля.

Каждая рота лучников и сотня швейцарцев каждую ночь назначали в караул по 15 солдат. Капрал отряда назывался буквально «клерк дозора». С наступлением ночи ему давали факелы, хлеб и вино для его соратников. У каждого отряда имелось несколько соломенных тюфяков в зале охраны, рядом с покоями короля: между ночными обходами люди могли немного отдохнуть.

Гражданская свита

Гражданской свитой короля руководил главный дворецкий Артюс Гуфье де Буази. В королевском доме существовало шесть служб: хлебная палата, винный погреб — мундшенкская, кухня — поварня, фруктовая или овощная служба, конюшня, дровяной двор, а также комнатные службы, служба сбора милостыни и капелла.

Эти службы назывались королевскими¹. Главный хлебодар и главный виночерпий (мундшенк) обслуживали короля за столом и входили в число высших должностных лиц Короны. К ним также относился и главный конюший. В конюшне содержалось огромное число лошадей с подрезанными ушами и хвостом, скакунов, породистых лошадей и мулов, поставляемых «образцовыми» конными заводами.

Комнатные службы возглавлялись главным королевским экономом (мы бы назвали его «спальником»), спавшим недалеко от короля. Он распоряжался лакеями, пажами, «благородными отроками», королевскими медиками и хирургами. Главные должностные лица должны были находиться при особе

¹ *Services de bouche (фр.)* принято переводить как королевские службы. Французское *bouche* означает «уста», то есть дословно — «службы (королевских) уст».

короля постоянно; дворяне — «квартиры» несли обязательную службу четыре месяца в году, а на оставшееся время возвращались в свои замки.

Свита королевы и регентши включала в себя те же должности, что и свита короля, только была меньшей численности. Все эти свитские персоны сопровождали королевскую семью при переездах из Амбюза в Блуа и обратно.

Королевское крыло в Блуа

Королева Клод любила замок Блуа, ведь там прошло ее детство. Чтобы доставить ей удовольствие и расселить разросшийся двор, в 1515—1518 годах Франциск занялся основательной реконструкцией того крыла замка, которое при Карле Орлеанском ограничивало центральный двор крепости на северо-западе. Это было низкое здание, опиравшееся на куртину. Стройка быстро продвигалась до 1519 года, до начала строительства замка Шамбор, и потом медленно шла до 1524-го — года смерти Клод Французской и нового похода в Италию, закончившегося разгромом под Павией.

Чтобы переделать старинную каменную средневековую постройку, король обратился к Жаку Сурдо, мастеру-каменщику, работавшему прежде в Амбюазе. Ему же предстояло с 1519 по 1521 год возводить Шамбор. Вероятно, консультировались и с итальянским архитектором Доменико да Кортоне (во Францию его привез Карл VIII, и с 1512 по 1530 год он жил в Блуа), но нельзя утверждать, что именно его влияние было здесь определяющим. Заменяя два корпуса разной высоты, здание получилось эклектичным и гармоничным одновременно, как бы воплощением ряда импровизаций. Оно возвышалось между залом Генеральных Штатов и террасой, где размещались бретонские дворяне королевы Анны.

Архитектурная часть здания выполнена еще в готическом стиле: нерегулярно прорезанные окна с крестообразными переплетами на стене в два эта-

жа, высокие люкарны, выходящие на дозорный путь, аспидная крыша. Мощный выступ винтовой лестницы также отвечает средневековой традиции. Но декоративное убранство знаменует полный разрыв с прошлым: лепные классические карнизы, разделяющие этажи, пилястры¹ с резными капителями², оформленными арабесками³ по правую сторону от окон; строгая кладка стен, украшенных королевской саламандрой, наконец, выющиеся растительные орнаменты, ленточное плетение, зубчики⁴, каннелюры⁵, овы⁶, кессоны с розетками⁷, аркатуры⁸ сводов с украшениями в виде раковин⁹ — все эти итальянские мотивы буйно расцвели на мощном карнизе фасада.

¹ Пилястра (*фр. pilastre* от *ит. pilastro* от *лат. pila* — столб) — плоский вертикальный прямоугольного сечения выступ стены (горизонтальный — тяга). Пилястр чаще всего обрабатывается, как и колонна в ордерных формах.

² Капитель (*нем. Kapitell* — глава от *лат. capitellum* — головка) — часть ордера, венчающая вертикальную опору — колонну, пилястру.

³ Арабеска (*итал. arabesco* — арабский) — разновидность сложного орнамента, состоящего из геометрических фигур, переплетения линий, завитков, стилизованных листьев, цветов и надписей. Возник на Востоке, получил распространение в эпоху итальянского Возрождения под влиянием арабских образцов и мавританского искусства Испании.

⁴ Дентикулы (*лат. denticulus* — зубчик) — зубчики или сухарики, в классической архитектуре ряд прямоугольных выступов, идущих вдоль карниза.

⁵ Каннелюры (*фр. cannelure* — желобок, *лат. canna* — тростник, трость, палка) — вертикальные желобки на стволе колонны или пилястры.

⁶ Овы (*лат. ovum*) — орнамент, главным элементом которого является «лежащая на боку» овальная форма, в отличие от ионика, у которого яйцеобразные овалы обращены узким концом вниз. Овы также называют бусами и жемчужником.

⁷ Кессоны (*фр. caisson* — ящик) — углубление квадратной или восьмиугольной формы на потолке или на внутренней поверхности арки, свода. Кессоны образуются между балками перекрытия. В отдельных случаях кессоны декорируются розетками — архитектурно-декоративными деталями в виде цветка с симметрично расположенными лепестками. В готике различают большую розу (большое круглое окно главного фасада собора или дворца), четырехлопастную розетку и трилистник.

⁸ Аркатура — ряд небольших арок, вплотную примыкающих к стене и образующих на ее поверхности орнаментальный фриз.

⁹ Форма раковины — характерный декоративный мотив эпохи Ренессанса, в дальнейшем изображение раковины трансформировалось в рокайль, главный элемент стиля рококо.

Большая лестница, вписанная в восьмиугольную башню тремя этажами балконов с перилами, кажется удивительно легкой благодаря изяществу «вьющихся» декоративных элементов вокруг королевских эмблем и гербов.

Когда строительство этой каменной драгоценности уже заканчивалось, выяснилось, что новых апартаментов недостаточно для королевской семьи, и король решил дополнить здание параллельным крылом, расположенным уже за крепостной стеной. И тогда над откосами оборонительных сооружений, спускающихся в долину Арру, вырос фасад в итальянском духе. На мощном фундаменте возвели двухэтажное здание с венецианскими (или арочными) окнами¹, оформленными пилястрами с резными капителями и барельефами с изображениями эмблемы и инициалов королевы. Здание получилось похожим на итальянское палаццо, потому что пологий скат крыши на самом верху здания поддерживается колоннадой, образующей длинную крытую галерею — изысканное место для прогулок. Архитектура фасада также не лишена фантазии: две пятигранные сторожевые башни и многочисленные балконы, один из которых несет алтарную часть маленькой молельни. Справа фасад опирается на старую башню Шаторено, надстроенную двумя этажами изящных галерей. В архитектуре этого крыла очень сильно чувствуется влияние итальянского зодчества, тем не менее весь облик здания остался верным французской традиции.

С 1523 года на втором этаже нового здания разместилось окружение короля. В чередке комнат имелись маленькая изящная молельня, а также кабинет с потайными стенными шкафами. Король отвел себе третий этаж, где устроил — окнами на двор — зал для караула и зал для приемов и — окнами на город —

¹ Венецианские окна — особая форма стрельчатого оконного проема, разделенного в середине прямой или витой колонкой. Происходит из архитектуры Венеции, где на рубеже XV—XVI веков возникло слияние местных готических традиций с искусством Византии и стран арабского Востока.

личные апартаменты, посредством тайных лестниц сообщавшиеся со всем замком. Что же касается матери короля, то она по-прежнему проживала в крыле, построенном Людовиком XII.

Семейные несчастья

Королева Клод находилась в Блуа со всеми шестью детьми: тремя дочками — восьмилетней Шарлоттой, четырехлетней Мадлен, годовалой Маргаритой, и тремя сыновьями — шестилетним дофином Франциском, его братом Генрихом, который родился 31 марта 1519 года в Сен-Жермене и тотчас был перевезен в Блуа, и, наконец, Карлом, родившимся в 1522 году. Частые роды изнурили королеву, ее состояние усугубляли участвовавшие приступы слабости, и 26 июля 1524 года она скончалась в возрасте двадцати пяти лет. Тело государыни, как в свое время и тело ее матери, забальзамировали, но не перевезли в Сен-Дени для погребения, а стали ждать возвращения короля, поскольку 1 августа Франциск покинул берега Луары и отправился в Италию воевать с Карлом V. Вернуться ему предстояло нескоро: 24 февраля 1525 года он попал в плен под Павией и больше года провел в плену в Испании. Во Францию он вернулся 17 марта 1526 года, передав Карлу V в качестве заложников вместо себя двух своих сыновей, восьмилетнего Франциска и семилетнего Генриха. После смерти матери маленькие принцы жили в Амбуазе, именно туда и приехала за ними бабушка, Луиза Савойская, чтобы отвезти малышей в Фонтараби: обмен произошел на реке Бидассоа. Рассказывают, что в последнюю минуту, перед тем как юный Генрих Орлеанский покинул родной берег, его поцеловала элегантная молодая двадцатилетняя особа, Диана де Пуатье, супруга главного сенешаля Нормандии, Луи де Брезе, и этот поцелуй стал для Генриха незабываемым...

Вновь обретя свободу, Франциск I ненадолго задержался в Аквитании и Ангумуа, а оставшееся лето

провел в долине Луары, в Амбуазе — с 30 июля по 13 сентября. Он отвернулся от Блуа, где его ждали гробы королевы Клод и Луизы, маленькой дочки, умершей в шестилетнем возрасте: в конце октября он приказал перевезти их в аббатскую церковь Сен-Дени, где 7 ноября состоялись похороны. В принципе Франциск в то время был уже женат во второй раз: 20 января 1526 года в Испании он взял обязательство жениться на сестре Карла V — Элеоноре Австрийской, вдовствующей королеве Португалии. Но настоящее оглашение и празднование бракосочетания зависели от исполнения мадридского договора о реституции, то есть возвращения Карлом V наследства герцогов Бургундских. Однако король не торопился.

Прошло четыре года, прежде чем в июле 1530 года этот союз был все-таки заключен: Карл V удерживал свою сестру Элеонору в Испании, и король Франции отказывался выполнять взятые на себя обязательства.

Легендарные любовные истории

Франциск не переживал из-за отсутствия новой королевы. Утешить его старались прекрасные придворные дамы, одна лучше другой. Амурные победы короля стали легендой уже со времен его молодости: в числе его «завоеваний» и Мария Тюдор, вдова короля Людовика XII, и жена парижского адвоката Жака Дисома, о которой идет речь в двадцать пятой новелле «Гептамерона».

В 1512 году любовный пыл Франциска заставлял его пускаться во все тяжкие, и, вероятно тогда же, он подхватил венерическую болезнь: известно, что в 1524 году он болел сифилисом. Однако мимолетные увлечения не мешали ему поддерживать и длительные связи. Первое продолжительное чувство король испытал к красивой брюнетке Франсуазе де Фуа, супруге крупного феодала Жана де Монморанси-Лавалья, графа де Шатобриана. У молодой дамы было три

брата, три славных воина: Одет, виконт де Лотрек, доблестно сражавшийся и раненный в битве при Равенне в 1512 году; Томас, сеньор де Лескон, погибший в битве при Павии, и Андре де Леспар. Возможно, король познакомился с госпожой де Шатобриан в Лионе во время своего возвращения из Италии в феврале 1516 года, а может быть, в день крещения дофина 28 февраля 1518 года.

Любовная идиллия продолжалась по меньшей мере до итальянской кампании 1524 года. Впоследствии графиня покинула двор и уехала к мужу, назначенному губернатором Бретани. В 1537 году она скончалась в своем загородном замке, но вовсе не от грубости супруга, как гласит легенда. С Франсуазой король обменивался дошедшими до нас поэмами. Это легкие и приятные стихи в том же стиле, что и рондо, посвященные им матери и сестре. Отношения Франциска с графиней де Шатобриан не предполагали верности ни с той, ни с другой стороны.

Брантом рассказывал, что якобы Гийом Гуффье, сеньор де Бониве, адмирал Франции, прямо в Амбуге обманул короля с этой красавицей. Когда неожиданно появился Франциск, Бониве в большой спешке уступил ему место и спрятался в камине за ветками и листьями, так как дело было летом. Насладившись с дамой, король захотел справить естественную нужду и не нашел лучшего места, чем камин. Мощной струей он обильно полил Бониве, боявшегося пошевелиться. Бониве ждал, пока уйдет его господин, чтобы, по словам рассказчика, согреться огнем своей дамы!

Сказки и новеллы того времени показывают, что мужчины, будь то сеньоры или слуги, возчики или монахи, беспрестанно преследовали в замках дам и девиц, которые, впрочем, редко оставались неприступными, а порой и сами провоцировали любезников.

Франсуаза де Шатобриан еще продолжала оставаться любовницей короля, когда он влюбился в белокурую Анну де Пислё, даму д'Эйи, девушку, принад-

лежавшую к одной из знатных семей в Пикардии. Он обратил на нее внимание в 1524 году, когда уезжал в Италию, незадолго до кончины королевы Клод. Этой шестнадцатилетней фрейлине Луизы Савойской король писал поэмы, а она отвечала ему посланиями в стихах. Покидая долину Луары, Франциск увозил с собой преподнесенный ею залог любви — кольцо и ее рукоделие.

В марте 1526 года, едва освободившись из испанской тюрьмы, король поспешил к своей «драгоценной» в Мон-де-Марсан. С тех пор он с ней не расставался. Королева Элеонора была любезна с улыбочкой и жизнерадостной пассивностью своего супруга. Король ввел Анну де Пислэ в королевскую семью, назначив ее в сентябре 1531 года, после смерти Луизы Савойской, гувернанткой своих дочек, Мадлен и Маргариты Французских. В 1534 году он выдал ее замуж за Жана де Бросса, сеньора де Пантьевра. В качестве свадебного подарка он преподнес молодоженам графство Этамп, а двумя годами позже оно превратилось в герцогство.

Вместе с новоявленной герцогиней и несколькими приближенными — «маленькой компанией» — Франциск все чаще и чаще покидал дворцы Амбуаза и Блуа, традиционные резиденции королевской династии. Со своими ловчими и сокольничими он выезжал на охоту, ночуя в палатках или на постоянных дворах. Основная часть придворных на эти прогулки не допускалась, да и новых людей король редко на них приглашал, однако брал с собой молодую итальянскую принцессу Екатерину Медичи, которая в октябре 1533 года стала женой его сына. Молодая женщина, обладая умением крепко сидеть в седле в прямом и переносном смысле, быстро приспособилась к образу жизни «маленькой компании». А в совсем новых прекрасных зданиях Амбуаза и Блуа, выстроенных специально для светских зрелищ и крупных церемоний, придворная жизнь оживала лишь время от времени. Король предпочитал искать удовольствия в новых местах, и в этом он полностью единодушен со своими современниками.

Глава вторая
Грезы, ожившие в камне

Жилища сеньоров

Длительное пребывание короля в долине Луары стало причиной появления там множества замков из белого и розового камня: главным сановникам Короны было необходимо селиться рядом с королем.

Кроме своего обычного персонала, король держал около себя еще и тех вассалов, которые несли четырехмесячную «вахту» по обеспечению личного сервиса государя. Самые значительные приближенные (управляющие королевскими советами и резиденцией) устроились в многочисленных постройках в непосредственной близости от государя — на нижнем дворе Блуа и в расположенных у подножия замка кварталах Амбуаза. Маленький блуазский городок украсился особняками де Эпернона, де Дентвиля и де Амбуаза. Флоримон Роберте, один из главных министров Людовика XII, построил себе настоящий дворец — д'Аллюи, по стилю и пышности напоминавший королевский замок.

Но принцы и крупные сеньоры не довольствовались одними городскими резиденциями, даже чрезвычайно роскошными и расположенными рядом с королевским дворцом. Еще жива была феодальная традиция, поэтому демонстрировать свою мощь и свои исключительные права любой феодал мог лишь в центре собственного домена, в своем замке, совсем недавно исполнявшем роль крепости. При Людовике XII и Карле VII верные и близкие королю люди строили и обновляли замки Плесси-Бурре, Кудре-Монпансье и Люин.

Во время царствования Людовика XII маршал де Гие возвел великолепную резиденцию Верже в Анжу, а кардинал Амбуазский — в Гайоне в Нормандии.

Но все это было слишком далеко от долины Луа-

ры, то есть от власти. Советники и секретари все чаще выбирали себе жилье поблизости от резиденции короля. На небольшом расстоянии от королевских дворцов, в радиусе тридцати километров, они строили замки той же архитектуры, которая была в моде при дворе. Все отражало новые вкусы: древние рвы с водой были сохранены, но в виде парковых водоемов; башни и галереи с бойницами, крепостные стены и потерны были украшены изящными декоративными элементами; с высоких стен открывались речные просторы и сельские пейзажи. И прекрасные сады, и богатые дичью заповедные леса, и пахотные земли — все вокруг древних и новых замков предназначалось теперь для размеренной и мирной жизни.

*Люди при дворе — люди при деньгах.
История Бюри*

Один из первых замков такого типа — это Бюри, не сохранившийся до настоящего времени, но хорошо известный по гравюрам Жака Андруэ Дю Серсо. Секретарь короля Флоримон Роберте, ставший главным министром после смерти кардинала Амбуазского, в 1510 году приобрел баронское поместье д'Аллюи, давшее название блуазскому дому. Потом, в 1511-м, он купил владение Бюри, расположенное в шести километрах северо-западнее Блуа.

С тех пор старая крепость превратилась в постоянную стройку, продолжавшуюся до самой смерти секретаря в 1527 году. Роберте всегда пользовался королевской благосклонностью и неизменно оправдывал доверие Франциска I. Вот почему работы велись столь активно. План Бюри сохранял традиционное расположение: входная потерна, зубчатые куртины, задний и парадный дворы, а также два закрытых сада, напоминающих сады Блуа своим разнообразием и изяществом цветников — «вышитых квадратов». Как и в Амбуазе, крытые галереи позволяли совершать прогулки в любое время года.

Внутренняя планировка была очень комфортна. На первом этаже — кухни и вспомогательные помещения. На втором — господские покои из нескольких апартаментов. Апартаменты обычно состояли из зала, спальни, передней, гардеробной и маленьких комнат. Одни, в северной части здания, всегда были готовы к приему государя, — так называемая «квартира короля». Другие, в южной части, назывались «квартирой королевы». Третьи апартаменты ждали хозяев замка. Залы для приемов занимали отдельное крыло. В саду возвели большую капеллу, но и в самом замке имелось несколько различных молелен. Конюшни на заднем дворе вмещали восемьдесят лошадей.

В эту постройку Флоримон Роберте вложил большую часть состояния, полученного за успешную службу у короля. Его примеру последовали другие чиновники Короны. Среди них стоит назвать несколько семей нотаблей Блуа и Тура, занимавших должности казначеев и «расходчиков», наряду со старинными королевскими слугами, уроженцами Оверни. Эту небольшую группу составляли семьи Брисонне, Понше, Бертело, Рюзе и Бойи. Так, сын богатого торговца из Тура, Жак де Бон, глава этих нотаблей, в 1515 году, при поддержке Луизы Савойской, у которой он служил «аргентьером» — «хранителем серебра», то есть казначеем, стал бароном де Самблансе.

Получив должность министра финансов, Самблансе очень вольно распоряжался займами, задолженностями и сообщал неточные сведения по сбору податей, однако сумел избежать банкротства королевской казны в 1523 году, вызванного колоссальными военными расходами. К 1525 году король задолжал своему финансовому генералу огромную сумму в 1 190 374 ливра. Сам же Самблансе был должен 707 267 ливров Луизе Савойской: он инкассировал эту сумму на доходы регентши, но тотчас же использовал ее на нужды королевства. Известно, что Корона вышла из этого неприятного положения, осудив и казнив Самблансе 11 августа 1527 года.

Рождение Шенонсо

Значительный объем оборотных средств позволял финансистам распоряжаться огромными наличными суммами и использовать их на постройку замков. Так, при благоприятном стечении обстоятельств появилось Шенонсо (раньше это название употребляли в другой орфографии¹). Томас Бойе приходился племянником канцлеру Дюпре и супругом Катрин Брисонне из семьи турецких нотаблей, которым благоволил Карл VIII. Сборщик государственных доходов при Карле VIII и Людовике XII, управлявший доходами с герцогства Миланского в 1515 году, поставщик армии в Италии, Томас Бойе еще в 1499-м купил поместье Шенонсо у Пьера Маркеса, разорившегося наследника семьи, с XIII века владевшей здесь на берегах Шера небольшой крепостью и обычной мельницей. Но вскоре Бойе пришлось расстаться с этим доменом в связи с тем, что Катрин, племянница Пьера Маркеса выкупила родовое имение, однако Бойе скупил все феодалы и сеньории, окружавшие земли Шенонсо. А в 1512 году кредиторы Маркеса вновь конфисковали его владение и продали с торгов. Таким образом, в 1512 году Бойе вновь приобрел это поместье за 12 540 ливров и придал ему статус замкового владения.

С 1513 по 1517 год здесь, благодаря стараниям королевского финансиста и его жены Катрин Брисонне, вырос великолепный замок, существующий и поныне. Старое укрепление Маркеса разобрали почти целиком, оставив лишь донжон, круглую башню, украсив ее новомодными итальянскими мотивами, широкими окнами с пилястрами, входной дверью, также декорированной пилястрами, фризом с витым орнаментом и изящными крылатыми гениями, обрамляющими герб. На месте мельницы, имевшей некогда две крепкие опоры в гранитном русле Шера, выросло большое, почти квадратное здание с цилиндрическими башенками по углам.

¹ Chenonceau — Chenonceaux.

В замке три этажа. Свет на третий этаж пропускают красивые люкарны у основания крыши, похожие на люкарны больших королевских замков. Внутренняя планировка очень простая — по четыре комнаты на каждом этаже, разделенные широким вестибюлем. Первую опору прежней мельницы занимает квадратная капелла с трехгранной апсидой¹, увенчанная стрельчатым сводом. В нижней части опоры устроили кухни, зал рядом с ними, эдакая «колыбель» над водами, служил буфетной. Изогнутая лестница вела к небольшому помосту на берегу Шера, куда на лодке привозили продукты питания для замка. Деревянный мостик над протокой, где раньше крутилось колесо, соединил кухни со служебными помещениями и скотобойней, оборудованными во второй опоре мельницы.

Так что полезное легко сочеталось с приятным. Впрочем, стоит заметить, что, разрушив мельницу, семья Бойе не отказалась от своей феодальной привилегии — права молотить зерно своих вассалов: на двух суденышках, поставленных на реке на якорь, была устроена плавучая мельница. А чуть подальше, на ручье Вестен, соорудили валяльную машину. Кроме того, в соседней деревне построили и господский зал для приемов, необходимый с того времени, как поместье стало сеньориальным владением, а также маленькую церковь в том же стиле.

Строительство Шенонсо продолжалось несколько лет: здесь тщательно ваяли множество декоративных элементов, в частности картуши² с именами владельцев. Наконец, к 1521 году строительство закончили, и в том же году кардинал Антуан Бойе, архиепископ Буржа, брат Томаса Бойе, торжественно освятил капеллу. Король дал разрешение на строительство моста через Шер — «для приятного прохода на тот

¹ А п с и д а (*греч. apsidos* — дуга, полукруг) — полукруглая, иногда многоугольная выступающая часть здания, перекрытая полукуполом. В христианских храмах апсиды строились в восточной части, в них помещался алтарь.

² К а р т у ш (*фр. cartouche* — патрон, свиток от *лат. charta* — бумага) — декоративная деталь в виде полуразвернутого свитка с надорванными краями или щита, обрамленного завитками, предназначенного для эмблем, гербов и надписей.

берег». Но оба создателя этой прекрасной обители так и не дожили до дня ее окончательного завершения, так как Томас умер в 1524 году, а Катрин — в 1526-м. Их сыну Антуану Бойе в 1535 году пришлось отдать замок Франциску I, чтобы откупиться от штрафов, наложенных на него после проверки счетов в связи с процессом Самблансе. Король ограничился тем, что сделал из замка охотничий домик.

Женская рука: Азэ-ле-Ридо

В окрестностях Тура есть еще один замок, столь же привлекательный, как Шенонсо, — это Азэ-ле-Ридо. Древняя крепость возвышалась здесь с X века. Она носила имя Хуго Риделя — или Ридо, туренского рыцаря, обладавшего собственным знаменем, во времена Филиппа Августа. Карл VII сжег крепость, оказавшую ему сопротивление. Но она была быстро восстановлена и досталась Жилю Бертело, королевскому советнику, мэтру палаты счетов, в качестве наследственной вотчины его супруги. В 1529 году он сделался мэром Тура, а потом, после своей женитьбы, — управляющим финансами Нормандии и казначеем Франции. Новый владелец был богатым: недаром он участвовал в прибыльных займах, которые его кузен Самблансе предоставлял королю. В 1518 году он решил перестроить замок, но главным инициатором реконструкции стала его жена с мужским именем Филиппа Лесбои, непосредственная наследница Азэ-ле-Ридо. Она наняла мэтра каменных работ Этьена Руссо, ему помогал Пьер Мопуан, каменщик-скульптор. В эту команду входили также плотник, мэтр Жак Торо, и Тьери, столяр из Парижа. До начала постройки замка требовалось отвести речную воду, заливавшую траншеи для фундамента, и вбить сваи, что и было исполнено сотней рабочих, трудившихся днем и ночью с июня по август 1518 года. Супруг прекрасной Филиппы занимался своими делами, поэтому она сама следила за стройкой в компании своего близко-

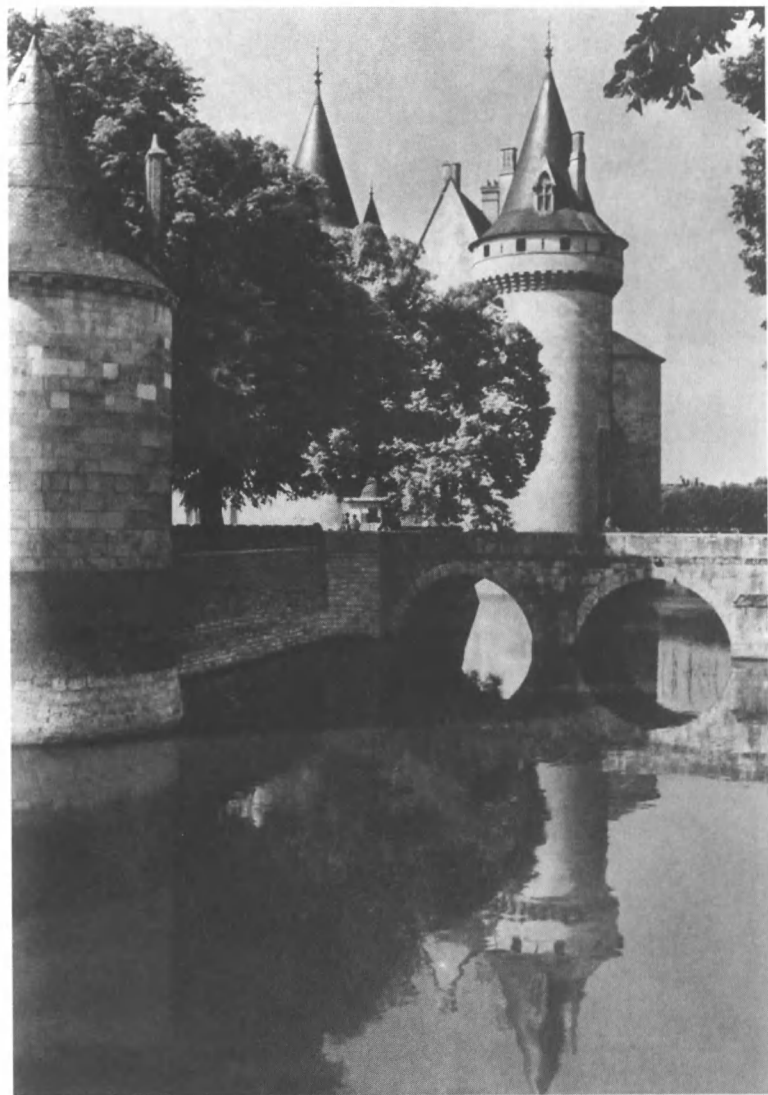
Замок Ланже. Общий вид.

Король Рене Анжуйский.
Портрет работы Н. Фромана.
Фрагмент.

Замок Анжер. Древние башни.

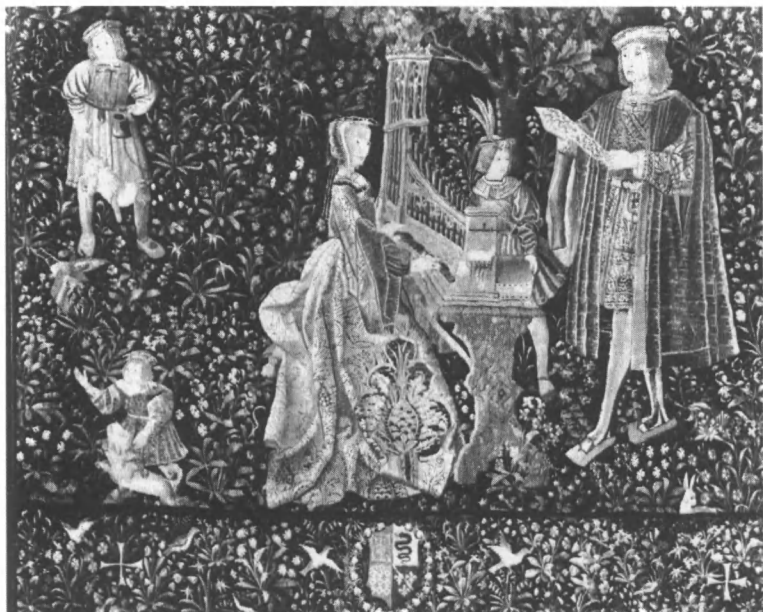
Замок Сюлли. Вид со стороны Луары.

Карл VII. Портрет
работы Ж. Фуке.

Аньес Сорель.
Портрет работы
Ж. Фуке.

Дама, играющая на органе.
Гобелен из замка Анжер.

Мен-сюр-Луар. Римская башня
и церковь Сен-Липар.

Замок Шинон. Башня Мулен и вид на город.

Трапеза в замке. *Миниатюра XV века.*

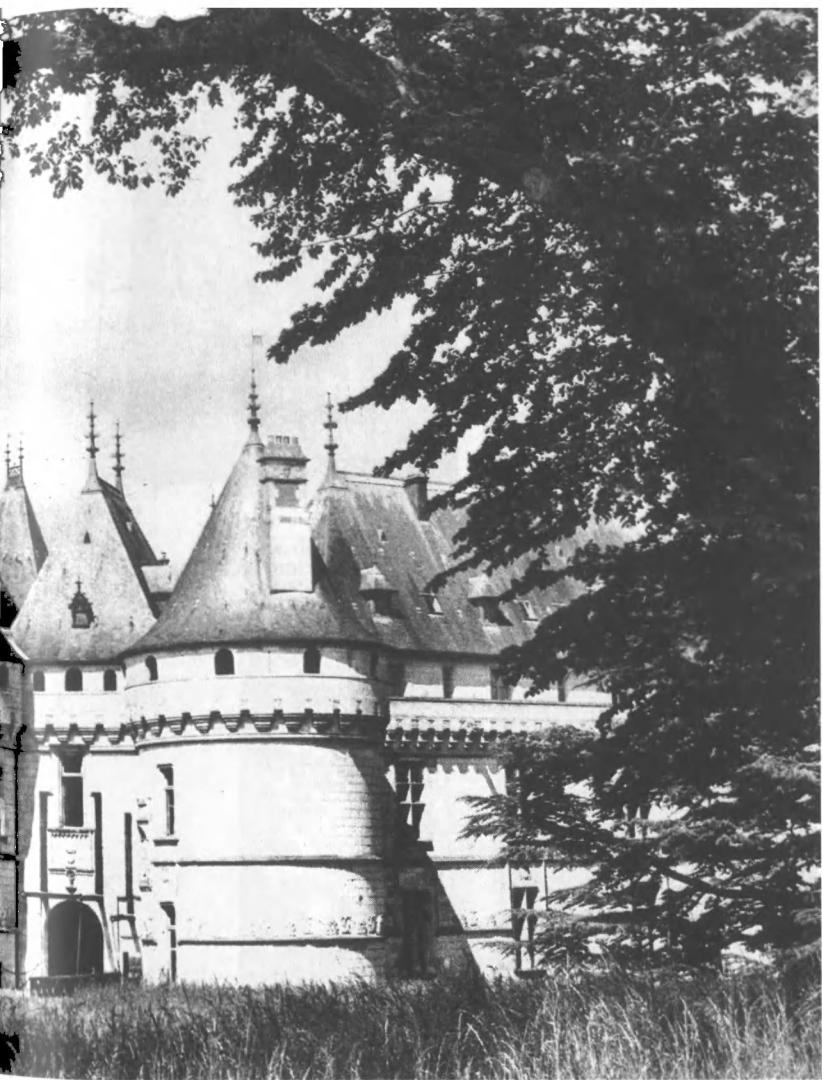
Замок Лош. Общий вид.

Лош. Надгробие
Аньес Сорель.

Замок Шомон. Вид со стороны парка.

Замок Шомон.
Колодезь внешнего двора.

Замок Шомон.
Герб Шарля Амбуаза.

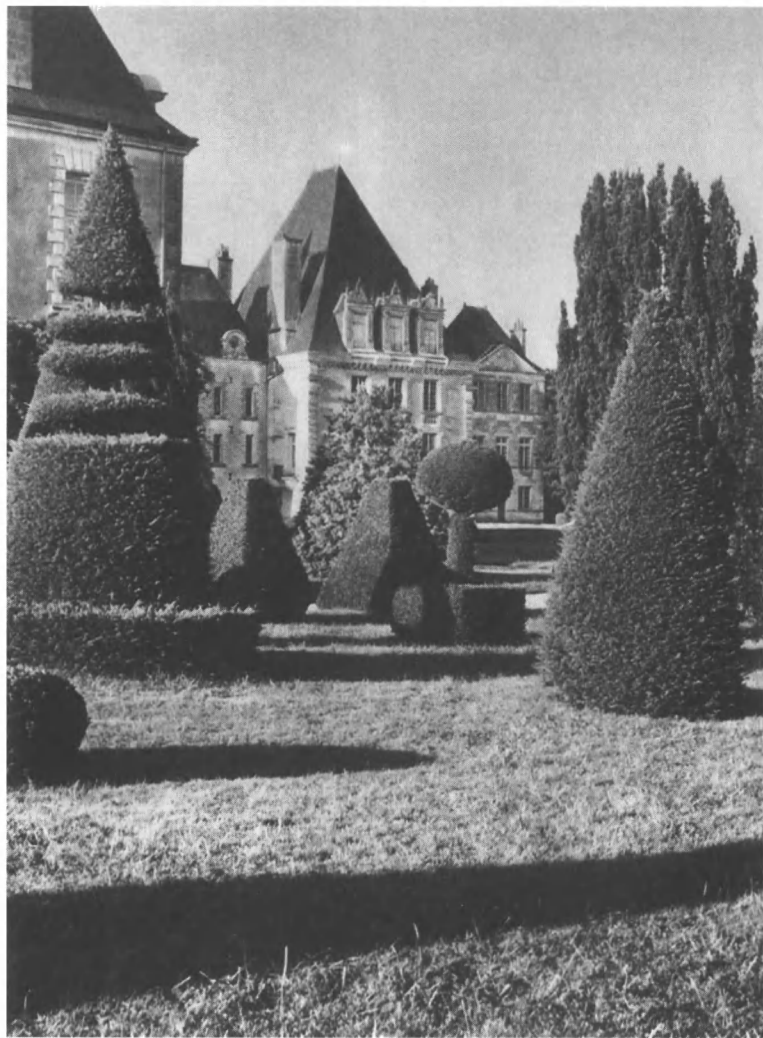
Замок Амбуаз.
Портал церкви Сент-Юбер.

Людовик XI.

Замок Амбуаз.
Церковь
Сент-Юбер.

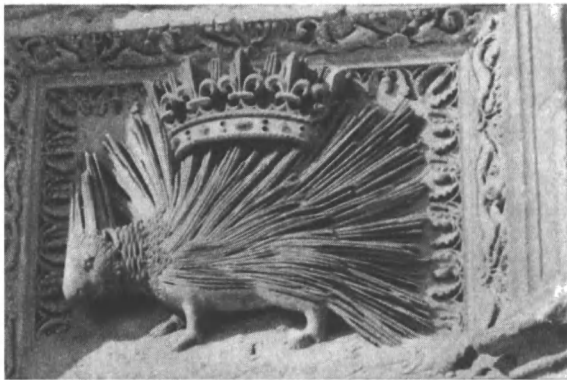
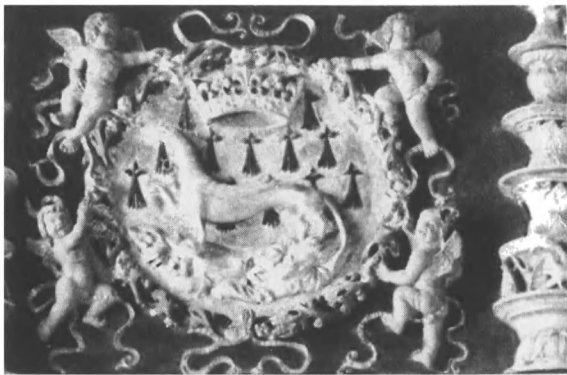
Парк замка Азе-ле-Феррон.

Франциск I.
Портрет работы
Ж. Клуэ. Фрагмент.

Замок Шамшеврьё.
Навершие ворот,
ведущих в парк.

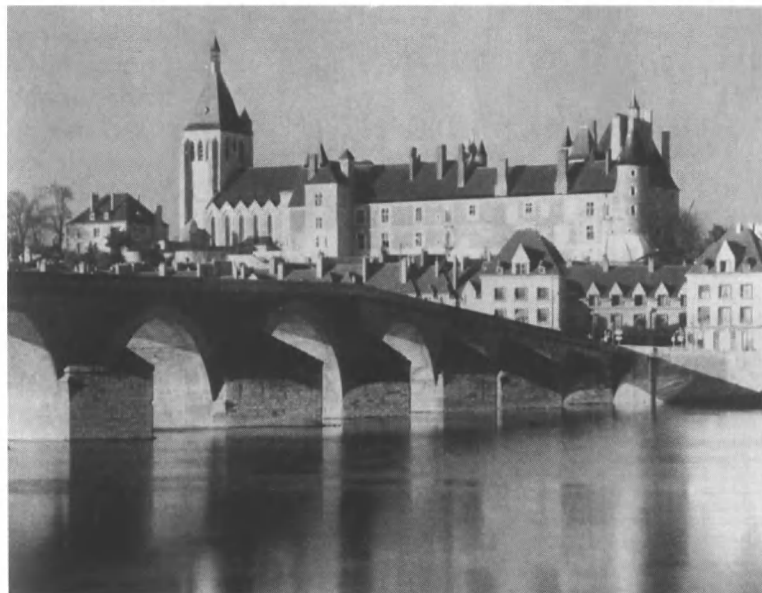

Горноста́й. Эмблема Анны Бретанской.
Дикобра́з. Эмблема Людовика XII.
Саламандра. Эмблема Франциска I.

Анна Бретанская.
Портрет мастера
из Мулена.

Жьен. Церковь
и замок.

Леонардо да Винчи.
Автопортрет.

Замок Кло-Люсе.

го знакомого, священника Гийома Арто, кюре Сен-Сир-сюр-Луар. Работы продолжались девять лет, но в 1527-м случилась катастрофа — осудили Самблансе. Бертело разорился и был вынужден бежать, спасая свою жизнь.

Замок Азэ-ле-Ридо проектировался в форме каре — четыре крыла, расположенные замкнутым четырехугольником. Но времени не хватило, и на одном из небольших островков реки Эндр успели построить лишь два.

Снаружи под самой крышей вокруг двух прямоугольных корпусов здания идет декоративный дозорный путь с бойницами, на который выходят большие люкарны, вероятно позаимствованные у замка Монсоро в окрестностях Анжу. Композиция фасада с пилястрами, обрамляющими окна, и двойным лепным орнаментом, горизонтально разделяющим этажи, откровенно напоминает крыло Франциска I в Блуа. Парадная лестница в итальянском стиле с правым подъемом занимает в главном корпусе трехэтажную лоджию с двойными оконными проемами. Потолок над лестницей — кессонный, он украшен медальонами с изображениями королей и королев Франции, начиная с Людовика XI.

Постройка выглядит очень нарядно. Дважды над двумя порталами и под самой крышей изображена саламандра Франциска I и его девиз: «Nutrisco et extinguo» («Разжигая и тушу огонь»), а также горностаи, символ королевы Клод, с ее девизом: «Ung seul desir» («Одно-единственное желание»). Символику короля и королевы всюду скромно сопровождают заглавные буквы G и P — инициалы имен хозяев замка. Но это не остановило короля: в 1527 году он конфисковал поместье и подарил его Антуану Раффену по прозвищу Поттон, одному из своих товарищей по оружию в битвах при Мариньяно и под Павией, капитану сотни гвардейцев короля, губернатору Шербура. Азэ — образец архитектуры раннего Ренессанса. Он удачно соединил в себе элементы традиционной французской архитектуры — башенки и дозорный путь с итальянскими новшествами — верти-

кальной линией пилястров и двойной лепной горизонталью карнизов вдоль этажей. Ощущение гармонии возникает благодаря регулярности расстояний между оконными проемами, хотя в жертву красоте внешнего облика принесено внутреннее освещение. Это сооружение можно смело назвать идеальным.

Так же как и Шенонсо, замок служил королю для остановок во время охоты. Внутренняя планировка Азэ-ле-Ридо весьма продуманная. На первом этаже — просторные служебные помещения, в частности кухня с колодцами, сообщающимися с Эндром. На второй этаж, в королевские покои, ведет красивая лестница. На противоположной лестничной площадке — просторный зал для приемов. Это простое расположение вызывало у гостей ощущение комфорта, дополнявшегося к тому же неповторимым зрелищем дивного замка, со всех сторон повторенного водами Эндра.

Шамбор, символ и шедевр Ренессанса

Король Франциск очень любил гармонию лесов и вод. Бывая в Блуа, он частенько ездил охотиться в богатое дичью поместье Шамбор. Там, всего в четырнадцать километрах от королевской резиденции, среди бескрайних девственных лесов стояла маленькая крепость. Во времена минувших войн с Англией в ней располагались гарнизоны, но с тех пор она потеряла всякую значимость. Примерно в 1518 году король решил снести эту постройку и заменить ее роскошным замком. По версии, выдвинутой недавно искусствоведом Жаном Гийомом, Шамбор очень похож на один из проектов замков будущего, заказанных Леонардо да Винчи, жившему в ту пору в Кло-Люсе. Ведь итальянский мастер консультировал реконструкцию замка Раморантен и обычно увлекался планами короля. Он работал вместе с другим архитектором, Доменико да Кортоне, выдающимся оформителем королевских праздников: в

1518 году им обоим поручили подготовку торжеств в честь крещения дофина и свадьбы Лоренцо Медичи. Возможно, эта близость двух итальянцев и объясняет, почему не сохранился ни один план Шамбора руки Леонардо, а только эскизы и лишь один очень интересный набросок сложной лестницы из четырех независимых «винтов» лестниц, «закрученных» вокруг осевой башни, занятой еще одной лестницей. Вероятно, Леонардо действительно передавал свои чертежи Доменико да Кортоне, чтобы тот делал по ним деревянный макет замка, который впоследствии долго хранился в Блуа, где в XVII веке его увидел и зарисовал Фелибьен.

Начальный проект замка напоминает о своем «происхождении» от нескольких известных итальянских построек. Как и в Венсенне, замок прежде всего должен состоять из огромного донжона, окруженного крепостной стеной с четырьмя большими башнями по углам. Коссон, малый приток Луары, протекавший по болотистому луку, должен был омыwać замок водой. Подобно собору Святого Петра в Риме, план главного здания имеет центр симметрии. Два больших сводчатых нефа, пересекаясь крестом, отделяют пространство по углам. Там расположены четыре маленьких замка, в каждом из которых, как в вилле Медичи, построенной Поджо в Каяно, одна большая и две маленькие комнаты, но здесь, в Шамборе, к каждому пристроена еще и большая круглая башня.

Таким образом, донжон образован остроумной композицией четырех замков. Там, где встречаются четыре галереи, находится знаменитая лестница Шамбора — с двумя независимыми маршами. По начальному проекту Леонардо, о котором говорил Палладио и один из эскизов которого сохранился, лестница была задумана из четырех независимых лестниц, «закрученных» вокруг пятой. Но по мере воплощения проекта обнаружились его серьезные недостатки: стоило неправильно выбрать лестницу, которая вела лишь в один из четырех угловых замков, и нужно было вновь спускаться на первый этаж или

подниматься до самой террасы. И тогда лестницу сделали с двойным «винтом», как в монастыре бернардинцев в Париже. Преимущество ее заключается в том, что она ведет во все покои. На макете Доменико да Кортона центральная лестница, спроектированная Леонардо да Винчи, имеет другую форму. Там эта лестница состоит из двух параллельных маршей, ведущих прямо к большому залу на втором этаже, откуда на третий ведет один-единственный центральный пролет: именно такую лестницу Леонардо спроектировал для виллы Карла Амбуазского, наместника короля в Милане в 1506 году. Другие расхождения между моделью и оригиналом можно заметить в расположении фасадов: на макете видно, что несколько этажей донжона окружают открытые галереи, как у итальянских палаццо. В здании же галереи существуют только по углам, где донжон соединяется с куртинами, причем эти галереи просто пристроены. Наконец, вместо того чтобы визуальнo облегчить аркадами стены башен, каменную кладку оставили открытой, ограничив декор пилястрами и двойными горизонтальными карнизами на каждом этаже, как в Блуа и в Бюри.

Так вольно интерпретировали итальянский проект французские строители, работавшие на «объектах» короля. Изменения диктовала строительная традиция долины Луары, но они не помешали гибко и точно приспособить проект к первоначальному заданию. Так, тонкая аспидная облицовка то зеленых, то розовых тонов, создает иллюзию мрамора. Плоские террасы, опирающиеся на куртины, хотя и выполненные в итальянской традиции, уже использовались в некоторых французских крепостях. В кессонных сводах огромных караульных помещений («залах стражи») пришлось устроить выходы от больших «французских» каминов, которые были необходимы из-за суровости зим.

Каприз или дань уважения гению Леонардо да Винчи, а может, просто мечта построить во Франции чудный, никогда прежде не виданный замок? Как бы то ни было, несмотря ни на какие трудности, строи-

тельство Шамбора прерывалось всего лишь раз, во время испанского пленения короля, и было закончено уже к 1540 году. Строительство возглавил главный управляющий Франсуа де Понбриан, ранее руководивший работами в Лоше и Амбуазе. Однако Понбриан, будучи уже в летах, передал свои полномочия, а в 1522 году и должность, Никола де Фуаяль, сеньору д'Эрбо. Всеми каменными работами руководил Жак Сурдо: прежде он строил Блуа.

По возвращении из испанской тюрьмы король приказал возобновить работы, на этот раз главным управляющим он назначил Шарля де Мюра, бастарда де Шовиньи. Его не остановила даже нехватка денег, и он прибегнул к крайним средствам, перелив на монеты серебряные ворота, подаренные Людовиком XI собору Святого Мартина Турского. В течение двенадцати лет на стройке трудилось более восемнадцати сотен рабочих. Вложенные суммы намного превысили цифру в 444 070 ливров, которая была официально заявлена после смерти короля.

По договору, заключенному Луизой Савойской и Марией Австрийской 3 августа 1529 года в Камбре, по так называемому «миру Дам», королевство было обязано выплачивать огромный выкуп за короля и его сыновей, сменивших его в Испании: два миллиона золотых экю, то есть четыре миллиона ливров. К этому бремени прибавились долги императора Карла V Генриху VIII Английскому: 550 тысяч экю, то есть более миллиона ливров. Королевство жертвовало последним, и лишь 1 июля 1530 года дети короля прибыли на Бидассоа одновременно с новой королевой Элеонорой, а строительство Шамбора не прерывалось. Его продолжали мэтры-каменщики Пьер Неве, по прозвищу Тринко, и Дени Сурдо, сын Жака. Когда Дени Сурдо умер, Тринко управлял в одиночку, потом до 1569 года на этой должности был Жак Коко. К 1534 году мэтр-плотник Можин-Буно выполнил грандиозные плотничные работы, а «рабочие по свинцу» (мы бы назвали их водопроводчиками) Жан Кабош и Франсуа Обеф провели трубы. В 1537 году

закончили башни и корпус донжона, а также привели в порядок террасы. Многие еще предстояло сделать для внутреннего убранства: лишь к 1545 году король смог поселиться в своих покоях в восточном крыле, окнами на донжон. А пока он жил в северо-восточной башне.

Для двора, который никогда не сидел на одном месте и все чаще покидал долину Луары, отправляясь в Фонтенбло или другие королевские резиденции под Парижем, Шамбор представлялся дворцом мечтаний, неземным приютом уединения среди зеленых лесов. Самая фантастическая часть Шамбора — терраса, куда можно добраться по знаменитой двойной лестнице, украшенной мириадами ангелочков, фавнов, нимф, химер¹ и гарпий²; и, конечно же, повсюду — саламандра. И вот вы попадаете на террасу, расположенную в 24 метрах над землей. Центральная башня купола, лантерна, венчающая лестницу, возвышается на 32 метра над террасой, над ней красуется двухметровый цветок лилии. Таким образом, эта основная постройка находится в самом центре настоящего миниатюрного городка, образованного из верхних частей четырех замков, расположенных по углам донжона, их крыши снабжены двумя этажами люкарн и украшены башенками лестниц. К ним добавляется множество нарядных каминных труб, похожих на маленькие храмы, навершия, колонны, раковины, апсидная облицовка, медальоны, ромбы и полуромбы. По архитектуре карабкается компания забавных существ — те же фантастические животные, что и на лестнице, и мифологические персонажи. Эта квинтэссенция средневекового юмора, объединенного с идеальными

¹ Химера (*греч. chimaira* — коза) — в древнегреческой мифологии чудовище с огнедышащей львиной пастью, хвостом-змеей и туловищем козы. Изображения химер украшают готические соборы. В дальнейшем — элемент ренессансного и барочного орнамента.

² Гарпия (*греч. Harpiya* — похитительница) — в древнегреческой мифологии богиня вихря и бури, изображавшаяся в виде полуженщины-полуптицы; гарпии были безобразными и злыми.

формами, пришедшими из Италии, вызывала восторг современников. Так, например, венецианский посол в 1577 году признал себя «восхищенным, изумленным или, скорее, смущенным и приведенным в замешательство». Со своими позолоченными зубцами, свинцовыми крышами флигелей, со всеми павильонами, террасами, галереями, Шамбор казался «обителью Морганы или Алкены» — фей, околдовывающих рыцарей.

Дворец ошеломлял своими размерами: 156 м на 117 м — внешние стены и 43 м — ширина каждого фасада донжона. В 1527 году король решил осушить болотистый луг вокруг замка. Пьер де Бреньон, инженер из Италии, получил распоряжение провести Луару к Шамбору. Но этот грандиозный проект оказался несбыточным. В апреле 1529 года король удовольствовался тем, что русло Коссона выпрямили, подвели к замку и расширили, насколько возможно, для катанья на лодке. Но во время паводка небольшая речка вышла из берегов и затопила замок. Поэтому выше по течению пришлось установить дамбу с водоотливом, чтобы регулировать уровень потока и пропускать воду, необходимую для рвов.

Двор в долине Луары: охота и приемы

В 1530 году Франциск со всеми почестями принимал в Шамборе королеву Элеонору; в 1532 и 1534 годах он останавливался там в охотничий сезон. Потом он забросил замок на пять лет и вернулся туда зимой 1539-го, чтобы принять там своего прежнего соперника Карла V, который направлялся во Фландрию. 8 декабря Франциск отправился навстречу императору в Амбуаз. Наступила ночь, кортеж обоих государей поднимался в замок внутри главной башни Юрто, декорированной самыми красивыми коврами и освещенной сотнями факелов. Одна из шпалер загорелась, и пожар мог иметь драматические последствия: слишком тесно стоявшие люди не успели бы

спасти. Но, к счастью, все отделались лишь легким испугом.

На следующий день двор отправился в Блуа, а потом в Шамбор. Короля сопровождала королева Элеонора, королева Маргарита Наваррская, сын короля с дофиной Екатериной Медичи, его дочь Маргарита, племянница Жанна д'Альбре, герцогиня д'Этамп и множество принцев и принцесс. По этому случаю главный дворецкий Монморанси приказал обставить замок мебелью, развесить ковры и картины, зажечь в покоях благовония, посыпать путь цветами и травами. В течение трех дней охотились на ланей; затем император отбыл, чтобы 19 декабря оказаться в Нотр-Дам-де-Клери.

После этого события Шамбор вновь стал всего лишь пристанищем на время охоты. Король жил там в феврале 1541, январе 1545 и марте 1545 года: к этой дате его покои были наконец отделаны. В 1542 году он приказал оградить каменной стеной 5500 гектаров поместья. Эта грандиозная затея осуществилась лишь при Генрихе II, в 1556-м, именно в то время, когда все крыло замка обустроили аналогично апартаментам Франциска I. В здании тогда насчитывалось 440 комнат, 365 окон, 13 главных лестниц, 70 второстепенных, около 800 дымовых труб. Однако это строение, способное вместить толпы придворных, везде и всюду окружавших короля, так и не стало сценой для жизни двора. Шамбор затмили замки, расположенные севернее: Булонь (иначе говоря, Мадрид), Вийе-Котре, Сен-Жермен-ан-Ле, Венсен, да и сам Лувр; его старую феодальную башню Франциск I приказал разобрать еще в 1528 году, и особенно Фонтенбло, овальный двор которого был почти закончен к 1540-му, а король до 1546-го украшал его восхитительными произведениями искусства.

Замки Луары, конечно, не были совсем заброшены: король любил внезапно нагрянуть туда, а немногим раньше него в замок отправлялась команда фурыеров (истопников) и шпалерных мастеров, дабы обустроить большие комнаты. По дороге король ос-

танавливался в попадавшихся ему на пути домах своих вассалов. Так, в феврале 1541 года, после нескольких дней, проведенных в Шамборе, он «попросил ночлега» у своего секретаря Жана Бретона в маленьком замке Вильзавен, потом у Антуана Фуаяля, другого своего подданного, в его доме-крепости Эрбо — строении из розового кирпича, окруженного рвами. Также и в 1545 году, покинув Шамбор и Амбуаз, он останавливался у своего верноподданного Филибера Бабу в Бурдезьере, где чувствовал себя очень непринужденно. Разве не он несколько лет назад подарил Бабу 1800 ливров для пристройки второго квадратного павильона к дому, с тем чтобы сам король мог «там квартировать, когда ему нужно порезвиться в известном месте»?

Интриги и споры

Большую часть своего свободного времени, оставшегося от политики, король посвящал развлечениям на свежем воздухе, но он по-прежнему любил празднества и поухаживать за дамами. Красавица Анна д'Эйи, герцогиня д'Этамп, оказалась кокетливой и капризной: например, она попыталась уволить ювелира Бенвенуто Челлини за то, что тот не слишком заискивал перед ней. Вероятно, она порой изводила и короля, и, может быть, как раз об этом подумывал Франциск, когда в Шамборе рядом с окном нацарапал на стене надпись, замеченную Брантомом: «Всякая женщина изменчива».

Но при дворе королевская любовница не обладала полной властью. У нее имелась недоброжелательница, вдова Луи де Брезе, Диана де Пуатье, ставшая в 1538 году любовницей дофина Генриха, который был младше ее на девятнадцать лет. Тот факт, что в феврале адмирал Филипп Шабо де Брион впал в немилость, закрепил победу Дианы и ее союзника коннетабля Анна де Монморанси. Но в июле 1541-го пришел черед радоваться герцогине д'Этамп: Монморанси лишился королевской милости. А Бриону постепенно

вернули все его права: у него действительно имелась серьезная поддержка, так как его жена, Франсуаза де Лонгуи, была племянницей короля, а ее племянник Жарнак женился на Луизе де Пислё, сестре герцогини д'Этамп. Значительные лица, слишком категорично настроенные против Бриона, как, например, канцлер Пуайе, впадали в немилость. Выяснение отношений происходило во время путешествий в провинцию: в Блуа король рассудил ссору придворных по поводу Бриона, а вскоре, в марте 1541 года, вызвал в Плесси тринадцатилетнюю Жанну д'Альбре, свою племянницу, дочь Маргариты Наваррской. Он решил помимо ее воли выдать девочку замуж за герцога Клевского, Гийома де ла Марка, крепкого двадцатичетырехлетнего принца, который оказал королю неоценимую услугу в борьбе против императора. Пышная свадьба состоялась 14 июня 1541 года в Шательро, после чего молодую герцогиню Клевскую заключили в Плесси, где она долгие годы прожила в одиночестве. Ее брак все еще оставался фиктивным, когда его прервали случайности международной политики.

Реформы и гуманизм

Большинство замков служили теперь лишь символами роскоши и оживали только на короткое время, но иногда и туда доносились отзвуки трагических событий. В субботу 18 октября 1534 года на двери королевских покоев в Амбуазе оказался приклеен памфлет против мессы; такие же провокации имели место в Париже, листовки находили по всему городу, а также в Орлеане, Блуа, Туре и Руане. Король, как защитник веры, не мог оставаться безучастным. Начались гонения на протестантов, всюду запыхали костры. Вовсе не являясь фанатиком, король безуспешно пытался усмирить бурные страсти, кипевшие в парламенте и среди духовенства¹. Позже стало извест-

¹ Автор весьма смягченно изображает отношение Франциска I к Реформации. В действительности на его совести были десятки тысяч сожженных и замученных «еретиков».

но, что автор «пасквиля» — Антуан Маркур, французский священник, служивший в Нефшателе в Швейцарии, а в королевство несколько его печатных листов попали через Гийома Фере, королевского аптекаря.

Придворная среда была очень благоприятной для пропаганды новых идей. Король расширял в Блуа «большую книжную лавку» — библиотеку, созданную его предшественником, гуманисту Гийому Бюде он пожаловал титул Мэтра Королевской библиотеки. Наставник первого дофина, Джироламо Фондуло из Кремоны был отправлен за границу за ценными книгами, новые фолианты отовсюду везли послы короля. Но Франциску I не хватало этой обширной библиотеки. в Фонтенбло у него имелась другая. А третья всегда сопровождала короля в переездах: произведения Юстина, Фукидида, Аппиана и Диодора Сицилийского, а также «Роман о Розе» и «Разрушение Великой Трои». Во время трапезы королю читали вслух. С 1529 года «королевским чтецом» служил Жак Коллен, ученый, прославившийся своим переводом «Придворного» Кастильоне, а с 1537-го — Пьер дю Шатель.

Казалось, королевскую библиотеку в Блуа ждало великое будущее. По указу, подписанному в Монпелье 18 декабря 1537 года, каждый владелец типографии должен был отдавать один экземпляр вновь отпечатанного произведения королевским ответственным за книги: с тех пор предоставление одного экземпляра печатной продукции в королевскую библиотеку стало обязательным. Но в 1544 году замок Блуа лишился своих коллекций: книги, а также одна из карт полушарий и чучело головы крокодила в кожаной коробке отправились в Фонтенбло.

Свидетельства блистательной эпохи пребывания двора, книги и курьезные вещицы увезли вслед за предметами мебелировки и убранства, не только повседневного обихода, но и необходимыми для торжественных церемоний. Отныне все это хранилось в Фонтенбло и в замках под Парижем.

*Движимое имущество короля:
ковровая опись*

Перевозом королевского имущества руководил Гийом Муанье, «ординарный шпалерный мастер и хранитель движимости в Фонтенбло». С января 1537 года Муанье складывал на хранение роскошную обивку и ковры в средневековый замок в Лувре. В 1542 году по поручению короля была составлена опись этих ковров. Новую опись составил в 1551-м, после смерти Муанье, Филипп Лежандр, мэтр ковровщиков Парижа, который сменил Муанье на должности ковровщика короля. Помимо ковров, движимое имущество включало в себя золотые и серебряные ткани, шерстяной дамаст, «мохнатые ковры», деревянные фигурки и колонки для кроватей, матрасы, соломенные тьюфяки и подушки-валики, стулья, балдахины, сундуки, церковные пелены, покровы, завесы, наконец, белье — простыни, скатерти и салфетки. Во время второй описи, при Генрихе II, «хранилище движимости» находилось на «большом чердаке» в особняке Бурбонов, конфискованном Коронай в 1524 году после измены коннетабля и присоединенном к Лувру. Помещение было огромным, как и подсбает, чтобы хранить более пятисот разнообразных изделий, из которых четыреста восемь были в хорошем состоянии; все измерялось в сотнях французских локтей.

Эта опись понадобилась для уточнения того, что привезено из различных резиденций на Луаре и что из этого требуется лишь для праздников. Дополнительно в Фонтенбло существовал еще один склад, а также ткацкая и ремонтная мастерские. В парижском хранилище в основном находились так называемые «парадные комнаты» — дорогие тканые комплекты, состоявшие каждый из восьми—пятнадцати шпалер, которыми обивали каменные стены покоев, и постельных гарнитуров, включавших в себя пологи, гардины, покрывала или коврики для ног, балдахины над возвышениями для короля и королевы, подушки для спинок парадных кресел, сиденья и такие же подушки.

Некоторые из этих «парадных комнат» привезены из Амбуаза, они были изготовлены к свадьбе Карла VIII и Анны Бретонской и расшиты их вензелями. В частности, богатый узор для покоев из малинового бархата. Вышивка и «вафли»¹ были из тонкого золота, подкладка из черной блестящей ткани и дамаста цвета крамуази, а бахрома из красного шелка с добавлением золотой нити. Этот комплект часто использовался во время официальных церемоний: в 1526 году его повесили по поводу переговоров Франциска I с Лануа, послом Карла V. Потом его отправили на хранение в Блуа, откуда увезли в 1533-м вместе с другими нарядными комплектами для украшения деревянного дворца, построенного в Марселе по случаю бракосочетания будущего Генриха II и Екатерины Медичи. Эта же серия обивок использовалась для украшения Парижа во время торжественного въезда Генриха II; тогда она была отчасти расхищена.

Из замка в Амбуазе, являвшегося в свое время резиденцией Луизы Савойской, привезли «бархатную комнату цвета крамуази», расшитую инициалами Ангулема и Савойи. Она принадлежала матери короля и, возможно, была доставлена из Коньяка. Ей же принадлежал гарнитур с вышитыми по канве животными, птицами и цветами, с плетением из бархата и атласа, усыпанный цветами граната из золотой ткани. Король Франциск I приказал вышить на пяти других частях этой «комнаты» свой герб и герб королевы Клод. К имуществу Луизы Савойской относятся и различные изделия, расшитые буквами L и птичьими крыльями. Особенно хороша «очаровательная комната» — «Буколики» зеленого бархата с аппликациями из золотой и серебряной тканей, на ее восьми полотнах, балдахине и постельном гарнитуре изображены сюжеты «Буколик» Вергилия. Луиза Савойская и ее дочь Маргарита вместе со своими дамами и фрейлинами проводили за вышивкой по шесть-семь часов в день, об этом Маргарита рассказывала в 1532

¹ «Вафли» — вид вышивки, декорирующей и закрепляющей драпировку на ткани.

году венецианскому послу Марино Санудо. Это произведение искусства, выполненное в 1521 году для королевы Клод, объединило усилия многих специалистов благородного происхождения: веронский художник Маттео дель Нассаро создал девяносто две пасторали, Бартеlemi Гетти — плетеные узоры, а Киприан Фюльшен и Этьен Бернар подготовили всю эту огромную работу для вышивания. Это вышитое убранство стоило в общей сложности 26 139 ливров, столько же, сколько самый дорогой из тканых гобеленов.

Когда Франциск Ангулемский был еще только наследником престола, в 1514 году он приобрел двенадцать шелковых и шерстяных шпалер, представляющих «Двенадцать месяцев года». Эту серию тоже перевезли с берегов Луары в Париж.

Другие обивки, перевезенные из Блуа, — часть роскошного убранства, принадлежавшего раньше Анне Бретонской. Среди них «комната» из бархата и красного атласа с гербами Бретани и Франции, шитыми золотой нитью, отделанная витым шнуром и ветвями апельсинового дерева. Большой балдахин из ярко-красного атласа, так называемый «Миланский», был привезен из Италии Людовиком XII. На нем жемчугом вышиты пять львов, окруженные вспышками молний из золотой кипрской нити. Другой комплект, называемый «большим балдахином из Блуа», изготовлен по случаю бракосочетания Анны Бретонской с Людовиком XII. Он шит из ярко-красного, белого и голубого атласа, украшен золотой витой нитью и изображает болото с птицами и летящих цапель. Еще одно убранство для комнаты — шесть роскошных шпалер из золотой парчи, серебряной ткани, голубого атласа, черного бархата и горностаевого меха.

Разумеется, помимо дорогих обивок ручной работы в Париж из Блуа перевезли много гобеленов, тканых на станке, ранее принадлежавших Анне Бретонской. Часть из них, «тканые обои», находилась в плохом состоянии, среди них гобелен «Роман о Розе», купленный в 1494 году у маршала де Гие и в 1500-м

положенный на хранение в Блуа, «История Эсфири», «Город дам», «История Давида» и «Разрушение Иерусалима», а гобелены «Победы Цезаря» и «Победы Навуходоносора» исчезли. Другие шпалеры, «брюссельская покупка», также принадлежали Анне Бретонской и двум ее супругам: «История Александра», «История Геркулеса», второй вариант «Города дам», «Планы, или времена года».

Так что, судя по этой описи парижского хранилища, в конце царствования Франциска I и в начале правления его преемника у замка Блуа уже не осталось его богатых интерьеров.

Вспомним, что Шамбор однажды был изысканно украшен к приезду Карла V, причем все убранство изготовлялось специально для августейшего гостя: ансамбль «комнат» черного цвета, столь любимого императором. Одна «комната» — черного дамаста, другая — черной тафты, расшитой золотом, переносная кровать из черного бархата с золотой нитью, многочисленные черные обивки, украшенные коронованными орлами и королевским гербом с Геркулесовыми столпами. Это убранство тоже попало в парижское хранилище: в Шамборе не осталось ни единого предмета.

Дабы не сложилось досадного впечатления, что замки Луары были отныне опустошены, уточним: королевское убранство вывезли оттуда не навсегда. Если король принимал решение поселиться в одном из своих дворцов, то вместе с ним на время его пребывания туда возвращались и эти старинные вещи, и чудесные ковры из последних приобретений. Опись парижского хранилища за 1551 год показывает, что «в то лето» Франциск I включил в свою коллекцию около двухсот ковров. Теперь от них остались одни воспоминания: в 1797 году по приказу Директории их сожгут вместе с другими вещами, принадлежавшими французской Короне, ради получения золотой нити.

Эти «движимые» убранства оживляли голые стены огромных залов. На них изображена мифология всего света. Здесь и библейские истории: Давид, Лот,

Иосиф и Иисус Навин. Другие сюжеты взяты из Нового Завета и Деяний Апостолов: многочисленные пелены и покровы с изображениями Богоматери, Рождества, Поклонения Волхвов, Обрезания, Крещения, Распятия, различные истории святых, в частности серия об Отцах Пустынниках, выполненная по картинам Иеронима Босха. Мифологию древности представляли «Триумфы» Петрарки, истории Ифигении, Орфея, Актеона, а также сюжеты из галереи в Фонтенбло, вытканые прямо на месте в 1540—1550 годах по картонам Россо и Приматиччо. Античность представала в историях о Ромуле и Реме, Константине, Сципионе; последняя серия называлась «прекрасными коврами короля»: двадцать два гобелена — настоящий шедевр, их вывешивали в самых торжественных случаях, в частности во время визита иностранных государей. «Истории удовольствий» — так назывались те ковры, которые приберегались для того, чтобы вволю полюбоваться ими в самых удаленных замках.

Постоянно разъезжавшие монархи возили с собой все убранство дворцов — свидетельства их славы и могущества.

Слишком большой двор

Придворных, принимавших участие в этой роскошной жизни, стало очень много: в 1532 году штат насчитывал 649 человек, среди которых было 48 священников, 24 виночерпия, 22 привратника, 80 числились по кухне. За здоровьем короля следили восемь медиков, звание первого носил Луи Буржанлис, пользовавший еще Людовика XII. Королевскую персону обслуживали также семь хирургов, пять цирюльников и один личный аптекарь. Государь страдал серьезным хроническим заболеванием: незаживающий абсцесс в промежности.

К прежним придворным — «дворцовым» — службам прибавились государственные. К конюшне теперь принадлежала и королевская почта, которую

обслуживали 120 «верховых». К церковной службе, ставшей в 1543 году одной из главных служб Короны, присоединились капелла и музыканты короля. Это были высококлассные музыкальные коллективы, без которых не обходились ни религиозные церемонии, ни бесчисленные праздники двора.

Каждый из членов королевской семьи имел свою свиту, независимую от свиты государя. Части королевских гвардейцев соперничали друг с другом численностью и роскошью своих костюмов, особо выделяясь на парадах во время переездов. Придворные дамы и фрейлины играли важную роль при приеме высоких гостей, столь часто посещавших королевские приемные и покои.

Добрый нрав короля

Окруженный пышным двором, король Франциск I жил в ритме приемов и праздников, но его нельзя назвать рабом церемониала. Совершенно естественно, что своим высоким ростом и шириной плеч он невольно внушал уважение, но каждый мог запросто подойти к нему, и король безо всякого высокомерия разговаривал с самым простым из своих подданных. Он любил играть, смеяться, шутить. Его называли «Месьё» и обращались к нему на «Вы»¹. Он частенько повторял свою любимую клятву «Слово дворянина», и это ставило его на одну доску с теми мелкими деревенскими сеньорами, что приезжали ко двору поглазеть на короля. Военные признавали его своим: в награду за храбрость Франциска рано посвятили в рыцари, это сделал своей рукой Байярд во время битвы при Мариньяно. Непринужденность общения короля буквально опьяняла. Приветливость и доброжелательность — первые качества государя, задававшие тон всему двору, и где бы король ни останавливался, в военном лагере или замке — «драго-

¹То есть без титула «Ваше Величество».

ценном каменном ларце», вокруг него неизменно создавалась идиллическая атмосфера некоего земного рая.

Глава третья

Цветник Дианы

Когда 31 марта 1547 года Франциск I умер в Рамбуйе в возрасте пятидесяти двух лет, произошел настоящий «дворцовый переворот»: Анне д'Эйи, герцогине д'Этамп пришлось вернуть Генриху II поместья Бейн и Лимур, и новый король подарил их своей любовнице Диане де Пуатье. Фаворитка короля получила еще много других подарков — драгоценности, права на земельные владения, различные милости для своих родственников. Но самый роскошный дар — это замок Шенонсо.

Диана де Пуатье вступает во владение Шенонсо

С 1535 года Шенонсо стал частью королевского домена по сделке с Антуаном Бойе, который таким образом выкупил часть долга своего отца, Томаса. Тогда поместье оценили в 90 тысяч ливров.

Покидая замок, Бойе увезли с собой и его убранство. Франциск I посетил свое новое приобретение по крайней мере дважды, в 1538 и 1545 годах. Дофина Екатерина Медичи и Диана де Пуатье приезжали вместе с королем и восхищались необычной постройкой, отражающейся в водах Шера.

В июне 1547 года Генрих II подписал дарственную на это поместье. Замковые владения, земли и сеньории вокруг Шенонсо и Удс были подарены Диане в награду за «великие и похвальные услуги, оказанные ранее нашим кузеном Луи де Брезе покойному Королю, нашему досточтимому сеньору и отцу, добрая ему память». Таким образом, вознаграждение фаворитке напоминало проявление сыновней набожности.

1 июля следующего года Бернар де Рюти, первый

духовник короля, аббат де Понлевуа и сеньор де Шерверни, главный уполномоченный Дианы, приняли Шенонсо. Королевский комендант («капитан-привратник») замка, Онора Ле Гран, передал ключи аббату, который обошел покои и составил опись имущества. Опись очень скромна: несколько дубовых столешниц, дубовые и ореховые буфеты, несколько пар козел для столов, лавки, железные кованые таганы, деревянные подсвечники и стенные часы, висевшие в галерее. В подвалах — двенадцать бочек вина, изготовленного из бонского, анжуйского, орлеанского и арбуазского сортов винограда, выращенного в Шенонсо.

Управление и надзор за поместьем

Будучи женщиной рассудительной, для начала Диана навела порядок в делах по управлению поместьем: она уволила «капитана-привратника»; и возложила обязанности управляющего на Андре Бери, носившего титул «сборщика домена», то есть сборщика арендной платы, оброка, пошлин, штрафов, податей и всех остальных видов денежных и натуральных платежей в поместье, однако уменьшила его жалованье со 100 до 60 ливров в месяц без питания и дров. Он должен был сам оплачивать свои поездки в Амбуаз и Тур, хотя совершал их по приказанию владелицы. Ежегодно он был обязан представлять отчет об управлении поместьем аудиторам, назначенным Дианой, среди них были аббат де Понлевуа, Никола Дюбекс, ординарный гоффурьер короля и управляющий Дианы, а также Симон Гуай, нотариус и секретарь короля, казначей Дианы. Они и их помощники получали жалованье из государственной казны, будучи личным «штатом» королевской любовницы.

Со времени вступления во владение доменом было потрачено много сил, чтобы увеличить доходы с кастелянства¹: штрафы, налагаемые по праву сеньо-

¹ Кастелянство — замковое владение.

рии Шенонсо, возросли с 32 ливров в 1547 году до 64 в 1548-м. Права сеньории на пошлину за передачу частной собственности, продажу и наследство принесли 1023 ливра в 1547 году, но только 280 в 1548-м; скрепление договоров печатью кастелянства давало скудный доход — 10 су в год. Расходы, вытекающие из прав замкового владения, включали в себя содержание судебного персонала, примерно 30 ливров в год. На канцелярию периодически требовалось 25—30 ливров.

Доходы с земли были более значительными: они складывались из арендной платы за испольные хозяйства, мельницы, луга и виноградники. По сеньориальному праву взималась также десятина с вин прихода Шенонсо и Шиссо. В 1547 и 1548 годах поместье приносило от тысячи до тысячи двухсот ливров в год. Андре Бери выдавал Диане по 900 ливров, но королевская любовница, пользуясь другими средствами, приберегла половину продукции виноградников.

И хотя все обычные расходы — выплата жалованных, издержки на содержание зданий, расходы на посадку, возделывание и сбор урожая, оплата богослужений и треб кюре и соседним аббатствам — возросли в 1547 году до 650 ливров, она получала приблизительно 500 ливров чистого дохода.

Каждый месяц вассалы Дианы принимали визит судебного бальи, приехавшего из Амбуаза для дознаний по донесениям трех полевых стражников, иначе называемых сержантами¹, или лесничими. Четыре раза в год проводил заседания мэтр Рене де ла Бретонньер, сеньор Канже, штатный судья кастелянства. В судебных тяжбах участвовал «стряпчий, ведавший фискальными правами владелицы и общественными нуждами в ее владениях». Секретарь суда фиксировал решения. Судебных чиновников, слуг и лошадей оплачивал сборщик налогов Дианы. Он тщательно записывал расходы на их содержание.

¹ Сержант — в описываемое время низшее должностное лицо судебного ведомства, вроде судебного пристава.

Подробности о них мы знаем из расходной книги. Так, 1 марта 1547 года судейским и их людям был подан обед. В меню включены два карпа и щука ценой в 14 су, две копченые и две белые селедки за 14 денье, два алоза¹ за 4 су, белый хлеб на 3 су 4 денье, фрукты и столовое белье на 20 денье, семь пинт вина за 6 су 8 денье. Для приготовления обеда, хотя было время поста, было использовано полфунта² свиного сала, 12 денье, и 3 фунта коровьего масла, 6 су. Сгоревшие дрова были оценены в 20 денье, корм для пяти лошадей в 5 су. В целом дианин «мытарь» потратил на обед 2 ливра 3 су 6 денье.

Образцовое поместье

Счета сборщика донесли до нас свидетельства того, что размеренная деревенская жизнь поместья Шенонсо была посвящена ведению хозяйства и зависела лишь от времени года. Так, в ноябре, к празднику Всех Святых, фермер «поприща» Ля Фюи, попросту говоря голубятни, принес арендную плату в 16 ливров 15 су, в то время как фермер голубятни Удс — 2 ливра 10 су, а фермер из Ла Гёли в приходе Живре — 15 ливров 10 су и четыре каплуна. В День Всех Святых к сборщику приходили арендаторы виноградников. В Шенонсо имелось три крупных виноградника: один в Удс, размером приблизительно в 10 арпан³, другой — «белый виноградник» в 2 арпана и третий, называемый Пуарье Бодар, — в восемь арпан. Все они сдавались в аренду и приносили 47 ливров 10 су, 8 ливров 5 су и 30 ливров 10 су дохода соответственно, причем арендная плата вносилась точно к празднику Всех Святых. В этот же день фермер из Удс поставлял приору Монтуссана четвертую часть заготовленного вина.

¹ Алоз (железница, бешенка) — сельдевая рыба.

² Фунт — мера веса, европейский фунт — 453,6 г в отличие от русского — 409,5 г.

³ Арпан — земельная мера от 30 до 51 ара.

Арендаторы виноградников обязывались ежегодно прививать по сто побегов на арпан для обновления виноградной лозы: управляющий тщательно контролировал работу; он следил также за тем, чтобы почву удобряли преимущественно перегноем, а не навозом.

Помимо белых вин, изготавливали кляреты разных оттенков: «сероватого», «золотистого», цвета «глаз куropатки». Один значительный виноградник поместья в аренду не сдавали, а обрабатывали сами. Для сбора винограда управляющий использовал наемную рабочую силу, в которой не было недостатка: сборщикам винограда оплачено 168 рабочих дней. Часть вина — семь бочек клярета и семь белого перевозили по Луаре до Блуа, а оттуда по суше до Ане, основной резиденции Дианы в Нормандии. Проезжая близ замка Шомон, приходилось платить дорожную пошлину — 4 динара с бочки; Диана ходатайствовала у своей соперницы, королевы Екатерины, которой принадлежал Шомон, освободить ее от этой выплаты.

Некоторое количество — четырнадцать бочек и четверть белого вина — спускали в подвалы Шенонсо до приезда хозяйки.

На зимний праздник Святого Мартина, 11 ноября, люди снова приходили к сборщику. Арендатор валяльной машины, которая называлась мельница де Ла Фюи, приносил арендную плату: 34 ливра 10 су, четыре каплуна и четыре курицы. Фермер Вестенских мельниц платил часть арендной платы деньгами — 10 ливров 10 су, — а к ним прибавлялись продукты — пять мюи¹ зерна, треть которого составляла пшеница и две трети рожь, четыре каплуна, шесть кур, поросенок ценой в 35 су и двенадцать буасо² орехов. Десяток арендаторов сменяли друг друга: кто приходил с платой за крупную ферму, кто — за пастбища, кто — приносил подать

¹ Мюи (мюид) — бочонок, 274 литра — старинная мера сыпучих тел в разных странах, во Франции — также мера жидкостей.

² Буасо — четверик, 12,5 литра.

за право виноделия или плату за аренду господской голубятни.

В конце ноября, в день Святого Андрея, «желудевый откупщик», тот, кто пользовался плодами леса, ежегодно платил 23 ливра аренды. Сбор миндальных орехов приносил, судя по урожаям, значительную прибавку. Резка ольхи и ивы давала около сорока ливров.

Некоторые арендаторы распределяли весь оброк на четыре части и приносили его обычно на Вознесение, в день Иоанна Крестителя, в день Святого Михаила и на Рождество. Для празднования Рождества они поставляли в замок продукты: из документов того времени нам известно, что один фермер принес четырех каплунов, двух гусей, двенадцать подносов рыбы; арендатор рыбной ловли расплачивался деньгами — 17 ливров 10 су. Большую прибыль домену давала продажа зерна: в 1547 году с торгов было продано 40 сетье¹ и 2,5 буасо пшеницы на 44 ливра 1 су 10 денье; 12 мюи 5 сетье 5 1/3 буасо ржи и смеси пшеницы с рожью и ячменем на 1—2 ливра 14 су 10 денье; 39 сетье 3 буасо ячменя на 12 ливров 12 су 6 денье; 48 сетье 20 1/3 буасо овса на 39 ливров 1 су 7 денье.

В кладовых замка оставались не все продукты, поступавшие как арендная плата, большая их часть шла на продажу. Так, в 1547 году сборщик налогов продал 115,5 каплунов, 40 кур, 27 цыплят, 9 «нашпигованных чесноком» гусей, 4 подноса с рыбой, свинью, 4 дюжины яиц, 18 буасо орехов, 3 бочки по две трети мюи и одну бочку на полтора мюи клярета, 5 бочек белого вина, один фунт воска. Общий доход составил немногим более 970 турецких ливров.

Можно заметить, что эти продукты продавались регулярно из года в год. Однако в 1548 году вино осталось у владелицы. Но в тот год был огромный сбор орехов (65 буасо) и миндаля (30 буасо). Потратили много сил, чтобы хозяйство приносило больше прибыли: срубили 40 арпан леса, что принесло 260 лив-

¹ Сетье — 12 четвериков, 150 литров.

ров; продали сено, хотя годом раньше его использовали полностью, с торгов продали бездомных животных, найденных в поместье, — кобылу и маленького ягненка. Полностью расплатились и те, кто валял сукно, что, впрочем, не дало большого дохода.

Урожай винограда в 1548 году был превосходным: заготовили 29 бочек вина и одну четверть виноградного сока. Были закуплены винные бочки большой емкости, которые назывались «траверсье» — «с поперечинами». Девять бочек оставили в погребах Шенонсо, двадцать отправили в Ане через Орлеан. В них был клярет: пять бочек местного бонского вина, три орлеанского, пять амбуазского, семь анжуйского. Сборщик использовал четверть бочки бонского вина для закрепления кляретов, отправленных им в подвалы Шенонсо; четверть белого анжуйского и четверть красного он использовал, чтобы закрепить вина, которые отправлялись в Ане. В погребах оставалось еще вино предыдущего урожая: бочка «белого старого вина» была выпита во время сенокоса и сбора винограда.

Урожай 1549 года тоже хорош: тридцать бочек вина, из которых пятнадцать были оставлены Диане. С этого времени состояние виноградников стало улучшаться; в 1550 и 1551 годах заготовлено по тридцать одной бочке вина; в 1552-м — двадцать девять с половиной; но 1553 год оказался посредственным — заготовлено только двадцать две бочки. Луга также стали приносить бóльшую прибыль. До появления Дианы с поместья убирали четыре воза сена, но вскоре эта цифра увеличилась вдвое: продавали восемь и даже девять возов, заготовив необходимые корма для скота и верховых животных поместья.

*Преобразования:
сад с видом на Шер и площадки для игр*

Таким образом, под опытным руководством управляющего и бдительным контролем владелицы, Шенонсо стал образцовым земельным хозяйством,

полученная прибыль позволяла наметить план работ по благоустройству. Для начала Диана решила подновить замок, починить шиферное покрытие крыши и все запоры. Прежде единственным украшением замка служили лишь быстрые воды Шера. Некогда около старой башни Маркеса Бойе разбил сад в один арпан, его украшала небольшая капелла Святого Фомы, позже посвященная Святому Губерту; именно из этого сада в замок поставлялись необходимые овощи и зелень. Вода для полива поступала в центральный бассейн оросительной системы по каналу из источника Ла Рош. Диана заплатила сто семьдесят ливров Жану Растро, мэтру-плотнику из Амбуаза, и приказала построить по четырем сторонам сада решетчатую изгородь. Ее оплели лозой, которая с первых же лет начала давать превосходный виноград к столу.

Помимо сада в поместье имелось два окруженных рвами кроличьих садка, один размером в три арпана, другой — в шесть, и питомник с саженцами различных сортов фруктовых деревьев, размером в пятнадцать арпанов.

В апреле 1551 года Диана решила разбить около замка цветник, задумав создать самый красивый в этих краях «сад удовольствий». Свой выбор она остановила на засеянном ячменем участке земли, размером в два с половиной арпана, между Шером, ближним кроличьим садком и хутором ла Гранж.

Сборщик Андре Бери получил распоряжение осуществлять контроль за разбивкой нового сада и расплачиваться с подрядчиками. Управлял этим проектом Бенуа Гюи, дворецкий аббата де Понлевуа. Работы начались 20 мая 1551 года и продлились до июня 1553-го, прерываясь лишь в самые неблагоприятные зимние дни. Было оплачено более 14 тысяч рабочих дней плотникам, каменщикам, возчикам, «газонщикам» (то есть тем, кто обкладывал дерном), землекопам, каменотесам, чернорабочим. Для насыпи вокруг цветника потребовалось семь тысяч возов камней, для газона — 1100 возов земли. Все необходимое перевозили на «колесных носилках», или тележках,

называемых «гамьон». Их тащили с помощью тросов. Также использовали ручные носилки и «байарты» или «бойарты», нечто вроде двухколесных тачек.

Наконец цветник, занимавший за рвами каре в два гектара восточнее замка, был закончен. Он лежит выше уровня реки, а от паводков его предохраняет толстый слой покрытой дерном земли, защищенный каменной насыпью, которую усиливают два ряда свай и перекрещивающихся поперечных раскосов. От кроличьего сада цветник с двух сторон отделяет широкий и глубокий ров, через шлюзы заполняющийся водами Шера. Ров окаймляет и одну из стен сухой каменной кладки, поддерживаемую каменными опорами. По деревянному мосту можно легко попасть на насыпь у входа в замок.

Сад располагался ниже уровня обрамлявших его террас. Он состоял из двух пересекавшихся крестом аллей, деливших его на большие треугольники с цветниками в виде геометрических фигур, предназначенных для «живого кружева». Основная часть работ была закончена в конце декабря 1551 года, и 29 декабря ожидали приезда Дианы для осмотра. Но она не приехала, и аббат де Понлевуа по ее поручению осмотрел сад. Сделанное его удовлетворило, и 7 января 1552 года работы возобновились. Начался второй этап: в саду стали делать первые посадки. Архиепископ Турский, Этьен де Понше, а затем сменивший его Симон де Майе де Брезе подарили саженцы из сада в Верну, известного своими замечательными растениями. Главный викарий Жан де Сельв, аббат де Тюрпене, друг и покровитель Бернара Палисси, лично отобрал лучшие саженцы фруктовых деревьев, в особенности слив и вишен, и двести штук по Шеру отправил в Шенонсо. Советник короля Жан Бабу ля Бурдезьер предоставил двадцать пять саженцев, а одна дама, оставшаяся неизвестной, принесла дюжину саженцев груши; в лесах набрали двести дичков, чтобы привить их. Деревья сажал опытный турский садовник Никэ вместе со своим сыном. Ему платили 4 су в день, тогда как его помощники зарабатывали лишь 2 су 6 денье. Чтобы деревья лучше принялись,

вокруг каждого черенка насыпали овес, всего на это ушло семь буасо овса. В близлежащих лесах выкопали 13 тысяч саженцев боярышника и орешника для бордюров, беседок и зеленых сводов. В Нуазе у Пьера д'Эриана, выращивающего вязы, купили сто пятьдесят штук этих деревьев, каждое по два су.

В марте 1553 года для укрепления высокой каменной стены и защиты цветника со стороны реки посадили сто саженцев ивы. Но все эти меры предосторожности не помогли: в апреле 1555 года вода в Шере сильно прибыла и смыла насыпь. Чтобы исправить повреждения, пришлось беспрерывно работать в течение почти целого года под контролем Мишеля Кабара, приходского священника Шенонсо, получавшего за свой труд сто су.

Наконец, когда все прочно укрепили, архиепископ Симон де Майе отправил в Шенонсо на целый сезон опытного садовника, которому платили девять су в неделю. Этот ученый земледелец привез с собой редкие культуры — шесть абрикосовых деревьев, на которых росли скрещенные с абрикосом кислотоватые персики с белой мякотью, триста райских яблонь, восемь кустов смородины, сотню мускусных розовых кустов и луковицы лилий. Он собрал в лесу 9 тысяч кустов дикой земляники и фиалок. Его сменил постоянный садовник замка Шарло Герен, а затем — Жак Дютертр, получавший жалованье сорок два ливра в год. Он следил за тем, чтобы сад давал большой урожай, и не только яркие цветы, но также аппетитные овощи: артишоки, огурцы, дыни, лук-порей, капусту, горох, репчатый лук, лук-шалот и многое другое.

Цветник, как и бывший сад Бойе, орошался родниковой водой из источника Рош, поступавшей по трубам, проложенным Карденом де Валансом, умелым специалистом из Тура. В центре водяная струя фонтанировала до трех туазов в высоту.

Помимо цветника многое делалось и в кроличьем садке. Диана приказала проложить там аллеи, насадить живую изгородь из боярышника и орешника, устроить зеленые беседки и «дедал» — лабиринт из

густого кустарника. Там оборудовали площадку для игры в мяч, куда со своими приближенными отправлялись поиграть шевалье и сама Диана.

Это огромное чудо из камня, зелени и воды, бесспорно, несет на себе отпечаток вкуса герцогини, которую король снабжал необходимыми денежными средствами. Действительно, 17 января 1552 года он разрешил своей любовнице брать 5500 ливров из доходов сенешальства Ландов, как он говорил, «в благодарность за добрые, приятные и похвальные услуги, кои оказаны ею прежде нашей дражайшей и любимейшей супруге Королеве». Такая сумма и вправду была необходима. Обычные доходы кастелянства не позволили бы оплатить работы по обустройству цветника — более 5000 ливров, не считая накладных расходов, которые был вынужден покрыть сборщик домена, в частности обеспечение питанием и жильем рабочих разных специальностей, для чего ему пришлось привести в порядок вспомогательные постройки и службы замка.

Диана преследовала далеко идущие цели. Став в 1548 году, по воле короля, герцогиней де Валентинуа и по-настоящему царствуя при дворе Франции, она решила продемонстрировать собственное величие рядом с королевскими дворцами на Луаре.

Лабиринты судопроизводства

Диане хотелось навсегда остаться гордой владелицей Шенонсо, а ведь дарственная в один прекрасный день могла быть оспорена. Чтобы этого не произошло, королевская фаворитка начала действовать. Опыт управления поместьем ясно показал, что доход с него достигает около тысячи ливров в год. Однако во время сделки короля с Антуаном Бойе Шенонсо оценили в 90 тысяч ливров, что соответствовало 2500 ливрам годового дохода. Значит, цена на поместье была сильно завышена и в действительности составляла самое большее 55—60 тысяч ливров.

Ловко наведя справки, герцогиня составила план. Она решила оспорить акт 1535 года, присоединивший Шенонсо к королевскому домену. В случае отмены этого документа Антуан де Бойе вновь становился владельцем своего имущества и тут же вновь оказывался должником Короны. Ему пришлось бы сразу продать Шенонсо, чтобы выручить деньги, которые он был должен королю. А Диана купила бы поместье, добившись его продажи с торгов как частного имущества.

План был исполнен. 11 августа 1552 года в особняк Антуана Бойе в Париже явился судебный пристав и потребовал, чтобы тот предстал перед Генеральным Советом, чрезвычайной юрисдикцией, учрежденной в интересах короля. Бойе бежал в Италию, но был вынужден передать свои права жене, Анне де Понше, и парламентскому советнику Тьери Дюмонту, разрешив им расторгнуть сделку, совершенную в 1535 году. По решению Генерального Совета от 28 февраля 1554 года эта сделка была признана недействительной, и Бойе вновь вернулись права на владение Шенонсо. Но это было лишь началом судопроизводства. Теперь следовало вынудить Бойе вновь выставить поместье на продажу. Сделать это помогли грамоты Генриха II от 11 февраля 1554 года, предписывающие в случае неуплаты должником короля своего долга наложение на его имущество ареста. Арест на имущество был наложен 1 апреля. Франсуа Лефебр, ординарный пристав суда Амбуаза, объявил об этом в Шенонсо в присутствии сборщика Андре Бери. Трижды глашатаи объявляли о предстоящих торгах в соседних приходах. Наконец 23 августа Генеральный Совет отдал распоряжение о начале процедуры торгов. Они состоялись зимой.

После нескольких надбавок в цене герцогиня де Валентинуа предложила 21 марта 1555 года канцелярии суда Генерального Совета сумму в 50 тысяч ливров. 8 июня того же года поместье было передано ей. Бюрократические формальности были совершены в сентябре и октябре, и новый управляющий Жоф-

фруа Лорен, уполномоченный Дианой, вступил во владения, приказав открыть перед ним двери и символически выгнать из замка сборщика Андре Бери, его жену и детей.

Дело закончилось тем, что король избавил Антуана Бойе от выплаты 40 тысяч ливров — суммы, которую тот теоретически еще оставался должен Короне. 20 августа 1556 года герцогиня де Валентинуа принесла торжественную клятву верности королю; а перед тем, в марте, за небольшие участки земли, находившиеся в феодальной зависимости от Шенонсо, она поклялась верой и честью служить своему двоюродному брату Рене де Бастарне, сеньору де Монтрезору. Отныне она считала себя владелицей Шенонсо навеки.

Замок на воде

Пока неспешно протекало судебное разбирательство, Диана, не обеспокоенная его исходом, продолжала украшать свой знаменитый цветник. Получив признание своих прав, она решила улучшить прилегающие к замку территории на правом берегу Шера, где на холме росла роща, орошаемая Вестенским ручьем и двумя прекрасными источниками, живописно текущими по склонам. В месте слияния с Шером Бойе и Франциск I мечтали построить мост. Диана обратилась к этому проекту и поручила его осуществление главному управляющему резиденциями короля, своему советнику Филиберу Делорму, которого король по рекомендации Дианы назначил советником, ординарным духовником, магистром счетов и одновременно аббатом Сент-Элуа в Нуайоне и д'Иври в диоцезе Эврё.

В начале 1556 года Филибер Делорм вместе с Пьером Юрлю, мэтром-каменщиком из Монришара, исследовал устье Шера. Он убедился, что скальная порода, в которой проходило русло реки, будет прочной основой для быков будущего моста. По проекту на выступающих частях мостовых быков предпо-

лагалось возвести башенки, которые находились бы по бокам одноэтажной галереи, завершающейся балконом или подъемным мостом над левым берегом. Окна с одной и с другой стороны выходили бы на реку, так что из них можно было видеть восход и закат солнца. Два камина обеспечивали бы тепло. Помещение внутри самого близкого к замку быка служило бы буфетной. Требовалась значительная переделка заднего фасада, так как пропадало окно кухни, а также одно из двух окон большой комнаты, выходящее на запад. По отношению к галерее ось моста должна была быть смещена ниже по течению, чтобы не загораживать окна большой комнаты с южной стороны, предназначенной для короля.

Новую стройку тотчас же начали с тем же размахом, что и обустройство цветника. Было заказано более двух сотен бочек с известью, а в Амбуазе купили семь бочек цемента. Более того, около карьеров в Удс были установлены временные печи для обжига извести, а на реке поставлены временные плотины. 10 июня 1557 года король дал разрешение срубить в лесу Монришара пятьдесят больших деревьев для плотин и формирования сводов. Таким же образом в 1552 году он пожаловал пятьдесят больших деревьев из принадлежащего ему леса в Дрё на строительство замка Ане.

Филибер Делорм назначил «директором» работ своего брата Жана, господина де Сен-Жермена. Каменщик Пьер Юрлю получил в помощники Жана Филиппо де Вьена, «мэтра приспособлений» замка Фонтенбло. К зиме, до того как начала прибывать вода, все опоры моста, кроме одной, были построены; на оплату работ ушло 560 ливров. Когда Юрлю умер, его сменили в июле 1557 года два новых каменщика — Жак Ле Блан из Парижа и Клод Ланфан де Блуа. По контракту они получили 6 тысяч ливров на производство вручную работ высшей степени сложности; герцогиня снабжала их всеми материалами: обтесанным камнем, гравием, известью, песком, механизмами, лесом, канатами, а кроме того, гужевым транспортом. Этих двух каменщиков в январе 1559

года сменил новый подрядчик Жан Норе де Лош, который обязался закончить арки за 4200 ливров. Он завершил стройку к концу года, но в это время Диане уже пришлось уступить Шенонсо Екатерине Медичи, которая купила за тысячу ливров остаток леса, подаренный Генрихом II своей фаворитке, и в ожидании строительства галереи, которое все никак не начиналось, приказала установить по краю моста балюстраду из позолоченной бронзы.

Таким образом, мост через Шер уже обошелся в 9 тысяч ливров и все еще не был закончен. Однако река изменила свой внешний вид: ее русло выровнялось, так как снесли остров, находившийся у начала древней каменной плотины, подводившей воду к бывшей мельнице. В остальном Диана предпринимала лишь работы по текущему ремонту, кровельные, водопроводные и слесарные.

Уделяя очень большое внимание тому, чтобы поместье приносило хороший доход и выглядело красивым, Диана не меньше беспокоилась и об укреплении своих сеньорских прав: в 1557 году она с помощью короля присоединила к замковому владению Шенонсо не меньше восьми соседних феодалов. Она даже хотела построить новый замок на окраине своего владения, в том месте, где некогда находилось укрепление галлов Шастелье д'Амбуаз, напротив королевского замка. Это решение возникло не случайно.

Королевские дети в Амбуазе

В качестве идеального места для маленьких принцев король Генрих II и его супруга Екатерина Медичи выбрали Амбуаз с его здоровой местностью и свежим воздухом, предпочитая его даже Сен-Жермен-ан-Ле, потому что в долине Сены периодически вспыхивали эпидемии. Огороженный сад Амбуаза со своим цветником, созданным вовсе не напоказ, защищенный от непогоды и от посторонних, был, по сравнению с триумфальными клумбами Дианы, ти-

хим и отрядным уголком, словно специально предназначенным для детей. Принцы занимали здесь главное здание, обустроенное Франциском I и выходящее окнами прямо в сад. Правда, семеро из десяти детей, рожденных королевой Екатериной с 1544 по 1556 год, появились на свет в Фонтенбло, а трое — в Сен-Жермен-ан-Ле, но рано или поздно всех их перевозили в Амбуаз, и родители приезжали с ними поглядеться.

Визит королевы Екатерины

Королева Екатерина прибыла в замок в великолепном окружении многих знатных дам: впереди, возглавляя группу придворных дам, ехала Диана де Пуатье в обществе супруги коннетабля де Монморанси. Их экипаж был роскошным. Благодаря своим исключительным правам и жалованью в 1200 ливров в год они и вправду находились в одном ряду с главными королевскими сановниками. Более того, они постоянно получали подарки: платья, драгоценности и многое другое. В благодарность за эти высокие милости они размещали у себя королевскую семью, одна — в Шантийи и Экуэне, другая — в Ане и Шенонсо. С 1548 по 1560 год дочь Дианы, Франсуаза де Брезе, герцогиня да Буйон, занимала должность старшей управительницы дома королевы, следила за обязанностями придворных дам, камеристок и фрейлин, число которых за время царствования возросло с двадцати двух до сорока шести. Пять-шесть камеристок, гувернантка девочек, четырнадцать женщин обслуги, в число которых входили кормилицы королевских детей, прачки, белошвейки, — всего около пятидесяти-шестидесяти женщин под началом старшей управительницы обеспечивали комфорт королевы и маленьких принцев. Кроме того, сорок человек персонала, дворецких, хлебодаров, виночерпиев, конюших находились в распоряжении высокопоставленной персоны, главного гоффурьера де Сент-Андре, друга Дианы де Пуатье, получавшего изряд-

ное жалованье — 1200 ливров и до 1550 года считавшегося важным лицом при дворе.

Капеллу королевы составляли главный священник, одиннадцать рядовых священников, исповедник Жак Тюрзелло флорентинец, проповедник, восемь домовых священников. За здоровьем следили трое медиков, один из них, Кретъен, пользовался полным доверием Екатерины, другой, Каstellан, соединял в себе таланты хирурга, цирюльника и аптекаря. Двадцать секретарей, советники, камердинеры, которые умели сочинять забавные стихи, как Бродо и Жамин, артисты, музыканты, портные и вышивальщицы, — всего около 150 человек обычной челяди, помимо прислуги более низкого разряда, сопровождали королеву, когда она отправлялась к своим детям в Амбуаз.

Маленьким принцам полагалась собственная свита. Гувернанткой дофина Франциска была дочь Дианы, герцогиня де Буйон. Мари-Катрин де Пьервив, дама дю Пернон, воспитывала будущего Карла IX; Леонора Стюарт, дама де Сен-Мем, — будущего Генриха III. Воспитателем принцев с 1546 года был Жан д'Юмьер, господин де Недоншель и де Муши, он до самой своей внезапной смерти в 1550 году вместе с женой Франсуазой де Конте (родившей восемнадцать детей), заботился о них, следил за их играми, оберегал детский сон. Кроме того, в 1548 году ему доверили еще одну маленькую воспитанницу, Марию Стюарт, королеву Шотландскую, присоединившуюся к группе детей вместе со своей гувернанткой, леди Джейн Флеминг, чья красота пленила пламенного Генриха II. Диана самолично дала Жану д'Юмьеру распоряжение о том, чтобы за юной государыней ухаживали не хуже, чем за дочерьми Генриха II. Королевская фаворитка была внимательной ко всему: она следила за здоровьем детей своего царственного любовника, помогала в выборе кормилиц и иногда привозила их к себе в Ане набраться сил и поправить здоровье. По окончании исполнения своих обязанностей кормилицы оставались на службе у королевских детей в качестве камеристок и получали годо-

вое жалованье. Так, первой кормилице дофина Франциска, Марии Корто, с 10 ноября 1558 года король назначил ренту в 100 турецких ливров в год.

Королева Екатерина и король были нежными родителями. Они следили за тем, чтобы им часто докладывали о том, как кушает Карл IX, который плохо ел, о его кожной сыпи, об искривлении позвоночника, обнаруженном у маленькой Клод, будущей герцогини Лотарингской, и аденоидах маленького Людовика Орлеанского, которому судьба уготовила смерть от кори в год и девять месяцев.

Королевские счета свидетельствуют о том, что врачи Валлеран Дене и Гийом Кретъен постоянно лечили королевских детей. Так, в 1557 году по их рецептам четыре аптекаря, обслуживающие детей, доставили лекарств и аптекарских товаров на 624 ливра. Сумма эта была немалой даже по сравнению с расходами на одежду и форму для королевской свиты, которые в том же году только за один квартал составили 2400 ливров и к которым добавились такие расходы, как покупка убранства, шпалер и тканей на 874 ливра для капеллы дофина.

Во время публичных церемоний маленькие принцы, как и их родители, должны были держаться в соответствии со своим рангом, и люди добрые смотрели на них во все глаза.

По моде того времени королевские дети росли вместе со своими сверстниками, маленькими пажами и фрейлинами. Незаконнорожденная дочь Генриха II и Филиппы Дучи, Диана, на шесть лет старше дофина Франциска, жила при дворе в окружении особого штата придворных, но не была разлучена со своими законнорожденными братьями и сестрами. Точно так же дело обстояло и с Генрихом Ангулемским, родившимся в 1551 году от связи короля и леди Флеминг.

Так как король и королева часто находились вдали от своего многочисленного потомства, существовали так называемые «вестники», то есть гонцы, осуществлявшие связь между постоянно разъезжавшими государями и их «оседлыми» детьми. В письмах вос-

питателей часто оказывались наскоро нарисованные углем портретики детей. Эти художники-самоучки с ходу делали наброски маленьких принцев и принцесс. Но нередко и знаменитые художники, например «Мастер Жане», то есть Франсуа Клуэ, отправлялись в Амбуаз создавать настоящие портреты.

Питание и расходы королевских детей

До наших дней сохранился «королевский кормовой счет», в котором записаны все расходы по содержанию королевских детей и их свиты, составленный в Амбуазе в воскресенье 31 мая 1556 года. Герцогу Орлеанскому, будущему Карлу IX, было шесть лет; его братьям, бастарду Генриху Ангулемскому и герцогу Анжуйскому, Эдуарду Александру, будущему Генриху III, — по пяти. Маргарите, будущей королеве Марго, только что исполнилось три года. Самого младшего Эркюля Алансонского еще выкармливала кормилица, и потому в счете он не упоминается. Королева Екатерина, месяцем позже родившая двух своих последних детей-близнецов, не расставалась и со своими старшими — Франциском, Елизаветой и Клод. И хотя принцы, жившие в Амбуазе, были совсем маленькими, при них находилось очень много придворных — более двухсот человек — и на питание не скупились!

Булочник Лоран Селье доставил в этот день тридцать девять дюжин ситного хлеба, который использовался для того, чтобы на нем резали мясо; каждый получал ежедневно по два таких выпечных изделия, что соответствовало примерно 425 г на человека. Пополнил запасы пищевой соли и отдал распоряжение наточить ножи некто Жан де Назель. Всего расходы хлебной службы составили 10 ливров 16 су 6 денье.

Жан Грондо пополнил запасы винного продовольствия. Для приближенных принцев зарезервировали 47 сетье белого вина и клярета. Вся челядь имела право на 14 сетье и 2 кварталы¹. Клод де Сен-Васт,

¹ Кварт а — две кружки, около 1 литра.

по прозвищу Гуэн, был обязан поставлять стаканы, пробки и затычки. Провиантская служба должна была доставлять бочки в подвалы города, а оттуда — в винные погреба замка. Счета винного погреба провиантской службы относятся к апрелю и маю; количество напитков можно представить по поставке одного дня — около 450 л (одно сетье соответствует примерно 7,45 л). Принимая во внимание дешевизну вина, сумма общего расхода на него все-таки не слишком велика: 28 ливров 16 су 6 денье.

Статья расходов по кухне изобилует подробностями описания купленного мяса. Главным образом употребляли говядину: 17 с половиной кусков (не считая «двух бульонов» супа), сало (на 12 ливров) и «полтора брюха» потрохов. Затем идет телятина: 4 куска, а также потроха и кишки (4 «брюха» и 8 брыжеек), 12 мясных кусков и ножки для рагу под белым соусом. Баранины было привезено 7 кусков и 12 ножек; козлятины — семь с половиной кусков и потроха. В меню нет ни рыбы, ни свинины, вероятно, опасались отравлений. Из домашней птицы было поставлено 80 кур и голубей, 31 каплун и 8 гусей. Ко всему этому еще привезли зайца, а чтобы было на чем приготовить пищу — 78 фунтов свиного сала и полсотни яиц; для освещения — 12 с половиной фунтов сальных свечей. Итого завезено провизии на 62 ливра 18 су 4 денье.

В отдельном счете записаны поставки по кухне для нужд аптекаря: два фунта сахара, полторы унции¹ корицы, один фунт крупы, унция шафрана и четыре унции пряностей, все вместе на 10 ливров 6 су 9 денье.

Пирожник получил 10 ливров 8 су 1 денье за сладкие пироги, которые замесил и выпек; зеленщик за обязательную поставку овощей — 35 су; «оруженосец соли» — то есть ответственный за соль — 9 су. Четыре кухонных «мальчонки на побегушках» обошлись в 70 су — оплата жилья, обуви и необходимых им веревок; слуги, в обязанности которых входило подметать пол и разжигать огонь, получили за свой труд в течение целого мая лишь 10 су.

¹ Унция — около 30 граммов.

Все расходы по кухне составили 73 ливра 16 су 2 денье. Сюда нужно еще добавить расходы фруктовой службы, в которые входила поставка фруктов (5 ливров 3 су 3 денье), ранних овощей и артишоков (1 ливр 13 су), а также желтого воска.

В статью расходов дровяного двора вошли затраты на отопление (144 полена, 139 охапок хвороста, уголь) и уборку помещений («срезанные ветки и тростник», а также покупка веников из ветвей, перевязанных соломой). Здесь же учтены пергамент и чернила, необходимые для записи расходов. Четырнадцать флаконов и два оловянных кувшина, предназначенные для виночерпиев и камердинеров, были изготовлены посудным мастером из Амбуаза, который «использовал для этого пять старых флаконов»; ему заплатили 21 ливр 14 су.

Поставщику Гийому Моруану за вилку, маленький ножик и два ларчика для стола Монсеньора Ангулемского заплатили 20 су. Из двенадцати локтей полотна он изготовил для кладовой принцев три мешка и три «купшло» (мешки в виде ажурной сетки).

Таким образом, все было предусмотрено, чтобы принцы, находясь в своей детской резиденции в Амбуазе, были обеспечены всем необходимым и окружены комфортом. Четкая организация управления избавляла родителей от обычных забот и необходимости присматривать за детьми.

Дофин Франциск не оставался в Амбуазе с младшими братьями и сестрами. Обычно он вел тот же образ жизни, что и король: счета расходов его стола записаны вперемешку со счетами расходов стола короля и королевы. Но начиная с 1555 года у него появился свой особняк со свитой в сорок девять человек и прислугой, состоявшей из семидесяти восьми человек: восемнадцать личных слуг от цирюльника и хирурга до игроков на ребекке и спинете¹, шесть человек хлебной службы, семь при винном погребе, двадцать пять при кухне, трое для нарезания и пробы

¹ Спинет (*um. spinetta*) — музыкальный инструмент, разновидность клавикордов.

блюд, пять при фруктовой службе, семеро при дровяном дворе, в число прислуги входили также аптекарь с двумя помощниками и четверо служителей.

Сравните это с расходами маленьких принцев: счет двorca дофина за один из летних дней 1557 года свидетельствует о том, что в тот день было съедено 31 дюжина и 8 хлебов и выпито 42 сетье 1 пинта¹ вина.

Когда король и королева приезжали к своим детям, они не могли уделять им много времени. Положение не позволяло им менять привычный распорядок дня: охота, прогулки пешком и верхом чередовались с ассамблеями, советами, балами, дипломатическими переговорами, например с немецкими князьями, состоявшимися в Шамборе в 1552 году. Когда двор перебирался в долину Луары, могущественная фаворитка не успокаивалась до тех пор, пока король не приезжал в ее владение. В Шенонсо Диана царствовала в своем замке среди родников и лесов, как та античная богиня, чье имя она носила. Величественный и оригинальный цветник в полном великолепии своих насаждений словно продолжал залы замка — их двери распахивались прямо в этот сад-салон, райский уголок на брэнной земле, широко открытый миру, в отличие от скромных садов за стенами прежних королевских резиденций.

Так выглядела сцена театра нового общества, в котором куртуазность и помпезность прекрасно уживались с античным прославлением природы и даруемых ею наслаждений.

Глава четвертая

Светская жизнь

При Франциске I и Генрихе II в городах и деревнях царила строгая социальная иерархия. Каждый класс отличался не только образом жизни, но даже

¹ Пинта — кружка, 1/2 литра.

своими строениями, будь то частный особняк, суд, или церковь. Каждый индивидуум находился под контролем многочисленных политических, религиозных и цеховых институтов. Те же, кто пытался осуждать сложившееся положение, жестоко карались. Пример тому — Реформация.

Однако «кочевое общество», постоянно следовавшее за государем и его семьей по замкам Луары, в принципе не было связано этими законами. Близость центральной власти уменьшала могущество других властей и позволяла избежать подчинения им. Эта свобода благоприятствовала развитию умов и изменению нравов.

*Новый кодекс вежливости.
Придворный кавалер и придворная дама;
трактат Бальдассара Кастильоне*

На протяжении веков знатные сеньоры и их приближенные использовали рыцарский кодекс чести, но его вычурные правила вежливости чаще всего не могли противостоять грубой силе инстинкта. Поэтому женщины продолжали страдать и от своей зависимости, и от своего униженного положения, уходящих корнями в феодальную эпоху. На протяжении половины столетия споры по этому вопросу волновали умы. В лице Кристины Пизанской, Алана Шартье и Франсуа Вийона женщины обрели своих защитников, но их хулители оставались такими же злобными; пример тому иронический трактат XV века «Пятнадцать радостей брака». При Франциске I и к концу царствования Генриха II страсти вокруг этого неразрешимого спора стали ослабевать, правда, женоненавистники не сдавали своих позиций, а наиболее знаменитым среди них был Франсуа Рабле. Но в эту же пору чрезвычайно модной сделалась идея платонической любви. Она пришла из Италии вместе с многочисленными поэмами. К тому же женщины заняли очень важное место при дворе, в частности Маргарита, сестра короля Франциска. Влияние

женщин, как признак наступления новых времен, сочеталось с попытками определить правила поведения, которых следовало придерживаться в придворном обществе. Самым знаменитым трактатом на эту тему стало сочинение «Идеальный придворный» Бальдассара Кастильоне.

С 1504 по 1513 год Кастильоне числился сеньором двора герцога Урбинского, с 1513 по 1516-й являлся послом в Риме, и с 1524 года до самой смерти в Толедо в 1529-м — папским послом в Испании. Его произведение, напечатанное в Венеции в 1528 году, отражает личный опыт жизни при дворах, которые он очень внимательно изучил.

В форме приятного разговора между светскими людьми в трактате излагаются универсальные правила хорошего поведения при дворе. При любых обстоятельствах придворный должен вести себя совершенно естественно, быть всегда готовым рассмеяться, уметь шутить, блистать в светском разговоре, танцевать, участвовать в турнирах и поединках, обнажать шпагу, если служба князю требует того; и всегда должно складываться впечатление, что он делает все без малейших усилий. В общем, он всегда представитель, любезен, добр, скромен, осторожен и великолепен в своем наряде. Когда он вступает в разговор, его речи не бывают неуместными, непристойными, шутовскими.

Придворной даме посвящена третья книга трактата. Дама должна быть так же любезна и скромна, как и придворный кавалер. Она не завистлива, не злоречива, не ревнива, не тщеславна. К обходительному обращению добавляется красота: она должна уметь подчеркнуть свое очарование. Участвуя в постоянных празднествах при дворе, она остается прекрасной матерью и хозяйкой, то есть рачительно ведет дом и мудро воспитывает детей. Она разбирается в литературе, музыке, живописи. Она прекрасно танцует, участвует в светских играх, поддерживает светскую беседу. А если среди придворных она встретит свою любовь, ей не следует выставлять напоказ свои чувства. Она и ее возлюбленный должны сделать так,

чтобы «их глаза стали верными посланниками сердца». Сдержанность и скромность занимают первое место в этом «искусстве любить».

Безукоризненное поведение помогает придворному кавалеру и даме снискать доверие принца и его семьи, они могут сыграть положительную роль и помочь ему в свою очередь стать добрым государем. Ради общего спокойствия народа они заботятся об успехе охоты, праздников, пиров, турниров, зрелищ, при этом в военное время придворные кавалеры вступают в армию, а в мирное — занимаются ведением гражданских дел. Наука об идеальном придворном предполагала развитие человека посредством платонической любви, которая гармоничным и возвышенным образом регулирует человеческие взаимоотношения.

Этот универсальный кодекс имел успех во всей Европе. Его десять раз переиздали в Италии в период с 1528 по 1547 год, три раза во Франции — в 1537 и 1538 годах в переводе Жака Колена из Оксера. Король Франциск I имел личный экземпляр — подлинное венецианское издание в прекрасном переплете.

*Мода на трактаты о вежливости:
«Галат» делла Каза*

Свод правил хорошего поведения при дворе, «Идеальный придворный», был дополнен множеством трактатов о воспитании молодых людей, как, например, «Вежливость манер у детей», написанный Эразмом и напечатанный в Базеле в 1530 году. Это произведение было издано во Франции Матюреном Кордьё под названием «Зерцало юности» в 1559 году, в то же время, когда вышли в свет и «Вежливая честность для детей» Кальвиака, и «Детская вежливость» Жана Луво.

В Италии книга Кастильоне нашла свое практическое продолжение в произведении, не менее привлекательно читаемом при дворах: «Галатео, или Трактат о манерах», написанный в 1552—1555 годах архиепи-

скопом Джованни делла Каза Беневентским для своего племянника Аннибале Ручеллаи.

Автор ставит своей целью дать практические советы по хорошему воспитанию. Это произведение, не оставляющее в стороне нелицеприятные вещи, в частности, касалось пажей и других придворных низкого ранга.

Рассмотрим некоторые из тех советов. Не надо, писал архиепископ, на людях касаться рукой той части тела, которая непреодолимо чешется. Скромность требует не справлять естественные надобности в присутствии других людей. Справив же их, не надо застегиваться и мыть руки на людях, так как будет легко понятно, почему это делается. Не нужно показывать никому что-либо неприятное или дурно пахнущее, приговаривая: «Понюхайте, пожалуйста, как воняет». Наоборот, следует предупредить: «Осторожно, не нюхайте, это дурно пахнет».

Нельзя ковырять в зубах в присутствии других людей, насвистывать, петь, особенно солировать, если нет голоса. Следует стараться не кашлять, громко не чихать и не брызгать на соседей. Не надо вопить или ржать по-ослиному. Высморкавшись, не следует разворачивать платок и изучать его содержимое, словно это жемчуг или рубины. За столом, если два гостя пьют из одного бокала, не стоит погружать в него свой нос. Не надо дуть на блюдо, которое ешь с другим гостем, или передавать кому-нибудь грушу или иные фрукты, откусив от них. Не следует пачкать свою салфетку соусом.

Если сидишь за одним столом со знатными сеньорами и обслуживаешь себя собственными руками, руки должны быть чистыми, так же как и используемое столовое белье, нельзя чесаться, чихать и кашлять над бокалами. Находясь в обществе, не следует говорить о том, что другим не по душе, или затрагивать очень личное, например, рассказывать сны. Нужно с интересом слушать что говорят, а не приниматься вдруг за чтение письма, вынув его из кармана, или доставать ножницы, чтобы постричь ногти. Не стоит напевать, постукивать по столу пальцами, бес-

покойно двигать ногами или окликать других. Нельзя ходить в неопрятном виде, небрежно распахивать одежду, позволяя выглядывать нижнему белью, что означает неуважение к окружающим. Знатному сеньору допустимо вести себя так для того, чтобы показать подчиненным свое расположение и доверие. Одеваться полагается в соответствии с модой двора. В отношении бороды и стрижки волос также нужно руководствоваться местными обычаями.

Некоторые небрежны и их дурные манеры бессознательны, но это исправимо. Однако есть люди заносчивые, со скверным характером: все садятся за стол, блюда готовы и уже принесли воду для омовения рук, а они желают, чтобы им подали чернильный прибор или ночной горшок, или заявляют, что еще не выполнили своих экзерсисов и должны отправляться на прогулку, добавляя: «Еще такая рань. Нельзя ли бы немного подождать, к чему такая спешка с утра?» Устраиваясь в доме, они занимают лучшие постели и самые красивые комнаты. Им угодно лишь то, что в голову взбредет...

Конечно, такое поведение недопустимо. Окружающим следует выказывать почет и уважение. Приветливость — лучший способ завоевать себе друзей. Нужно неизменно следовать правилам и четко произносить титулы, установленные этикетом, к королю обращаться: «Ваше Величество» и называть на «ты» лишь нижестоящих. Не стоит благодарить приближенных лишь словами. Не надо насмехаться ни над кем, но стараться приятно шутить, что является лучшим способом развлечь других и ценится в обществе.

Из этих наставлений ярко вырисовываются образы молодых людей, шумной толпой окружавших принца в садах, залах и покоях замков.

Богатая сказками и новеллами литература дарит нам множество историй, и этот маленький мирок оживает. Продолжая традицию Боккаччо и «Ста новых новелл», написанных для герцога Бургундского Филиппа Доброго, «Новые забавы и веселые разговоры» Бонавентюры Деперье, камердинера Маргариты

Наваррской, содержат интересные свидетельства о жизни двора. Эти новеллы скорее всего были написаны во время царствования Франциска I, но вышли в свет лишь в 1558 году после ужасной смерти их автора, очевидно покончившего с собой.

*Пестрое общество:
иностранные гвардейцы и шуты, дрессированные
животные и мошенники*

Помимо знатных сеньоров в сказках и новеллах начинает фигурировать и королевская гвардия. Один шотландец, лучник стражи, женившись на фрейлине некой принцессы, сильно обманулся в своих ожиданиях, когда во время брачной ночи юная супруга, выглядевшая девственницей, в делах любви оказалась не менее опытной, чем проститутка. Другой шотландский гвардеец, штудировавший в юности «изящную словесность», снимал в городе комнату у одной вдовы. Он с большим трудом говорил по-французски. Когда у него заболел живот, он сообщил об этом хозяйке следующим образом: «Мадам, я имею сильную боль в моем чемоданчике».

Среди людей, постоянно сопровождавших князей, находились и такие, кто играл роль штатных забавников. Они подшучивали сами над собой даже на смертном одре. Один шут, над которым проводили соборование, поджал под себя ноги. «Священник сказал: — Я не понимаю, где его ступни. — Да посмотрите, — ответил тот, — они же на конце моих ног, там и ищите!»

Пажи и балагуры — настоящая шайка безрассудных сорванцов. Однажды пажи прибили к столбу за ухо Кайета, шута Франциска I, который притворялся слабоумным. Проезжавший мимо знатный сеньор спросил у Кайета, кто его туда поставил: «Ки ля ми ля?»¹ А тот пропел: «Со ля ми ля!»² («Один дурак поста-

¹ Искраженное «Qui l'a mis la».

² Искраженное «Un sot l'a mis la».

вил меня туда!»). Сеньор рассвирепел и приказал своему оруженосцу допросить пажей. И каждый отвечал: «Нет, сеньор, это не я. Меня там не было». И Кайет тоже в свою очередь произнес: «И меня там не было». А потом попросил пажей, чтобы к столбу прибили и второе его ухо.

Другие истории рассказывают про Трибуле, знаменитого шута Франциска I. Он слез с лошади, желая наказать животное, «пустившее ветры перед королем». Сняв с нее седло, он вынес приговор: идти без всадника. В другой раз он продал лошадь, чтобы купить овса. Потом продал овес, чтобы купить хлыст.

Шуты устраивали свои проделки ради потехи короля, наперекор воле знатных сеньоров, вынужденных принимать участие во вздорной забаве. Пьер де Бурдейль, которому было восемнадцать, когда в 1557 году Генрих II сделал его аббатом де Брантомом, собрал интересные заметки, касающиеся этого времени. В «Жизнеописаниях великих иностранных полководцев» он рассказывает об обмене шутками дурного тона между шутом Генриха II, Жаном-Антуаном Ломбардом по прозвищу Брюске¹ и маршалом Пьеро Строцци в период с 1554 по 1558 год. Брюске занимал прекрасное положение: он добился права иметь почтовых лошадей. Был он очень богат и обладал красивой серебряной посудой. Однажды маршал Строцци присутствовал на празднике в черном бархатном мантио, расшитом серебром. Чтобы посмешишь Генриха II Брюске прикрепил к шлейфу мантио шпиговальную иглу с ломтиками сала², которые взял на кухне. После того как король вдоволь насмеялся, маршалу пришлось отдать свое мантио Брюске. Вскоре он отомстил ему, поручив бродягам украсть серебро Брюске. Шут отомстил, в свою очередь похитив самую красивую лошадь маршала и превратив ее в почтовую. В ответ Строцци захватил двадцать почтовых лошадей Брюске. Тот предложил маршалу за-

¹ Brusquet — грубиян.

² Своего рода каламбур — слово *lardon* означает по-французски и «ломтик сала», и «язвительная насмешка».

ключить перемирие и пригласил его с двенадцатью сеньорами на обед. В виде угощения он подал пироги со старыми удилами, подпругами и прочими остатками сбруи почтовых лошадей. Маршал его жестоко наказал: он тоже пригласил шута в гости и подал ему на обед мясо его любимого маленького мула. В следующей истории участвовала королева Екатерина, принимавшая супругу Брюске. Чтобы повеселить придворных, шут убедил обеих дам в том, что другая плохо слышит. Все просто умирали от смеха, наблюдая, как обе орут «ради взаимопонимания». Неожиданно появился Строчи и велел одному псарю поднести его охотничий рожок к уху жены Брюске и сыграть сигнал охоты. Несчастливая женщина на целый месяц лишилась слуха.

Многие истории, записанные Брантомом, такого же сорта. Шуты и знатные сеньоры безжалостно издевались друг над другом, ведь шут представлял своего рода смешной копией дворянина, как, впрочем, и карлики.

Кроме шутов, в большой моде при дворе были обезьяны, возможно потому, что они тоже повторяли и передразнивали повадки своих хозяев. Многие новеллы рассказывают о проделках обезьян и о любви к животным их хозяев. Так, один аббат, заключив контракт с неким итальянцем, доверил ему свою обезьяну, чтобы тот за шесть лет научил ее говорить по крайней мере так же хорошо, как умел говорить его попугай. Разумеется, итальянец обманул аббата.

В замки наведывалось множество мошенников. В 1545 году в Блуа королевский прево Ля Вольт задержал вора-карманника, одетого как богатый мещанин-торговец. Пока он разбирался с ним, их обступили благородного вида люди в элегантных костюмах. В действительности это были другие карманники, и им удалось срезать у прево его кошелек, пока он вершил суд над пойманным на месте преступления! С другим вором произошла еще более замечательная история. Во время мессы Франциск I, стоя напротив кардинала Лотарингского, заметил дворянина, запустившего руку в мешочек для пожертвований прела-

та. Вор заметил, что король наблюдает за ним, и сделал ему знак не поднимать шума. Франциск решил, что это розыгрыш. Когда служба закончилась, король нашел предлог попросить кардинала открыть свой мешочек. Можно представить себе недоумение прелата, обнаружившего, что его обокрали. После того как все вволю насмеялись, король спросил у присутствующих, кто это сделал. Разумеется, вор и не собирался называть себя! «Тогда вышеназванный кардинал попытался обернуть насмешку против короля, но тот, прибегнув к своей обычной клятве — дав слово дворянина — сказал, что впервые в жизни мошеннику удалось сделать его своим сообщником».

Таким образом, воры могли безнаказанно появляться при дворе и дурачить даже короля.

Дамы, нравственность и религия

Чтобы пробраться к знатым сеньорам, подозрительные личности использовали религиозное одеяние, особенно часто они рядились в монашескую рясу и просили подаяние. В «Гептамероне» Маргариты Наваррской, так же как и в новеллах Бонавентюры Деперье, духовенство отличается своей бессовестностью, воровством и равнодушием к женскому полу. Знатные дамы зачастую требовали их наказания. Графиня д'Эгмон велела выпороть слишком предприимчивого монаха. Регентша Луиза Савойская и королева Клод принудили одну распутницу, сбжавшую с каноником из Отена, вернуться к мужу. Да и сама Маргарита добилась наказания для одного монаха со скандальной репутацией, соблазнившего монахиню во время ночного бдения возле покойного!

Королева Наваррская проявляла огромный интерес к вопросам духовного совершенствования, как и все знатные дамы того времени. Она даже стала автором мистических размышлений: «Диалога в форме ночного видения», «Зеркала грешной души», «Признаков верной души и ума»... Поэтому она не могла выносить пошлость и бесстыдство людей, пользо-

вавшихся принадлежностью к церкви ради удовлетворения своих самых низменных потребностей.

Двор не оставался в стороне от охватившего страну мощного духовного обновления. Конечно же, самые ярые сторонники Реформации принадлежали чаще всего к ремесленникам и младшему духовенству, став мучениками первой половины века. Но и знатные сеньоры обращались к духовности, понимаемой по-новому. Екатерина Медичи, жена дофина, пела псалмы в переводе Клемана Маро. Все читали переведенную на французский язык Библию, «Наставление в христианской вере Жана Кальвина», а также «Наставление христианской женщине» Луи Вивеса. Вновь стали популярны отпечатанные в типографии часословы с наивными гравюрами. Молитвы по четкам, девятины — молитвы в продолжение девяти дней, пение гимнов в замковых капеллах дополняли повседневные мессы и проповеди, в которых проповедник нередко высказывал новые идеи¹.

«Гептамерон» и закулисная жизнь двора

Но, конечно, жизнь двора — это прежде всего светская жизнь с простыми мирскими интересами, поэтому все были не прочь поболтать о повседневной жизни и рассказать о будничных происшествиях. Маргарита Наваррская решила составить сборник новелл, разделенных по десять на десять дней, наподобие «Декамерона» Боккаччо. Над этим произведением она работала примерно в 1546—1549 годах, но

¹ Автор довольно идиллически рисует отношение к Реформации во Франции в первой половине XVI века, упомянув мельком, что при Франциске I «запылали костры», причем сам король, «не являвшийся фанатиком», «пытался усмирить бурные страсти». Что же касается времени Генриха II, то складывается впечатление, что при дворе чуть ли не сочувствовали Реформации. В действительности именно при Генрихе II костры запылали по всей стране, а сам король был нетерпим к протестантам-кальвинистам. По инициативе Генриха II была создана печально известная «Огненная палата», которая усердно жгла «еретиков» всех сословий, что и явилось прелюдией будущих гугенотских войн.

не успела его закончить, ибо в декабре 1549 года талантливая королева Наварры скончалась; она написала новеллы только семи полных дней и две новеллы восьмого дня. Вот почему, когда сборник был издан в 1559 году, его озаглавили «Гептамерон», то есть «Сборник новелл семи дней».

Небольшая группа отдыхающих в Котере из-за плохой погоды оказывается в монастыре. Чтобы развеять скуку, все по очереди рассказывают забавные истории. В этих вымышленных персонажах угадывается небольшой двор Маргариты. Рассказчики близко знакомы с королем Франциском и не раз видели его в обществе верных ему людей. Одна история повествует о том, как государь отдал в жены некоему дворянину богатую наследницу. Милость оказалась слишком щедрой, новобрачный поторопился воспользоваться имуществом жены, блистая на праздниках и приемах, вместо того чтобы выполнять обязанности супруга. Наверняка подобные ситуации складывались частенько, ведь придворная жизнь требовала уймы денег.

В другой новелле короля предупредили о том, что граф Вильгельм де Фюрстемберг, один из начальников наемных ландскнехтов, прибыл за тем, чтобы убить его. Государь пригласил предателя на оленью охоту, нарочно отъехал подальше от своих егерей и остался с графом наедине в глухом лесу. Он протянул ему свой клинок, и этот смелый поступок вынудил немца отказаться от его гнусной затеи. Очень странным кажется нам общество, оставляющее главу государства один на один с опасным террористом, о появлении которого сообщила служба контрразведки.

Помимо короля и знатных сеньоров в новеллах королевы Наваррской действуют простолюдины, служащие при замке. Некая погонщица мулов из Амбуаза предпочла умереть, чем отдаться слуге. Ковровщик из Тура, приписанный ко двору Карла Орлеанского, третьего сына Франциска I, был замечен соседкой, когда в снегу занимался любовью то с камеристкой, то со своей женой. Одна горожанка, тоже из Тура, вернула любовь своего мужа тем, что была

очень внимательна с его любовницей, арендаторшей фермы. Чтобы обеспечить своего супруга минимумом комфорта на этой самой ферме, где проходили их любовные встречи, дамочка приказала отправить туда хорошую кровать с простынями, покрывалами и стегаными одеялами, ковры, посуду, серебряный кубок, бочку дорогого вина, сладости и варенья.

В следующей новелле мы оказываемся в Амбуазе, в доме, который занимал камердинер королевы Наварры, очень удобно устроившийся: за счет своей хозяйки он пировал с людьми, приходившими к нему с ответными визитами. В другой истории мы снова в Амбуазе, но уже у шорника королевы, который, «судя по цвету лица, был скорее служителем Вакха, нежели слугой жрецов Дианы». Этот шорник занялся любовью с юной горничной рядом с кроватью жены, находившейся в предсмертной агонии, однако, осознав, что происходит, умирающая женщина нашла в себе силы вернуться к жизни.

Любовь на испанский манер

Помимо игривых историй, в «Гептамероне» есть сентиментальные рассказы, в которых любовь — вовсе не смешное ослепление, а роковое чувство. На первый план выходят уже душевные переживания. Многие из этих повестей навеяны испанскими новеллами. Это и история любви Амадура и Флориды: молодая женщина ушла в монастырь после того, как доведенный ею до отчаяния любовник отправился на войну и там нашел свою смерть; а также история любви королевы Кастильской и простого дворянина Элизора, который, устав от долгого ожидания, сделался отшельником.

После испанского плена короля Франциска I «иберийская» литература, что парадоксально, стала по-настоящему модной при Французском дворе. Придворные с увлечением читали рассказы про влюбленных, робких или преследуемых злым роком, мешающим им соединиться. Произведения Диего де

Сан Педро «Любовный плен», «Арнальт и Люченда» и Жана де Флореса «Суд любви» были переведены и переиздавались в XVI веке по двенадцать — восемнадцать раз. За десять лет до королевы Наваррской, в 1538 году, одна придворная дама, Элизьен де Крен, имела значительный литературный успех благодаря своеобразной автобиографии под названием «Мучительное томление, происходящее от любви».

Популярное чтение и рыцарские романы

Ночи напролет в замках и деревнях рассказывали печальные, сентиментальные или вольные истории. Прекрасные примеры таких живых и остроумных, любимых всеми разговоров мы найдем в произведении Ноэля дю Файля «Деревенские шуточные беседы» (дословно: «Деревенские разговоры и бредни»), изданном в 1547 году. Этот автор перечисляет книги, которые обычно хранились в шкафу сеньора: Библия, «Деяния четырех сыновей Эмона», «Ожье Датчанин», «Мелюзина», «Календарь пастуха», «Золотая легенда» и «Роман о Розе».

Список, составленный позже сеньором де Губервилем, подтвердил этот выбор, но наряду с «Календарем пастуха» и произведениями Нострадамуса там также фигурирует популярный в ту эпоху «Амадис Галльский».

После полного забвения в XV веке вновь снискали милость читателей старые рыцарские романы: за 1478—1549 годы было напечатано и часто переиздавалось семьдесят девять таких романов. Это были переложенные прозой старинные героические поэмы, но в более грубой форме и с непристойными, а иногда и неуважительными эпизодами по отношению к личности короля, чаще всего представляемого Карлом Великим. Тон задавала Италия своей комической эпопеей «Морганта», сочиненной во Флоренции Луиджи Пульчи в 1466—1483 годах. Это гротескная повесть о том, как Роланд взял в спутники доброго и наивного великана. Благосклонностью

французских читателей пользовались и другие героико-комические итальянские поэмы: «Влюбленный Роланд» Маттео Боярдо, изданный в 1482 году, «Неистовый Роланд» Ариосто, рассказывающий историю любви Роланда и языческой принцессы Анжелики, изданный в 1516 году в отрывках, а в 1532-м — полностью.

Среди старых произведений, обновленных на потребу моде, во Франции выделялось четырнадцать романов каролингского цикла, в частности, «Деяния четырех сыновей Эмона», «Ожье Датчанин», «Гюон Бордоский», «Жирар Русильонский»; четырнадцать других из циклов романов Круглого стола, называемых также Бретонским циклом, среди которых, кроме «Тристана», «Ланселота Озерного», «Жирона Галантного», «Персеваля Гальского», выделялся роман «Персефорест», настоящая энциклопедия рыцарских обычаев.

Читателей очень привлекали эти выдуманные и невероятные истории, полные фантастических эпизодов и заканчивающиеся благочестивыми наставлениями в конце жизненного пути героя.

Грандиозная шутка Рабле

Великий Франсуа Рабле не мог оставаться в стороне от этого всеобщего настроения и создал оригинальное произведение, названное им героической поэмой о великанах Гаргантюа и Пантагрюэле. Это не только пародия на рыцарские романы, но еще и сатирическая панорама современной ему жизни.

История Гаргантюа происходит в маленьком кантоне Турени, на родине автора, появившегося на свет в 1494 году в Ла Девиньере, совсем недалеко от Шинона. Телемская обитель¹ откровенно напоминает грандиозные замки Луары. У подножия этого шестиугольного здания в шесть этажей, крытого тонким

¹ Телемская обитель — от *греч.* слова «телема» — желание.

шифером, протекала река, а по бокам на расстоянии 312 шагов одна от другой стояли башни.

«Здание это было сто́крат пышнее Бониве, Шамбора и Шантильи; в нем насчитывалось девять тысяч триста двадцать две жилые комнаты, при каждой из которых была своя уборная, кабинет, гардеробная и молельня, и каждая из которых имела выход в большой зал. Башни сообщались между собой изнутри и через жилой корпус при помощи винтовых лестниц, ступени которых были сделаны частью из порфира, частью из нумидийского камня, частью из мраморазмеевика; длина каждой ступени равнялась двадцати двум футам, высота — трем пальцам, от площадки к площадке вели двенадцать таких ступеней. На каждой площадке были две прекрасные античные арки, откуда шел свет и которые вели в ажурные лоджии, по ширине равные лестнице, а лестница поднималась до самой кровли и увенчивалась павильоном. По таким же точно лестницам можно было с любой стороны пройти в большой зал, а из зала — в жилые помещения¹».

«Портрет» Телемской обители — вылитый «портрет» Шамбора. Внутренний двор украшен алебастровым фонтаном, а галереи — разными редкостями, например шкурами и рогами животных.

На внешнем дворе находились ристалища, ипподром, театр, бассейн с «изумительной» водой, залы для игры в большой мяч, стрельбище. Наконец, «у реки был разбит красивый сад для прогулок с зеленым лабиринтом посередине», далее — «сад, где росли всевозможные плодовые деревья, рассаженные по косым линиям», и большой парк, «где была пропасть всяких зверей»; рядом имелись службы, соколиный двор и псарня.

«Все залы, покои и кабинеты были убраны коврами, менявшимися в зависимости от времени года. Полы были застелены зеленым сукном. Кровати —

¹ Здесь и далее перевод цитируется по книге: Франсуа Рабле. Гаргантюа и Пантагрюэль. Перевод с французского Н. Любимова. М.: Художественная литература, 1966.

вышитыми покрывалами. В каждой уборной стояло хрустальное зеркало в усыпанной жемчугом раме из чистого золота, и такой величины оно достигало, что человек виден был в нем во весь рост. Перед залами женской половины находились помещения для парфюмеров и цирюльников, через руки которых непременно должны были пройти мужчины, навещавшие женщин. Парфюмеры каждое утро доставляли в женские покои розовую, апельсинную и миртовую воду и вносили туда драгоценные курильницы, от коих исходил дым всяческих благоуханий».

Дамы одевались в ткани ярких расцветок и носили белье пунцового цвета, а обувь — из ярко-красного, алого или лилового бархата. Мужчины тоже щеголяли в драгоценных тканях, а к поясу пристегивали клинки — «у каждого на боку шпага с золотым эфесом, с золотым острием филигранной работы, в бархатных ножнах одного цвета с панталонами». Все носили великолепные украшения. Известно, что девиз, написанный над воротами этого любопытного аббатства, гласил: «Делай что хочешь». Создается впечатление, что Рабле был восхищен и очарован роскошным образом жизни в замках Луары так же, как и его современники.

В третьей и четвертой книгах «Пантагрюэля» (1552) интонация повествования полностью меняется и начинается своеобразный пространственный рассказ о путешествиях по новым странам мира и по новому миру идей эпохи Возрождения. Там содержится намек на экспедиции Жака Картье на остров Святого Лаврентия и в Канаду (1535—1536) и на экспедицию Роберваля (о нем также рассказывается в 67-й новелле «Гептамерона»). Рабле не только удовлетворяет любопытство своих современников, но и блещет вольным и сатирическим остроумием. Его живая речь, яркая, необычайно богатая неожиданными словечками и оборотами, позволяет представить себе беседы «с размахом», те самые, что ведутся в замках Луары, — оживленные, ученые, вызывающие восторг и у сеньоров, и у их приближенных, приобщающие к подлинной единой культуре.

Эпические поэмы, немало послужившие развлечению французов не без участия Рабле, неожиданно сыграли свою роль и в исправлении нравов, на этот раз благодаря Испании. Наместник Медины дель Кампо, Гарсиа Ордонез де Монтальво примерно в 1492—1504 годах сочинил историю знаменитого рыцаря Амадиса Галльского. Во Франции с 1540 по 1548 год Эрбере дез Эссар изящно перевел ее в двенадцати томах ин-фолио. Недавно обновленные старые романы пополнились этим новым, никому не ведомым циклом приключений. Волшебства, феи, подвиги, галантность, похищения младенцев, трагические испытания, — вероятно увлекательная смесь приключений Амадиса, «Прекрасного Угрюмца», отвергнутого Орианой. До нас дошли многочисленные свидетельства огромного интереса к этому произведению. При Генрихе II, как рассказывает Ла Ну в своих «Политических и военных речах», тот, кто порицал кого-нибудь за чтение этих книг, «словно плевал ему в лицо». Жодель описал придворных, погруженных в чтение сочинений такого рода. Брантом тоже повествует об этом и добавляет: «Хотел бы я иметь столько же сотен экию, сколько девиц, придворных и монахинь переживали над приключениями Амадиса Галльского». Но помимо большого интереса к «Амадису» с точки зрения сюжета, это было еще и произведение, замечательное по возвышенности чувств: его называли учебником изящной нравственности. Более того, такие ценители литературы, как Дю Белле и Этьен Паскье, хвалили роман за его стиль. О том, что это всего лишь перевод, быстро забыли, потому что благодаря таланту переводчика роман стал образцом подлинно французской изящной словесности.

Открытия: очарование экзотики

Среди книг обитателей королевских замков не последнее место занимали рассказы о дальних путешествиях. По обету Луиза Савойская отправила служи-

теля ангулемского монастыря францисканцев, брата Жана Тено возложить в Вифлееме в ясли Иисуса золото, ладан и смирну. Вернувшись из двухгодичного путешествия за море, побывав в 1511—1512 годах в Египте, на горе Синай и в Палестине, он любил рассказывать о пирамидах, караванах верблюдов, нагруженных восточными товарами, чудесах святых мест,— все казалось слушателям грезами.

После путешествия Колумба и португальцев, начиная с 1534 года, Франциск I снарядил одну за другой три экспедиции Малуэна Жака Картье, к которому во время третьего путешествия присоединился Жан Франсуа де ла Рок сеньор де Роберваль. Тогда же Европа и познакомилась с Новой Землей и Канадой¹, с индейскими поселениями на Святом Лаврентии.

В начале века Жан Кузен отправился в Южную Америку на «разведку» в Бразилию². В 1505 году туда послали Польмье де Гоневиля. Торговля бразильской древесиной оказалась очень прибыльным делом. Рыцарь ордена Святого Иоанна Иерусалимского Никола Дюран де Вильганон получил в 1555 году от Генриха II два корабля и 10 тысяч ливров, чтобы открыть в Бразилии дело. Адмирал де Колиньи содействовал экспедиции, которая отправилась на небольшой островок в бухте Рио-де-Жанейро и построила там крепость; для ее заселения выслали группу гугенотов, мужчин и женщин. Один из них, Жан де Лери, высланный в 1560 году, очень правдоподобно обрисовал в своем «Описании» первобытное общество Топинамбуров или Тупинамбосов, мода на которых началась во Франции еще в начале царствования, а сцены из жизни дикарей были представлены во время королевского въезда в Руан в 1550

¹ В 1497 году экспедиция венецианского моряка на английской службе Джовани Кабото (Джон Кабот) достигла берегов о. Ньюфаундленд. В 1534 году французская экспедиция Жака Картье вошла в залив Святого Лаврентия. В 1535 году его новая экспедиция поднялась вверх по реке Святого Лаврентия до района современного Монреаля.

² Бразилия была открыта португальцем П. Кабралем в 1500 году.

году. Напечатанный в 1557 году труд другого исследователя, монаха-францисканца Андре Теве «Особенности антарктической Франции» и вышедшая позже его «Универсальная космография» тоже вызвали восторг читателей. Повествование о свободных нравах, каннибализме, а также описания богатой природы, попугаев ара, тапиров создавали у читателя ощущение чуда, возможного только в сказке.

За три четверти XVI века вышли в свет и не раз переиздавались более ста двадцати книг с рассказами о путешествиях. Наряду с достоверными существовали и целиком вымышленные сочинения, как, например, «Путешествия сеньора де Вилламона», которые переиздавались тринадцать раз. Другие «серьезные» книги сознательно игнорировали последние открытия. Так, произведение Синьо «О делении мира», вышедшее в 1539 году и переизданное в 1560-м, даже не упоминало о существовании двух американских континентов.

И это никого не волновало: увлечение дикими народами делало читателей все менее требовательными. Мода на дикарей особенно распространится во второй половине века, когда появятся «Республика» Бодена, «Письма» Паскье, «Апология Геродоту» Этьена и «Опыты» Монтеня. Америка выглядела тогда лишь мечтой о золотом веке, и ею Ронсар развлекал придворных:

Живи, счастливый род, без горя и тревог.

(Речь против Фортуны. *Пер. Г. Кружкова.*)

Поэзия — зеркало мира

Поэтическое искусство, столь ценившееся в замках, становится в ту эпоху отражением мира. В 1549 году появился наделавший много шума манифест поэтов — «Защита и прославление французского языка» Жоакин дю Белле.

Конечно, во французской литературе и раньше, начиная с Клемана Маро, было много значительных поэтов. Один из них, Меллен де Сен-Желе высоко ценился при дворе. Он писал приятные стихи, мадрига-

лы и переводил итальянские поэмы. Одной из его заслуг явился перевод на французский язык пьесы «Софонисба» итальянского драматурга Джованни Джорджо Тривиссино, представление которой было дано в замке Блуа в 1554 и 1556 годах. Впрочем, по всей стране местные таланты создавали хорошие поэмы: Лионская группа прославилась благодаря Морису Севу, Луизе Лаббе и Понтюасу де Тиару. Но разрыв со старым, велеречивым стилем и искусственными приемами риториков никогда не был так четко выражен, как в манифесте дю Белле. Обновление поэзии через возврат к свежести и простоте, служивших образцом для древних, — таково было кредо семи поэтов, которых сравнивали со звездами Плеяды. У каждого была своя манера: так, Жодель подражал Петрарке, а Реми Белло сочинял гимны-блазоны — страстные описания красот женского тела с перечислением его достоинств. Сеньоры и дамы были без ума от этих милых фантазий и быстро перекладывали их на музыку. Сонеты, оды, гимны, «шутки», — каждый сезон выходили сборники стихов и раскупались нарасхват.

Дю Белле и Ронсар, придворные и поэты

Но главными в этом хоре поэтов оставались Ронсар и дю Белле. Оба они родились в долине Луары и к тому же приходились друг другу дальними родственниками. Жоаким дю Белле, анжуец, младший в семье, умер в 1560 году в возрасте тридцати лет. А в 1553-м ему пришлось, чтобы заработать на жизнь, сопровождать в Рим своего кузена, кардинала Жана дю Белле, и избрать духовную карьеру — стать каноником собора Парижской Богоматери. Он начал с того, что написал сборник сонетов в честь одной юной дамы, Оливии, предмета своей платонической любви. Пребывание в Риме он воспринимал как изгнание, поэтому сборники «Римские древности» и «Сожаления» очень трогательны. Эти стихи и сегодня волнуют до глубины души. Но принесли ему славу поэта не они, а такие опусы на случай, как «Хвала Генриху II» и

«Королевская роща». Успех в обществе, что к поэтам, что к другим придворным, приходит за хвалу хозяйину.

Жизненный путь Ронсара еще нагляднее доказывает это положение. Его отец Луи, «худородный сеньор» — мелкий дворянин, снискал благосклонность Франциска I во время испанского похода, с 1526 по 1530 год, а также сопровождая детей короля, когда они находились в заключении в качестве заложников. Сам будущий поэт в 1536 году в двенадцатилетнем возрасте был назначен пажом дофина Франциска, а позже занимал ту же должность при принцессе Мадлен, которую сопровождал в Шотландию, где в 1537 году она вышла замуж за шотландского короля. Вернувшись во Францию после смерти Мадлен, он поступил на службу к герцогу Карлу Орлеанскому, третьему сыну Франциска I. В шестнадцать лет он уже имел чин шталмейстера королевской конюшни, но, наполовину потеряв слух после болезни¹, был вынужден протиться с военной карьерой. Тогда он решил принять духовный сан: звание клирика давало ему бенефиции², не вынуждая исполнять культовые обязанности. За него все делал специально нанятый викарий³.

Позабывшись о своем будущем, Ронсар еще ярче заблестал в свете. В 1545 году на балу в королевском замке в Блуа он познакомился с Кассандрой Сальвиати. Четырнадцатилетняя блондинка с черными глазами прекрасно пела, аккомпанируя себе на лютне. Ее отец, Бернар Сальвиати, был одним из тех процветающих флорентийских банкиров, которые ссужали королю огромные суммы. Он купил замок Тальси, расположенный на границе Бос и Блезуа, и превратил его в изящную резиденцию по моде своей родной страны. Влюбленный клирик Пьер де

¹ В Германии Ронсар подхватил малярию.

² Бенефиций (*лат. beneficium* — благодеяние) — в раннем Средневековье земельное владение без права наследования, пожалованное феодалом своему вассалу с правом взимать повинности с крестьян; позднее церковная должность в римско-католической церкви, связанная с определенными доходами.

³ Викарий (*лат. vicarius* — заместитель) — помощник католического священника или епископа.

Ронсар, не имевший ничего монашеского ни в манерах, ни в одежде, ухаживал за Кассандрой, но так и не смог добиться взаимности. В 1546 году девушка вышла замуж за Жана де Пене, сеньора де Пре, соседа фамильного замка Ронсаров Ла Пуссоньер в Вандо-муа. Что поделаться! Зато, как Петрарка Лауру, поэт воспел свою красавицу в великолепных стихах, которыми зачитывались во всех замках:

Пойдем, возлюбленная, взглянем
На эту розу, утром ранним
Расцветшую в саду моем...

(Пер. В. Левика)

Он сделался знаменитым, и его наперебой приглашали. Он вернулся ко двору, стал часто видаться со своими собратьями-поэтами и навещать своих родственников, мелких провинциальных дворян, служилых людей короля. Денежных вознаграждений он не получал. Чтобы прожить, ему пришлось согласиться на скромные церковные бенефиции — приход в Маролле, потом в Шале, потом в д'Эвайе. Но, получив должность священника, он продолжил «карьеру» влюбленного: в Бургейе на Луаре он встретил молодую крестьянку Марию Дюпен, которой, начиная с 1555 года, посвящал изящные стихотворения, полные пылких чувств, а также глубокой любви к природе. Какой гимн счастью звучит в его сборнике «Продолжение любовных стихов»!

Живей! Расцвел жасмин и маки заблестели —
Не налюбуетесь душистой резедой!..

...Сто раз глаза и грудь вам буду целовать,
Чтоб вовремя вперед учились вы вставать.

(Пер. В. Левика)

И в его знаменитой оде:

Мой боярышник лесной,
Ты весной
У реки расцвел студеной,
Будто сотней цепких рук
Весь вокруг
Виноградом оплетенный...

(Пер. В. Левика)

В 1560 году поэт провозгласил, что мечтает возвести храм, изобразив Марию и себя в виде языческих богов. В том же году он получил архидиаconiю Шато-дю-Луар и пребенду¹ каноника в соборе в Мансе. За назначением на должность последовали пожалования бенефиций: в 1564 году он стал настоятелем монастыря Сен-Косм-ан-л'Иль около Тура, в 1566-м — Круа-Валь в Вандомуа, а также получил пребенду каноника в соборе Святого Мартина в Туре, к которой прибавилась должность настоятеля монастыря Сен-Жиль в Монтуаре.

В каждом из этих мест у Ронсара было уютное жилье. В ноябре 1565 года Екатерина Медичи, возвращаясь с сыновьями из «миротворческого» вояжа по королевству, остановилась в Плесси-ле-Туре, и Ронсар принял их в своем монастыре Сен-Косм. В качестве «гонорара» за звание официального поэта он носил титул королевского духовника и входил в свиту государя. И почти по заказу пятидесятилетний поэт написал своей третьей музе, Елене де Сюржер, фрейлине королевы-матери:

И розы бытия снеши срывать весной...
(Пер. В. Левика)

Этот эпикурейский совет символизировал видение мира, свойственное приятному обществу замков Луары. Но в начале стихотворения поэт рисует поразительную картину:

Когда, старушкою, ты будешь прясть одна,
В тиши у камелька свой вечер коротая,
Мою строфу споешь и молвишь ты, мечтая:
«Ронсар меня воспел в былые времена».
(Пер. В. Левика)

В самом деле, бывших слуг короля ожидала именно такая покойная и лишенная роскоши старость. Хорошо еще, если у них, как у Ронсара, имелся утопа-

¹ Пребенда (ср. лат. — *praebenda*) — у католиков земельные владения и дома церквей и монастырей, а также определенная плата духовным лицам за богослужения.

ющий в цветах и окруженный водами удобный при-
орский¹ дом, куда доносились лишь отзвуки при-
дворной жизни и где они могли тихо угаснуть, как
Ронсар в 1585 году.

Глава пятая

Ритмы повседневного существования

Когда двор перебирался в замки Луары, на аван-
сцене этого театра разыгрывалось представление
жизни и смерти королей, королев и принцев. Одна-
ко, благодаря тесному контакту с великими мира се-
го, их слуги тоже становились причастными к этому
спектаклю истории; этикет делается обременитель-
ным только в последней трети века. А пока за прави-
ло поведения принималась почтительная имитация
поведения господина.

Роскошь в одежде

Торжественные церемонии, особенно утренний
«восход» короля и его отход ко сну, каждому давали
возможность выставить напоказ свои роскошные
одежды. Франциск I первый подавал этому пример.
Венецианские послы замечали: «Он любит изыскан-
ность в одежде, его костюмы украшены галунами, рос-
сыпями драгоценных камней и причудливыми узора-
ми; его пурпуэны безукоризненно сшиты и отделаны
золотой тесьмой; его рубашка, очень тонкая, выгляды-
вает из-за выреза пурпуэна по французской моде».

Мужская одежда состояла из составных шелковых
шоссов цвета крамуази, или «цвета пламени», широ-
кий и собранный в складку «жилет» — пурпуэн — до-
ходил до бедер. На талии он был перевязан богато ук-

¹ Приор (*lat. prior* — первый, важнейший) — настоятель в католических мужских монастырях.

рашенным поясом, на котором висели шпага и кинжал. Выступающий брагетт¹ принимал вид богато украшенной раковины. В начале царствования Франциска I носили рубашку без ворота, потом стал моден ворот, украшенный кружевами, и постепенно, к середине века, он был заменен гофрированным воротником — фрезе². На голове носили ток, украшенный перьями.

Поверх пурпуэна надевали накидку до пояса — кап или длинную роб, подбитую горностаем, собольим или беличьим мехом, в зависимости от занимаемой должности.

Женщины носили парадные роб, расширяющиеся книзу с расходящимися лапами спереди, чтобы было видно нижнее белье из дорогой ткани. С туго затянутой талии спускалась цепочка из драгоценного металла. Корсаж или сюрко, тоже очень богато украшенный, в начале века открывал грудь и шею, а потом, как и в мужском костюме, стал моден ворот, позже — фрезе. В начале века полагалось надевать на голову маленький чепчик-чехольчик, сверху — вуаль³, к середине века дамы стали носить изящные шляпки-ток, аналогичные мужским.

Подобные одеяния требовали весьма значительных расходов, разорявших целые семьи. Кроме того, они вызвали повышенный спрос на предметы роскоши, ввозимые в основном из Италии. Вот почему

¹ Брагетт — *bragette* (фр.) — откидной клапан на шоссах различных форм и покроев, появившийся в связи с распространением кованых доспехов. В каждой стране имел свое название. Полностью исчез в конце XVI — начале XVIII века.

² Вплоть до Средних веков воротника на одежде не было, в XII веке появилась узкая полоска в вырезе, постепенно превратившаяся в воротник-стойку. В XV веке воротник делался из меха или бархата. В испанской моде XVI века появился широкий белый воротник, плотно прилежавший к шее. После 1575 года воротник стал самостоятельной деталью модной одежды и увеличился до таких размеров, что около 1586 года его называли «мельничный жернов». По-испански он называется «горгера» (*gourguera*) — круглый гофрированный воротник чаще всего белого цвета. Его шили из тонкого полотна, закладывали складки и крахмалили, иногда сажали на проволочный каркас.

³ Такой головной убор остался головным убором вдов.

Франциск I был вынужден за четыре года до своей смерти, в 1543 году, запретить дворянам носить серебряную и золотую парчу, золотую тесьму, серебряную и золотую вышивку и галуны, бархат и шелковые ткани в полоску, установив за нарушение штраф в тысячу ливров. Но для того чтобы те, у кого уже были в гардеробе такие одежды, успели их сносить, король позволил надевать их еще в течение трех месяцев.

Но запреты ничего не дали: Генриху II в 1547 году вновь пришлось обратиться к этой теме. Исключения составляли лишь дамы королевы и придворные принцесс. Но он был вынужден позволить мещанам и дворянам выставлять напоказ свою роскошь во время торжественных церемоний, в частности — больших выходов короля. Вероятно, для того чтобы контролировать расходы на эти чрезмерные и разорительные туалеты, в октябре 1550 года король издал следующий ордонанс: одежды, сшитые целиком из шелка цвета крамуази, разрешалось носить только принцам и принцессам. Другие расцветки и ткани были разрешены простым дамам и дворянам. Жены судей и мещан могли носить бархат лишь в качестве отделки. Священникам позволялось носить бархатные одеяния в том случае, если они были принцами по происхождению. И лишь одна часть одеяния военных могла быть сшита из драгоценной ткани, шелка или бархата.

В 1543 году Франциск I позволил солдатам украшать доспехи, но Генрих II ввел ограничения: покрывать доспехи и попону серебряной парчой разрешалось только во время битвы или турнира. Пажи могли носить ткань «с полоской или с вышитой вставкой из шелка или бархата», если это было угодно их господам. Последний пункт ордонанса запрещал «всем ремесленникам, крестьянам и слугам» носить «шелковые пурпуэны, шоссы в полоску и шелковые буфы¹», если только они не состоят на службе у принца.

¹ Речь идет о буфах, выпущенных из декоративных разрезов одежды.

Позже Королевский совет внес уточнения: дети от десяти лет и старше тоже попадали под этот ордонанс, однако епископы, аббаты и первые лица церквей, кафедральных храмов, соборов имели право носить «шелк на шелк», то есть несколько частей одежды могли быть сшиты из драгоценных тканей.

Но придворные изобретали оригинальные фасоны, дававшие возможность обходить закон, и праздники при дворе получались не менее блистательными, чем прежде. В некоторые праздники выстраивалась королевская гвардия, и все любовались великолепными доспехами, купленными в Германии или Испании. При Генрихе II маршал Пьеро Строцци, кузен королевы Екатерины, содействовал тому, чтобы в Париже начали изготавливать доспехи и нагрудные латы на миланский манер: все королевские доспехи изготавливались отныне в этих цехах. В этих латах с великолепной инкрустацией король выглядел полубогом.

Ночные привычки

Если днем люди появлялись во всем великолепии своих роскошных одежд, то ночные одеяния выглядели значительно проще. Авторы новелл и трактатов о приличиях рассказали нам о привычках своих современников. А медики донесли до нас свидетельства о гигиене того времени. Спали обычно в большом помещении, в центре которого стояла кровать с пологом, практически превращавшим ее в отдельную комнату. Кушетки, похожие на раскладушки, расставлялись каждый вечер у подножия «главной» кровати и предназначались для свитских и слуг. Большую кровать чаще всего занимали несколько человек: муж с женой, если это были супруги; иногда хозяин или хозяйка дома, оказывая гостю честь, приглашали его в свою постель.

Чаще всего спали голыми. Всю ночь за кроватью горел ночник — светильник, наполненный воском или маслом, или факел с воском или салом.

Эразм Роттердамский в трактате о приличиях советовал взрослым после сна ополаскивать детям водой лицо, а также руки и рты. Сами взрослые не всегда делали такой туалет. Но зубы чистить не забывали — их терли кусочком чистой грубой тряпочки и полоскали водой, разбавленной уксусом или вином. Зубной порошок появится лишь в конце века.

В подвалах замка находилась комната для купаний, или «купальня»: в ней стояли деревянные лохани-ванны, чаны для детей, а также обитые свинцом скамьи с отверстиями. Стены комнаты были затянуты белой тканью, а раздвижные занавески отделяли каждую ванну. В соседнем помещении находилась парная, где парились и смазывали себя маслами. По итальянской моде, завершая туалет, любили использовать душистую пудру.

Мылись не слишком часто, и в комнатах водилось множество насекомых. Луи Пуйон, врач и советник Генриха II, рассказывает про одного из представителей герцога Эркюля Феррарского, в 1528 году приехавшего в Фонтенбло для переговоров о браке своего господина с Рене Французской. Высокий гость всю ночь не мог уснуть из-за кусавших его клопов, вшей, блох и мух, а также из-за бегавших по комнате крыс.

Чтобы дурные запахи не расходились по всем комнатам, отхожие места находились на чердаке, но в гардеробных всегда стоял стул с дыркой, чехол и балдахин которого делали в тон мебели, а также ночные горшки, миски и вазы — в необходимом количестве.

Нательное белье меняли не каждый день: должно быть ткань, более толстая и плотная, чем в наше время, пачкалась не так быстро. В «Забавных диалогах» Сезара Удена, изданных в 1611 году, описано белье дворянина конца XVI века: «четыре рубашки с плиссированными воротничками, два гофрированных воротника, две простыни, две наволочки, две пары полотняных кальсон, три пары носков, две дюжины

пар ба-де-шосс, два ночных чепца¹, четыре ночных повязки, полдюжины носовых платков, две скатерти и десять столовых салфеток, салфетка накрывать фрукты, три большие салфетки...».

Еда

Закончив туалет, принимали легкую пищу, «кипящий каплун» или «брачную похлебку²»; ее приготавливали, заливая сырые яйца, вареную картошку или фрукты, в зависимости от времени года, кипящим душистым молоком; простолюдины с утра ели молочную кашу или овощной суп. Правда, маленькие принцы тоже ели кашу или хлебную похлебку, когда выходили из грудного возраста. Но начиная с двух лет они питались тем же, что и взрослые. Мы знаем об этом из трактата врача Симона де Валамбера, служившего при дворе с 1551 по 1565 год.

Ребенок ел четыре раза в день: завтрак в восемь утра, обед в половине одиннадцатого, полдник — «легкая закуска» — в два пополудни и ужин в пять часов. Взрослые иногда пропускали легкую закуску. На обед и ужин, если не устраивали пиршество с многочисленными переменами блюд, подавалось мясо — каплун, жареный цыпленок, вареная телятина, говядина, баранина, дичь, дрозды и куропатки, а также рыба. Блюдам сопутствовали соусы: уксусный с сахаром и корицей, соус из незрелого винограда, щавелевый и иногда апельсиновый. Из овощей детям рекомендовались горох, нут и «добрые травы», для улучшения пищеварения блюда часто приправляли укропом и анисом. Взрослым подавали лук-порей, репчатый лук, тыкву и салат, а также пряности и такие приправы, как горчица и хрен. Из фруктов больше всего ценились клубника, вишня, сливы и виноград, яблоки и

¹ В предыдущем столетии и мужчины, и женщины Европы под головными уборами и днем, и ночью носили маленькие, облегающие голову чепчики.

² Такую похлебку когда-то подносили новобрачным на другой день после свадьбы.

груши, которые запекали, миндаль, лесные орехи. Готовили невероятное разнообразие выпечки и пирожных. Очень ценились марципаны с миндалем и сосновым семенем. Вместо сахара использовали прекрасный белый мед из Лангедока.

Повседневным напитком служило вино, которое подавалось охлажденным. Начиная с пяти лет дети пили вино, разбавленное водой, но также им давали сироп на розовой воде, называемый «розовый морс», миндальное молоко, лимонный сироп и апельсиновый сок. Эти два экзотических фрукта были в большом почете при дворе XVI века.

Обычное меню пира приводится в «Зерцале юности» Матюрена Кордые. Там рассказывается об обеде, начавшемся в десять часов и закончившемся после полудня. Сначала подали «маленькие, нежные, подслащенные медом гренки с гиппокрасом», потом «соленый окорок, копченую свиную колбасу, сосиски и копченые соленые говяжьи языки, чтобы разыгрался аппетит и жажда». Эти блюда сопровождали салат-латук, фрикассе из птиц и рубленая телятина с желтком.

Вторую смену блюд представляли паштет, вареная курятина с латуком, говядина, баранина, телятина, свежая свинина, а также суп с яйцами, приправленный шафраном и соусом из незрелого вина, и овощной суп. В третью перемену подали жареное мясо: цыплят, голубей, жирных гусей, каплунов, свиней, кроликов, баранью лопатку; два паштета из мяса крупной дичи; две куропатки, жаренные вместе с кроликом; тушеные зеленые бобы и горох, сваренный в стручках, и, наконец, огромные форель и щуку, разделенные на четыре филе. На других блюдах были поданы фритюр и раки. К кушаньям предложили соус из уксуса, масла, соли и каперсов, лимоны, апельсины, оливки, розовый уксус и щавелевый сок.

Напоследок, так сказать на «выход», подавали жирный творог и сыры; сладкие пироги, караваи, подслащенный рис, сваренный на молоке, персики, фиги, вишневый изюм, финики. В соответствующее время

года к этому добавлялись дыни, которые тогда очень любили. Подавали также разное варенье и то, что тогда называлось «драже», то есть засахаренные анис, укроп и кориандр.

К блюдам подносили различные вина — белое, клярет, красное, а главным образом — вино из Арбуа.

Этикет застолья

Обычно королевский стол накрывали в передней комнате перед буфетом с роскошной посудой, которой не пользовались. Приборы приносили прислуживавшие за столом дворяне: хлебодар, виночерпий и стольник, резавший мясо; должностные лица, принимавшие бокал у короля. С хлеба снимали салфетку и резали мясо. Королю подавали салфетку; кардинал или другой прелат благословляли стол. Миска с водой для омовения рук подавалась сначала государю, потом приглашенным. Три перемены блюд вносили дворецкий, хлебодар, камерпажи, мундкох и хранитель серебряной посуды; впереди шел придверник.

Ели почти так же, как в Средние века. Перед каждым гостем лежала доска для резки мяса, круглая или квадратная пластина из металла, дерева или очень плотного ситного хлеба, на которую клали мясо. Бокал для вина ставили справа, нож клали слева. Долгое время у каждого не было своей вилки: лишь стольник, обязанностью которого было резать мясо, пользовался маленькой вилочкой для накалывания кусков. Потом гости брали тремя пальцами подаваемый им кусок, на своей доске разрезали его на маленькие кусочки и подносили их ко рту правой рукой. Единственная ложка находилась в центре стола: ею брали кусок торта или пирога. Соусы и супы подавались отдельно, в глубоких тарелках или мисках: в них макали хлеб и таким образом съедали содержимое. Лишь при Генрихе II у каждого появилась своя вилка, похожая на ту, которой, как рассказывали путешественники, с начала века пользовались в Венеции.

Поскольку ели руками, требовалось много салфеток; иногда во время простых обедов вытирались скатертью. В конце трапезы королю подавали миску с водой и читали послеобеденную молитву. Все сидели за королевским столом в головных уборах и снимали их лишь в том случае, когда к ним обращался государь.

Во время пира прислуживающие за столом наполняли бокалы тем, кто просил об этом. Было принято обмениваться тостами и здравицами и даже предлагать другому свой бокал. Однако следовало вытереть рот, прежде чем пить из предложенного бокала.

При каждой перемене блюд заменяли тарелку, миску и доску для резки мяса и одновременно подавали новую салфетку.

Диеты

Разумеется, больным еду подавали отдельно и составляли для них очень строгие диеты. Примером могут служить предписания королевского хирурга Амбуаза Паре маркизу д'Авре, у которого загноилась рана, полученная от выстрела из аркебузы.

«Чтобы не случилось обмороков, надо использовать хорошие и питательные блюда, как, например, нежные яйца¹, дамаский изюм, отваренный в вине с сахаром, а также хлебная похлебка, приготовленная на бульоне с белым мясом каплуна, мелко порубленными крылышками куропаток и другим легко усваиваемым жареным мясом, как мясо телянка, козленка, голубей, молодых куропаток, дроздов и так далее. Следует подавать апельсиновый, щавелевый, кислый гранатовый соус. Также можно есть вареное мясо с такими добрыми травами, как щавель, латук, портулак, цикорий, анютины глазки, ноготки и тому подобные.

¹ То есть яйца в мешочек (без скорлупы).

Ночью он может употреблять ячневую крупу с щавелевым соком и соком водяных лилий по две унции каждого, с четырьмя-пятью крупинками опиума и четырьмя семенами, дробленными холодным способом, по пол-унции каждого. Это является питательным и лечебным средством, которое поможет уснуть.

Чтобы не было сильных головных болей, надо постричь ему волосы и слегка натереть голову теплым настоем роз; также на лоб нужно положить компресс, пропитанный маслом из лепестков роз, водяных лилий, мака, небольшого количества опиума и розового уксуса и чуть-чуть камфоры и время от времени его менять.

Кроме того, надо давать нюхать цветы белены и водяной лилии, растертые с уксусом, розовой водой и небольшим количеством камфоры, завернув все в носовой платок, который нужно держать длительное время у носа, чтобы запах смог проникнуть в мозг.

Также специально нужно имитировать дождь, пустив в каком-нибудь чане воду, чтобы таким образом вызвать у больного сон».

До нас дошло любопытное описание болезни молодого принца Луиса де Гонзага, сына герцога Федерико Мантуанского, приехавшего во Францию в качестве пажа дофина Франциска, сына Генриха II и Екатерины Медичи. Однажды холодным январским утром шестнадцатилетний принц сопровождал на оленью охоту дофина, который был младше его на пять лет. Луис де Гонзага простудился, у него начались лихорадка и сильное расстройство желудка. Врачи предписали ему оставаться в постели и посадили на диету, разрешив пить лишь «железную воду». Все боялись, что у него началась чахотка, но юноша быстро встал на ноги. Это явилось результатом прописанного покоя: он должен был оставаться восемь часов в постели, но только не после обеда. Кроме того, он соблюдал строгий режим: ел три раза в день,

довольствуясь тремя или четырьмя блюдами во время каждого приема пищи, чтобы вставать из-за стола с легким чувством голода. Ему разрешили белый хлеб при условии, что он будет не свежим, а слегка черствым, мясо козленка, курицы и каплуна, телятина, олени и косули, зайца и кролика, рябчика, куропатки, фазана, дрофы, жаворонка, бекаса и садовой овсянки. А вот изделия из бездрожжевого теста были ему воспрещены.

Посол из Феррары, пославший своим хозяевам это предписание на итальянском языке, уточнил названия противопоказанных на время болезни макаронных изделий: замбелли, бозолани, тартари, равиоли, канончини, одним словом, лапша разных видов, среди которых можно узнать современные макароны, равиоли и каннелони. Эта запись является очень ценной, так как она позволяет утверждать, что молодой принц при французском дворе питался в соответствии со вкусами своей страны, и несомненно, что блюда ему готовили повара, приехавшие из Италии.

Принцу разрешалась всевозможная речная рыба, а также рыба соль и свежая сельдь. Ракообразные были запрещены, так же как и улитки; больной мог пить только бульон из свежих улиток. Тяжелое мясо, говядина и свинина, дичь, потроха, сосиски были запрещены. Мясо, а также яйца следовало варить, но не жарить. Сыр, как и все молочные продукты, был разрешен. Также были разрешено сливочное, оливковое и миндальное масло.

В суп можно было класть обычную зелень, амарант, латук, шпинат, петрушку... Принцу дозволялось пить куриный бульон, слегка приправленный шафраном. Совершенно исключались репа, брюква и редис, а также, что удивительно, рис и морковь. В салат полагалось класть белый цикорий, мяту и укроп. Из фруктов не было запрета на апельсины и лимоны, яблоки, гранаты, изюм, а также на миндаль и орехи, которые сегодня считаются плохо усваиваемыми; перед едой следовало съесть клубнику с сахаром.

Горчица, хрен, чеснок, лук, которыми обычно приправляют блюда, были запрещены. Принц должен был часто, но понемногу пить легкое белое вино, разбавленное хорошей родниковой, не колодезной водой.

Завершение трапезы

В конце застолья остатки складывали в корзину, убирали скатерть и подавали гостям на блюде зубочистки. Однако многие предпочитали пользоваться собственной. Как рассказывал Брантом, адмирал Колиньи, когда не держал зубочистку во рту, носил ее за ухом или в бороде. Наконец, гостям снова подавали миски для мытья рук: вереница слуг с сосудами представляла собой великолепное зрелище. Золото, серебро и эмаль мисок блестели при свете факелов.

Большие фаянсовые испано-мавританские блюда и тазы или имитирующие их итальянские изделия Бернара Палисси — это удивительные произведения искусства: изображенные на них рыбы, змеи, растения и ракушки, преломляясь в воде, кажутся живыми. Тем временем быстро убирали козлы и доску, служившие столом, и помещение превращалось в зал для танцев. Каменный пол устилали душистыми травами, а в частных покоях такой пол все чаще стали заменять паркетом. Стены затягивали циновками, а висевшие поверх них ковры часто меняли.

Танцы

Когда зажигали новые факелы, начинали сиять драгоценности и ослеплять туалеты. Музыканты с лютнями, гобоями, корнетами и флейтами занимали места на подмостках или в небольшой, слегка приподнятой ложе, и все готовились к балу. В начале царствования Франциска I в моде были танцы павана и бранль. Павана — это медленный и плавный танец, мужчины танцевали, не снимая накидок и шпаг. Бранль — более живой, похожий на котильон: дамы

и кавалеры стояли в кругу взявшись за руки, одна пара выходила из круга и делала фигуру, которую потом повторяли остальные. В «бранле с четками» или «со шляпой» кавалер надевал венок из цветов на выбранную им даму, целовал ее и вводил в круг. «Шляпа» переходила к следующему кавалеру, и новая пара начинала танцевать. К концу царствования Франциска I распространилась мода на новые танцы из Италии: вольта, куранта, гальярда, фиссе или фиссень. Быстрые движения в них некоторые сочли неприличными: женщины ответили критикам тем, что выдумали пояса и специальные калесоны¹, позволявшие танцевать, не нарушая приличий.

Салонные игры

Когда бал завершался, подавались легкие закуски и новым развлечением придворных служили игры. Обычно, едва заканчивалось время королевской службы, придворные всех рангов и даже король и его семья принимались за карты и кости. Франциск I запрещал такие игры своим финансистам, а Парижский парламент запретил играть и в карты и в кости в городах и предместьях, но при дворе они рассматривались как развлечение, а крупные денежные ставки — проявление щедрости.

В игре флюкс выигрывал тот, у кого оказывалось больше карт одной масти. В прима надо было иметь четыре карты всех мастей. В «больше десяти» играли тремя костями: заключали пари, что на трех костях вместе выпадет больше десяти. В эти игры играли чаще всего, но существовало более сотни их вариантов. Некоторые существуют и сегодня, например марьяж

¹ Калесоны, кальсонес грегоскос — *calzones greguescos* (исп.), *calecons* (фр.) — широкие штаны до колен или выше колен во второй половине XVI века назывались «кальсонес греческие». Они были покрыты отдельными вышитыми или парчовыми полосками ткани, внизу собраны на узкую обшивку. Использовались дамами в основном для верховой езды. В XVI веке все виды штанов до колен назывались калесонами или кальсонами.

(бриск), где нужно соединить даму и короля одной масти, и брелан.

Наряду с обычными картами в четыре масти использовались гадальные, на которых были ообразжены денье, чаши, мечи и жезлы (палицы). Эти карты были привезены из Испании и Италии¹. Еще играли в морра и мурр — итальянскую игру пальцами: один из игроков поднимал руку, показывая на пальцах число, а другой должен был тут же прокричать его вслух. В передних пажи и стражники подкидывали монеты — эта игра называлась буквально «крест или куча», еще они играли в «бабки».

Шахматы, требующие большей сосредоточенности и столь ценимые в Средние века, по-прежнему бы-

¹ Карты были изобретены в начале XII века в Китае, а в самом конце крестовых походов, в XIII веке, попали в Европу. Уже в XV веке отчетливо сложились три основных вида карт: итальянские, французские и немецкие. Итальянский тип возник вместе с возникновением игры в тарок и изобретением гравюры, что позволило картам не рисовать, как прежде, а печатать. В венецианском тароке колода состояла из 78 карт, масти делились на чаши, динарии, мечи и палицы. Каждая масть заключала в себе 14 карт: король, королева, рыцарь, валет, очковые карты от десятки до шестерки, туз мечей, очковые карты от пятерки до двойки. Остальные карты в количестве 21, начиная от Фигляра и кончая картой Свет, являлись козырями или Триумфами. Наконец, была еще карта Дурак, прообраз будущего Джокера. Но 78 карт — это еще не предел. Бывали колоды и в 84 карты и даже в 98. К обычным Триумфам добавлялись грации, стихии и 12 созвездий. Итальянские карты появились во Франции при Карле VI (1368—1422). Французские художники рисовали карты в подражание итальянским образцам, но уже при Карле VII (1403—1461) появляются карты с собственными национальными мастями: сердца, серпы луны, трилистники и пики. И в XV веке окончательно устанавливается тип мастей, употребляющийся и сегодня: черви (coeur — сердце), бубны (carreau — квадратик), трефы (trefle — трилистник, клевер) и пики (pique — пика, копье). Начиная с этого времени, французские карты имеют устойчивые изображения: Давид — король пик, Александр — король треф, Цезарь — король бубен, Карл — король червей, Паллада — дама пик, Аргина — дама треф, Рашель — дама бубен, Юдифь — дама червей, Гектор — валет бубен, Ожье — валет пик, Ланцелот — валет треф и Лагир — валет червей. Эти карты пережили французскую революцию и выпускались до 1865 года. Первоначально формы четырех мастей появились или во Франции, или в Германии: листья плюща, желуди, бубенчики и сердца. Очень вероятно, что французские масти являются символами предметов рыцарского обихода: пика — копье, трефа — меч, бубна — герб или орифламма (знамя, штандарт), черва — щит. Все эти предметы часто встречаются в средневековых готических орнаментах.

ли в моде, как и многочисленные варианты шашек, среди которых стоит упомянуть триктрак, объединивший шахматы и кости¹. В домах играли в «котлы»: по квадрату, нарисованному на картоне или доске, передвигали шашки, камешки или маленькие фишки, пытаясь выстроить их по три на одной стороне квадрата.

Игра в лапту

Весьма разнообразны дневные спортивные игры, но наибольшей популярностью пользовалась лапта, предшественница тенниса.

Учитывая важное положение, которое занимала эта игра при дворе, стоит остановиться на ее приемах и правилах, сложившихся в середине XVI века. Площадки для игры в лапту имелись повсюду: в Блуа их было две и две в Амбуазе, а, кроме того, в городах, находившихся возле королевских резиденций, их насчитывалось несколько десятков.

В лапту играли вдвоем или вчетвером, ракетками и мячом — этёфом. Играли в прямоугольном закрытом помещении, по обе стороны сетки. Зал обычно был крытым. Его размеры приблизительно 30 метров в длину и 9—10 в ширину. Мяч должен был отскакивать от земли и от стен, высота которых достигала чуть более пяти метров, а по краям меньших сторон — 7,3 метра. Для усложнения игры внутри с большой и двух малых сторон имелся сплошной навес определенных размеров с некоторым количеством отверстий. Этот навес, напоминающий галерею в монастыре, так и назывался «галереей» и принимал непосредственное участие в игре. Чтобы подача была защищена, мяч, прежде чем упасть на землю в специально отведенной для этого части площадки, должен был коснуться навеса. На земле были начерчены поперечные линии, которые назывались «шассы».

¹ Триктрак — разновидность игры в нарды, так называемые «короткие нарды».

Этёф следовало отбить после того, как он один раз отскакивал от земли, в некоторых случаях подающий нарочно или нечаянно прерывал игру, позволяя мячу второй раз коснуться пола. В этом случае очко не было проиграно, а лишь «отложено» и переигрывалось после следующего перехода хода, — это называлось «шасс». Точно отмечали место второго удара, и, чтобы выиграть очко, которое переигрывалось, игрок, давший мячу удариться второй раз и совершивший переход, должен был вынудить противника предоставить ему второе касание на самой дальней линии «шассы», в отличие от того начального удара, который был отложен. Тот, кто выигрывал «шасс», получал 15 очков.

Зрители собирались на большой, огражденной решеткой части галереи. Те части галереи, которые были построены вдоль меньших сторон, назывались «дедан» — «внутри» и «грий» — «решетка». «Дедан» предназначался для короля, если он, конечно, не играл сам. Окна там были очень большими. В «грийе» же вовсе не было оконных проемов, а лишь маленькие закрытые досками прямоугольные отверстия, выглядевшие некими картинами в углублениях стены галереи.

Все отверстия были забраны сеткой, чтобы защитить зрителей на галереях от мячей. Правила игры предусматривали и те случаи, когда мяч рикошетил о крышу или навес. Подающий игрок кричал: «Тене!», что означает «Держите!». Полагают, что отсюда и произошло английское «tennis», означавшее в старину игру в лапту по другую сторону Ла-Манша.

Пол в залах для игры в мяч был тщательно отделан квадратными плитками из «канского камня» со стороной в один фут и толщиной в три дюйма. Стены обычно красили в черный цвет. Полные энтузиазма зрители не оставались равнодушными. У них были свои кумиры: король Генрих II, а также герцог де Немур, Жак Савойский, знаменитый своим ударом наотмашь. Пари заключались на большие суммы, и именно эта игра дала рождение слову «tripot» — «игорный дом», произошедшему от старофранцуз-

ского глагола «tripер», означавшего «подпрыгивать», или «скакать», как в игре в лапту; позже это слово закрепилося за всеми заведениями, где по-крупному играли на деньги.

*Игры под открытым небом:
пай-май, кегли, мячи и шары*

Знатные сеньоры очень почитали еще одну игру под открытым небом. Это была игра в шары, которую называли пай-май, и Генрих II был в ней бесспорным чемпионом. В нее играли на длинных дорожках, огражденных досками и столбами — «пробными камнями», длина этих дорожек достигала 400—500 футов. Молотками цилиндрической формы из твердого дерева игроки били по самшитовым шарам. Ручка этих молотков длиной примерно в один метр в том месте, где ее касалась рука игрока, была украшена красным бархатом с позолоченной медью. Когда играли в одиночку, это называлось «руэ» — «прялка»; если играли несколько человек — «пасс» или «парти»; если играли вдвоем и били по одному и тому же мячу — «гран ку» — «сильные удары»; если играли в деревне на неподготовленном участке, игра называлась «шикан» — «каверза».

Часто на специальных площадках и в оборудованных залах играли в шары и кегли, а также в «бильярд», нечто вроде крокета: мяч под воротцами игроки проводили при помощи молотка. «Кошонне» — «воротца» — разновидность той же игры. «Куй де белъе» («баранье яйцо»), жесткий мяч, игроки передавали друг другу в очень активной игре, похожей на американское регби и весьма уважаемой пажами и лакеями.

Более спокойные разновидности футбола и регби назывались «суль»: в них играли кожаным мячом, также называемым этёфом, а иногда — мешочком, наполненным сеном, отрубями или мхом, по нему били ногами и руками или только руками, а иногда — особой палкой, которая была изогнута, как клюшка,

что сегодня используется в поло. В эти игры любили играть зимой. Матчи проходили очень оживленно: игроки раздавали тумачи и колошматили друг друга ногами.

*Благородные игры:
кольцо, мишень, турниры и поединки*

Разумеется, эти простые игры не имели ничего общего с размахом и великолепием поединков и турниров, которые, наряду с охотой, считались благородными занятиями благородного сословия.

Подготовка к этим сражениям требовала повседневных конных тренировок. Скачки, во время которых стремились попасть в кольцо или мишень (столб, в который бросали дротики) в прилегающих к замку аллеях, развивали ловкость. Сам же турнир был настоящей битвой. Он проходил за городом на специально обустроенных для этого участках. Каждый рыцарь был окружен своей «командой» — группой конных и пеших слуг. Бились на шпагах, мечах или булавах. Поверх кирасы¹ на мягкой подкладке, в которой иногда для уменьшения веса делались отверстия, надевали кольчугу. У шлема для турниров, отличающегося от военного, было решетчатое забрало, которое не мешало видеть. Нашлемник украшался узорами, перьями и изображениями фантастических животных.

В отличие от турнира поединок — это бой между двумя соперниками. При этом использовалось копье, иногда меч. Противники находились по обе стороны от покрытой тканью изгороди, по высоте доходившей до седел: это называлось «гоняться за копьем». Каждый рыцарь пытался сломать оружие противника и выбить его из седла. Вот почему шлем для поединка был крепко прикреплен к латам с помо-

¹ Кираса (*фр. cuirasse*) — металлические латы, надевавшиеся на спину и грудь для защиты от ударов холодным оружием. В кавалерии некоторых армий сохранились как принадлежность парадной формы вплоть до XX века.

щью железных скоб. Смотреть можно было через шов двух частей шлема — вертикальной и горизонтальной. Опасность заключалась в том, что копье могло попасть в это отверстие, что, как известно, и случилось в Париже 30 июня 1559 года, когда Генрих II был смертельно ранен Габриэлем де Монтомери. Чаще всего поединок заканчивался тем, что копье ломалось о щит противника или нижнюю часть его шлема. Удары бывали столь сильными, что, несмотря на присутствие судей и вопреки распоряжениям герольдов, несчастные случаи были очень частыми: дошло до того, что перед началом состязания на ристалище устанавливали пустой гроб, дабы призвать соперников к осторожности.

Таким образом, турниры и поединки под видом празднеств скрывали неудержимую склонность к жестокости, которой были охвачены доблестные воины того времени. Ранения и смерть являлись неотъемлемой частью развлечений. Это не составляло секрета, и поэтому, чтобы обезопасить себя от несчастных случаев, регулярно обращались к астрологам, находившимся при королевских особах и ежедневно составлявшим для них гороскопы.

Роль астрологов

Знаменитый Нострадамус, издавший в 1555 году в Лионе первый сборник пророческих катренов «Центурии», принадлежал к королевской свите и носил звание медика-астролога и ординарного советника. Как известно, именно он предсказал, что Генрих II погибнет во время поединка. Другой известный провидец, Люк Горик, епископ Цитта Дюкале в Италии, тоже это предвещал. По ночам люди такого рода выходили на террасы замков Луары.

В то время когда стражники зажигали огни, а главный дворецкий тихонько клал королю под изголовье ключи от дворца, они наблюдали за созвездиями, чтобы утром дать добрый совет своим господам. Много людей эпохи Возрождения серьезно верили,

что между знаками зодиака и судьбой существует магическая связь. Другие же не были суеверны и искали путеводных советов в слове Божьем. А третьи пытались избавиться от своих страхов тем, что с благочестивой регулярностью присутствовали на церковных службах.

Придворная жизнь служила ширмой, за которой, словно рыцари на поединках, не на жизнь, а на смерть сталкивались различные убеждения. Первый акт трагедии гражданских войн разыгрался именно в замках Луары.

ПЫЛАЮЩИЙ ЗАКАТ

Глава первая

Волнения в Амбуазе, торжества в Шенонсо

После внезапной кончины короля Генриха II 10 июля 1559 года и восшествия на престол молодого Франциска II растерянный французский двор пережил еще одно потрясение. От изгнанной из окружения нового короля Дианы де Пуатье потребовали уступить ее владение Шенонсо вдовствующей королеве Екатерине.

Месть королевы

Бывшая фаворитка не сдавалась без борьбы, считая, что ее право на собственность надежно закреплено длинными судебными процедурами. В октябре 1559 года, через три месяца после смерти короля, несмотря на давление со стороны Екатерины, Диана отправила своего прокурора в комиссию по реформе кутюмов¹ Турени, в которой она намеревалась присутствовать как полноправная владелица — дама де Шенонсо. Королева начала угрожать ей. Так как Королевский совет констатировал огромный дефицит государственных денежных средств, пополнить их решили за счет принудительной реституции имущества, раздаренного частным лицам Францис-

¹ Кутюм — традиционное местное право.

ком I и Генрихом II. Тогда Диана поняла, что в первую очередь этот удар направлен против нее, и по-другому отнеслась к предложению Екатерины: обменять Шенонсо на Шомон. Этот замок принадлежал королеве-матери с 31 марта 1550 года; она приобрела его за 120 тысяч ливров у Шарля Антуана де ла Рошфуко и его жены Антуанетты Амбуазской. В 1475 году Шомон основательно и претенциозно перестроил Карл Амбуазский, брат главного министра Людовика XII.

Поместье было значительным и приносило хороший доход: по меньшей мере 4800 ливров в год, столько составляла сумма его аренды в XVI веке. Шенонсо приносило в два раза меньше, но, теряя деньги, королева-мать хотела получить моральное удовлетворение, изгнав любовницу мужа и заняв замок, великолепно отделанный стараниями соперницы.

Возможно, что осень, до обмена, Екатерина провела в Шомоне. Она еще скорбела по недавно умершему мужу и переживала из-за разлуки с дочерьми. Елизавета уехала ко двору своего супруга Филиппа II Испанского, а Клод вместе с мужем, герцогом Карлом III, — в Лотарингию. Позже пошли слухи, что в башне замка Шомон Екатерина якобы общалась с «ясновидцем». На это намекают Симон Гулар, Никола Паскье, Андре Фавен, де Ту и Брантом, но их рассказы не совпадают и очень сомнительны. По мнению одних, это был Нострадамус, по словам других — Ком Руджбери, хотя присутствие в то время в Шомоне и одного и другого в высшей степени маловероятно.

Рассказывают, что после того как один за другим в магическом зеркале появлялись дети мужского пола, рожденные Екатериной, она увидела там их преемника, Генриха Наваррского. Сколько раз лица совершили круг в зеркале, столько лет им предстояло править. Эту невероятную историю следует, конечно, считать легендой. Если Екатерина и приезжала в Шомон, то лишь затем, чтобы вновь осмотреть поместье, прежде чем передать его Диане. Акт обмена был со-

вершен в замке Блуа. В начале ноября 1559 года туда удалился двор после пребывания в Фонтенбло и Сен-Жермене, так как врачи Франциска II прописали ему климат Турени, «поскольку воздух сей местности самый лучший и благоприятный во всем королевстве». Точная дата сделки по передаче Шенонсо неизвестна. Она была зарегистрирована в конце 1559 года нотариусами Юге и Обером в присутствии короля. Кардинал Лотарингский представлял королеву-мать, а Франсуа Марсель, советник короля в его личном совете, герцогиню де Валентинуа. Там же присутствовал и верный сборщик податей Шенонсо Андре Беро вместе с господином де ла Менардьером, советником и рядовым дворецким короля. Через некоторое время, 10 мая 1560 года в замке Шинон состоялось утверждение договора, а 27 апреля Диана вступила во владение Шомоном, прислав туда своего секретаря Канетта, — сама же она никогда не приезжала в этот замок. Она удалилась в свои поместья в Лимуре близ Ане, где и умерла 25 апреля 1566 года в возрасте шестидесяти шести лет и четырех месяцев, до самой смерти оставаясь красавицей.

Роскошный траур

Летом 1559 года, в то время, когда велись переговоры по поводу обмена Шенонсо, французский двор облачился в роскошные траурные одежды. Свидетельство тому — королевские счета.

После смерти короля Генриха II королева Екатерина и принцессы обратились к двум портным, Жану Делоне из Тура и Эдуарду де ла Катту. Жан Делоне сшил роб из черного камелота с бархатными полосками, роб из серого атласа с атласными фестонами и золотыми цепочками, роб из черной тафты с плетеными шнурами из серебряной нити, роб из черного атласа с бархатом и расшитое золотым шнуром, роб из черной шелковой саржи с золотыми позументами и разрезными рукавами на пуговицах из плетеного золотого шнура, роб из черного атласа с золо-

тыми и серебряными позументами, еще роб из черной тафты «раздельную» с полосками, связанными из золотых нитей, роб из черного бархата с «всю ажурно разрезанную ромбами», расшитую серебряным тонким шнуром и украшенную золотыми пуговицами, роб из той же ткани, расшитую серебряными цепочками, - пять корсажей «на испанский манер»¹ с прорезями, вышивкой, золотыми и гагатовыми² пуговицами, роб из черной тафты с отделкой из вышитой тафты, переплетенной с золотыми нитями (она предназначалась для молодой королевы Елизаветы, отправлявшейся к своему мужу Филиппу II в Испанию), роб из «черного дамаста, сплошь усыпанную блестками, прорезанную квадратами, обшитыми бархатом и золотым шнуром», роб из бархата с прорезными рукавами, низ которой украшен прорезными полуромбами, обшитыми золотом с белой атласной отделкой, роб с золотыми цепочками, две роб из крепа с золотой витой бахромой, роб из черной тафты с серебряными цепочками, роб из той же ткани с серебряными позументами и с отдельными рукавами, роб из белого дамаста с рукавами и корсажем из серебряной ткани, возможно, предназначавшуюся на первое время Екатерине, но она, вероятно, отказалась от него, не желая носить традиционный белый траур французских королев. Далее в списке портного идет роб из черного бархата «с высоким полностью резным воротником, окантованным серебряной бахромой в виде плетеного узора», пятнадцать корсажей из бархата и дамаста нескольких цветов, расшитые золотом и сере-

¹ Корсаж «на испанский манер» — это лиф определенной формы: ровная линия плеч и выступ в виде острия, спускающийся на юбку, а талия очень сильно заужена. Юбка к такому лифу имеет коническую форму, ткань поддерживали металлические обручи, на которые юбка натягивалась как на барабан, и женщина выглядела в ней словно «неприступная крепость». Не должно было быть ни единой складочки, ведь испанская ренессансная мода создавалась «проволоккой и утюгом». Однако, как мы увидим из перечня гардероба королевы, во Франции одновременно уживалась и итальянская, и испанская мода.

² Га г а т — черный янтарь.

бром, и, наконец, две роб, одна из бархата, другая — из черного атласа.

Пошив этого гардероба обошелся в 220 ливров 7 су. Второму портному, Эдуарду де ла Катту, заплатили, судя по счету, 62 ливра 10 су 2 денье. Он изготовил много разных вещей: роб из черной бархатной тафты с воротником «на испанский манер», отделанную черным и белым шелком, серебряными шнурами и нитями, роб из черной саржи с рукавами из черного шелка и кисеи, большое ночное «манто» из кисеи, отделанное шелком, на подкладке из тафты, «кисейный покров вертюгали¹», корсаж из черной тафты на подкладке из марокена с юбкой из той же ткани, кисейную роб с рукавами, украшенными «немецкой мережкой», пару перевязей с шелковыми петлями, роб из флоренской саржи, вертюгаль из тафты, кисейное манто для езды верхом, манто из флоренской саржи с отдельными рукавами, еще одну кисейную роб, и кроме того, восемь чепцов из тафты, четыре пары чепчиков, шесть «туре», то есть воротничков, и четыре отложных воротника.

Счета, по которым заплатили портным, содержат лишь расходы на пошив платьев для королевы и ее дочерей. Стоимость тканей записана в счете, представленном Катрин Пишонна, вдовой суконщика Жана Доллю, — 1625 ливров 7 су 6 денье, а также в счете суконщика Жана Деспре — 5952 ливра 13 су 6 денье. В обоих счетах перечислено, сколько локтей ткани выдали придворным дамам, которые должны были сами кроить и шить себе траурные наряды.

Помимо одежды королевской семьи обновили все одеяния сеньоров, принадлежавших королевскому двору, а также платье их слуг — расходы на все это составили 31 891 ливр 10 су!

Блеск придворной жизни в Блуа начал понемногу вытеснять траур, который носили уже несколько месяцев. Молодой Франциск II отметил собственное

¹Вертюгаль, вертюгад, вертюгаден — *vertugal, vertugade, vertugadaine* (фр.) — французские названия каркаса для юбки в XVI веке.

восшествие на престол тем, что подарил своим младшим братьям и сестрам по отдельному дворцу. Таким образом, каждого из молодых принцев окружали множество придворных и армия слуг.

Окружение принцессы Марго

Отныне будущая королева Марго, пока еще семи лет от роду, обладала окружением, достойным ее имени. В Национальном архиве Франции хранится счет, содержащий расходы ее свиты с июля 1559-го по декабрь 1560 года. В нем также перечислены все те, кто состоял у нее на службе: три знатные дамы, среди них гувернантка Шарлотта де Вьен дама де Кюртон, четыре фрейлины, пять камеристок, у каждой из которых имелись в распоряжении прислуга, воспитатель, наставник, духовник, домовый священник, два служителя капеллы, три секретаря, два дворецких, два хлебодара, два виночерпия, два стольника, резавших мясо, два конюших, два хирурга, аптекарь, четыре камердинера, портной, двое слуг в гардеробной, двое привратников при комнатах, двое привратников у входа в зал, один гоффурьер, три фурьера («истопника»), два ключника хлебной службы с тремя помощниками, четыре ключника винной службы с тремя помощниками, два мундкоха, два повара, два «суповника», два «приспешника»¹, два поваренка, зеленщик, два носильщика, два привратника у дверей кухни, кондитер с помощником, пекарь, хранитель столовой посуды, три зеленщика с двумя помощниками, два служителя дровяного двора, две прачки, галантерейщик, два горшечника, мясник, двое слуг при фрейлинах, финансовый поверщик двора и два писца, казначей двора. В общей сложности маленькую принцессу окружало около сотни человек. Жалованье этого штата соста-

¹ Слово «hâteur» — приспешник или вертельщик на королевской кухне — происходит от слова «l'hâte» — поспешность; это кухонный служитель, следивший за степенью готовности блюда.

вило в первый год 17 640 ливров, а на следующий — 19 тысяч ливров. К этим людям следует добавить персонал конюшни — два лакея, четыре выездных слуги, два стремянных и два их помощника, четыре погонщика мулов, обслуживающих носилки («трясущиеся возки») Маргариты, кузнец, истопник при конюшне, слуга при пажах, шорник, поставщик корма верховым животным; всем им платили 1743 ливра в год. К этому следует добавить расходы на содержание четырех мулов для носилок, трех лошадей для экипажа («тележки») принцессы, еще трех лошадей для экипажа воспитательницы, двух лошадей экипажа «дамы гардероба», двух — «гувернантки девочек» и четырех лошадей для багажа фрейлин. И это всего лишь для ребенка. Десять лет спустя, в 1573 году у королевы в конюшне стояли сорок две верховые лошади. В 1560 году общий годовой расход конюшни составил 9230 ливров 2 су. Помимо расходов на содержание верховых лошадей в него входили расходы на одежду фрейлин, пажей и лакеев, ездивших вместе с принцессой, на упряжь для мулов, скакунов и лошадей, на украшение экипажей черным бархатом, черным и малиновым атласом, а также на кожаные кофры для перевозки багажа. Манто, дорожные плащи («сэ¹»), пурпуэны и прочая «амуниция» пажей и лакеев обошлись в 429 ливров 17 су 6 денье.

Расходы маленькой принцессы почти столь же велики, как расходы королевы, и так же дело обстоит с принцами. Все эти «малые дворы» сформировались осенью 1559 года. Как только все места и должности были распределены, двор приготовился к новому вихрю пышных церемоний и приемов Блуа, а королева-мать, обретя душевное спокойствие, умиротворенная прелестным поместьем, отнятым у соперницы, кажется, могла себе позволить заслуженный отдых.

¹ Сэ — *saie* (фр.) — первоначально, в эпоху Римской империи, — плащ галлов. В эпоху Средневековья и позже — верхняя широкая недлинная мужская одежда с широкими рукавами. Это одежда феодалов и придворных.

Заговор «недовольных»

Но обживать свое новое владение — Шенонсо — зимой 1560 года Екатерине было недосуг. Королевская власть находилась под угрозой. Семнадцатилетний король Франциск II страдал хроническим заболеванием носовой полости и ушей и, обладая слабым характером, сразу попал под каблучок Марии Стюарт, на которой женился за несколько месяцев до восшествия на престол. Очень живая молодая особа была на два года старше его и во всем следовала советам дядьев по материнской линии — герцога Франсуа Гиза и кардинала Карла Лотарингского, епископа Реймского.

Принцы королевской крови, Антуан де Бурбон, король Наваррский, и его брат Людовик, принц Конде, не могли долго мириться с таким захватом власти. Гизы были убежденными противниками протестантов, во главе партии которых помимо Бурбонов стоял Гастон де Колиньи, адмирал Франции, племянник коннетабля де Монморанси. Конде готовил заговор с октября 1559 года. Было решено схватить Гизов и окончательно удалить их от короля. Большинство мелкопоместных дворян-гугенотов Запада и Юга Франции примкнуло к войскам принца Конде, которого называли «немым полководцем».

В течение двух поколений мелкопоместные дворяне ходили воевать за Альпы и жили в достатке. Но в 1559 году в Като-Камбрези был заключен мир, французские войска покинули Италию, и мелкопоместные дворяне вернулись в свои сельские поместья, где им пришлось вести весьма скромный образ жизни. Доходы таяли на глазах, потому что в Европу потекло золото из испанской Америки, а позднее и серебро, вызвав не только увеличение количества имеющей хождение монеты, но также и рост цен, который грозил настоящей катастрофой. С начала века деньги потеряли 56% своей покупательной способности. На жизнь требовалось все больше средств, ведь золото, земельные ренты, прежде стабильные и выражавшиеся в имеющей хождение монете, обесценивались вместе с турецким ливром. Провинциальные дворяне, объединяясь под

знаменем врагов Гизов, надеялись, что принцы крови откажутся от диктуемой Испанией политики мира, ведь возобновление войны дало бы им возможность улучшить свое материальное положение.

Рекрутским набором ведал перигорский дворянин Жан дю Барри, сеньор де Ла Реноди. Этот деятельный человек под псевдонимом Лафоре расположил в Туре, Орлеане и Шатодене склады боеприпасов и продовольствия для своих войск. В начале февраля в Нанте он встретился с командующими различными формированиями, собранными в королевстве, и дал им последние инструкции. Поддержка при дворе казалась обеспеченной, и заговорщики рассчитывали легко проникнуть в замок Блуа, чтобы довести дело до конца.

Однако этот ловко подготовленный план расстроился из-за королевской прихоти: 3 февраля молодой король покинул Блуа и поехал охотиться в «просторные близлежащие леса» в сопровождении знатных сеньоров. По дороге они получили донесения шпионов, и кое-что перестало быть тайной. 18 февраля между Монтуаром и Маршенуаром герцога Гиза догнал его секретарь Миле, прибывший на почтовых вместе с адвокатом Пьером дез Авенелем, который приехал из Парижа и привез тревожные сведения о действиях Ла Реноди.

Ла Реноди незадолго до этого появился в Париже и остановился у адвоката, возле Сен-Жермен-де-Пре, потому что семья Авенелей, как и Реноди, принадлежала к реформированной церкви. Безо всяких мер предосторожности Ла Реноди встречался и беседовал со своими сообщниками, и адвокат узнал, что заговорщики собираются начать действовать между 6 и 10 марта. Будучи человеком верноподданнических настроений и надеясь на хорошее вознаграждение, адвокат, недолго думая, предупредил Гиза.

Двор отступает в Амбуаз

Тогда решили перевезти весь двор в Амбуаз, где за стенами укрепленного замка всем будет гораздо безопаснее. Необходимо было подготовить покои, в

которых долгое время никто не жил, поставить мебель и развесить ковры. К 22 февраля все было готово. Герцог Гиз посоветовал вызвать ко двору принца Конде и адмирала де Колиньи, чтобы вынудить их порвать с заговорщиками. Приехал один Колиньи. Перед этим он вместе с королевой-матерью работал в Блуа над «эдиктом примирения». Формулировки изменили, проведя различие между «спокойными» приверженцами Реформации, коим разрешалось мирно жить в королевстве в том случае, если они обещают стать в будущем добрыми католиками, и виновниками беспорядков, против которых предполагались гонения.

Причиной столь поспешного создания текста эдикта был все нарастающий страх. Один за другим к королю прибыли гонцы Антуана Перрено де Гранвеля, министра Филиппа II Испанского в Нидерландах, и герцога Савойского; оба корреспондента сообщали о том, что Англия поддерживает заговорщиков, а также назначенную дату восстания: 6 марта.

Маскарад на средопостной неделе

В то время как предпринимались попытки обезвредить заговор посредством эдикта примирения, требовалось поднять настроение двора. С этой целью по случаю середины Великого поста¹ в саду Амбуаза организовали костюмированные скачки — игру «кольцо», красочный рассказ о которой оставил нам Брантом.

Франциск Лотарингский, главный приор Франции, первым выехал на центральную аллею, служившую ристалищем. Под ним была берберийка, нервная лошадь африканского происхождения, которую ему с трудом удавалось удерживать. К тому же ему мешал костюм цыганки: широченная роб с пышным корсажем из бархата и тафты и большая круглая

¹ Средокрестье — католический праздник в середине Великого поста — в четверг на средопостной неделе.

шляпа. В левой руке он держал обезьянку, запеленутую, как младенец. Испуганная быстрой ездой, зверюшка корчила рожи, забавляя присутствующих, но сильно мешая главному приору, которому после четырех забегов пришлось отдать ее слуге.

Жак де Савуа, герцог де Немур, оделся горожанкой — шапочка и роб из черного сукна. Сбоку на поясе висел кошелек, рядом — толстая серебряная цепь и кольцо с нанизанной на него сотней ключей. При каждом движении ключи звенели, как колокольчики. А конь был великолепен — один из самых сильных боевых скакунов, гнедой масти, и так хорошо обученный, что в пять скачков мог пересечь ристалище.

*Подготовка к обороне Амбуаза.
Боевые действия против
заговорщиков*

Удовольствие от зрелища при всей страсти придворных к поединкам не помогло забыть о страхе. Когда подошло 6 марта, день, выбранный заговорщиками, ужас придворных стал, по словам испанского посла Шантоне, «столь велик, как если бы у ворот стояла целая армия». Герцог Гиз раздал оружие и расставил вокруг крепостной стены посты. Рыцари королевского ордена Святого Михаила несли вахту у ворот. Входы и выходы в нижнем городе были перекрыты. В покоях короля и королевы стояли гарнизоны. Но ничего не произошло, и вечером страх сменился спокойствием. Король подписал текст эдикта примирения, по которому прощались «спокойные» протестанты, решившие примириться с католической церковью. Почти сразу, 9-го числа, он уехал на охоту.

Королевы Мария Стюарт и ее свекровь, Екатерина Медичи, отправились в Шенонсо, но эта беспечность была по меньшей мере неосторожной. Из нового донесения капитана Линьера Гизы узнали, что заговорщики, далекие от того, чтобы внять призыву

короля, стягиваются в маленький замок Нуазе, находящийся на полпути между Туром и Амбуазом, откуда намереваются выступить 15 марта, чтобы довести затею до конца. Утром того же дня герцог де Немур был отправлен на разведку. Он взял в плен нескольких главарей, барона де Роне и капитана Мазера. Потом вернулся в Амбуаз и собрал весь наличный штат короля — дворян, придворных, егерей и сокольничих, прислугу замка. Таким образом, в его распоряжении было войско в пятьсот всадников, которое окружило Нуазе и вынудило командовавшего замком Карла де Кастельно-Тюрсана сдаться. Герцог де Немур привез пленника с тридцатью его дворянами в Амбуаз.

Узнав об этом, боясь потерпеть поражение, Ла Реноди отдал приказ своим растерявшимся войскам следовать в Амбуаз. Но поскольку заговорщики были разобщены, они оказались беззащитными перед королевским патрулем, вышедшим из Амбуаза. Увидев, что затея провалилась, принц Конде наконец внял призыву короля и 16 марта отправился в Амбуаз. Утром 17 марта герцог Гиз отбил атаку двухсот человек в предместье Боном. В замке все были напуганы, так как ходили слухи, что нападавших несколько тысяч. Король заперся в своих покоях вместе с женой, матерью, придворными дамами и четырьмя кардиналами — Бурбонским, Лотарингским, Гизом и Шатильонским. Оправившись от страха, он назначил герцога Франсуа де Гиза королевским наместником, поручив ему жестоко подавить восстание. На следующий день Ла Реноди был застигнут в лесу Шато-Рено патрулем, которым командовал его родственник, сир де Пардаиль, и убит выстрелом из аркебузы. Его тело было перенесено в Амбуаз, повешено на главной площади, а после того как провисело целый день на всеобщем обозрении, разрублено на пять частей, которые привязали к городским воротам.

Двумя днями позже, чувствуя себя в полной безопасности, король уехал вместе с королевами охотиться в леса близ Шенонсо в сопровождении

лишь пажей и сокольничих. Вечером он вернулся, а потом вновь отправился с соколами на берега Луары.

Кровавая расправа

Однако король не отказался от мести. До 17 марта пленников щадили, и даже еще 16-го Франциск II обратился из окна своего замка ко всем пойманным заложникам и, кинув им несколько монет, велел убраться подальше подобру-поздорову. Но 17 марта все изменилось. В этот день 13 пленников повесили, а 22 человека, зашитых в мешки, были сброшены в Луару; 18-го утопили еще 25 человек. Во время похода королевские приближенные, конюхи и слуги, считали себя вправе грабить и убивать всех, кто хоть как-то был причастен к заговорщикам. Наконец, 27 и 29 марта состоялось заседание чрезвычайного суда. Его открыл канцлер Оливье в присутствии главных сановников Короны и нескольких советников. Они вынесли десяток приговоров, первым делом — четверем заместителям Ла Реноди — Роне, Мазеру, Вильмонжи и Кастельно, которых выдал собственный секретарь главы заговорщиков де Ла Бинь. Все они были приговорены к отсечению головы и четвертованию за преступление против Королевского Величества.

Герцог де Немур дал честное слово Кастелло, что выпустит его на свободу. За него вступилась сама королева-мать, но безрезультатно: 29 марта он взошел на эшафот. 30 марта головы главарей были выставлены на всеобщее обозрение на площади Гран Карруа в Амбуазе, днем и ночью их охраняли стражники. Эшафоты, расположенные у подножия замка, привлекали толпу, жаждавшую кровавых зрелищ. Даже придворные дамы и кавалеры спешили на крепостную стену, только бы ничего не пропустить: говорили, что Гизы приказали устроить казнь после обеда, чтобы «развлечь дам, которые, как они заметили, скучали в этом захолустье». За неимением специального

места для казни остальных осужденных решили повесить на зубцах крепостной стены со стороны Луары и на кованой балюстраде большого королевского балкона.

Знаменитая гравюра из сборника Горторея и Периссено изображает различные эпизоды этой, именуемой законной резни. Долгое время трупы висели у всех на виду и, как считалось, внушали справедливое отвращение к преступлению против Королевского Величества¹.

Двор перебирается в Шенонсо

В воскресенье 31 марта, когда правосудие свершилось, молодой король и весь двор покинули замок, такой веселый когда-то и столь мрачный теперь. Через те самые леса, в которых всего несколько дней назад укрывались Ла Реноди и его сообщники, проследовал веселый кортеж принцев и сеньоров, дам и принцесс. Они направлялись в Шенонсо. Короля сопровождали его супруга Мария Стюарт, мать и три младших брата. Королевский наместник герцог Франсуа де Гиз и кардинал Лотарингский ехали бок о бок, они практически конвоировали принца Конде, выглядевшего пленником. Двор был в полном составе. Клан Гизов торжествовал победу: герцог д'Омаль, зять Дианы де Пуатье, Франсуа Лотарингский, главный приор Франции и генерал галер, Жак де Савуа, герцог Немурский гарцевали, как на параде. Адмирал де Колиньи и кардинал Шатильонский, оставшиеся при дворе полусвободными, ехали опустив головы: в отсутствие старого коннетабля Анна, оставленного в Париже, где находилось правительство, они представляли клан семьи Монморанси. Канцлер Оливье, тщетно пытавшийся обуздать мстительность Гизов, умер в Амбуазе накануне переезда. Рассказ о праздниках в Шенонсо оставил

¹ Так называемый «амбуазский заговор» был первым серьезным выступлением дворян-кальвинистов, предварившим религиозные войны второй половины XVI века.

нам один из его зрителей, Ле Плесси, под чьим именем, как считали, скрывался Антуан дю Плесси-Ришелье, главный прево двора, командовавший отрядом аркебузирова, которые должны были обеспечивать безопасность королевской персоны.

Великолепный въезд королевской четы — Франциска II и Марии Стюарт

Став владелицей Шенонсо, Екатерина Медичи особое внимание уделяла убранству поместья. Генеральный поверщик финансов дома королевы, Эли де Одо сеньор де Паради, выделил необходимые для этого средства. Капитан замка, Ламбер, поставил материалы и рабочую силу. Работы по художественному оформлению возглавил Приматиччо — новый главный интендант резиденций Короны. Этот же соперник Филибера Делорма составил сценарий королевского въезда. Похоже, что сочинить девизы, надписи и стихи для украшения сооруженных в парке триумфальных арок, обелисков, колонн, алтарей, статуй, источников обязали Ронсара, Дора, Баифа и Жоделя.

С наступлением ночи Франциск II и Мария Стюарт в сопровождении придворных подъехали к замку, освещенному заревом выстрелов. Это палили в их честь тридцать пушек, выстроенных в боевой готовности на берегу реки. Из работников, арендаторов и крестьян поместья, которых было около девяти сот, создали четыре команды; они стояли на холме над аллеей, по которой проезжала процессия, а по сигналу пушек, под барабанный бой, спустились навстречу кортежу. Шедшие впереди несли флаги из черной тафты с белой каймой, как напоминание о скорби королевы-матери. В руке каждый держал пышную зеленую ветвь. Капитан Ламбер привел также женщин Шенонсо и рассадил их вдоль главной аллеи — в больших деревенских головных уборах с цветами и яркими лентами. Весь путь был устлан распустившимися ветками, букетами фиалок и левкоев. Со всех сторон навстречу государю неслись приветственные

возгласы: «Да здравствует король!» Трудно представить себе более разительный контраст с бурными и кровавыми днями, пережитыми в Амбуазе. Екатерина Медичи решила устроить сыну столь мирный и радушный прием для того, чтобы показать всем, насколько народ привязан к своему государю, несмотря на интриги сановников и волнения мятежников.

Около въезда на передний двор были построены триумфальные ворота тосканского ордера¹. Три арки ворот выходили на аллею, причем центральная арка составляла двадцать футов² в ширину. На картушах красовались гербы и девизы короля, королевы и наследных принцев. Базы³ колонн и капители были увиты гирляндами из плюща. Высокопарная надпись на антаблементе⁴ гласила:

Божественному Франциску,
Сыну божественного Генриха и Внуку
Божественного Франциска,
Доброму и счастливому принцу.

На фронте, увитом плющом, были изображены бронзовые декоративные вазы, увенчанные пламенем. Их значение объяснял девиз на итальянском языке — «пламя королевской славы достигнет небес»:

¹ Ордер (нем. *Order*, фр. *ordre* от лат. *ordo, ordin* — порядок, строй) — в классической архитектуре порядок соотношения несущих и несомых частей здания. В архитектуре Древней Греции сложились дорический (мощные, тяжелые пропорции колонн с каннелюрами без баз, простая капитель), ионический (утонченные пропорции колонн с каннелюрами, сложная капитель с завитками, профилированная база, фриз часто украшен рельефом) и коринфский (утонченные пропорции, четырехугольная капитель с декором) ордера. Римляне добавили к ним тосканский (аналог дорического: гладкий ствол колонны без каннелюр и наличие базы) и композитный (аналог коринфского ордера, однако капитель может быть дополнена четырьмя ионическими волютами, иногда вводятся рельефные детали и скульптурные изображения).

² Фут — около 0,3 метра.

³ База (греч. *basis* — шаг, стопа) — основание, подножие, нижняя опорная часть колонны или столба, ее форма зависит от архитектурного ордера.

⁴ Антаблемент (фр. *entablement* — надстолье, покрытие от лат. *tabula* — доска, плита) — система верхних, горизонтально расположенных частей здания, поддерживаемых колоннами.

Fin al cielo n'andara la fiamma¹.

Другая надпись на латинском языке находилась на той стороне ворот, которая была обращена к замку. Она прославляла конец волнений в Амбуазе и воздавала должные почести «божественным» королевским особам:

Obsedatos tumultus et restitutos divis honores².

Далее, шагах в пятидесяти от ворот, два расположенных друг против друга терма³ выше человеческого роста на двух рустованных⁴ базах лили воду через золотые пасти льва. Вода падала в каменную раковину, установленную на двух пилястрах. Надпись напоминала о том, что эти фонтаны устроены для всеобщего пользования (*commoditi publicae*), тогда как другие предназначаются лишь для двора. Главы терм венчали венки из лавровых ветвей, плюща, камышей и цветов. Основания их украшали следующие вирши:

На святом балу дриады
С Фебом, главным божеством,
Купно с мокрыми наядами
Освятители все кругом.
Древнего Медичи рода
Слава, гордость и краса
Счастье дарит землям, водам:
Он прошел по сим местам.
Не губи родник, прохожий,
Чисты струи грех мугить,
В Шенонсо притекли воды,
Дабы целый свет поить.

¹ «Пределов неба достигает пламя» (*um.*).

² «С устранением мятежа восстановлена божественная слава» (*лат.*).

³ Терм — колонна, увенчанная человеческой головой.

⁴ Руст, рустованный, рустовка (от *лат. rusticus* — простой, грубый, неотесанный) — большой камень, лицевая поверхность которого не отшлифована, а грубо отесана и сохраняет природную фактуру каменной глыбы. Кладка из таких камней называется рустовкой, в архитектуре итальянского Возрождения она зрительно утяжеляла первый этаж. Позднее рустовка углов здания имитировалась кирпичом и штукатуркой.

Возле фонтанов стояли два больших дуба, еще без листвы. Они были убраны вазами с пламенем, ракетами, вертушками и гирляндами, которые зажглись при приближении короля.

Потом молодой король пересек объятый сном мост через рукав Шера, отделявший переднюю часть двора. Свет факелов и вспышки салюта привлекли рыбу, и она играла в воде, придавая волшебный оттенок всему действию. Кортёж вступил на террасу, освещенную так, словно это происходило днем. В углу было устроено что-то вроде маяка — четырехугольный столб с отверстиями различной формы со вставленными в них разноцветными стеклами. Свет давали четыре больших факела, зажженные при помощи расположенных снаружи по углам пиротехнических средств. Переливчатое сияние разноцветных огней играло на фасаде замка и разливалось вокруг, мягко касаясь ветвей деревьев.

Налево от террасы, возле деревянного моста, ведущего к цветнику Дианы, у подножия колонны помещался античный алтарь, покрытый ветвями кипариса, сосны, гранатового дерева и самшита: эти посвященные Плутону деревья напоминали о трауре королевы-матери. Наверху колонны находилась золотая голова Медузы с переплетенными змеями. Она символизировала бдительность Екатерины, сумевшей предотвратить все опасности и сохранить покой Франции. Сонет давал пояснения:

И ночь, и день под рощи сень торопятся стада,
И пыль клубится, облачком взлетая.
А в вышине — там гимном птичьей стаи
Звенят, и оживает край, неласковый всегда.
В потоке вод — все десять тысяч волн:
Лазоревых барашков стайка вьется...
И, если вдруг здесь кто-то рассмеется,
Попав сюда, как прежде, счастьем полн,
Будь это князь, король или воин,
Случайный гость или по чьей-то воле,
Ему скажите: «Путник, оглянись! Святые берега,
Где Екатерина, позабыв про гордость
Пустых людей, одна, скорбями полнясь,
Влачит остаток дней печального вдовства».

Напротив античного алтаря у подножия большой башни Маркеса был устроен покрытый дерном холмик, увенчанный двумя львами. Помещавшийся там сонет воспевал ни с чем не сравнимую скорбь королевы-матери, поклявшейся вечно помнить Генриха II.

Другая триумфальная арка, с позолоченными колоннами и аркадой коринфского ордера, возвышалась у въезда на мост, ведущий к замку. На развевающихся знаменах из белой тафты были начертаны стихи, прославляющие короля: они возвещали скорый конец волнений и усмирение мятежников. Две статуи по обеим сторонам арки изображали нимф. Перед собой они держали вазы, из которых лилось чистое вино, предназначенное для прохожих, а над головами — охотничьи рожки, вино било из них фонтаном и оседало мелкой пылью.

Король, королевы и принцы медленно продвигались от одного сооружения к другому. Когда они оказались у подножия замка, то под грохот артиллерии, треск петард и вспышки ракет опустился подъемный мост, а навстречу государю вышла юная дева в лавровом венке, изображая Славу. Она несла картуш с надписью, прославляющей государя.

На двух маленьких полукруглых террасах по обе стороны от входа в замок помещались сооружения по рисункам Приматиччо: с одной стороны — античный алтарь, увенчанный срезанной колонной и усыпанный цветущими лилиями. Надпись была такая:

Manibus datis lilia plenis¹.

На верху колонны стояла Слава в лавровом венке и с трубой в руке. На другой стороне — Победа, которая держала в одной руке лавровый венок, а в другой — пальмовую ветвь. Пока король любовался богинями, на балконе появилась девушка с копьем и мечом, изображавшая Палладу, и поприветствовала короля такими словами:

¹ «Дайте лилий полные пригоршни» (*лат.*) Вергилий, «Энеида».

Король французов, с неба, где твой отец живет,
Спустилась я, Паллада, показать просторы эти,
Что станут, заботами моими, отныне и вовеки,
Служить тебе достойным короля жильем.

Потом она осыпала короля и его приближенных венками, гирляндами и букетами цветов. А у ног Паллады на фризе балкона красовалась надпись:

Medi is in fluctibus arae¹,

которая извещала о том, что Шенонсо, возникший из вод и ставший жертвенником богине и местом ее обитания, отныне священен.

Этим апофеозом вечер и закончился.

Продолжение праздника

Едва войдя в замок, король занялся важными политическими делами. Он подписал указы, адресованные парламентским советникам и судьям в провинциях: в них изобличался недавний заговор, а слуги короля призывались к бдительности.

На следующий день празднества продолжились: теперь это был поединок на воде, который организовал итальянец Корнелио де Фьеско. Он собрал на Шере вокруг замка более пятидесяти барок, и эти голубые, белые, алые, все в фестонах и гирляндах, яркие галиоты дали «морское сражение». Водная феерия продолжалась долго: галиоты преследовали и брали друг друга на абордаж, а их лихие экипажи периодически оказывались в воде.

Это первое пребывание в Шенонсо, которое продолжилось обычными поездками на охоту, осталось для Екатерины Медичи чудесным воспоминанием. Все декорации, созданные для церемонии королевского въезда, предполагалось разобрать на следующий день, но Екатерина хотела сохранить память об этом на более длительный срок, благоустроивая и за-

¹ «Алтарь среди потоков» (лат.).

мок, и его окрестности, и как бы продолжая то, что было начато ее соперницей, Дианой де Пуатье. Но вышло так, что она не смогла сразу же взяться за дело: смерть Франциска II в Орлеане 5 декабря 1560 года¹ и проблемы управления государством, которым занялась королева, так как ее сын, Карл IX, стал королем в десять с половиной лет, затем — созыв Генеральных Штатов в Понтуазе и в Пуасси, первый этап религиозных войн, длившийся весь 1562 год. Все это постоянно отдаляло королеву от Шенонсо и берегов Луары. Но она вернулась туда, чтобы заключить мир с протестантами. Именно в Амбуазе 19 марта был подписан эдикт, гарантировавший свободу вероисповедания сеньорам, обладавшим судебной властью, и позволивший проводить протестантские богослужения в одном городе от каждого бальяжа.

Отрада постных дней в Амбуазе

В Амбуазе королева-мать оставалась до Пасхи. Екатерина жила там со своей дочерью Маргаритой, которой было тогда 10 лет. Благодаря двум счетам, содержащим расходы во вторник и в пятницу на Страстной неделе 6 и 9 апреля 1563 года, нам известны траты ее двора. Эти счета ярко демонстрируют великолепие королевского стола в те дни, когда церковь предписывает соблюдение строгого поста и воздержание. Конечно же, меню было постным, но как умели тогда скрасить пост, готовя разрешенные блюда!

Счет хлебной службы идет в самом начале: во вторник пекарь поставил королевскому столу 49 дю-

¹ 10 июня 1559 года его жена, семнадцатилетняя Мария Стюарт, стала королевой Франции, а 5 декабря 1560 года осталась вдовой и надела костюм королевы-вдовы. Траур королев был белый и оставлял открытым только лицо и кисти рук. С белого чепца спускалась белая вуаль, и такая же белая ткань окутывала сверху ее черное вдовье платье. Этот наряд королевские вдовы носили один год, а потом одевались во все черное. Однако королева Шотландии никогда не расставалась с белым головным убором и белым покрывалом, навсегда скрывшими ее чудесную золотистую косу.

жин хлеба (15 ливров 5 су) и 52 дюжины — в пятницу (13 ливров 2 су 6 денье).

Затем следует винный погреб. В обоих счетах упоминаются одни и те же негоцианты. Господин д'Эспине приносил каждые два дня по 2 сетье выдержанного белого вина (13 су 6 денье), а вдова Клода Дюпре — 2 сетье выдержанного клярета (16 су). Робер де ла Фонтен поставил во вторник 2 сетье белого арбуазского вина (14 су 6 денье) и 2 сетье выдержанного туренского клярета (12 су 10 денье); в пятницу он поставил немного больше белого арбуазского вина, причем помечено, что оно «родом из Турени» — 3 сетье (21 су 8 денье) и 2 сетье выдержанного туренского клярета. Жан Рулле был самым крупным поставщиком: для королевского стола он поставлял каждый день 8 сетье белого туренского вина нового урожая (38 су 6 денье) и во вторник 13 сетье туренского клярета (62 су 5 денье). Также он поставлял вино и для персонала — «людского» стола: во вторник — 26 сетье клярета нового урожая (92 су 2 денье 1 обол¹), а в пятницу — 22 сетье и 2 кувшина клярета нового урожая (71 су 10 денье). В этом счете появляются два новых поставщика. Во вторник мадемуазель де Мазьё приказала поставить 2 сетье орлеанского клярета, но это был подарок королеве-матери — напротив цены в счете стоит пробел. В пятницу Жюльен Баслен принес 18 сетье туренского клярета на 4 ливра 7 су.

Бочки для этих поставок обеспечивал Пьер Кап, получавший ежедневно 15 су по разделу «гужевой транспорт». У него было много дел: во вторник он отправил в замок 230 литров вина для королевского стола и 165 литров для людского, в пятницу — соответственно 260 и 165.

Теперь перейдем к кухмейстерской. Во вторник на Страстной неделе церковь предписывает поститься, однако рыба была разрешена. Поэтому в счетах названы продукты, принесенные торговцами рыбой. Перечислено много видов пресноводной рыбы и не-

¹ Обол — медная монета в 1/2 денье.

сколько морской: 2 лосося (из которых один свежий, стоимостью в 45 су, и один соленый), 4 щуки (одна из которых в два фута длиной стоила 60 су), 1 усач, 4 пещаря, 3 миноги, 5 окуней, 3 алоза, камбала, 4 морских языка, 6 лещей. Больше всего было карпов (10), угрей (9, из которых 3 оставили на пироги, а 4 — на суп) и трески — 2 свежих и 10 сушеных (они назывались «мерлю» или «мерлюш»). Также в замок было поставлено 5 корзин жаренной в масле рыбы, 4 блюда с рыбой и овощами, две черепахи (15 су) и 20 улиток (3 су). Всего торговцы рыбой поставили продуктов на 28 ливров 19 су 9 денье.

Мясники во время поста поставляли в основном белую рыбу (38 су 2 денье), коровье масло (42 фунта на 63 су) и сальные свечи (16,5 фунтов на 24 су 4 денье 1 обол).

Мундкох поставил редкие продукты для закусок и выпечки: апельсины (2 су), артишоки (8 су), сотню сырых яиц (6 су), спаржу (8 су), муку (10 су), оливковое масло (22 су 6 денье), крупную соль (8 су), миланский сыр (так называли одну из разновидностей сыров с красной корочкой, 2 су), молоко (2 су) и стаканчик (12 денье), вероятно, для мерки и, наконец, нут¹, который использовали, чтобы тесто сильно не поднималось (4 су). Всего 63 су 6 денье.

Зеленщик поставил овощей на 40 су. Наконец, кондитеру заплатили 72 су 10 денье, из которых 53 су 8 денье за 14 сладких пирогов, 2 су 6 денье за дюжину «местрье» (вафельных трубочек из пшеничной муки, выпеченных, как вафли, между двумя железными листами, посыпанных сахаром и пропитанных белым вином) и 16 су 8 денье за пироги со свежей лососиной.

Последние расходы кухмейстерской отражены в счете аптекаря (18 су 3 денье 1 обол): 1 унция гвоздики и мускатного ореха (4 су 4 денье 1 обол), 1 унция

¹ Нут — или бараний горох из семейства бобовых. При выпечке тортов для того, чтобы получились ровные коржи, поверх выложенного в форму теста кладут пергамент и на него для тяжести насыпают нут или любые другие бобовые.

перца (17 денье), двенадцать полуштофов розовой воды (2 су 6 денье), 1 фунт сахара на 10 су.

Всего поставки на кухню королевы матери за один день обошлись в 45 ливров 9 су 11 денье.

К этому добавились расходы фруктовой службы — 10 ливров 6 су 1 денье 1 обол за поставку «ординарных и экстраординарных» фруктов, а также всего необходимого для освещения: шесть белых факелов (43 су 6 денье), 10 белых свечей (8 су 4 денье), 14 желтых свечей (7 су 1 денье), 3 желтых факела (11 су 3 денье), наполнитель для двух ночников (7 су 6 денье), 3 факела в буфетные (6 су 7 денье 1 обол), 2 факела для мундкоха и мэтра-повара (3 су 9 денье), 2 желтые свечи для «приспешника», надзиравшего за готовностью блюд, и для «суповщика», варившего супы (11 денье).

Пятница на Страстной неделе была очень строгим для амбуазской кухни днем. Но период поста и воздержания вовсе не был полностью постным. Прежде всего потому, что особам со слабым здоровьем каноническое право разрешало есть рыбу: действительно, мясники поставили немного белой рыбы (2 су 10 денье), 70 фунтов коровьего масла и обычное число сальных свечей, крайне необходимых, так как приходилось с утра до ночи суетиться и готовить множество изысканных блюд и горы пирожных.

Приправы на кухню поставлял аптекарь. Для супов он поставил 5 фунтов риса и 1 фунт миндальных орехов (15 су), 6 фунтов сахара (50 су), коринку (6 су 2 денье), 4 унции гвоздики и мускатного ореха (17 су 6 денье), 6 унций разных других измельченных пряностей (3 су 6 денье).

Мэтру-повару он поставил 4 фунта миндаля, 4 фунта изюма («резен каба»), 4 фунта винной ягоды, 4 фунта отборного риса, всего на 40 су, далее 4 фунта чернослива (4 су), 4 фунта дамасского винограда и 2 фунта коринки (60 су), фунт мускатного драже (10 су), пинту розовой воды (10 су), 12 фунтов сахара (6 ливров), 8 унций гвоздики и мускатных орехов (35 денье), 12 унций измельченных пряностей (16 су 10

денье 1 обол), 8 унций корицы (35 су), 4 унции «герцогской пудры» — ароматизированной сахарной пудры (3 су 9 денье), 12 унций шафрана (3 су 9 денье). Счет аптекаря для кухни в Страстную пятницу составил 21 ливр 15 су 7 денье 1 обол (в то время как в Святой вторник было всего лишь 18 су)¹.

Счет мундкоха подтверждает приверженность к умеренности в еде: в нем перечислены лишь фрукты, зеленые овощи, яйца и молочные продукты, но какого качества и в каком изобилии! Об этом можно судить по некоторым деталям: дюжина апельсинов (16 су 8 денье), артишоки (8 су), спаржа (8 су), дюжина лимонов (33 су), 2 фунта нута (12 су), четверть буасо груш «бон кретъен», что составляло около 3 кг (12 су 6 денье), 3 четверти буасо яблок (20 су), дюжина груш другого сорта (12 су 6 денье), 50 пинт «воды для бламанже» (вероятно, речь идет о говяжьем или, скорее, рыбном бульоне, на основе которого готовили это вкусное заливное) и рис (4 ливра 3 су), 6 фунтов оливкового масла (30 су), мука (30 су), свежие яйца (6 су), крупная соль (8 су), миланский сыр (2 су), глиняная посуда для заливного (8 су), шпинат (8 су). Бакалейщик получил за все это 14 ливров 17 су 8 денье. Прочие обычные овощи принес зеленщик (40 су).

И наконец, за дело взялся пирожник. Он испек шесть дюжин пирожков (21 су), 4 сладких пирога (15 су 4 денье), дюжину «местрье», больших сладких вафель (2 су 6 денье) и более 26 «кусков пирога», мы бы назвали их пирожными (6 ливров 18 су). Вот почему его счет такой большой — 8 ливров 16 су 10 денье.

Так как к вечеру королева и ее дочь проголодались, аптекарь принес им в качестве «легкой ночной закуски» 12 фунтов миндаля, 12 фунтов сладостей и 8 подносов с различным вареньем. Эти «припасы на всякий случай» обошлись в 5 ливров 2 су 3 денье. Все расходы кухни в Страстную пятницу (57 ливров 4 су

¹ Скорее всего, в Страстную пятницу просто запасали пряности для того, чтобы готовить к воскресенью пасхальные угощения.

7 денье) заметно превышали расходы во вторник (45 ливров 9 су 11 денье).

Разумеется, приготовление еды и прием пищи в этот постный день проходили при обычном освещении. Фруктовая служба поставила 8 белых факелов, 10 белых свечей, 14 желтых свечей, 3 факела с желтым воском по 12 ливров за штуку, две заправки ночника для покоев королевы, принцессы и их свиты. Буфетная освещалась тремя факелами, «приспешник» и «суповщик» пользовались обычными свечами и факелами.

Кроме того, фруктовщики принесли «ординарные и экстраординарные фрукты», причем последних было четыре подноса, всего на 10 ливров 10 денье 1 обол.

Сравнивая расходы этих двух дней, можно заметить, что на королевский стол израсходовали 80 ливров во вторник и 96 — в пятницу на Страстной неделе.

Кто же окружал королеву? Те же счета перечисляют этих людей в статье расходов дровяного двора.

Сначала в списке значатся семь дам, получивших дополнительные средства на личные нужды: мадам де Кюртон, графиня де Шарни, мадам де Кастельпер, мадам де Ре, мадам де Сипьер, мадам де Сен-Мем, мадам де Ля Бурдезьер; потом три фрейлины — мадемуазель де Френ, мадемуазели де Ростен и де Вилькос. Среди прочих упоминаются ответственные за королевский дворец и дворец принцессы Маргариты месье де Брак, дворецкий королевы (подписавший оба счета) и господин де Фроз, его шталмейстер; а также месье де ла Тур, дворецкий принцессы Маргариты. Указаны там и имена музыкантов: Жан Поль — лютнист и Ришар Дюбуа — скрипач, имена временных поставщиков дров для обогрева (Никола Бюффе) и метел (Рене Друэн). Назван, во всяком случае перечислен, постоянный персонал: два первых дворецких, главный медик, аптекарь, казначей и его писарь, портной и его помощник, хирург, два курьера, мальчик для ухода за собаками, три прачки, врач принцессы Маргариты, два ее камердинера, комнатный привратник, служитель гардеробной, портной, но-

сильщики кухни, то есть всего около тридцати человек личной челяди королевского дома, которые вместе с десятью дамами свиты королевы ежедневно обходились в 45 ливров.

Таким образом, содержание двора, оставшегося в Амбуазе вместе с королевой-матерью, стоило казне в Святой вторник 1563 года 125 ливров 13 су 10 денье и в Страстную пятницу — 140 ливров 1 су 8 денье 1 обол.

Число людей, потреблявших это изобилие продуктов, гораздо больше числа указанных в этом списке. Можно попытаться определить, сколько же их было, как это сделала Жаклин Буше, исходя из расхода хлеба: каждому полагалось одинаковое количество — по два хлеба в день. Таким образом, свита и челядь королевы составили примерно 294 человека в один день и 312 — в другой. Изучив меню стола дофина в 1555 году, эта же исследовательница определила, что каждый сотрапезник получал очень большое количество калорий — от 6 до 8 тысяч на человека (в то время как работник тяжелого физического труда в XX веке нуждается в 3—4 тысячах). И эта цифра еще увеличится, если учесть калорийность напитков. Так, аптекарь и его два помощника потребляли 3 кварты вина в день (5,58 литра), прачка и ее четыре служанки — полсетье (3,72 литра), так что к калориям каждого человека следует добавить 1209 калорий в первом случае и 483 во втором.

Стоит ли удивляться, что люди при дворе часто болели подагрой и страдали от камней в почках. Впрочем, там неизменно царила исключительно теплая атмосфера!

Заклучив мир, Екатерина с молодым королем предприняла длительную поездку по Франции. Она побывала вместе с сыном сначала в Нормандии, потом почти во всех провинциях, где, объясняя политику двора, убеждала французов жить в мире. Во время долгих переездов заглянула она и в Шенонсо и прожила там четыре дня, с субботы 1 декабря 1565 года до среды следующей недели.

Эти дни можно назвать скорее днями отдыха, не-

жели развлечений: нигде нет подробностей о том, как королева провела это время. Вероятно, королева-мать воспользовалась передышкой в своей гонке «Тур де Франс», чтобы проследить за управлением доменом и за ведением начатых ею работ.

Домен королевы Екатерины: земли и доходы

Екатерина Медичи была неумеренной в тратах, не скупясь на расходы для своего роскошного двора, однако она весьма внимательно следила за поступлением доходов. В случае с Шенонсо ей следовало лишь продолжать начатый Дианой де Пуатье сбор арендной платы. Герцогиня де Валентинуа добилась от Генриха II указов (от 1 августа 1556 года) о составлении описи владений Шенонсо. После обмена поместьями Франциск II возобновил этот указ 23 марта 1560 года. Бальи Амбуаза принялся за работу и в течение пяти лет опрашивал жителей поместья, пока не осмотрел все до мелочей. В результате он составил три толстых тома ин-фолио, причем последний параграф он занес 8 сентября 1565 года.

Так что уже зимой 1565 года королева Екатерина смогла пролистать внушительную опись принадлежащего ей поместья. Описание начиналось с сеньориальной части площадью в 60 арпан, соответствовавшей переднему и заднему дворам и включавшей в себя сам замок, службы, сады и кроличий садок с фермой Ла Гранж, большая часть которой уже была отрезана от земель поместья во время создания цветника Дианы. Затем следовало описание сеньориальных земель по другую сторону Шера до городка Франкёй, где за каменной стеной находился питомник с саженцами фруктовых деревьев, созданный Тома Бойе. Этот второй ансамбль занимал площадь 61 арпан.

Далее. Домен состоял из девяти ферм: Ла Гранж и Ла Безри, Удс, Гоммандьер, Куломмье, Деффе, Беранжерия-Шиссо, Фрише или Шервьер, Брюандьер-а-Шиссо, Гранж-Руж-а-Шиссе. Поместьем принадлежали также хуторки Туш, Порт-Оливье, Буа-де-Пон, владение Ври-

нии и феоде Аржи. Ежегодно эти земли приносили доход 117 ливров 7 су 2 денье деньгами; 34 сетье 7 буасо пшеницы; 85 сетье 8 буасо ржи и смеси пшеницы с рожью и ячменем; 12 буасо ячменя; 25 сетье 3 буасо овса; 3 фунта воска; фунт и три четверти перца; 195 кур и каплунов, жирного гуся с головкой чеснока в горле, пять головок чеснока; апельсин, двадцать один день барщины; и сбор за пользование землей феодеов Удс, Жюшпи, Рош-а-ла-Кутанс, Деффе и Буа-де-Пон из расчета одна скирда к девяти собранным.

Кроме того, по требованию владельца арендаторы должны были участвовать в «бегах белого этёфа», то есть в игре, во время которой оспаривают белый мяч. Эта «повинность», служившая развлечением для хозяев, отражает патриархальный аспект власти сеньора. Екатерине все это очень нравилось, потому что обычай напоминал ей традиционные игры в мяч, что организуют во Флоренции на площади Сеньории; с другой стороны, королева хотела приобщить простых людей к зрелищам двора и дать им возможность хоть в чем-то пожить, как «благородные».

Вассалы недворянского происхождения

Впрочем, не стоит представлять себе обитателей поместья Екатерины мужланами с грубыми деревенскими манерами. Среди них было множество людей, живущих по-дворянски или по меньшей мере помещански и занимавших весьма доходные должности при дворе или при королевских замках.

Так, землевладелица Гийемин Дуино была вдовой Лерана Пиже, служившего при жизни рядовым королевским кондитером в Амбуазе. Оноре Легран, обитавший в маленькой деревушке близ Шенонсо, служил ключником и хлебодаром королевского стола. Другой арендатор, Жан Бенар, являлся секретарем видама Шартра. Благородная вдовствующая матрона Франсуаза де Буазье приходилась матерью и опекуншей молодому дворянину Пьеру Ольфёю, господину де ла Пилетт. Владел землей и один священник, Илэр

Лепине, постоянный домовый священник капеллы Нотр-Дам и в коллегиальной церкви Сен-Жан-Батист Амбуаза. Другие владельцы являлись благородными служителями, принадлежавшими ко двору: шевалье Жоашен Тома, сеньор де Борегара и де ла Босри; Рено Морен, служащий королевского дровяного двора; Габриель Тибо, ординарный королевский фурьер, проживавший в Амбуазе; Клод Бриан, господин де ла Фонтен; Матюрен Декур, королевский сборщик Монришара; Мартен Лорен, начальник пажей главной королевской конюшни, проживавший в Буа-де-Пон близ Амбуаза. Имелось и несколько нотариусов: Жак Менеж, нотариус и секретарь суда замковых владений Бросс и Люзийе; Матюрен Буте, нотариус городка Шенонсо, который вместе со своей женой Катрин Бутино владел «фонтанным домом», Матюрен Жоссе, нотариус из Сен-Жоржа.

Эти люди среднего класса, незаметные при дворе, оставались верными Короне даже во времена беспорядков, охвативших Францию. Все они были заинтересованы в создании благоприятных условий для развития сельского хозяйства. Они сдавали землю арендаторам и тщательно следили за землепользованием, участвуя в мероприятиях по увеличению урожайности и поголовья скота.

Так поступала и сама королева. Она тщательно подбирала людей, способных сделать процветающим ее домен. Об этом свидетельствует один документ, в котором говорится о сдаче в аренду главной фермы торговцу Раулю Жуиссо, проживающему в Туре, на семь лет за 1200 экю в год. Ему уступались все постройки сеньории, за исключением замка, флигеля, заднего двора, садов, фруктового питомника и кроличьего садка, усадьбы в Удс, переделанной в шелкопрядильню, недавно сгоревшего хутора Мулен-Фор и виноградника в Турноне. Арендатор (или «откупщик») обязывался вершить правосудие без всяких вымогательств или взяток; в течение всего срока аренды кормить «честно и в достаточном количестве» чиновников замкового владения, то есть бальи, прокурора кассационного суда, судебной па-

латы и государственного контроля или его заместителя, секретаря суда, а также их слуг и лошадей в течение всех дней судебных заседаний; возмещать все расходы на ведение как гражданских, так и уголовных дел в Шенонсо и Амбуазе; за свой счет перевозить арестованных в Париж или другое место, исключая осужденных за преступление против Королевского Величества, фальшивомонетчиков и иных государственных преступников; наконец (здесь речь снова идет о феодальных забавах), «заставлять тех, кто обязан это делать, трижды устраивать состязания в кентен — бросать копьё в мишень, при этом на столбе должен висеть гербовой щит королевы-матери и присутствовать прокурор кассационного суда». Таким образом, в обязанности «откупщика» входило устраивать развлечения, прибавляя к утехам двора еще и эту хорошо продуманную игру.

Договор от 11 июля 1579 года от имени королевы подписала знатная и влиятельная дама Клод Роберте, дама дез Арпантъи, одна из ординарных дам Екатерины Медичи, которая «несла бремя интендантства» делами Шенонсо, ей при этом помогали Эли де Одо, камергер, сеньор де Паради, бальи Амбуаза, главный контролер дома королевы и мэтр Жан Савар господин де Вотибер — сборщик Шенонсо. Договор был утвержден Екатериной 18 мая 1580 года.

Сады Екатерины

Хотя земельное хозяйство и было очень хорошо организовано, не оно представляло основной интерес для королевы, ведь в первую очередь та стремилась украшать поместье. Она хотела, чтобы ее резиденция могла соперничать и с французскими дворцами, и с виллами итальянских князей. Великолепие и разнообразие должны были искусно сочетаться и не вредить природной живописности места. Правда, Екатерине Медичи требовалось лишь продолжать дело, успешно начатое семейством Бойе и Дианой де Пуатье.

В 1563 году известный керамист Бернар Палисси

напечатал в Ла-Рошели свой «План сада сколь приятного, столь же полезно придуманного, коего никто никогда не видывал». Произведение было адресовано королеве-матери. Похоже, Екатерина сразу поддалась соблазну осуществить проект, поскольку небольшая долина Франкёй на левом берегу Шера, напротив замка, оставалась невозделанной. Садовники Шенонсо буквально преобразили ее за время длительного вояжа Екатерины по Франции. Уже зимой 1565 года королева и ее сын Карл IX увидели устроенный по науке нижний сад с регулярными цветниками и террасами, поднимающийся по косоугру от Шера. Посредине протекал Вестенский ручей, а в него вливались воды двух прекрасных источников. В ближайших к реке склонах вырыли гроты. Выше был устроен амфитеатр, его завершала верхняя аллея. Дорожки обрамляли вечнозеленые кустарники.

Старый сад семейства Бойе, расположенный ближе к входу в поместье, около башни Маркеса, был вновь засажен соснами, тисами, самшитом, розмарином. В наиболее защищенных местах посадили зеленые дубки попеременно с оливковыми деревьями. Позже, с наступлением тепла туда предполагалось перевезти ящики с тепличными апельсиновыми деревьями. Этот заповедник средиземноморской флоры, выращенной под солнцем Турени, получил название «зеленого сада». Его окружали огромный птичник, зверинец с экзотическими животными (там обитала виверра¹) и овчарня.

Источник в скале

За башней, у подъездной аллеи, в скале был устроен источник. Там находился искусственно созданный грот, украшенный сталактитами и различными

¹Виверра — небольшое хищное животное семейства виверровых. Тело вытянутое, ноги короткие, хвост длинный. Окраска меха сероватая или буроватая с многочисленными пятнами. В области анального отверстия расположены железы, выделяющие пахучее вещество — цибетин. Обитают в Азии, Африке и Южной Европе.

«гадами» — лягушками, черепахами, раками, змеями из покрытой эмалью терракоты. Внутри грота из скалы били струйки воды и собирались в водоемы. На большой стол из покрытых эмалью плиток посетители ставили провизию и цветы. В водоемах с постоянно обновляемой водой охлаждали бутылки с вином. Скамьи в два яруса образовывали амфитеатр, в самом его центре располагался широкий круглый бассейн, диаметром в три туаза, в который тоже бежало несколько струй воды. Самый верх, увитый переплетенной виноградной лозой, заканчивался каменной стеной с многочисленными колоннами, статуями и нишами, в которых стояли лавочки.

Чтобы источник действовал, королева за большие деньги приказала подвести по подземным трубам воды ручья ла Дагреньер. Фонтанщик Пикар Дельф исполнил приказ и до 1603 года оставался в штате замка, чтобы обеспечивать бесперебойное функционирование источников и фонтанов.

Беседки из виноградной лозы и питомник для разведения шелковичных червей

Этим королева не ограничилась. Она усовершенствовала цветник Дианы, окружив его с севера и юга двумя длинными беседками в итальянском стиле, свитыми из виноградной лозы на ста тридцати резных пилястрах. Она обустроила парк, проложив новые сквозные аллеи. Вслед за Дианой де Пуатье она занялась выращиванием шелковичных червей, в замке Удс были питомник для их разведения и шелкопрядильня. Она предприняла работы по уходу за лабиринтом, ристалищем, служившим для игры «в кольцо», и площадкой для игры в мяч. Но и здесь королева всего лишь продолжила дело своей соперницы.

Разумеется, зимой 1565 года многое из этого было не более чем проектом. После короткой четырехдневной остановки в Шенонсо двор вновь тронулся в путь. Сначала прибыли в Амбуаз, потом в Блуа, где с 5 по

14 декабря король и его мать принимали лидеров протестантов, с которыми Корона подписала мир, — королеву Наваррскую, герцогиню Феррарскую, принца Конде. Зиму провели в Мулене в Бурбоннэ. Король Карл распределил уделы между своими братьями, 5 февраля 1566 года он передал старшему, будущему Генриху III, Анжу, Бурбоннэ, Форез и... сеньорию Шенонсо; однако владелицей домена оставалась королева-мать.

Гардероб очаровательного принца

Эдуард-Александр, тогда еще герцог Орлеанский, позднее герцог Анжуйский, после восшествия на престол своего брата оказался первым предполагаемым наследником Короны.

С 1561 года его свита стала более значительной, чем свита его сестры Марго. Годовые расходы только на питание его двора достигали 26 тысяч ливров.

Во время блистательных приемов в замках Луары он надевал роскошные одежды. Сохранился перечень его гардероба в конце официального траура по умершему Франциску II. Некоторые предметы туалета ярких цветов отмечены как заказанные портному, но еще не доставленные. Сначала перечислены ансамбли из трех предметов — пурпуэна, шоссов и роб, верхней одежды. Один костюм сшит из серебряной парчи, а его роб с квадратным воротником подбит куницей; другой — из голубого атласа в серебряную полоску, подбит рысью. Пурпуэн и шоссы третьего ансамбля были из ярко-красного¹ атласа с шелковой бахромой того же цвета, а накидка из черной тафты, расшитая крупными бусинами, — на подкладке из ярко-красного шелка. Четвертый ансамбль включал

¹ Одежду ярко-красного цвета (крамуази) имели право носить только принцы и принцессы крови. Придворным дамам разрешалось делать одежду любого цвета, кроме крамуази. Дело в том, что в это время правительство издало ряд эдиктов против роскоши, ограничивающих не только стоимость костюмов, но даже цвет одежды.

в себя «белые бархатные шоссы с кошельком¹, украшенные мелкими разрезами и золотой бахромой»; воротник в том же стиле, а кап (плащ) из черной саржи был подбит белым шелком. Пятый — черного атласа на подкладке из желтой тафты с серебряным шнуром; шестой — наполовину из белого, наполовину из черного атласа; седьмой — из алой тафты с серебряной отделкой, а плащ — на подкладке из голубой тафты в серебряную полоску. Восьмой ансамбль из голубого атласа с небольшими алыми бархатными полосками был отделан серебряным шнуром; девятый был из серого атласа с плащом из отделанной золотом серой флорентийской саржи. Также в списке числился отдельный кап из черного бархата с пятью рядами золотой бахромы, подбитый черным в золотую крапинку бархатом. Кроме того, было помечено, что некоторые костюмы оставались еще у вышивальщика: один — из алого атласа, другой — из голубого атласа и голубого же бархата. Третий, желтый, из атласа и бархата, портному еще предстояло сшить.

Помимо этого в гардеробе принца хранилось множество шоссов и пурпуэнов. Одна пара шоссов из черного атласа была отделана золотой бахромой; другие, тоже из черного атласа, — серебряной, третьи — из фиолетового атласа с золотой бахромой, но принц не мог их носить, потому что они стали ему малы. У него еще имелась пара шоссов из алого бархата с серебром и серебряными позументами; а также из ярко-красного бархата с разрезами («разрезные») на подкладке из белого атласа в золотую полоску к «совсем простому» пурпуэну из ярко-красного атласа. Третьи, из белого бархата с разрезами, на «подкладке с золотыми бляшками²», и еще три пары из переливчатой тафты и три — из белой. Помимо верхних костюмов, принц при желании мог надевать три другие роб: одну из черного дамаста, подбитую рысью и украшенную серебряным шнуром; другую — из черной тафты с золотым шнуром и подби-

¹ Имеется в виду гульфик.

² Вероятно, эти золотые бляшки скрепляли разрезы.

тую куницей; третью, маленькую, из черного бархата, украшенную черной шелковой тесьмой. К этому стоит добавить три «казака» или «сэ»¹. Один — из подбитого рысью черного бархата в комплекте с плащом «с золотыми украшениями»; другой — тоже из черного бархата, но отделанный лишь галунами; третий — из тафты, на кунице, с черной шелковой отделкой «с накидкой из той же ткани, которая была сделана, когда он был болен».

В гардеробе хранилось два воротника из марокена², украшенных золотом и серебром, которые герцог носил, когда был еще ребенком; они «были такими маленькими, что он не мог их носить». Но также там имелось два новых воротника: один — с золотой бахромой, другой — с серебряной.

Накидки и черные бархатные казаки можно было подобрать любые. Одни с «мелкими деталями», мы бы сказали — отделкой, другие — из черного бархата с серебряной нитью, третьи, на подкладке из золотой парчи, с разрезами и шевронами, с бейкой из атласа.

Молодой принц располагал всевозможными нарядами и для верховой езды: костюм из крапчатого бархата, отделанный шелком и серебряной бахромой и подбитый рысью; «мантель» серебряного бархата, «подбитый лисьими грудками» и обшитый золотыми позументами; костюм из отделанного серебром ярко-красного бархата с шоссами, казаком и алым манто; казак из серебряной парчи с черной бархатной окантовкой; манто из черного сукна, окантованное бархатом и серебряной бахромой; пара шоссов из голубого бархата в золотую полоску с воротником в тон; роб из шелкового дрогета, подбитая волком; «рейтр», плащ, как у немецких рыцарей, и кабан — дождевик с длинным ворсом.

У герцога имелось множество «бонне». Не следует

¹ Казак представляется более уличной, будничной одеждой, а сэ — парадной, щегольской.

² Марокен — это слово может обозначать и сафьян, и сорт плотной ткани из шелка.

путать их с женскими чепчиками, в ту эпоху так называли головные уборы вообще, здесь же речь идет о так называемых «токах»¹. У него было их пять из черного бархата, украшенных жемчугом и черной тесьмой, один из которых был расшит маленькими розами; другой — отделан жемчугом и лентами из алого шелка; третий — пестрыми висюльками, а еще один — золотой тесьмой и голубым шелком. Другие два тока были из алого бархата, один был украшен голубыми шелковыми лентами, а другой — только жемчугом. Еще один был из «бархата цвета голубя» с золотыми цепочками, покрытыми белой эмалью, и с маленькими пуговками из жемчужин в золоте; другой — из ярко-красного бархата с золотыми цепочками, покрытыми белой эмалью, и с маленькими пуговицами с изумрудами и рубинами; два из желтого бархата, один с цепочками с жемчужинами, другой — тоже украшен жемчугом и еще маленькими «четками» из золотых, покрытых белой эмалью пуговиц с гранатовыми вставками.

Разумеется, эти роскошные одежды — далеко не единственные ценности, принадлежавшие принцу. Помимо драгоценных украшений, взятых из королевской сокровищницы, его дворецкий следил за домашней утварью принца. Речь идет о серебряном кувшине («бюи»), и серебряном тазе для мытья головы, и другом, для ног, серебряном котелке («кокма-ре»), курильнице, серебряном тазе, который ставили под стул с дыркой, медном туалетном ведре, а также серебряных украшениях капеллы и покрывалах фиолетового бархата, украшенных золотой бахромой и фиолетовым шелком, двух подушек из фиолетового бархата и мешочке для часослова из такой же ткани.

Для герцогского выезда у дворецкого хранились два больших чепрака из черного бархата, шитых зо-

¹ Известная мания короля рядиться в женскую одежду привела к значительным изменениям формы ба-де-шоссов, плащ стал совсем маленьким и коротким, а объемные шляпы заменились женскими ток — совсем маленькими шляпками. Бареты тоже стали совсем маленькими.

лотом и серебром, два седла и две сбруи в тон, одна пара позолоченных стремян, а другая — посеребренных, одни позолоченные и одни посеребренные удила, а также подходящие к ним шпоры.

Когда принц появлялся на людях, помимо великолепных одежд он надевал сверкающие украшения¹.

Баснословные сокровища

Сокровищница членов королевской семьи весьма значительна. До наших дней сохранилась опись ее имущества, составленная в январе 1561 года, еще до того, как католические принцы стали закладывать драгоценности, чтобы получить наличные деньги на войну с протестантами. На тот момент она оценивалась в 70 246 экю. В описи перечислено 809 различных предметов. Речь идет о хранилище Короны, к которому следует присовокупить личные украшения каждого члена королевской семьи, нередко очень дорогие. Так, королева Екатерина обладала драгоценностями на сумму в 27 900 золотых экю, которые у нее появились за время замужества. Самым красивым был золотой пояс из восьми рубиновых розеток с бриллиантами стоимостью в 9 тысяч экю, большой граненый алмаз стоимостью в 6500 экю и убор из пластинок с изумрудами, скрепленных тремя покрытыми эмалью звеньями, завершавшийся висячим жемчугом грушевидной формы².

Разумеется, королевская сокровищница вовсе не сопровождала двор во всех его переездах. В конце правления Генриха II она находилась в Фонтенбло или Бастилии. Ее смотрительницей служила госпожа де ла Бурдесьер, одна из дам королевы Екатерины. Когда требовалась та или иная вещь, ее брали из хра-

¹ По примеру короля молодые мужчины носили серьги, но главным образом одну серьгу.

² Жемчуг грушевидной формы называют «панделок», потому что в XVI веке так называлось ювелирное украшение любой формы с подвеской из драгоценных камней и чаще всего из крупного грушевидного жемчуга, подобное тому, что только что описывалось.

нилища и под охраной перевозили туда, где находился двор.

В хранилище «движимого имущества» сберегалось около двух сотен кубков, ваз, тазов и кувшинов из драгоценных металлов, десятки подсвечников, хрустальных и серебряных ламп, зеркал в хрустале и серебре, два рога единорога, с помощью которых проверяли, не отравлены ли блюда; около двухсот декоративных изделий и предметов церковной утвари из золота и серебра с драгоценными камнями, в частности более сотни реликвариев, четок, сотня часословов в драгоценных переплетах, а также одна псалтырь. Там же находились и утилитарные предметы из драгоценных материалов — золота, серебра, эбенового дерева: десятки ложек, сотни ножей, но совсем мало вилок. Среди многих сотен драгоценностей бросается в глаза изобилие колец (с десятков весьма ценных), браслетов (около сорока), подвесок с узорами (около сотни), камеи из агата, яшмы и сердолика, гравированные или инкрустированные цветами или лицами людей (около 250). Разумеется, в сокровищнице хранились также королевские короны и другие предметы для религиозных церемоний и коронации.

В общем-то, было чем поразить придворных во время больших приемов в замках. Но вскоре наступили тяжелые времена, и мирные ассамблеи сеньоров и придворных сделались невозможными. Все оказались перед вынужденным выбором: стать на сторону католиков или протестантов. Потребовалось много лет, чтобы двор вновь обрел возможность наслаждаться королевскими праздниками.

Замки Луары в эпоху религиозных войн

Из-за второй и сразу же начавшейся за ней третьей религиозной войны двор не мог часто приезжать в замки Луары. Но мир, заключенный в Сен-Жермен-ан-Ле 29 июля 1570 года, позволил королевской семье вновь отдать предпочтение загородным

усадьбам, где все с удовольствием состязались в острологии со своими недавними противниками, а на балах и во время приемов заводили амурные интрижки. Примирившись с королем, осенью 1571 года Колиньи приехал в Блуа, чтобы представить свою новую супругу Жаклин д'Антремон. Королева Екатерина Медичи, часто во время недавней войны желавшая смерти адмиралу, приняла его с большими почестями. Со своей стороны лидер протестантов тоже был чрезвычайно любезен с Екатериной и даже отправился вместе с королевой-матерью на мессу, однако все заметили, что во время службы он не снял головного убора и не преклонил колени при возношении Святых Даров.

Блуа:

матримониальные маневры королевы Екатерины

Зимой 1571/72 года Блуа стал оживленным местом дипломатических маневров, ведь туда съехались представители многих великих держав. Королева Екатерина вела переговоры о женитьбе своего младшего сына Франциска-Эркуюля Алансонского на королеве Елизавете Английской, об избрании своего второго сына Генриха на польский престол и о браке дочери Маргариты, руку которой одновременно просили наследник престола Португалии дон Себастьян и французский протестантский принц Генрих Наваррский. Его мать, Жанна д'Альбре, приехала 15 февраля в Шенонсо, чтобы договориться о свадьбе сына. 11 апреля 1572 года она подписала в Блуа контракт. Она умоляла сына показаться при дворе. И хотя она утверждала, что этот шаг вызван необходимостью, Жанна боялась, как бы молодой человек не испортился при дворе: «Остерегайтесь любых попыток свернуть вас с жизненного пути и отвратить от вашего вероисповедания. Это их цель. И они ее не скрывают. Если вы останетесь там надолго, вам не избежать развращения». Посредством такого брака можно было укрепить

мир. И молодой принц старался полюбить свою невесту, впрочем, Жанна д'Альбре находила ее очень красивой, здравомыслящей и обладающей большим влиянием на мать и братьев. «Старайтесь быть терпимым и доброжелательным. Не бойтесь смело рассуждать: запомните, что по вашему первому появлению о вас сложится определенное мнение. Приучитесь держать волосы в порядке, но не по моде Нерака, а чтобы они лежали по бокам ровно; я вам советую последнюю моду, ту, которую предпочитаю я».

Бездержные развлечения

Королеву Наваррскую разрывали два чувства — желание удачно устроить царственный брак и боязнь, что сына, выросшего в суровой обстановке гугенотских войн, поглотит искусственная, полная суетного блеска и страстей жизнь двора, ведь она сама увидела все собственными глазами, приехав в долину Луары. В той среде и вправду процветали порочные нравы. Жанна оказалась в Блуа и Шенонсо как раз во время подготовки и проведения карнавала и против своего желания присутствовала на причудливых маскарадах и розыгрышах сомнительного вкуса. Однажды король вышел к придворным с вымазанным сажей лицом; в другой раз, изображая лошадь, он нацепил на спину седло. Его брат, герцог Анжуйский, очень любил переодеваться: он нарядился женщиной, надев сильно надушенное роскошное платье и драгоценные подвески. Принцы, казалось, забыли про религиозные войны и всю энергию направляли на распри между своими. Однажды кинжалом закололи дворянина Линьероля якобы за то, что он разжигал ненависть между людьми, и злые языки утверждали о причастности королевы Екатерины к этой скорой расправе!

Впрочем, крайности и жестокости не были свойственны окружению Карла IX. Во время пребывания в долине Луары, да и в других резиденциях, государь

отдавал свои силы физическим упражнениям — играм в мяч и охоте. Влюбленный в природу король объезжал леса с многочисленными придворными, доставшимися ему в таком непомерном количестве от предков. По рассказам Брантома, Карл IX собрал все возможные сведения об оленях, «которых никогда еще охотник не умел и не мог достать». Этот текст он продиктовал государственному секретарю Никола де Нёфвиль де Вильруа. Книга, хоть и была составлена, вышла в свет с опозданием, в 1625 году, под названием «Королевская охота». Этот прекрасный, написанный хорошим литературным слогом трактат Ронсар восхвалял в своей «Элегии на книгу об охоте покойного короля Карла IX».

Вернувшись с прогулок по туренским лесам, государь любил провести время в компании литераторов, музыкантов, людей искусства. Утром, во время мессы, он часто присоединялся к хору певчих королевской капеллы. Он издал указы, покровительствующие Академии поэзии и музыки, президентом которой был поэт Гийом де Баиф.

Один день Карла IX

Даже когда король уезжал на охоту или путешествовал, его управляющий с неизменной точностью закупал продукты для его стола и обеспечивал его полный комфорт.

В счете расходов королевского стола за субботу 12 января 1572 года перечислено, сколько было затрачено на прием пищи в полдень, «обед», во время остановки в замке Вьей-Карт (также называемый Ла-Карт) семьи Бон-Самблансе, расположенном юго-западнее Тура. В этот счет включены и расходы королевского стола в Амбуазе, куда в тот день Карл IX приехал вечером, чтобы поужинать и переночевать. Государя окружала огромная свита — 275 человек.

Пекарь поставил 4 дюжины хлеба и 8 дополнительных хлебов для королевского стола — скромная циф-

ра, для челяди же он привез 41 дюжину и 4 хлеба. Расходы хлебной службы составили 17 ливров и 5 су.

Вина для королевского стола подали 6 кварт сетье, что приблизительно равняется 11 литрам, стоимостью в 72 су, то есть 6 ливров 12 су.

Свита государя обильно утоляла жажду туренским вином. Вдова де Мем поставила 20 сетье белого вина и 20 — клярета; господин Делакруа — 5 сетье клярета; господин Буагантье — 8 сетье турецкого клярета и 20 сетье 3 кварталы 1 пинту более легкого клярета. Таким образом, на день в деревне и вечер в замке свита располагала 543 литрами вина. Всего расходы на вино составили 32 ливра 6 су 6 денье.

Мясник сделал две поставки для кухни. Для королевского стола он привез 1 буасо 2 фунта жира (около 14 килограммов), «королевский» кусок говядины, четверть теленка, четверть барана, 14 каплунов, 33 курицы и голубя, еще одного козленка и жирного каплуна, 4 куропатки, 2 бекаса, 2 кролика, 12 речных птиц, 2 ржанки, 4 чирка, наконец, 12 бараньих языков, 2 говяжьих, брыжейку и печень теленка, дюжину яиц, 24 фунта сала — всего на 19 ливров 2 су 7 денье.

Для челяди мясник поставил 1 буасо 6 фунтов жира, 2 «королевских» куска говядины, 6 четвертей баранины, 7 свиной, теленка, 2 гусей, 14 каплунов, 6 кроликов, 2 жирных каплуна, 8 ржанок, 10 куропаток, 10 речных птиц, 3 дюжины кровяных колбас, 3 дюжины бараньих ножек, полсотни яиц, 2 фунта коровьего масла, 56 фунтов свиного сала, 8 фунтов сальных свечей. Расходы на свиту составили 55 ливров 6 су 6 денье.

Счет мяснику за эти две поставки — 74 ливра 19 су 1 денье.

Следующим в счете идет кондитер. За свою выпечку он получил 6 ливров 4 су 6 денье. Зеленщик получил 7 су 6 денье за «овощи и зелень». Мундкох — 23 су 6 денье за соль и апельсины. Все расходы кухни составили 84 ливра 9 су 3 денье. Фруктовщики принесли фрукты и обычный сыр, салат, а также желтый и белый воск и наполнение для ночников, всего на 11 ливров 13 су.

В счете дровяного двора перечислены вознаграждения королевским слугам и приближенным, которые прислуживали королю в этот холодный зимний день. Расходы составили 110 ливров 3 су 11 денье.

Антуан де Сарлан, главный дворецкий, получил «за свою должность» 4 ливра. Господа де ла Рош-Позе и де ла Э, прислуживающие дворецкие, получили 5 ливров, контролер счетной палаты — 3 ливра, четверо медиков — 6 ливров; другие должностные лица — два комнатных привратника, один лейтенант-привратник, который охранял вход в королевскую спальню или шатер, — разделили 3 ливра. Два ковровщика и «оконщик», развешивавшие и снимавшие шпалеры, получили 18 су; два кондитера — 15 су; четыре прачки — 5 ливров. Балифе, комнатный певчий, неизменно оказывающий колдовское действие на меланхолию Карла IX, вознагражден 10 су. По ландам и лесам багаж короля следовал за ним на повозках: «капитан извоза» получил поденную оплату 6 ливров 8 су. Сауль Дюбуа, занимавшийся переносом соломенных тюфяков, получил 12 су, Жиро и Флаше, перевозившие уголь, — 25 су, «фонарщик», освещавший путь королевскому кортежу четырьмя факелами, — 20 су. Ключнику Туссену, посланному за вином в Блуа, дали 5 су. Во время остановки на «обед» в Вьей-Карт понадобилось дров и хвороста на 11 ливров.

Два дровосека в течение всего дня обеспечивали дровами — они получили каждый по 6 ливров. Кроме того, король заплатил им за 30 вязанок хвороста (30 су), а также за 12 охапок соломы (24 су) и погрузку на одну из повозок дров и хвороста (20 су).

«Мэтр вязанок», в чьи обязанности входила доставка дров в замок, получил 25 ливров 13 су 3 денье. Другой лесоруб поставил 165 вязанок хвороста на 6 ливров 9 су, а пильщика наняли специально — ему заплатили 2 су.

Чтобы король не испытывал недостатка в белье, из Парижа в Блуа потребовали прислать повозку столового белья (11 ливров 10 су), потом ее перевезли из Блуа в Амбуаз (7 ливров 10 су), таким образом, ее пробег обошелся в 19 ливров.

Поздно ночью уставший Карл IX уснул в уютном и теплом замке. Поверщик счетной палаты сверил счета, а один из прислуживающих дворецких, Франсуа де ла Э, подписался под длинным списком на пергаменте: за день обычные королевские расходы составили 156 ливров 7 су 8 денье.

Праздники в замках Луары организовывали прежде всего ради сближения вчерашних противников. Свадьба Маргариты Валуа с Генрихом Наваррским обещала покой и примирение после братоубийственной войны, начавшейся двенадцать лет назад. Королевские дворцы приняли в свои стены гугенотов, что не устраивало католическую партию «непреклонных», сплотившихся вокруг Гизов. Королева Екатерина и ее сын Карл IX рассчитывали со временем примирить мятежников. Но им не пришлось долго тешить себя этой надеждой: 24 августа 1572 года праздники в честь бракосочетания Генриха Наваррского завершились кровавой Варфоломеевской ночью в Париже.

Время празднеств и мирных приемов в залах и садах замков Луары закончилось раз и навсегда.

Глава вторая

Величие и сумасбродство

В течение трех лет после Варфоломеевской ночи двор не приезжал в замки Луары. Отправиться туда вновь Екатерину Медичи вынудил семейный инцидент, грозивший серьезными последствиями. Между двумя ее сыновьями, королем Генрихом III и его братом герцогом Франциском-Эрколе Алансонским произошла ссора, побудившая последнего возглавить партию «недовольных»: 15 сентября 1575 года он бежал из Лувра в долину Луары. Королева бросилась за ним. Она догнала его в Шамборе, и в пустовавшем долгие годы замке мать и сын вели непростые переговоры.

«Летучий эскадрон»

Принц был тесно связан с протестантами, чьи наемники наводнили Францию. Королева-мать пыталась добиться вывода этих войск. В переговорах с окружением герцога Алансонского она использовала своих придворных дам: когда советники сына приходили к королеве, в прихожей их встречали девы, прекрасные, как богини: мадам де Сов, де Керневуа, де Вилькье, де Монпансье, а также мадемуазели д'Эстре и де Бретеш. Частенько к ним присоединялась королева Маргарита Наваррская, очень красивая и исключительно любезная.

Дамам королевы приходилось иметь дело с весьма горячими мужчинами. Франсуа Алансонский славился своим распутством. Он любил приглашать придворных дам в свои покои и показывать им драгоценный кубок с выгравированными на нем неприличными сценами. Генрих Конде унаследовал любовный темперамент своего отца. Генрих Наваррский также имел репутацию страстного поклонника прекрасного пола.

Королева Екатерина добивалась своих целей, не оставляя в покое главарей мятежников; в погоне за ними она разъезжала со своим двором по замкам и аббатствам долины Луары. Наконец в мае 1576 года в Больё-ле-Лош был заключен мир. Он получил название «мира брата короля», так как именно принц Алансонский подготовил этот документ с выгодой для себя. Жертвы Варфоломеевской ночи восстанавливались в правах, проведение протестантских служб разрешалось везде, за исключением предместий Парижа и мест пребывания двора. Герцог Алансонский получил Берри, Турень и Анжу в качестве дополнительных уделов.

Возвращение двора в Блуа

Договор обязывал короля через полгода собрать в Блуа Генеральные Штаты. Ассамблея должна была найти выход из ситуации постоянной нехватки де-

Замок Плесси-Бурре. Общий вид.

Надгробие
Людовика XI
в Нотр-Дам-
де-Клери.

Замок Амбуаз.
Зал Штатов.

Замок Амбуаз.
Крыло
Франциска I
и башня
Миним.

Замок Блуа.
Камин
Франциска I.

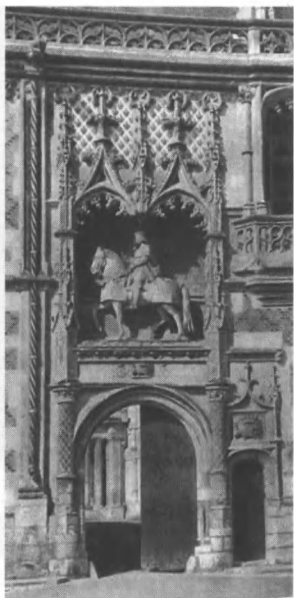

Замок Блуа. Зал Штатов.

Замок Блуа. Крыло Людовика XII.

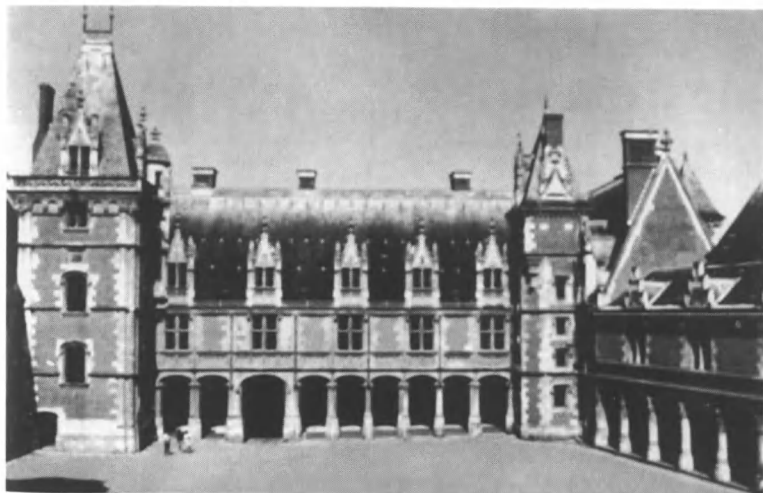
Замок Блуа.
Главный вход.

Людовик XII.
Портрет работы
Ж. Перреаля.
Фрагмент.

Замок Блуа. Крыло Людовика XII.

Замок Шамбор. Вид с главного фонаря.

Замок Шамбор. Терраса на крыше.

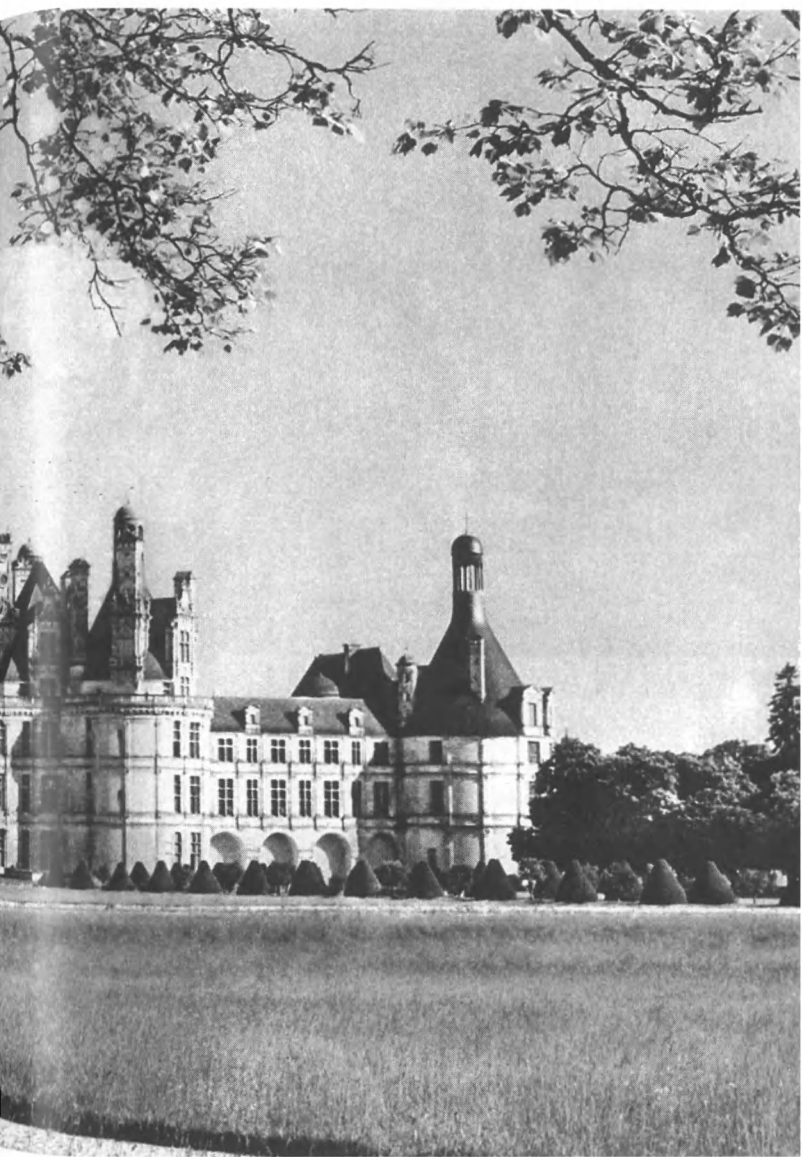

Замок Шамбор. Главный фонарь.

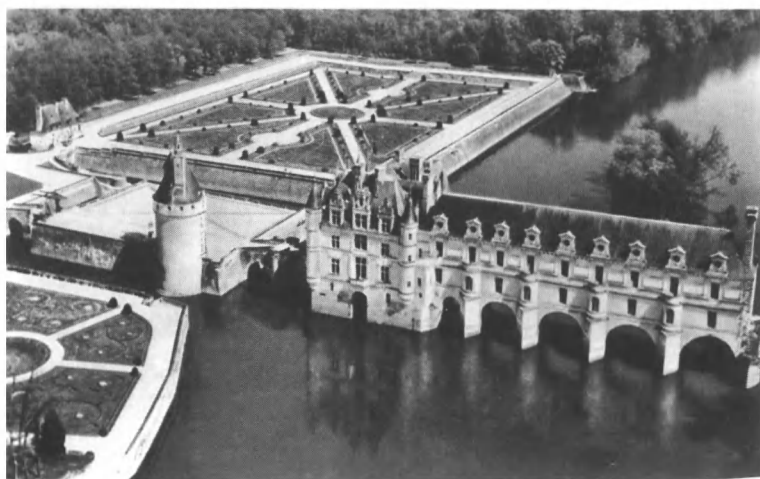
Замок Шамбор. Общий вид.

Сен-Бенуа-сюр-Луар. Восточный фасад.

Замок Шенонсо. Общий вид и «Цветник Дианы».

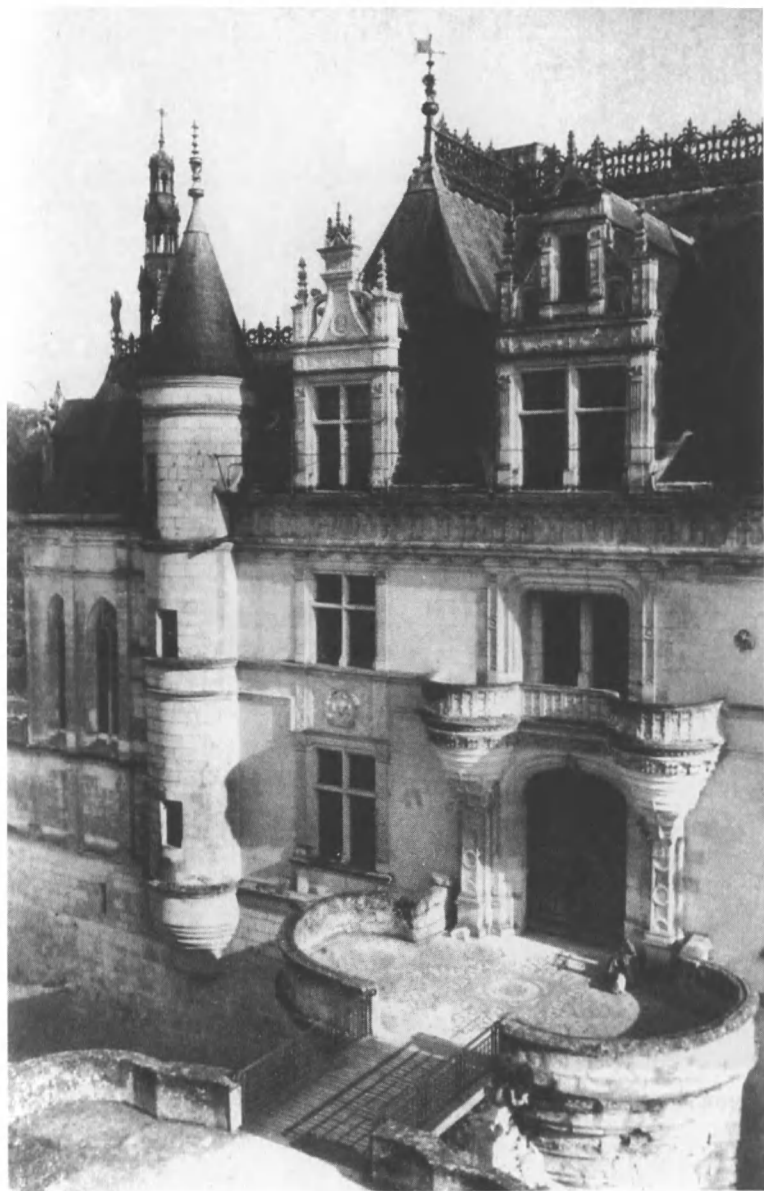
Замок Шенонсо.

Диана де Пуатье.
Портрет работы
Приматиччо. Фрагмент.

Замок Шенонсо.
Так называемая
«Комната Дианы».

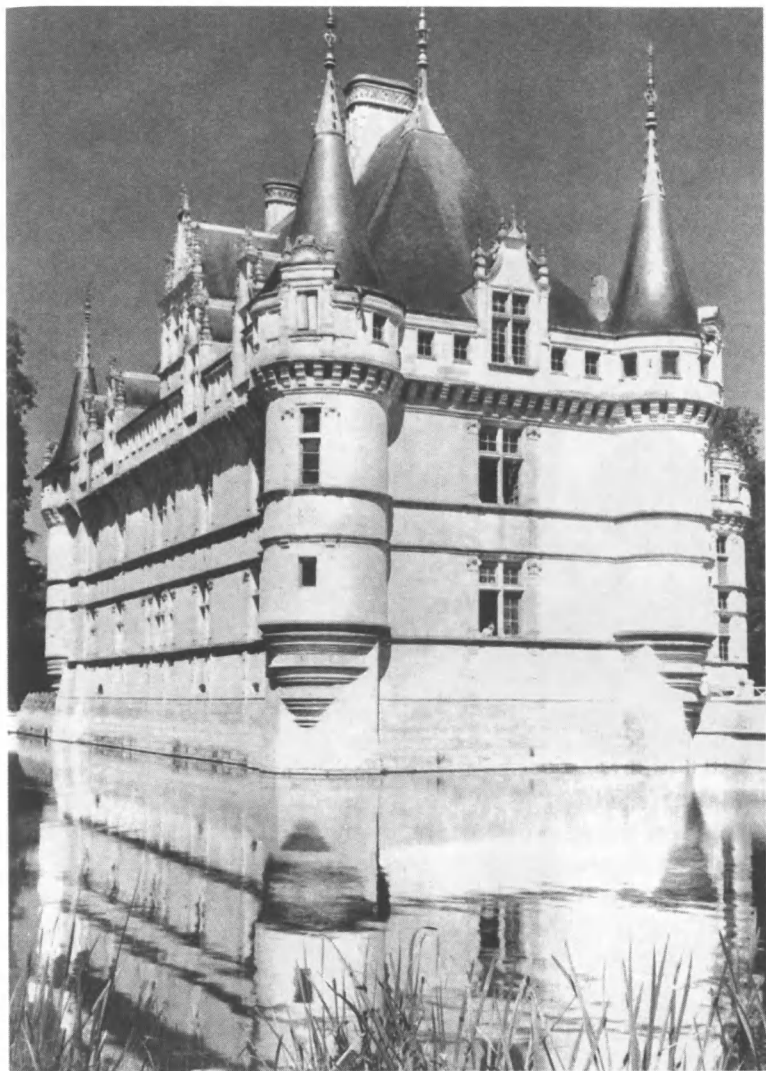

Замок Шенонсо. Главный вход.

Замок Азе-ле-Ридо. Вид со стороны парка.

Замок Азе-ле-Ридо. Вид с реки Эндр.

Замок Бельгард. Общий вид.

нег, причем положение сильно обострилось из-за того, что наемники требовали оплатить их услуги, а на это требовалось более шести миллионов турецких ливров.

Открытие сессии в Блуа было назначено на 15 ноября. Депутаты, избранные отдельно от духовенства, дворянства и третьего сословия, должны были собраться для королевского заседания в большом зале Генеральных Штатов.

Для удобного размещения двора летом были выполнены многочисленные отделочные работы. Комнаты, как положено, обили роскошными коврами. Королева-мать с большим сожалением покидала свой парижский особняк, что совсем недавно вырос по ее воле возле церкви Сент-Есташ. Все домочадцы последовали за ней в Блуа — «служба питания», конюшня, персонал, обслуживавший двор, личные слуги, астрологи, карлики и карлицы, зеленый попугай и обезьяна, приносящая счастье.

Переезд двора в Блуа — дело непростое. 6 ноября кортеж из восьми тысяч всадников покинул Париж: свита принцев, герцоги, бароны и прелаты окружения короля. Параллельными путями часть кортежа достигла Блуа, другая — Пуатье, где некоторым были отведены резиденции.

Государь сначала отправился до Этампа, а оттуда в Орлеан. 19 ноября он прибыл в замок своих предков. Приехавшие двумя днями раньше должностные лица и слуги встретили своего господина, но ни один из депутатов еще не явился. Вот почему Генрих III перенес торжественное открытие сессии Генеральных Штатов на декабрь.

Новый церемониал

В ожидании открытия Генеральных Штатов в Блуа возобновилась придворная жизнь. Все учились новым правилам церемониального этикета, введенного королем по возвращении из Польши. Конечно, многое оставалось по-прежнему. Королева Екатери-

на повелела вернуть некоторые обычаи времен Франциска I и Генриха II, такие, например, как торжественный «восход короля», то есть утренний подъем с постели в определенное время. В это время к нему допускались главные придворные персоны — принцы и сеньоры гражданской или военной свиты.

После легкой закуски государь присутствовал на утреннем совете по делам вместе с королевой-матерью, небольшим числом советников, высокопоставленных сеньоров и прелатов, а также четверьмя государственными секретарями. За чтением депеш и составлением ответов проходило один-два часа. В десять король присутствовал на мессе; вокруг него находились его лучники, а за ними — принцы и сеньоры. После службы он прогуливался «для здоровья», потом, около одиннадцати, обедал.

Дворцовая академия

По повелению Генриха III во время обеда обсуждались интересовавшие его философские вопросы: эти беседы назывались заседаниями Дворцовой академии. Аудиенции и доклады о политических делах, проходившие раньше во время королевского приема пищи, в Блуа стали устраиваться по понедельникам, средам и четвергам, после того как государь заканчивал трапезу.

По придворному уставу от 1574 года король ел за столом один, но мог разрешить беседовать с ним принцам крови, советникам или другим приглашенным им лицам. Во время заседания Генеральных Штатов в Блуа приближенные затмили всех других участников «застольных бесед». Разговоры велись в основном о моральных добродетелях. Флорентийский медик королевы-матери Филиппо Кавриана поитальянски высказался о благородстве — в его речах увидели отражение теорий Аристотеля. В сменявшихся друг друга выступлениях говорилось о воздержанности. До января, в соответствии с программой, рассмотрели десять добродетелей.

Одним из самых замечательных было выступление Амадиса Жамина, секретаря и ученика Ронсара, о правде и лжи. Другой приглашенный, Жан Боден, один из тех делегатов от третьего сословия, которые лучше всех владели ораторским искусством, часто говорил перед государем, пока не впал в немилость из-за своих выступлений на Генеральных Штатах в защиту мира, пришедшихся не по вкусу королю. В это же время, в феврале 1577-го, по рекомендации Жана Берто в качестве докладчика был принят один блестящий двадцатилетний молодой человек, будущий кардинал Жак Дави дю Перрон, уроженец Сен-Ло.

Нам известны имена людей, составлявших особый кружок при короле. Среди них придворные дамы королевы-матери: Клод-Катрин де Клермон, герцогиня де Рец, и Луиза де ла Гийоньер, вдова Филибера Ле Вуайе господина де Линьероля, незадолго до этого убитого Жоржем де Вилькье. Часто там присутствовали и очень знатные дамы: королева Маргарита Наваррская и Генриетта де Клев, супруга Луиса Гонзага, герцога де Невера. Среди мужчин прилежной аудиторией были главный приор Анри Ангулемский, незаконнорожденный сын Генриха II и Джейн Флеминг, а также главный врач короля Марк Мирон и врач королевы-матери Филиппо Кавриана, там мы бы встретили и советников, Ги дю Фор де Пибрака, Симона Физа, государственного секретаря, и Клода Доро — «мэтра прошений» (мы бы назвали его докладчиком). Присутствовал там и Ронсар в чине ординарного священника, а с ним — Амадис Жамин, Жан Берто и Филипп Депорт, приглашенные за свои качества ученых мужей от литературы и философии.

Королевский режим дня

Дважды в неделю, после ученых дискуссий во время королевского обеда, в покоях королевы-матери или королевы-супруги проходили приемы. Затем король отправлялся в свой кабинет. В три часа пополудни он появлялся перед придворными. Потом он

принимал участие в развлечениях дворянства. Ужин подавали к шести. За исключением двух раз в неделю, когда устраивались придворные балы, король ложился спать в девять часов.

Впоследствии в распорядок дня были внесены многочисленные уточнения по поводу мер контроля за гигиеной и чистотой помещений. Акт от августа 1578 года, а также предписания 1582 и 1585 годов донесли до нас сведения об этом.

Утром, еще до пробуждения короля, следовало подметать двор замка, покои, верхние и нижние залы, лестницы и выносить мусор. Обед королю должен был ежедневно подаваться по окончании мессы.

Служащий дворецкий должен был находиться при короле, когда тот покидал свою комнату и шел к службе, чтобы знать, в какое время король захочет пообедать, и сообщить об этом на кухню. В те дни, когда государь изъявлял желание выпить после обеда вина, камер-юнкер должен был доставлять ему вина вместе с подносами, которые несли пажи, — пять подносов с фруктами в зависимости от времени года и пять — с вареньем от королевского «конфитюрщика». Вскоре после этого следовало подавать вино для сеньоров и дворян свиты монарха. Вино королю не наливали до тех пор, пока два «служителя кубка» (мундшенка) не давали попробовать его первому королевскому врачу, чтобы узнать, «по вкусу ли» оно государю. Первый врач должен был всегда находиться около своего августейшего пациента — в обед, в ужин и во время отхода ко сну, а также и в другие часы. Находившемуся при исполнении своих обязанностей медику дозволялось заходить в любое помещение, где находился монарх.

Уставом 1585 года король запрещал частным лицам готовить еду в замке, так как это «считалось неприличным и проявлением неуважения к королевской особе». Государь повелевал главному гоффурию или, если тот отсутствовал, фурьерам-телохранителям «выдворять» из королевской резиденции каждого замеченного в приготовлении еды в замке.

Королевские повара доставляли специально при-

готовленные блюда прямо в чашу леса во время выездов на охоту. Обычно один стол накрывали для короля, а другие — для главного дворецкого, главного камергера, ординарных камергеров, служащих дворян, камердинеров. Каждый стол хорошо обслуживали.

Король требовал, когда сидел за столом, чтобы все остальные находились на некотором удалении от него, не толкали его и не опирались на спинку его стула, за исключением капитана гвардии, служащего «квартие». Тот вставал справа от стула короля, а один из дворян, также служащих «квартие», — слева. Если в том месте, где проходил прием пищи, имелись перила, никому не разрешалось за них заходить. Чтобы король мог спокойно есть и ему никто не мешал, предписывалось обращаться к нему во время обедов и ужинов лишь устно и не иначе как со словами, достойными королевской особы. Государь напоминал, что любит слушать рассказы о добродетели, особенно во время обеда. Обед могли подавать в разное время, но ужин всегда назначали на шесть часов.

Персонал «службы питания короля» должен был тщательно разрезать мясо для короля и следить за тем, чтобы все, что подавалось, было «вкусным и нежным». Каждый день дворецкий был обязан осматривать мясо на кухне и хлеб в хлебной службе. За мясом для короля посылали четырех лучников. Двое из них вместе с дворецким должны были идти впереди подноса с мясом и двое сзади, чтобы никто не мог к нему приблизиться. Когда король ел скоромное, ему должны были приносить утром хорошо сваренный бульон, крепкий и нежирный. В октябре 1582 года поварам было приказано лучше готовить вечернюю еду, подавать лишь нежное мясо и хорошо сваренный мясной бульон. Если король возвращался вечером в замок между пятью и шестью часами, он приказывал, чтобы ему принесли мяса и позвали обеих королев, мать и жену, поужинать вместе с ним.

После ужина по четвергам и воскресеньям (именно в эти дни давали балы) король и королева отправлялись в зал, где собирались принцы, сеньоры, дво-

ряне, принцессы, дамы и девицы. Заранее зажигались факелы, собирались музыканты, приносили стулья для короля и королевы и около двадцати других сидений — табуретов и скамеечек — для тех, кто имел право сидеть в присутствии короля. Все находились на своих местах до тех пор, пока с королевского стола не убирали фрукты. Так должно было быть всегда, за исключением крупных праздников года, поста или тех случаев, когда король сам вносил какие-либо изменения. В другие дни, кроме пятниц и суббот, государь «изволял пребывать» в комнате королевы в сопровождении всех принцев, сеньоров и дворян, которые были обязаны находиться возле него. По распоряжению короля было устроено так, чтобы в любой день между семью и восемью часами он мог при желании послушать музыку. Летними вечерами каждую неделю по понедельникам, вторникам и пятницам после ужина король совершал обязательную прогулку, во время которой его должен был сопровождать весь двор.

Повседневный ход очень упорядоченной жизни короля, с регулярными заседаниями Дворцовой академии, был нарушен созывом Генеральных Штатов.

Первые Генеральные Штаты в Блуа

С декабря 1576-го по март 1577 года, вместо того чтобы проводить церемонии, развлекаться и охотиться, Генриху III пришлось в силу обстоятельств посвящать свое время заседаниям и публичным мероприятиям. Во дворах и приемных замка толпились, разбившись на группки, представители различных слоев населения: одни — от диоцезов, другие — от городов и провинций. Некоторые из них разместились в городе на частных квартирах, духовные лица — в монастырях, дворяне — у родственников и друзей, а кому-то пришлось довольствоваться служебными постройками замка.

6 декабря король вместе со своей супругой-королевой, матерью и братом торжественно занял место

на королевском возвышении в большом зале. Депутаты, а их было 326 человек, с необычайным волнением слушали, как государь описывал беды королевства и просил своих подданных помочь ему возродить процветающую Францию. Канцлер де Бираг сделал критический обзор финансовых проблем. С короткой речью к королю обратились ораторы от разных сословий. От духовенства выступил Пьер д'Эпинак, архиепископ Лионский, от дворянства — Жоашен де Рошфор, а Никола Л'Юйе, прево купцов Парижа, взял слово от имени третьего сословия. Потом все три сословия разделились, чтобы составить свои указы депутатам Генеральных Штатов.

Бесчисленны перипетии заседаний, продолжавшихся до марта 1577 года: большинство депутатов от каждого сословия были лигисты, они выступали за возобновление войны с протестантами и их союзниками, партией Недовольных под предводительством маршала де Монморанси-Данвиля. Опасаясь такого исхода, посланники короля Наваррского и принца Конде попытались выступить за мир. Однако в течение декабря все три сословия, одно за другим согласившись с советниками короля, вместе с ними высказались за возобновление военных действий ради восстановления религиозного единства. Среди депутатов третьего сословия был Жан Боден, депутат от Вермандуа и автор знаменитого труда по политической экономике «Шесть книг о республике». Приглашенный самим королем, едва приехав в Блуа, он, как известно, отличился в философских диспутах за столом Генриха III. Он не боялся агитировать депутатов своего сословия за мир. Дальнейшие события доказали его правоту, когда протестанты и их союзники снова вступили в войну, чтобы потребовать от Генриха III исполнить обещанное — обеспечить свободу вероисповедания. Когда депутатам Генеральных Штатов, по их требованию, показали государственные счета по организации подавления мятежа, они обнаружили, что с 1561 года долг Короны вырос с 43 до 101 миллиона ливров и что годовое превышение расходов над доходами достигло 4 тысяч ливров в

месяц. Все проекты повышения податей были отвергнуты один за другим. В конце концов решили ограничиться сокращением расходов. Так как сумма сбора податей составляла 14 тысяч ливров в год, а ренты и жалованье королевским должностным лицам — 11 тысяч, королю предложили довольствоваться отныне тремя тысячами ливров на содержание двора и жалованье своим послам и военным, в то время как прежде он тратил вдвое больше. Разрешив Короне продолжать вести роскошный образ жизни, депутаты запрещали ей вести войну со своими подданными, за которую ратовал король. Во время прогулки в саду Блуа королева-мать призналась господину де Вилькье и герцогу де Неверу, что раскаивается в том, что одобряла Генриха III в его стремлении восстановить единую религию, — она боялась, что ей вменяют это в вину. Кардиналу Бурбонскому она сообщила, что отныне примкнула к защитникам дела мира. В разговорах с невесткой Луизой де Водмон она сетовала на то, что сын не следует за ней по этому пути.

Прибытие итальянских комедиантов

Чтобы отвлечь короля от трудных переговоров с депутатами, при дворе, несмотря на пост, стали устраивать развлечения. Генрих III добился приезда из Венеции знаменитой театральной труппы «Джелози», восхитившей его, когда он был проездом во Дворце дождей. Комедианты прибыли с опозданием, потому что по дороге их захватили протестанты и королю пришлось заплатить за их освобождение. Первый спектакль труппы состоялся 24 февраля. Чтобы достойно встретить итальянцев, Генрих III устроил большой маскарад. Он появился на нем в женском платье, напудренный и с мушками на лице. Декольте обнажало его грудь, корсаж украшали кружевные воротники, на шее висело десять ниток жемчуга, а на дамском токе сиял превосходный бриллиант.

Конец вражды

Экстравагантный праздник действительно ознаменовал смену настроений короля, решившего наконец смирить свой воинственный пыл. Депутаты Генеральных Штатов объявили во всеуслышание о своем желании обсуждать меры по восстановлению мира. Незадолго до этого на заседаниях был заслушан рапорт о специальной поездке герцога де Монпансье, известного лигиста. Отправленный в окрестности Блуа королем Наваррским, герцог сообщил свои впечатления и высказался о том, что следует как можно быстрее заканчивать военные действия. 28 февраля король на своем личном Совете присоединился к воле депутатов. 1 марта Блуа покинули представители третьего сословия, а 2 марта — духовенства. 10 марта у изголовья королевы-матери нашли памфлет, изобличающий ее козни и ухищрения короля, направленные на то, чтобы отсрочить мир. Очевидно, что к этому приложил руку один из придворных поэтов, но, дабы не ошибиться, их арестовали всех.

Король повелел изучить ответы на наказания депутатов Генеральных Штатов, а затем вместе с двором 17 апреля покинул Блуа. Он отправился в Пуатье, откуда было легче поддерживать связь с Майеном, Анжу и Генрихом Наваррским. Несколько дней король провел в Амбуазе. 22 апреля он обосновался в Шенонсо и в течение девяти недель, до 12 июня, гостил у матери. За это время произошла осада Ля-Шарите, и 2 мая крепость сдалась герцогу Анжуйскому.

Непристойные празднества и пиры в Плесси и Шенонсо

Чтобы вознаградить своего брата за победу, 15 мая король устроил в его честь праздник, получивший известность особого рода. По рассказу летописца Пьера де Л'Этуалья, он проходил в Плесси-ле-Тур. Приглашенные Генрихом III герцог Анжуйский, герцоги де Гиз, д'Омаль и де Невер, а также Ла Шатр — генерал-майор

армии-победительницы, заняли место в саду. Пир-маскарад был тщательно подготовлен: за столом прислуживали дамы, одетые в мужские одежды зеленого цвета — цвета молодости и безрассудства. Для этого зеленой шелковой ткани закупили на 6 тысяч франков. Пир, больше напоминавший оргию, позже был высмеян в памфлете как «остров Гермафродитов».

Екатерина Медичи в свою очередь устроила праздник в честь сына и его товарищей-вояк в следующее воскресенье, вернувшись с двором в Шенонсо. Она пригласила близких друзей короля и его брата, чтобы помирить их, пользуясь случаем. Непристойная роскошь этого праздника затмила банкет в Плесси-ле-Тур.

Пиршество проходило в саду за башней Маркеса около «источника в скале». Король появился в женском платье, которое обычно надевал во время маскарадов, чрезмерно декольтированном и открывавшем грудь. На нем было жемчужное ожерелье и три полотняных воротничка, два гофрированных и один отложной, что соответствовало женской придворной моде.

Новые развлечения давали полную свободу:

Ну как тут не смутиться,
Увидев даму-короля иль короля-девицу.

Рядом с королем сидели его «миньоны»-фавориты: Гонди, Ливаро, Сен-Люк, Жуайез, Ногаре де ла Валетт, Сен-Мегрен, Келюс, Можирон. Как и их господин, нарумяненные, накрашенные, завитые и напонаженные; в огромных «фрезах» — туго накрахмаленных плоеных воротниках в полфута шириной, «так что, — рассказывал Л'Этуаль, — головы над фрезе казались похожими на голову святого Иоанна на блюде». Герцог Анжуйский также был окружен своими любимчиками и фаворитами, среди которых стоит упомянуть Луи де Клермона де Бюсси Амбуазского, его первого камер-юнкера, незадолго до этого назначенного правителем Анжу и аббатом комменды¹ Бур-

¹Комменда — духовное место. Жаловать коммендой — дать духовное место, бенефиций, статью пожизненного дохода.

гея, искателя приключений, которому два года спустя суждено погибнуть от руки сира де Монсоро.

На пиру гуляли три королевы. Екатерина наблюдала за действиями остальных. Королева Маргарита Наваррская, довольная тем, что за ней ухаживали, забавляясь, обольщала юных сеньоров. Королева-супруга Луиза де Водмон оставалась серьезной и достойно несла траур по своему умершему отцу Никола Лотарингскому: в 1577 году из-за этого траура Генриху III пришлось отменить придворный карнавал.

Королев сопровождали их дамы и фрейлины. Как и в Плесси, на пиру прислуживали юные придворные особы, полуголые и с распущенными волосами, «как новобрачные», по выражению Брантома. Они были одеты в мужские костюмы из дамаста двух цветов. Распорядителем праздника была Катрин де Клермон, супруга маршала де Реца. Аббат Казимир Шевалье, историк Шенонсо, перечислил и других дам, блиставших на этом вечере.

Одной из дворецких была госпожа де Сов, правнучка Самблансе — та самая прекрасная Шарлотта де Бон, ставшая маркизой де Нуармутье, женщина обходительная и легкомысленная, которая, по меткому выражению летописца Ла Лабурера, «спала то с одной партией, то с другой». Гостям прислуживали и другие доступные красавицы. Среди них: мадам де Гершевий, по прозвищу Юница; отважная Шатонёф, одна из первых любовниц короля, заколовшая несколькими днями позже своего неверного мужа; наконец, дама де Монсоро, героиня одного из кровавых эпизодов той эпохи. «Таковы основные гости этого чудовищного пира, на котором языческие вольности перешли все границы».

Когда наступил вечер, аллеи парка засияли искусственным светом. Крутой берег реки до самой воды освещался фейерверками, другие огоньки на хрупких плотках спускались вниз по течению, и вода светилась словно сама по себе, озаряя арки моста через Шер, на котором была уже почти закончена восхитительная и грандиозная галерея для приемов.

Не исключено, что венецианская группа комедии дель арте «Джелози» вместе с двором перебралась из Блуа в Шенонсо и ставила в замке пьесы с легкомысленным содержанием, «учившие лишь распутству», по мнению летописца Л'Этуаля. Шуты Генриха III, Шико и Сибило, тоже принимали участие в спектаклях, дополняя их своими шуточками. В перерывах весело играла королевская музыка — «банда скрипачей», состоявшая из итальянских музыкантов, приглашая танцевать блестящую публику.

Грандиозный проект Филибера Делорма

Шенонсо предстояла полная метаморфоза. Екатерина показала королю грандиозный проект, созданный Филибером Делормом незадолго до своей смерти в январе 1570 года. Как раз в это время Жак Андруэ дю Серсо поместил его среди других проектов в сборнике «Самые превосходные строения Франции». Теперь с юга галерея должна была заканчиваться большим овальным салоном с восемью окнами на Шер.

Перед фасадом замка предлагалось соорудить террасу, а сам замок должен был быть достроен двумя жилыми корпусами в едином стиле с капеллой и библиотекой. Эти два просторных крыла, выстроенные в русле Шера, увеличат замок и свяжут его с правым берегом. В одном крыле предполагался зал для игры в мяч, поддерживаемый двойным рядом колонн, другое крыло разделялось на покои с галереей в западной части. Во дворе необходимо было разобрать башню Маркеса, так как двор должен был занять тройной портик эллиптической формы с колоннами в четыре ряда, похожий на портик перед собором Святого Петра в Риме и расположенный так, что в центральной точке каждого полукруга виден лишь один ряд колонн, а не четыре. Оба полукружия портика вели с каждой стороны к двум необъятным залам с освещением через купол и нишами для статуй. Наконец, передний двор на той стороне рука-

ва Шера, окаймленный двумя косыми флигелями, с северной стороны был замкнут жилым корпусом с двумя павильонами, выходящими на главную аллею, которая вела ко входу в колоннады. Среди такого обилия сооружений замок Бойе становился вспомогательной постройкой.

Доходов с земель Шенонсо, естественно, не хватало на выполнение этого гигантского проекта, но королевскими указами от 26 января 1576 года Екатерина присоединила к доходам Шенонсо все доходы баронского владения Левру в Берри. Она распорядилась, чтобы средства получал в свои руки ординарный сборщик податей Шенонсо Жак Адам, прапрадед мадемуазель де ла Вальер¹. В 1577 году эти средства, вероятно, ушли на покрытие значительной части расходов Екатерины на прием обоих сыновей, составивших порядка ста тысяч ливров. Оставшаяся часть была собрана путем принудительных займов у богатых придворных и итальянских банкиров, которые сумели вернуть вдвое больше, нежели дали. Начало строительных работ отодвинулось на более поздний срок.

Долина Луары — центр переговоров

22 мая, на следующий день после праздника, герцог Анжуйский покинул двор с его утехами и отправился осаждать Иссаур в Оверне, три года назад захваченный капитаном-гугенотом Матьё Мерлемом. 11 июля город сдался. Генрих III узнал об этом в Шенонсо и выразил желание переименовать замок в «Бон Нувель» — «Благая весть». Сдача Исура укрепляла позиции короля в его переговорах с протестантами и партией «недовольных». Чтобы привести переговоры к благополучному исходу, государь покинул замок матери и отправился в Пуатье, где должно было состояться заключение мира. По дороге он надолго — с 13 июня по 1 июля — остановился в Плесси-ле-Туре. 2 июля ко-

¹ Речь идет о будущей фаворитке короля Людовика XIV.

роль прибыл в Пуатье, где подписал эдикт, ратифицирующий мир, заключенный в Бержераке его представителями с королем Наварры и его союзниками.

В конце лета король и его двор направились к столице, проезжая через долину Луары. Разумеется, попутно Генрих III завернул в Амбуаз (8 октября 1577 года), но пробыл там всего три недели. Затем он вернулся в Лувр, где ожесточились ссоры между его фаворитами и фаворитами его брата — герцога Анжуйского. Они привели к печально известному сражению 27 апреля 1578 года, в котором погибли Келюс и Можирон. Отношения Генриха III с братом снова ухудшились, и принц вновь обратился в бегство. На этот раз он опять удалился в долину Луары и стал собирать армию, с которой надеялся завоевать Нидерланды в ущерб Испании, ведь нидерландская корона позволила бы ему поспорить в могуществе с французским королем. Как и три года назад, королева-мать приехала к своему младшему сыну в Бургёй и была с ним с 7 по 9 мая, отговаривая от похода и нападения на Испанию, так как в этом случае Франция могла оказаться втянутой в губительную для нее войну. Она твердила ему о возможности заключить удачный брачный союз, который мог бы принести ему корону, не вынуждая браться за оружие. Принцессы на выданье, целых шесть, описаны ею в «памятке», переданной герцогу Анжуйскому маршалом де Коссе: дочь курфюрста Саксонского, принцесса Клевская, дочь великого герцога Тосканского, дочь герцога Мантуанского, инфанта короля Филиппа II и сестра короля Наваррского. Но ни одна из предложенных партий не подошла принцу, и он сразу после отъезда матери поспешил в Нидерланды.

Королеве-матери снова пришлось выступить в поход, на этот раз для того, чтобы добиться от короля Наваррского обещания не использовать отъезд герцога Анжуйского как повод для возобновления военных действий. Таким образом, для встречи с зятем летом 1578 года Екатерина проехала через все земли Луары. Ее свита выглядела очень внушительно: государственный секретарь, послы, кардинал Бурбон-

ский, герцог и герцогиня де Монпансье, герцогиня д'Юзес, вдовствующая принцесса де Конде, а также самые красивые дамы королевы — итальянка Атри, гречанка Дайёль и знаменитая мадам де Сов.

Античный декор Шенонсо

Во время своей поездки королева Екатерина смогла проследить за тем, как продвигались работы в Шенонсо. Терраса, первоначально соединявшая капеллу и библиотеку, теперь должна была скрыться под двумя этажами залов для приемов. Чтобы старые комнаты фасадной части стали более удобными, королева приказала прорубить вдвое больше окон. План этих преобразований некогда составил Филибер Делорм. А строительство, вероятно, завершил Андруэ дю Серсо, неплохо руководивший работами после смерти мэтра-каменщика Дени Куртена в 1580 году.

Этот любопытный новый фасад исчез во время реставрации Шенонсо в XIX веке архитектором Роге, восстановившим замок в том виде, в каком он существовал в эпоху Тома Бойе. Однако проект Екатерины, хранящийся сейчас в фотоархивах, не лишен очарования и живописности. По обе стороны от двери и центрального проема на каждом этаже в покоях было по два окна вместо одного. Между всеми окнами, отделяя одно от другого, помещались колоссальные термы с божествами, которые поддерживали фриз наподобие кариатид. Геркулес, Паллада, Аполлон и Кибела — образы, тесно связанные с монархической символикой; их и сегодня можно увидеть в парке. Инкрустированные в камне декоративные вазы с пламенем оживляли навершия двух башенок по сторонам центрального балкона. Эти прекрасные скульптуры придавали замку фантастический вид, напоминая арки и грандиозные декорации королевских въездов. Все должно было здесь сиять в свете факелов и огнях фейерверков. Тогда каменные гиганты словно оживали и казались сошедшими на землю небесными покровителями.

Основным строительством, которое велось с 1580 по 1585 год по приказу Екатерины, было возведение на переднем дворе расположенного наискось служебного крыла, предусмотренного старым планом Филибера Делорма. Кладка здания осуществлялась Матюреном Юрлю, мэтром-каменщиком из Блере, за 245 экю. Плотницкие работы производил Дени Савар, или Саборе, мэтр-плотник Амбуаза, за 60 экю, а крышей занимался мэтр-кровельщик Франсуа Гурде за 120 экю. Конструкция выполнена в форме замкнутой или императорской короны, она и дала зданию имя — Императорские Своды¹. Крыша и три флигеля были спроектированы Филибером Делормом. Не всегда имея возможность достать длинномерный лес, необходимый для изготовления перекрытий над большими пролетами, архитектор впервые решил использовать сложные фермы², составленные из множества хорошо подогнанных отдельных частей, скрепленных шипами в замок. По приказу Екатерины это новшество применялось при строительстве зала для игры в мяч замка Монсо.

В Сводах предполагалось разместить дворян штата королевы-матери, службы и винный погреб. Там получил жилье и домовый священник. Возможно, им был Андре Теве, францисканский монах-священник из Ангулема, которого Екатерина Медичи назначила своим духовником и сделала историографом Франции и космографом короля в вознаграждение за его «Универсальную космографию». Секретарь высочайших особ жил и имел свой кабинет в павильоне, построенном по велению Екатерины в углу цветника

¹ Свод (от сводить, вести) — в архитектуре перекрытие, имеющее криволинейное очертание, аналогичное арке, но в трех измерениях. Свод изобретен в Месопотамии, наибольшее распространение получил в Древнем Риме и Византии. А внутренняя поверхность свода, близкая к полусфере, называется купол (*фр. coupole, итал. cupola* от *лат. cupula* — небольшая бочка, затем — бокал).

² Ферма (*фр. ferme* — крепкий, стойкий от *fermer* — запирать, укреплять) — в архитектуре решетчатая конструкция, укрепляющая и поддерживающая перекрытие.

Дианы. По этой причине его флигель называли «канцелярия». В одной части этого флигеля размещались пажи. Сборщик-кастелян жил в башне. Постройки бывшего хутора Гранж приспособили для внутренних служб двора королевы и под конюшни. Кроме того, там располагались жилища мастера по фонтанам, садовников, столяра, плотника-кровельщика, кузнеца, маляра-стекольщика, шорника, слесаря, рыбака и гонцов. Мастерские были снабжены всеми необходимыми инструментами. Задний двор представлял собой маленький городок со всем необходимым как для поддержания замка в порядке, так и для его ремонта.

Когда строительство Сводов завершилось, в августе 1586 года здание принял дворянин Франсуа Монтень, советник и ординарный секретарь королевы-матери, ему ассистировал Жан Савар, господин де Вотибер, сменивший Жака Адама в должности сборщика-кастеляна.

Живые воды вместо стен

В это же время парки Сивре и Шенонсо окружили рвами. Они соединялись с Шером через два сдерживающих воду шлюза. Франсуа Булли, Жан Батист Филиппен и Матюрен Юрлю вырыли и обложили камнем ров, протяженностью более двух километров, двенадцати метров в ширину и пяти в глубину. 23 августа 1586 года работу принял Жан Ле Блан, сир де ла Вальер, советник и ординарный дворецкий королевы, двоюродный прапрадедушка мадемуазель де ла Вальер. Ему помогали Франсуа Монтень, королевский нотариус в Шенонсо Клод Ренар, мэтр-каменщик и присяжный суда бальяжа в Амбуазе Матюрен Фуке и мэтр Жан-Франсуа — архитектор, «смотритель над каменной и плотничной работами», а также главный королевский дорожный смотритель в этой местности и в герцогстве Туренском. Вдоль Луары на левом берегу, между Шомоном и Амбуазом, была сооружена насыпь и по ней — хорошая проезжая дорога.

Комфортабельная обитель королевы-матери

Наступил момент, когда королева-мать могла жить в Шенонсо с таким же комфортом и удобствами, как и в своем великолепном парижском особняке близ церкви Сент-Есташ. Ее покои хорошо сохранились до наших дней. Они очень удачно спланированы. Из своей большой комнаты королева попадала в «зеленый» кабинет, нечто вроде конторы, — весьма элегантно место с замечательной серией гобеленов и мебелью зеленого бархата с черной и белой бахромой. Из кабинета можно пройти в «библиотеку» — небольшую комнатку, построенную над вторым быком моста через Шер и расположенную симметрично капелле. Восхищает ее дубовый потолок с многоугольными кессонами, где обозначены инициалы первых владельцев замка. Это скромное великолепие сооружено для того, чтобы стать центром громадного архитектурного ансамбля, задуманного королевой. Эдакая мирная гавань, омываемая чистыми водами, вокруг которой, в строгом порядке заняв свои места на галереях и в крыльях здания, величественно сияет двор.

Королева-мать использовала любую возможность остановиться в своем поместье. Осенью 1584 года, когда в Турени разразилась чума, она оказалась там со своей невесткой, королевой Луизой. И как только 19 октября король поспешно уехал из Блуа, королевы тоже второпях покинули Шенонсо, поскольку многие дамы свиты заразились этой болезнью. Двое из них — мадемуазель де Монморен и де Ростен — умерли. Мадемуазель де Ростен была дочерью Тристана маркиза де Ростена и Франсуазы Роберте, камер-фрау Екатерины Медичи, выросла возле королевы-матери и служила фрейлиной молодой королевы. Она умерла 29 августа. Несмотря на панику и боязнь эпидемии, о скорби и приличиях не забыли. Луиза де Водмон устроила своей фрейлине великолепные похороны и приказала произвести ее погребение во францисканской церкви в Амбуазе.

После этого печального события королева-мать вернулась в Шенонсо летом 1586 года, потом весной 1587-го, чтобы проследить за ходом предпринятых ею грандиозных работ по подготовке территории и строительству. Любовь к этой резиденции заставляла ее забывать о заботах, переговорах, волнениях лигистов, а также об оскорблениях, которые ей приходилось терпеть от окружения короля, среди которого ее влияние оспаривали молодые честолюбцы, превосходившие всех своей наглостью и сумасбродством.

Глава третья

Причудливое общество

Ссоры фаворитов

Празднества, развернувшиеся в Блуа во время сессии Генеральных Штатов, открыли глазам подданных новую фазу жизни придворного общества. Характер двора значительно изменился с тех пор, как на престол вступил Генрих III. Каждый член королевской семьи окружал себя группой фаворитов, принимавших участие в склоках хозяев. Причин для столкновений было предостаточно. Всем запомнился один скандал, произошедший в дни Генеральных Штатов. Генрих барон де Сен-Сюльпис, красивый молодой человек, любимец государя, играя 20 декабря 1576 года в «пай-май», повздорил с виконтом Турским Жаком де Боном — камергером брата короля Франциска-Эркюля Анжуйского. Герцог д'Омаль разнял противников, но ярость виконта унять не удалось. Вечером в замке проходил бал. Внизу королевской лестницы де Бон поставил наемных убийц, которые закололи молодого фаворита. Несчастливого нашли и принесли к его отцу, Жану Эбрару де Сен-Сюльпису, бывшему послу в Испании, на руках которого он и скончался. Удрученный Генрих III разделил

горе семьи, ведь из четырех фаворитов — Сен-Сюльписа, Келюса, д'О и де Сен-Люка — покойный был его любимчиком.

Король и его миньоны

Постоянно находясь в свите короля, фавориты были любимыми слугами, друзьями, доверенными лицами и телохранителями одновременно. Слово, которым их называли, — «миньон¹», возможно, восходит к испанскому слову «menitos» — «придворные». Очень скоро, высмеивая их преданность королю и его чрезмерную привязанность к ним, над ними стали насмехаться публично. Брантом отметил, что старые воины первыми стали насмешливо относиться к этим хотя и молодым, но честным и мужественным людям, которые вынесли все трудности военных походов Генриха во время осады Ла-Рошели после Варфоломеевской ночи.

Король называл их «мое войско» или «четверка». Они не были ни «нарумяненными», ни «трусами» вопреки мнению хулителей во главе с Агриппой д'Обинье. Но необычайная роскошь одежд, лихачество и гонор вредили им, рикошетом падая на государя, и вскоре его стали называть «содомитом». Правда, прозвища, которые он им давал, могли показаться двусмысленными. Сен-Сюльпис, например, был прозван Колетт, то есть «воротничок», вероятно, из-за его любви к огромным накрахмаленным «фрезе», мода на которые захватила весь двор.

По делу об убийстве своего доброго Колетта король устроил суд. Так как убийство было совершено при дворе, это входило в компетенцию прево замка. Виконт Турский бежал, и его осудили и приговорили заочно, а 8 июня 1577 года заочно же обезглавили. Но приговор трудно назвать суровым, так как годом позже его «патрон», герцог Фран-

¹ По-французски «mignon» буквально означает «любимчик», «милок».

циск-Эркуль Анжуйский в награду сделал его правителем Турени.

Вторым из «четверки» был Жак де Левис, более известный как граф де Келюс или Квелюс. Он приходился кузеном Генриху де Сен-Сюльпису. Король называл его «маленьким Жаком». Столь же красивый, как и его кузен, он, однако, не стал предметом придворных сплетен. Он отличился лишь в знаменитой «дуэли миньонов» 1578 года и в ней же нашел свою смерть.

Франсуа д'О, нормандский¹ сеньор, заведовал финансовыми вопросами группы. Он заслужил полное доверие короля, последовав за ним в Польшу. Генрих называл его «мой великий экономист». Обязанностью д'О и вправду было управление личными финансами короля, который назначил его смотрителем своего гардероба и камер-юнкером. Но это не помешало ему быть секундантом на упомянутой выше дуэли фаворитов.

Наконец, четвертый из «премиленьких» — Франсуа д'Эпине, сеньор де Сен-Люк, тоже нормандский дворянин, последовавший за Генрихом III в Польшу. Этот невысокий человек, суровый и честолюбивый, был буквально осыпан милостями. 9 февраля 1578 года король отдал ему в жены Жанну де Бриссак — племянницу маршала де Коссе, богатую наследницу, злую на язык горбунию. Чтобы уговорить фаворита, Генрих предложил ему одну из главных должностей Короны — должность обер-шталмейстера, но в конце концов Сен-Люку пришлось довольствоваться купленным за свои средства наместничеством в Бруаже, где он и поселился после размолвки с государем. Одной из причин послужили сплетни госпожи де Сен-Люк по поводу взаимоотношений королевы Луизы и короля.

Свадьба де Сен-Люка стала сигналом к войне между миньонами Генриха III и фаворитами его брата. Главным зачинщиком явился фаворит брата короля

¹ Слово «normand» по-французски означает не только «нормандский», но еще и «хитрый».

Луи де Клермон д'Амбуаз, господин де Бюсси, по прозвищу Бюсси Амбуазский. Непрекращающаяся перепалка привела к дуэли, которая состоялась 27 апреля 1578 года на Конюшем рынке в Париже недалеко от Бастилии. Келюс, Можирон и Ливаро, занимавшие сторону короля, вызвали Антрага, Риберака и Шомбера, принадлежавших к клану Гизов и брата короля. В живых остался один господин д'Антраг.

Такими уж были эти молодчики, беспрестанно задиравшие друг друга при дворе, забывая, что рядом с ними находится Его Королевское Величество. В это же время государь пытался возвыситься над всеми партиями и группировками, установив строгую регламентацию и основываясь на наказах депутатов Генеральных Штатов, он дал стране свод улучшенных законов под названием «Кодекс Генриха III».

Второе поколение миньонов

На смену первому поколению миньонов, истребивших самих себя в смертельных стычках, пришло второе поколение, которое сумело снискать еще большую милость короля. Два человека буквально не разлучались с государем. Герцог д'Эпернон — Бернар Ногаре де ла Валетт, молодой гасконский дворянин, заслужил его особую благосклонность. Он стал генерал-полковником от инфантерии, наместником Трех Епископств¹, а также Лиона, Булони, Ангума и Прованса. В 1581 году он получил титул герцога д'Эпернона. Второй из самых больших любимчиков, Анн де Жуайез барон д'Арк, тоже обрел герцогский титул. В чине первого камерюнкера он был назначен на пост наместника Нормандии и адмирала. Король Франции сделал его свояком, отдав ему в жены Маргариту де Водемон, сестру королевы. Свадьба, сыгранная в сентябре 1581 года, осталась одним из самых роскошных праздников двора. В

¹ Речь идет об епископствах Мец, Туль и Верден.

балете участвовала сама королева. Расходы же, как говорили, составили миллион двести тысяч экю!¹

Значительные расходы, которых требовала жизнь при дворе, подняли роль итальянских финансовых воротил. Дела влекли их в Париж, где отныне сосредоточивалась жизнь двора, что вовсе не благоприятствовало процветанию замков Луары. Но время от времени там оживала, а иногда и месяца по три бурлила роскошная придворная жизнь. Всеми этими людьми управляли миньоны, обладая властью всемогущих советников Короны.

Двор без короля. Интриги королевы-матери

Королева-мать преданно любила долину Луары. В ноябре 1580 года она жила в Блуа, а вскоре — с января по июнь 1581 года — вновь задержалась в долине Луары, в Шенонсо. У короля, вернувшегося в середине декабря из Лотарингии с термальных источников, началась сильнейшая аллергия — кожа покрывалась коркой. Поэтому в январе он уехал из Блуа в Сен-Жермен-ан-Ле, где собирался «очищаться» в течение сорока дней.

Придворные и дипломаты остались в тех резиденциях, которые предоставили им королевские фурыеры. Так, посла папы Григория XIII, Ансельмо Дандино поселили у одной протестантки, так что встречи с квартирной хозяйкой он боялся пуще чумы, ведь па-

¹ Сохранилась картина этого бала. Художник запечатлел многие разновидности французских придворных костюмов 80-х годов. Каркасы в виде огромных тамбуринов под юбками, рукава в форме окорока на каркасе из ивовых прутьев, каркасы под стоячими, как раскрытый всер, воротниками и корсеты, стягивающие талию, но оставляющие обнаженной почти всю грудь, лишь слегка прикрытую прозрачной кружевной вставкой. Не отставали по своим искусственным формам и мужские костюмы: огромные шоссы до колен на стеганом каркасе, на таком же каркасе и пурпурэн с рукавами-окороками, короткие пурпурэны и с откидными, и с пышными рукавами. Громадные «фрезе» и небольшие отложные воротники украшали мужские наряды. Красно-золотистые и зеленовато-голубые тона переливались в ритме танцев, как перья экзотических птиц в мерцающем свете свечей ночного бала, а к ногам танцевавших придворных сыпались благоухающие розы.

па отлучал от церкви любого, имевшего хоть какие-то отношения со сторонниками Реформы!

В течение той зимы именно в Блуа королева-мать вынашивала планы военного и дипломатического наступления, которое она решила начать против Филиппа II Испанского, оспаривая у него португальскую корону. Кардинал-король Генрих в январе 1580 года умер, и на его место Екатерина Медичи выдвинула свою кандидатуру. Она объявила незаконнорожденными всех, кто правил этой страной с XIII века, а себя называла единственной легитимной наследницей, так как являлась прямым потомком короля Альфонса III, умершего в 1279 году, и Матильды Булонской. В действительности же она тайно поддерживала против испанского короля дона Антонио, приора Крато, легитимного потомка древних королей.

Зимой 1580/81 года королева-мать снабжала своего претендента деньгами. Не имея возможности остановить испанское вторжение в Португалию, она поручила своему дальнему родственнику Филиппу Строщи возглавить морскую экспедицию на Азорские острова, принадлежавшие Португалии. Она открыто приняла в Блуа в апреле 1581 года графа Вимьоза, представителя дона Антонио, с почестями, подобавшими послу правящего принца. Екатерине было обещано, что, как только претендент на трон восстановит свою власть в Лиссабоне, в виде вознаграждения она получит в собственность огромные территории в Бразилии. Но в июле 1582 года испанский адмирал Санта-Крус истребил французско-португальский флот, а с ним — и мечты королевы-матери.

Государевы защитники и забавники

Неудача усилила при дворе могущество происпанской «партии» с Генрихом Лотарингским, герцогом Гизом во главе. В борьбе с лотарингцами король Генрих III мог рассчитывать, конечно же, на преданность своих фаворитов, а также на знатных сеньоров, которых в 1578 году он посвятил в новый орден Святого Духа, уч-

режденный главным образом в целях охраны королевской персоны. Вскоре другая личная охрана была создана из гасконских бреттеров: отряд Сорока Пяти, которому предстояла чрезвычайная роль во время вторых Генеральных Штатов в Блуа. Теперь, считая себя в безопасности, король мог в периоды между приступами набожности и курсами лечения на водах, удалявшими его от двора, предаваться развлечениям, особенно в компании своего шута Шико. Этот небольшой тщедушный человечек был выходцем из скромной семьи в Ажане, и на самом деле его звали Антуан д'Англарец. Будучи епанченосцем государя, он понравился ему своими шутками и в 1574 году получил должность кастеляна замка Лош с 360 ливрами жалованья. Позже он женился на уроженке Турени и приобрел там дом и виноградники.

Итальянцы на королевской службе

Особую группу, неизменно поддерживавшую государя, составляли итальянцы. Во время царствования Генриха III их можно было встретить повсюду. Для наглядности сравним состав персонала различных служб королевского дома. Так, в 1574 году королевская капелла насчитывала 155 человек, из них — 18 итальянцев, в 1584 году — 200 человек, из них — 23 итальянца. Так же обстояло дело и с камермейстерами: в 1574-м их было 136, из них — 23 итальянца; в 1585-м — соответственно 181 и 23.

Из 81 человека, составлявших штат короля в 1574 году — среди хлебодаров, виночерпиев, стольников, резавших мясо, — 9 итальянцев. Еще больше их было среди камердинеров — 27 из 106 в 1574 году; 26 из 144 в 1584-м. В королевских конюшнях служило много итальянских шталмейстеров, пользовавшихся доброй славой. И, наконец, примерно две трети медиков королевы-матери прибыли из Италии.

Помимо службы при дворе, итальянцы играли важную роль в управлении королевством. Рене де Бираг, миланец — канцлер Франции. Альбер де Гонди, флорентиец — маршал де Рец, главнокомандующий гале-

рами. Луи Гонзага, брат герцога Мантуи, был доверенным лицом у государя. Филипп Строцци, дальний родственник короля, был французским генерал-полковником от инфантерии и унаследовал, благодаря расположению королевы-матери, должность своего отца, маршала Пьетро Строцци. Орацио Ручеллаи, флорентийский банкир, и его барт Аннибале, епископ Каркассонский, играли важную роль в дипломатических отношениях с папством и католическими державами. Другой флорентиец, придворный банкир Лодовико Каттани да Дьячетто, прозванный «Адьяцет¹», сделал невероятную карьеру: советник, нотариус и секретарь короля в 1578 году. За службу ему было пожаловано дворянство, затем он купил должность королевского дворецкого, потом за 40 тысяч ливров прикупил графский титул вместе с графством Шатовиллен в Шампани, и, наконец, посредством денег и драгоценностей добился руки Анны д'Аквивива — дочери неаполитанского герцога д'Атрия. Свадьба состоялась 11 февраля 1580 года, и весь двор гулял на этом великолепном маскараде. Другие банкиры, выходцы из семьи Лукки, Сципионе Сардини и Себастьяно Дзаметто, занимали видное положение среди приближенных короля. Сардини женился на Изабель де Лимейль, которую незадолго до этого соблазнил принц Конде. Браков придворных-итальянцев с французской знатью заключалось все больше.

Мода на театр

Преклонение перед итальянской культурой способствовало сближению французов с итальянцами. При дворе возникла мода на итальянских поэтов, несмотря на все возрастающую популярность французской поэзии благодаря Плеяде. Бартоломео дель Бене и Джакопо Корбинелли, чтец короля Генриха III, были очень близко знакомы с французскими литера-

¹ Adja cet (*лат.*) — прилегающий, приближенный.

торами. Французский двор развлекался на «заальпийский» манер. Во время маскарадов наряжались в костюмы персонажей комедии дель арте — Дзани (шута), Арлекина (скомороха), Панталоне (паяца), капитана Кокодрильо и капитана Руина, инженеру Изабелли (простодушной девицы). После актерской труппы «Джелози» перед государем и королевами стали приезжать играть и другие труппы — «Конфиденти», «Раккольти». Основными сюжетами этих импровизированных комедий были интриги и измены, со временем пьесы стали играть по сценарию. Так, в «Анжелике» Форнариса, поставленной перед Генрихом III, молодая девушка по имени Анжелика сумела отвадить испанского капитана Кокодрильо, за которого мать хотела выдать ее замуж. Для этих комедий характерны постоянные насмешки над испанцами, при этом неизменно подчеркивалась их напыщенность, и восхищение итальянской кухней, блюда которой слуги в своих монологах перечисляли со смакованием — лазанья, жареная телятина и фазаны, каплуны и торты. Кроме того, в спектаклях не избегали и неприличных сцен, сопровождавшихся весьма «живым» языком к бурной радости зрителей.

Также был в моде другой вид театрального искусства — пастораль, диалог между несколькими персонажами с очень простым сюжетом в основе. Возможно, именно «Джелози» поставили в Блуа «Аминту» Торкватто Тассо, изобразившего нереальный мир галантных пастухов. «Конфиденти» сыграли пастораль Росси «Фьямелла», причудливую поэму, смешавшую все стили, в которой заколдованные волшебником пастухи соблазняли нимф. Наряду с этими опусами ставилось много добротных пьес в жанре трагедии. Робер Гарнье, близкий к королеве-матери, написал пьесу «Еврей», в которой изображался царь Седекия, забытый Богом и побежденный Навуходоносором из-за того, что отступил от веры. Но король побоялся, что партия Гизов заставит публику увидеть в этой пьесе намек на его отношения с Лигой, и не разрешил играть пьесу при дворе.

Организовать театральное действие было несложно.

Так, в Блуа «Джелози» играли в главном зале Генеральных Штатов. Совсем по-другому дело обстояло с хореографическими спектаклями, требовавшими особого убранства — специальных декораций и обстановки, а также роскошных костюмов. Так было, когда Бальтазар Божуайё во время свадьбы герцога Жуайеза ставил балет. Для короля и королев по их распоряжению ставили музыкальные спектакли, сопровождаемые пением и игрой на лютне. Некоторые исполнители были очень знамениты: например, кастрат Ле Руа из королевской капеллы и Жирар де Больё — его камердинер, обладавший великолепным басом. Самые известные композиторы того времени — Гийом Костеле, Клод Ле Жён, помощники капельмейстера королевской капеллы Никола Милло и Этьен дю Корруа, а также итальянец Карубель, королевский скрипач.

Генрих III очень любил музыку и танцы, особенно балеты, и охотно принимал в них участие. Для переодевания использовали не только смешные одеяния, маски и карнавальные костюмы, но часто мифологические одежды и экзотические наряды, дающие представление об обычаях других народов.

Среди поставщиков двора некоторые специализировались именно на том, что давали костюмы напрокат. До наших дней сохранилась инвентарная опись лавки одежды и «нарядов для увеселительных игр, комедий и маскарадов». Она принадлежала Пьеру Тольвилю, «торговцу и мэтру старьевщиков, жителю Парижа», умершему в 1581 году. Его дела процветали, а лавка под вывеской «Золотая клетка» находилась на парижской улице Матюрен рядом с тем местом, где сейчас расположен музей Клюни. Там хранились наряды Арлекина и Панталоне, обмундирование наемных солдат и швейцарских гвардейцев, костюмы пастухов для пасторалей, матросов, цыган, дикарей. Турецкое платье имелось в изобилии. Женские роб переливались фальшивыми драгоценностями. Оде-шоссы предлагались самых экстравагантных цветов — зеленые, желтые, красные. У старьевщика было много шляп, капюшонов и маскарадных головных уборов и, разумеется, разрисованных масок «с бородой из конского воло-

са». Лавка вовремя снабжала придворных всем необходимым для того, чтобы появиться на маскарадном балу или принять участие в шутовском шествии.

Парадные одежды

В обычное время на церемониях следовало носить парадные туалеты, конечно же, не менее дорогие, но более строгие. При Генрихе III мужская мода приняла составные о-де-шоссы, цвет крамуази и золотую вышивку. Сначала в моде была шапочка с перьями «боннэ с хохолком», потом головной убор в виде сахарной головы. Плечи покрывали короткой накидкой — кап¹.

Во время заседания Генеральных Штатов в Блуа король с большим удовольствием надевал строгий черно-серый костюм, соответствовавший одежде королевы-матери, неизменно носившей черное. Богатство подчеркивали лишь украшения — аграфы², кольцо и серьги. Придворные, подражая своему господину, прокололи себе уши. Другим проявлением кокетства были гофрированные воротники — фрезе, пришедшие на смену простым отложным воротничкам; государь стал носить их, вернувшись из Польши. Один из первых гофрированных воротников короля, изготовленный в 1578 году, состоял из 15 полос батиста. Чтобы накрахмалить этот воротник шириной в треть локтя (что равняется приблизительно 40 см), пришлось опробовать новую смесь — крахмала с рисовой мукой, — которая держала форму лучше, чем просто крахмал.

Придворные дамы в парадных одеяниях сами ходили на театральные персонажей. Полы юбок роб расходились спереди и делались несколько короче нижних юбок, чтобы можно было продемонстриро-

¹ Кап к концу XVI века укоротился, и о-де-шоссы превращаются порой просто в валик вокруг бедер, а нижняя часть — ба-де-шоссы — в женские стеганные на вате калесоны, повторяющие форму женских ног.

² А г р а ф — первоначально пряжка для скрепления отдельных частей одежды, позднее так стали называться и другие украшения, которые носились на одежде.

вать нижнюю одежду. Эти юбки приподнимались с помощью твердого каркаса — «вертюгада», который делал их похожими на барабан. Юбки были очень узкими в поясе, который прикрывался узким лифом на жестком каркасе с острым углом внизу. Пышные рукава стягивались у запястий.

На смену огромной фрезе, доходящей до затылка, пришел воротник в виде кружевного веера, поддерживаемый проволочками. Волосы укладывали в прическу на основе каркаса, высоко взбивая у висков. В прическах использовались накладные пряди, на висках волосы поднимали. Поверх большого шиньона из конского волоса, закрепленного красивым гребнем на затылке, надевали легкий чепчик из батиста, а уже поверх чепчика — головной убор или вуаль.

Маски и перчатки

Для того чтобы не подвергаться воздействию холодного воздуха, дамы носили бархатную маску или лоскут из черного атласа с двумя прорезями для глаз, закрывавший часть лица. В ходу были не только серьги, лоб украшали драгоценными камнями — американским жемчугом — и другими не менее роскошными подвесками, называемыми «панделок». Модной обувью для придворных приемов были венецианские туфли без задника¹. А еще мужчины и женщины с удовольствием носили перчатки, не только днем, но и ночью.

Как и маски, перчатки служили одновременно украшением и защитой от «миазмов» и прямых солнечных лучей. Придворные старались избежать зага-

¹ Такие туфли называются пантофли (*фр. pantoufle*). Они произошли от котурна — обуви на высокой пробковой подошве, чтобы выглядеть представительнее; через Византию они попали в Италию, где их называли «пантофли» — пробковая обувь. Первоначально в Европе их носили мужчины, обувая их на модную в то время клювообразную обувь. Но в XVI веке пантофли делаются меньше и изящнее и становятся принадлежностью исключительно женской моды. Аналогичные туфли без задника и домашние тапочки мы носим до сих пор, давая им самые разные названия.

ра, чтобы кожа не стала «черной, как у мавров или крестьян». Профилактическая польза перчаток увеличивалась благодаря тому, что их пропитывали разными амброй, мускусом и луком-пореем, который, как полагали, «отталкивал заразу окружающей среды». И здесь лидировали итальянцы, которые славились как самые знаменитые парфюмеры. Королева-мать часто обращалась к флорентийцу Рене Бианчи, который, по слухам, изготавливал яды.

Конечно же, перчатки всегда были в моде при французском дворе, по меньшей мере со времен царствования Карла VI, но при Генрихе III они были в особой чести. Сам король днем носил две пары перчаток, одну поверх другой, причем одна из них, надушенная, была на алой атласной подкладке. Ночью он надевал «косметические перчатки», пропитанные смесью «на две трети из топленого свиного сала и на одну треть из ярого воска». Иногда их смазывали «бараньим жиром или спермой кита». Двор благоухал фиалкой и ландышем, это были излюбленные запахи миньонов. У всех, у мужчин и у женщин, имелось множество перчаток, иногда их число доходило до сотни — из бараньей, буйволовой, оленьей, лосиной и даже собачьей кожи, которая, как полагали, избавляла от зуда. Очень ценился козленок. Его кожу умели обрабатывать так, что получались совершенные по своей легкости шкурки, называемые «куриной кожей», из которой делали такие тонкие перчатки, что их дарили в ореховой скорлупе.

Перчатки были белые, серые, черные, лимонные, цвета сухой розы или мертвых листьев, пурпурные, фиолетовые, зеленые, огненные, цвета бронзы, а их манжеты шиты шелком, золотыми и серебряными нитями и украшены кружевами. Дамы надевали обрезанные перчатки, митенки, когда читали или вышивали. В карты играли тоже в перчатках, но снимали их, чтобы поздороваться с дамой или со знатным гостем. Спрос королевского двора на перчатки был настолько велик, что помимо фабрик, расположенных в Дофине, Лимузене и Пуату, «перчаточная промышленность» расцвела в Вандоме и Блуа, вблизи королевских резиденций.

Разумеется, зимой перчатки, а также бархатные или атласные муфты и маски-«наносники», которые дополнялись длинными пелиссонами¹ на ценных мехах, защищали от холода.

Большой популярностью пользовались золотые цепочки — ими украшали прически, их носили на шее, груди, на пройме одежды. Иногда цепочки висели с двух сторон на поясе. К одной из них прикрепляли маленькое зеркало, к другой — веер, часто сделанный из перламутра и украшенный бриллиантами.

Туалеты королевы Марго

Королева Маргарита Наваррская задавала тон всем дамам при дворе. Ее мать, королева Екатерина Медичи, признавала ее первенство — Брантом сохранил свидетельство об этом: «Дочь моя, именно вы изобретаете новые прекрасные фасоны и показываете их, и, где бы вы ни были, двор будет повторять за вами, а не вы за двором». Мемуарист добавляет к этим словам воспоминания о нескольких самых роскошных туалетах королевы Марго: «Я как-то видел ее, и другие вместе со мной, одетую в роб белого атласа с многочисленными украшениями и несколькими алыми вставками, с вуалью из крепа² или римского газа, каштанового цвета, будто небрежно заброшенной на голову; но никто никогда не созерцал ничего более прекрасного...

А еще я видел эту великую королеву на первых Генеральных Штатах в Блуа в тот день, когда король, ее брат, произносил торжественную речь; она была одета в оранжевую с черным роб, и черное поле было усыпано многоточкой, и в большой королев-

¹ Буквально — *pelisson* (*фр.*) — пелиссон — свободная длинная или полудлинная мужская и женская одежда на меху с широкими длинными рукавами XII—XVI века. Мужские пелиссоны иногда делали с капюшонами.

² Креп или флёр — тонкая редкая ткань, шелковая или хлопчатобумажная с волнообразно прогнутыми волокнами после соткания. Предназначалась преимущественно для вуалей.

ской мантии, достойной ее ранга, и когда она села, то показалась такой прекрасной, что я слышал, как люди в собрании — а их собралось больше трехсот — говорили, что были более очарованы созерцанием сей божественной красоты, нежели серьезными и исключительно важными словами короля, ее брата, хотя его речь была самой лучшей...

Я также наблюдал иногда, как она делала прическу из своих собственных волос, не прибавляя к ним никаких шиньонов; и хотя она обладала совершенно черными волосами, доставшимися ей от короля Генриха, ее отца, она столь искусно умела их скручивать, завивать и укладывать по примеру своей сестры королевы Испании, что такая прическа и убор очень шли ей, и были лучше, нежели что-либо другое».

Разумеется, необходимо сопоставить сверкание нарядов с блеском румян, белил и притираний, которыми пользовались все, и мужчины, и женщины, в довершение опрыскивая себя самыми изысканными эссенциями.

Домашний театр при дворе

Строго говоря, вся жизнь при дворе являлась сплошным представлением. Появиться в нарядных одеждах, разумеется, уже означало продемонстрировать великолепие и мощь Короны, но часто вельможам из окружения короля, в отличие от привычного, предлагался язык театрального действия, особым образом возбуждавшего восприятие и человеческие чувства. Так, Луиза де Водемон из своих сильнейших переживаний устроила самый настоящий спектакль. Генрих III оставил ее и отправился в Сен-Жермен-ан-Ле, сославшись на то, что курс диеты поправит ему здоровье. 19 февраля 1581 года послы, остававшиеся в Блуа вместе с королевами, были приглашены на необычный спектакль, нечто вроде маленькой мимодрамы, поставленный государыней при поддержке и благодаря советам ее свекрови Екатерины Медичи.

В вестибюле королевских апартаментов убрали освещение, и из мрака появился кортеж дам и девиц в масках, следовавших по две. Их продвижение сопровождалось торжественным пением хора. Молодые женщины были одеты в полотняные туники, словно процессия кающихся. В одной руке они держали свечку, в другой — как бы кнут для самобичевания, только с разноцветными шелковыми ленточками вместо ремешков. Делая вид, что стегают себя, они грустно тянули куплеты, слова которых записал маршал де Рец:

Напрасно постоянство так долго мы хранили,
Взамен за нашу верность не видя ничего,
Мы прямо здесь покаемся и этот мир покинем.

Потом, собравшись все вместе, они принимают неожиданное решение:

Нет, постойте, несправедливо так поступать:
За ошибки другого сносить наказание,
И теперь на любовь будет разум влиять.

Потом они быстро выходят, но почти тотчас же возвращаются. Сбросив власяницы грешниц, они предстают перед зрителями в элегантных белых шелковых платьях и принимаются танцевать под веселую музыку.

Таким образом, последняя часть балета, очень красочная и живая, выражала решение королевы Луизы избавиться от своей тоски и вновь обрести радость жизни.

Этот эпизод из жизни двора, далеко не единственный в своем роде, демонстрирует появление тенденции, характерной для эпохи зарождения барокко, когда, ради того чтобы избавиться от горестей, страданий и даже нервных срывов, переживания демонстрировались публично¹.

¹ И даже в политических целях. Например, спустя много лет пьеса Мольера «Мещанин во дворянстве» будет написана лишь ради сатирического турецкого дивертисмента и показана турецкому посланнику при дворе короля для демонстрации пренебрежения к турецкому могуществу.

Генрих III — «заводи́ла» в играх

В свете этого следует по-новому оценить поведение Генриха III, которого одни считали человеком излишне покладистым, другие — склонным к одиночеству, третьи — несдержанным и ненормальным. На самом деле в периоды между хворьями и «приступами» набожности король становился зачинщиком всяческих развлечений.

Правда, государя мало привлекали физические упражнения. Прошло то время, когда он участвовал в военных походах или в осаде Ла-Рошели. Однако он очень любил верховую езду: Пьер Л'Этуаль рассказал, что однажды, когда король учил прекрасного коня вольтижировке и прыжкам, у края манежа он заметил одного из дворян герцога Гиза. Это было в 1584 году, когда лигисты насмеялись над набожностью короля. И тогда Генрих спросил у дворянина, часто ли его господин, герцог де Гиз, видел монахов, которые могли такое выделывать верхом.

Как и его предки, Генрих III был заядлым охотником. Когда он хорошо себя чувствовал, ему случалось загонять двух-трех оленей за день. Не меньше он любил и соколиную охоту. С удовольствием играл в лапту и «пай-май», участвовал в поединках на мечах во время турниров, которые проводились по праздникам и на свадьбах принцев.

Королевские причуды

У монарха имелись и свои причуды, которым подражали придворные. Он был одержим игрой: одним январским вечером 1579 года итальянцы выиграли у него 30 тысяч в кости. После того случая король благоразумно отказался от этого увлечения, но лишь затем, чтобы вскоре предаться игре в бильбоке¹.

¹ Бильбоке (*фр. bilboquet*) — игра привязанным к палочке шариком, который подбрасывается и ловится на острие или в чашечку.

«В это время, — пишет Л'Этуаль, — король носил бильбоке в руке даже когда шел по улице, и играл, как ребенок». Вскоре его охватила другая страсть. Он приказывал, чтобы ему приносили дорогие рукописи с цветными иллюстрациями, и вырезал из них миниатюры. Вырезание и вправду было тогда очень модным занятием: все были очарованы искусством «каниве», этими бумажными кружевами, вырезанными перочинным ножичком и наложенными на яркого цвета бумагу.

На протяжении всего царствования король обожал маленьких собачек; он настаивал, чтобы ему их дарили. В его коллекции было около трехсот таких собачек, одни жили на псарне, а другие — прямо в спальне короля. Одна из них, с белым пятном в форме сердца на голове, вдохновила придворного поэта Пассро на следующие строки:

Так хозяйина люблю,
Что сердце рвется из груди,
Я на лбу его ношу,
А ведь лоб — врата души¹.

Мальтийские или лионские собачки, которых называли «бишон» — болонские собаки, или болонки, маленькие восточные собачки «тюрке», а также огромные борзые, за которыми следил псарь в чине камердинера, неизменно сопровождали короля. Впрочем, у знатных сеньоров, а также всех членов королевской семьи были собственные собаки, и в большом количестве. А в 1579 году папский нунций Ансельмо Дандино с трудом достал для папского дворецкого пару маленьких лионских собачек. Разумеется, в замках Луары по-прежнему были вольеры и рвы с дикими животными. Из своих поездок в Дьеп в период с 1576 по 1578 год король привез много обезьян и попугаев.

Любимые домашние животные, праздники и внешняя благопристойность двора, строго упорядоченная правилами этикета, вероятно, помогали ко-

¹На самом деле это каламбур, слово «porte» по-французски означает и «ношу», и «врата».

ролю обрести психическое равновесие, столь необходимое при том кризисе, в котором пребывала королевская династия после смерти наследника престола Франциска-Эркюля Анжуйского в 1584 году.

Сорок пять гвардейцев-телохранителей

Следуя советам герцога Эпернона, король все чаще доверял охрану своего королевского величества Сорока Пяти дворянам, которые служили теперь «две недели через две недели», а не по четыре месяца, как прежние королевские телохранители. Им было определено повышенное жалованье — 1200 экю в год, а не 400, как камер-юнкерам, и питались они при дворе. Короля они сопровождали всюду. Когда переезжали с места на место, у каждого была личная свита — два всадника, которые везли оружие для нападения и обороны. Отряд Сорока Пяти с большой тщательностью рекрутировали в Гаскони, родной провинции герцога Эпернона. На службе все они были равны, но один из них, Франсуа де Монпеза сеньор де Лоньяк, выступал в роли капитана. Король не сомневался, что эти храбрецы способны предотвратить покушение на его особу, которого он очень боялся. Его опасения нельзя назвать беспочвенными. Весной 1585 года один из Сорока Пяти, Монту, стал утверждать, что герцог Эльбёф предложил ему 10 тысяч экю за убийство короля, но ничем не смог это доказать. На допросе он признался, что посредством этой хитрости хотел получить вознаграждение. Главный совет приговорил его к смерти, и он был обезглавлен.

Из-за того, что ожесточение постоянно усиливались, а Лига лишь поощряла происходящее, положение Сорока Пяти стало улучшаться. Все они получали по комнате в замке короля, например в Блуа летом 1589 года. Более того, каждому из них предназначались пять лошадей, полное обмундирование, уложенное в сундуки, экипаж с четверкой лошадей, кучер и собственный слуга. Годовое жалованье им увеличили

до двух тысяч экю, что равнялось шести тысячам турецких ливров, а к этому добавлялась сумма в 2 тысячи ливров на содержание их «свиты», всего — 8 тысяч ливров в год.

Расходы придворных

При дворе обычные издержки дворянина составляли от 100 ливров в месяц, не считая стоимости обычной одежды и украшений, необходимых всем, кто состоял на службе у короля или у королевской семьи. В действительности кроме внешнего блеска существовала и обратная сторона придворной жизни. Повседневная реальность этого слишком большого числа придворных была неизменно трудной и беспокойной, а зачастую даже драматичной.

Сеньор среднего ранга должен был содержать десяток скакунов, лошадей и мулов, носилки и экипаж. Те же, кто служил в замке, обеспечивались по крайней мере питанием и деньгами на свое содержание. Один из шутов короля, Сибило, получал ежедневно 4 ливра (1 1/3 экю) на свои расходы, в том числе на питание себе, своему слуге и коню. А один из астрологов, Аббатиа, получал лишь 25 су в день, вследствие чего не имел даже лошади.

Жалованье Бертрана де Сен-Сюльписа, благородного кавалера, которому в 1578 году исполнилось 18 лет, на службе у короля достигало 100 экю за четыре месяца «вахты», но за полгода пребывания при дворе он потратил вдвое больше. И хотя молодой человек питался за королевским столом, ему пришлось потратиться на два костюма из атласа, так как король повелел, чтобы он танцевал в балете.

Пажам и придворным разных рангов нередко удавалось поселиться в самом замке или в его службах, но если приходилось останавливаться на постоялом дворе или у кого-нибудь, их финансы приходили в расстройство. Экономии на еде. Остатки блюд с королевского стола по очереди подавались членам свиты в зависимости от их ранга, питание ограничи-

валось пятью рагу и шестью блюдами с жарким, только что убраным с королевского стола. Кроме того, во время основного приема пищи каждому гостю замка давали кварту вина, что равнялось двум пинтам, и это было очень кстати.

Самыми насущными являлись расходы на одежду, ведь для того, чтобы появляться на церемониях, приходилось постоянно обновлять гардероб. Так, вступление в орден Святого Духа вынуждало дворянина покупать за 400 экю плащ-манто из гемуэзского бархата на подкладке из оранжевого атласа, с вышитым золотой нитью узором в виде восьми сверкающих лучей. Так как накидку надевали самое большее на несколько часов в году, а стоила она невероятно дорого, рыцари старались брать ее напрокат и присутствовали на заседании по очереди. Узнав об этом, король издал указ, обязывавший каждого нового члена после церемонии приема сдавать свой плащ под расписку казначею, у которого он и оставался.

Самые богатые сеньоры разорялись на украшениях, ведь золотая цепочка стоила минимум 1200 ливров. Сознывая трудности придворной жизни, король несколько раз, в частности в 1533 году, регламентировал правила ношения роскошных одежд и дорогого оружия, но когда сам государь и его семья превратили пышные приемы при дворе в систему управления государством, это «зло» стало невозможно искоренить.

Огромные долги

Чтобы существовать и выглядеть соответственно занимаемому рангу, придворные брали в долг огромные суммы. Самые знатные вельможи занимали целые состояния. Так, в 1574 году у маршала Монморанси было 400 тысяч долга, а за тринадцать лет, с 1573 по 1586 год, граф де ла Рош-Гийон занял 50 тысяч ливров. Что же касается герцога Генриха де Гиза, человека, любившего удовольствия и щедрого по отношению к своим близким, он занимал деньги у всех. На момент трагической смерти он был дол-

жен множеству людей более миллиона ливров. А ведь ежегодно он получал из Испании по 200 тысяч ливров. Таким образом, глава католической Лиги, жестокий и беззаботный одновременно, оказался одним из проигравших в этой причудливой придворной игре, в которой родовитые феодалы, находясь возле монарха, продолжали бороться за влияние, причем эта схватка больше походила на блестящий праздник. Но Гизу предстояло вскоре пасть жертвой этой борьбы в самой последней ее сцене, которую династия Валуа разыграла в долине Луары, в то время как погребальный колокол уже звонил по эпохе Возрождения.

Глава четвертая

Словесная дуэль короля и нации

Возвышение Лиги

Двенадцать лет отделяли первые Генеральные Штаты в Блуа от вторых, собравшихся в городе осенью 1588 года. Их вызвала одна и та же причина, а именно, необходимость найти денежные средства для восстановления единства веры, своевременного судопроизводства и, наконец, гарантии нерушимого государства. Но если в 1576 году король действовал по своей воле, то теперь он почувствовал серьезное давление угрожающей по величине общественной силы — Лиги. Это объединение католиков и приверженцев герцога Гиза стремилось вынудить Генриха III уничтожить протестантскую партию. Однако монарх на это не решался. После смерти наследника престола — его брата Франциска-Эркулёя Анжуйского в 1584 году трон мог унаследовать только Генрих Наваррский, глава реформаторов. Переговоры с ним при посредничестве королевы-матери отнимали у короля много времени. Герцог Генрих Гиз, напротив, решил одержать победу над наваррцем. В 1585 году он объ-

единился с Филиппом II Испанским, который пообещал ему 600 тысяч экю (увеличив впоследствии эту сумму до миллиона) на покрытие расходов, связанных с началом войны против протестантов.

Парижская Лига завладела почти всем королевством. Подставным лицом, за которым укрывался герцог, был старый кардинал Бурбонский, дядя короля Наваррского, объявивший себя первым принцем крови. Он объявил себя единственным законным наследником французского престола в силу своей приверженности католической вере. В июле 1585 года Гиз и Бурбон навязали королю Немурский мир, по которому он брал на себя обязательство навсегда запретить проведение протестантских служб. Это послужило объявлением войны протестантам, но военные действия были недолгими. Однако Гиз успел получить известное ранение в щеку, из-за которого его прозвали Меченым. Чтобы помешать любым соглашениям государя с Генрихом Наваррским, Гиз решил в апреле 1588 года захватить в плен короля и убить его главного фаворита — герцога д'Эпернона (другой его миньон, Жуайез, недавно погиб в бою). 8 мая, несмотря на запрет короля, Гиз приехал в Париж. В ответ государь ввел в столицу французскую и швейцарскую гвардии, но этим лишь подлил масла в огонь. 12 мая горожане Парижа вместе со студентами стали возводить баррикады. Опасаясь пленения, 13 мая король бежал из города, а 14-го укрылся в Шартре, оставив в Париже на положении заложников королеву-мать и супругу.

Созыв вторых Генеральных Штатов в Блуа

Для того чтобы остановить жестокий мятеж, король пообещал созвать Генеральные Штаты и в июле опубликовал эдикт, по которому все его подданные должны были вступить в Лигу. Он дал ей название Святого Союза и рассчитывал сделать ее государственной партией. По указу от 15 июля созыв Генеральных Штатов намечался на 15 сентября в Блуа. За согласие лиде-

рам Лиги были оказаны многие милости, а герцог Гиз стал генерал-лейтенантом армии. Но его авторитет и реальная власть в королевстве уменьшились после поражения Непобедимой Армады, созданной Филиппом II с согласия французской Лиги против Англии; об этом стало известно в середине августа.

Тем не менее выборы депутатов Генеральных Штатов прошли во всем королевстве, так как было невозможно дольше откладывать их созыв. Лига добилась того, чтобы избрали как можно больше ее приверженцев: 134 депутата от духовенства, 150 (из 191) от третьего сословия и 180 депутатов от дворянства явно симпатизировали Гизу и Лиге. Все они начали съезжаться в Блуа. Король прибыл в город 1 сентября 1588 года. Политика с ее страстями занимала первое место среди прочих дел.

Отставка министров

Как только Генрих III приехал, 8 сентября он внезапно решил полностью обновить кабинет министров, большинство членов которого были назначены на свои должности королевой-матерью и пользовались ее доверием. Кажется, папе Сиксту V король объяснил это тем, что хотел заранее удовлетворить депутатов, удалив неугодных им государственных секретарей, предлагавших слишком жесткие меры для выхода из финансовых затруднений. Но этот поступок выглядел вызовом по отношению к Екатерине Медичи, и она почувствовала себя оскорбленной. В королевских покоях разыгралась сцена, отзвуки которой слышал посол Мендоза. Поводы для отставок были разнообразны. Канцлер Филипп Юро граф Шеверни был обвинен в должностном преступлении; Помпон де Бельевр, суперинтендант государственных доходов — в сговоре с гугенотами; Никола де Нёфвиль де Вильруа — в слишком больших амбициях: он хотел лично вступить в переговоры с королем. Государственного секретаря Брюллара обвинили в том, что он — ничтожество, а государственного сек-

ретаря Пинара — что он мошенник, способный продать родных отца и мать. На их место король назначил Франсуа де Монтолона — хранителем печати, Мартена Рюзе и Луи де Револя — секретарями. В то же время опала и отставки поразили преданных слуг Короны — Робера де Гомбо, первого дворецкого короля; Пьера Моллана, главу казначейства; Франсуа де ла Гранжа, правителя Мелёна. В действительности же, якобы умасливая Штаты, государь отделался от некоторых из своих советников, которых подозревал в симпатиях к герцогу Гизу и Лиге.

*Съезд депутатов Генеральных Штатов:
церемонии и предварительные переговоры*

К 16 сентября депутаты третьего сословия собрались в ратуше Блуа и начали проверку своих мандатов. Их сопровождали друзья и любопытствующие. Остальные депутаты приехали уже во время сессии, и среди них два главных свидетеля эпохи — Мишель де Монтень и Этьен Паскье. Однако 19 сентября король послал к депутатам Никола д'Анжена, господина де Рамбуйе, который предложил им не начинать заседания, пока все не соберутся. Треть депутатов направилась в замок просить государя назначить точную дату, но они ничего не добились. Однако в воскресенье 2 октября депутатов всех сословий было уже достаточно, чтобы принять участие в большой процессии в честь праздника Тела Господня. Кортиж двинулся из церкви Христа Спасителя, расположенной на заднем дворе замка. Впереди депутатов шествовали король, королевы и принцы. Пройдя через весь город, они миновали по мосту Луару. Под балдахин, который держали четыре рыцаря ордена Святого Духа, архиепископ Экский нес Святые Дары. Наконец все пришли в церковь Нотр-Дам-дез-Эд, что в предместье Вьенны на другом берегу Луары, где прослушали мессу, которую отслужил Рено де Бон, архиепископ Буржский. Господин де Сент, епископ Эврё, прочел проповедь, и эта церемония ознаменовала открытие Генеральных Штатов.

Со следующего дня депутаты объединились по сословиям. Кардиналы Бурбонский и Гиз были назначены президентами от духовенства; Шарль де Коссе, граф де Бриссак, и Антуан де Нёвиль, барон де Маньяк в От-Марш — президентами от дворянства; Мишель Марто, сеньор де ла Шапель и прево Парижа — президентами от третьего сословия. Все эти люди полностью подчинялись Гизам. Отсутствие принцев крови задержало начало работы: кардинал Бурбонский был болен, Шарль, граф де Суассон, — отлучен от церкви за то, что объединился с Генрихом Наваррским, но король прилагал все усилия, чтобы отменить это решение. Имелись и другие проблемы, задерживавшие начало работы Генеральных Штатов, например то обстоятельство, что герцоги де Невер и де Немур оспаривали друг у друга первенство, а также проверка законности результатов выборов. Духовенство требовало, чтобы король возобновил эдикт о Союзе и депутаты принесли клятву. Третье сословие приняло это предложение; дворянство тоже, но без энтузиазма. Июльский эдикт предполагалось сделать основным законом королевства, принятым всеми тремя сословиями.

13 октября делегация из 36 депутатов от трех сословий подала такое прошение королю. Генрих III отклонил его и призвал депутатов поразмыслить о возможности предоставления ему полутора миллионов ливров на насущные нужды Короны. Он грозился разогнать Генеральные Штаты в том случае, если от него потребуют присяги, но единственное, чего он смог добиться от депутатов, — это отсрочки. Принесение присяги должно было состояться после официального открытия Генеральных Штатов.

Торжественное открытие сессии

Процедурные споры вынуждали депутатов и порученцев слоняться по дворам замка. Наконец 13 октября король повелел говеть в течение трех дней и говел вместе с депутатами, затем всем следовало испове-

даться и причаститься. Государь с большой помпой причащался в замковой церкви Христа Спасителя, а депутатов трех сословий причастил в якобинском монастыре кардинал Бурбонский. Наконец 16 октября с должной торжественностью состоялось королевское заседание. Большой зал Генеральных Штатов, как, впрочем, и весь замок, к приезду короля украсили дорогие золототканые шпалеры с различными персонажами и сюжетами. Шесть огромных столбов, разделявших пространство зала заседаний на два нефа, были покрыты фиолетовым бархатом, усеянным золотыми лилиями. По всему периметру построили портик, закрытый жалюзи, за которыми, словно зрители на спектакле, сидели придворные сеньоры и дамы.

С самого утра депутаты, созванные вооруженными герольдами, стали собираться в зале. Их было уже 505, а не 326, как в 1576 году. 134 депутата от духовенства, среди них 4 архиепископа и 21 епископ, одетые в свои стихари. 180 дворян надели короткие плащи и бархатные токи. От третьего сословия был 191 представитель, все в разных одеждах. Судейские магистраты — в длинных роб и квадратных бонне, другие чиновники и низшие чины судейского звания — в коротких роб и маленьких бонне, наконец, купцы в партикулярном платье. Они расположились вокруг королевского трона, украшенного фиолетовым бархатом и установленного на возвышении между третьим и четвертым центральными столбами. Во время последних Генеральных Штатов король приказал прорубить дверь в стене, соседствующей с крылом Франциска I, где на третьем этаже находились его апартаменты, чтобы из своих покоев сразу переходить в большой зал. Деревянная лестница около стены вела прямо к королевскому помосту. Следуя ритуалу образца 1576 года, в два часа пополудни герцог Гиз — главный дворецкий Франции — вошел в зал. Он был одет в великолепный костюм из белого атласа и причудливый плащ. В сопровождении отряда гвардейцев-телохранителей и двухсот дворян, державших секиры, символ занимаемой ими должности, он прошел сквозь приветствовавшую его толпу,

шумно выразившую свои чувства. По деревянным ступеням он поднялся в королевские покои и вскоре вернулся с государем, королевами, принцами крови и кардиналами, государственными секретарями и членами Совета. Генрих III в очень простом одеянии взошел на помост и сел на трон, в то время как с момента его появления все присутствовавшие, обнажив головы, стояли в молчании. Затем свои места заняло королевское окружение: королева-мать — справа от короля, по левую руку — супруга, правящая королева. Ниже, на скамье с правой стороны от трона сидели принцы крови, кардинал Вандомский, граф де Суассон, герцог Монпансье, немного дальше, на другой скамье — герцоги де Немур, де Невер и де Рец. На скамье слева от трона находились кардиналы Гиз, Ленонкур и Гонди, а на некотором расстоянии от них, на другой скамье — епископы Лангрский и Шалонский, церковные пэры французского королевства. В центре большого помоста прямо перед королем, но немного ниже, у подножия трона герцог Генрих де Гиз в качестве главного дворецкого занимал «стул без спинки», спиной к государю и лицом к собранию. Используя выражение одного современника, употребленное во «Французском церемониале», Гиз смотрел на своих сторонников пронзительным взглядом, словно пытаясь «укрепить их в надежде на осуществление его намерений, его везение и его величие, словно говорил без слов: «Я вас вижу».

Присутствие в тот день на одном и том же помосте короля и его рвущегося к власти противника явилось началом противостояния, которое драматически отразилось на повседневной жизни двора, нарушив правила этикета и обычное течение времени.

Тронная речь

За сановниками появились государственные секретари и уселись на последней ступеньке королевского помоста. И тогда, в полной тишине, король произнес свою тронную речь. Он начал с того, что

воззвал к Святому Духу и поблагодарил свою мать за все, что она сделала для королевства. Потом он наметил ряд реформ, которые хотел провести в жизнь, чтобы удовлетворить требования депутатов. Это были законы против богохульства и симонии¹, отмена продажи церковных должностей и многих служб. Он заверил, что «правосудие станет более скорым и менее обременительным для народа, а за преступления будут наказывать должным образом». Он упомянул о том, что сделает для искусств и наук, для благоустройства городов королевства и упорядочения торговли; он пообещал преследовать роскошь и «излишества», а также установить фиксированные цены на продукты питания, ставшие чрезмерно дорогими.

Для этого ему были необходимы средства; он пообещал прежде всего узаконить «старые ордонансы, касающиеся власти и величия принца-суверена и почтения, с коим должно относиться к нему и к его слугам». Потом он напомнил, что решился вновь принять с депутатами эдикт о Святом Союзе, так как собирается сделать из него основной закон королевства, во избежание того, чтобы оно «не оказалось под властью какого-нибудь короля-еретика». Совершенно естественно во время своей речи он сделал несколько резких замечаний в адрес Гиза и лигистов:

«... По моему священному эдикту о Союзе, все другие лиги не могут законно существовать при мне, и, хотя в нем сие не весьма ясно оговорено, ни Бог, ни долг не позволяют этого и даже категорически запрещают; поскольку всякие лиги, объединения, обряды, интриги, сговор, набор людей и сбор денег, а также их получение в королевстве и за его пределами входят в компетенцию короля, если таковое совершается не от имени Его Величества, во всяком монархическом обществе с хорошим законодательством это является преступлением против суверена.

¹ Симония (Симонова ересь) — практика продажи и купли церковных должностей в католической и других церквях.

Некоторые знатные сеньоры моего королевства вступали в подобные лиги и объединения, но, проявляя мою обычную доброту, я хочу забыть все, что было, однако, так как я должен ради вас сохранять королевское достоинство, я объявляю отныне и впредь, что после того, как будут оглашены законы, кои я собираюсь принять на моих Штатах, те из моих подданных, которые останутся в подобных организациях или вступят в них без моего согласия, будут задержаны и им предъявят обвинения в преступлении против Королевского Величества».

Для того чтобы быть настоящим государем и добиться от своих подданных послушания, королю катастрофически не хватало денег.

«Мне очень досадно, — говорил он, — что для поддержания королевского величия и содержания необходимых должностей королевства необходимы большие деньги; лично меня они мало интересуют, но это необходимое зло; войну также невозможно вести без денег; и хотя мы уже на верном пути к истреблению проклятой ереси, понадобятся большие суммы, чтобы этого достичь».

Посредством «эксклюзивных» финансовых средств, которые должны ему предоставить Штаты, он обязывался узаконить и осуществить все реформы, предложенные ему депутатами.

Эта речь, полная достоинства и очень умело построенная, вызвала аплодисменты большей части собрания, но герцог Гиз и его приверженцы к ним не присоединились. Услышав из уст короля осуждение различных «лиг» и их членов, Меченый побледнел и с трудом мог скрыть недовольство. По обычаю, следующей прозвучала речь Монтолона, хранителя печати, и была очень долгой. Чтобы напомнить историю Генеральных Штатов, оратор упомянул даже Иисуса Навина и Соломона. Но после этого тяжело-весного и путаного вступления он с горячностью заговорил о недостатках, которые следовало исправить с помощью реформ: отсутствие дисциплины и порядка среди духовенства, жестокость дворян и медлительность судей и чиновников.

Сословия ответили ему через своих представителей. Архиепископ Буржский, Рено де Бон, заговорил первым. Будучи опытным оратором, он сравнил красноречие государя с красноречием Улисса, а его осторожность — с мудростью Нестора; он предсказал королю славу Геркулеса и Тесея, «этих детей неба, кои с доблестью изгнали и обезвредили чудовищ, гигантов и других врагов Бога и всего людского рода». В качестве наглядных примеров он привел Моисея, Давида, пророков, Даниила и даже Навуходоносора, Соломона и Августа. Представители дворян и третьего сословия благодарили короля очень сдержанно.

На следующий день, 17 октября, к депутатам, которые возобновили работу по редакции наказов сословий, явился посланец короля с постановлением Совета о том, что на 18 октября назначена присяга Союзу. Депутатам предстояло поклясться «поддерживать и соблюдать все действия Короны, касающиеся власти, верности и повиновения по отношению к Его Королевскому Величеству». Это новшество вызвало большой шум, и все утро три палаты обменивались мнениями. Сословия хотели определиться, как отнестись к принесению столь неопределенной клятвы. За эдиктом о Союзе духовенство признавало лишь два основных принципа: Салический закон¹ и клятву короля защищать свой народ, которую он дает при венчании на царство. Дворянство испугалось за свои привилегии и ни за что не хотело от них отречься. Третье сословие беспокоилось не меньше. Вследствие энергичного отпора всех трех сословий королю пришлось объявить, что «он намеревался установить основной закон в королевстве, лишь посоветовавшись со своими Штатами». Это было первое унижение Генриха III.

Герцог Гиз подверг его второму. Оскорбленный речью короля, он вместе с братом, кардиналом де Гизом, после окончания заседания отправился к карди-

¹ Салический закон — закон, лишающий женщин права престолонаследия.

налу Бурбонскому, который из-за легкого недомогания оставался у себя. Решили, что кардинал Гиз и архиепископ Лионский отправятся к королю и заставят его отказаться от публикации его торжественной речи. Одновременно герцог Гиз из предосторожности послал своих людей к типографу, уже получившему речь, чтобы они помешали ее печатать. На следующий день оба прелата пошли к королю и стали угрожать ему, что часть депутатов покинет Штаты, если он не откажется от своих слов. В разговор вмешалась королева-мать и посоветовала сыну пойти на сделку. Тогда король разрешил кардиналу Гизу изъять из речи самые оскорбительные для него пассажи, и среди прочих — следующие слова: «Некоторые знатные сеньоры моего королевства вступали в подобные лиги». Король был сильно оскорблен, и это оскорбление добавилось к тому, которое он получил в дни майских баррикад, заставивших его бежать из Парижа.

Принесение присяги Святому Союзу

В среду 18 октября второе королевское заседание, на котором должны были присягать Святому Союзу, состоялось в большом зале, причем оно прошло столь же торжественно, как и воскресное. С помпой огласили июльский эдикт, король поклялся соблюдать его, после него присягнули депутаты. Архиепископ Буржский произнес речь о святости этой клятвы. Присутствующие сочли, что заседание закончилось, когда король поднялся во второй раз и порекомендовал депутатам не покидать Блуа до тех пор, пока не будут составлены наказания и приняты ордонансы. Он напомнил, что «на последнем собрании Штатов указания и советы трех сословий были весьма плохо исполнены, вследствие чего вместо преобразований и принятия хороших законов все пришло в беспорядок». Затем он торжественно поклялся, что «не уедет из города, пока не издаст святой и неприкосновенный эдикт» о реформе королевства.

Радость депутатов не знала предела, и они толпой

отправились в церковь Христа Спасителя, чтобы вознести там благодарственную молитву. Они были уверены, что отныне король присоединится к Лиге, в то время как перед Генрихом III стояла задача обезвредить эту воинственную организацию, возглавляемую Гизами, направленную против династии и лично против него.

С жаром взявшись за работу, три палаты Штатов далеко продвинулись в составлении наказов. Но работа третьего сословия шла очень медленно, так как один за другим приходилось разбирать многочисленные жалобы от бальяжей. Раздраженный король видел, что время идет, а ему еще не выделена денежная помощь, потому что обсуждение финансовых вопросов должно было ставиться на голосование только после принятия постановлений о мерах по реформе. Три же сословия проявляли осторожность, ведь еще в прежние времена они видели, как король отказался от постановлений, которые были и правильными, и необходимыми, после того как получил от Штатов деньги. И тут вдруг депутаты трех сословий получили революционное предложение «комитета шестнадцати». Эта небольшая группа лигистов-фанатиков, избранных от разных кварталов Парижа, была своеобразным повстанческим правительством столицы; они предложили издать постановления Генеральных Штатов до утверждения их королем на его Совете. В качестве примера комитет приводил Англию, Швецию и Польшу, где государи принимают решения ассамблеи своих подданных, не внося изменений.

Предложение выглядело слишком дерзким, чтобы понравиться духовенству и дворянству. Король же, угадав их намерения, сослался на практику, которой двадцатью девятью годами раньше следовали в Толедо на Штатах Кастильской Короны. Там Штатам позволялось лишь подавать прошения королю, который оставлял за собой право принимать окончательное решение на своем Совете. Король предложил передать этот проект на рассмотрение, получив таким образом еще одну отсрочку. Дворянство и духовенство

дали свое согласие, но духовенство считало, что прежде следовало бы предъявить королю Наваррскому обвинение «в преступлении против Королевского Величества» и объявить «его самого и всех его потомков недостойными наследовать королевство и иметь какие-либо на него права». Делегация духовенства, к которому присоединились депутаты других сословий, на протяжении всего декабря беспрестанно приходила к Генриху III, неизменно получая один и тот же ответ: прежде чем выносить приговор королю Наваррскому, Генрих III должен четко сформулировать, что долг последнего — присоединение к эдикту о Союзе и переход в католичество.

Диалог глухих сделал отношения между депутатами и королем весьма напряженными, тем более что король все «забывал» представить трем сословиям отчет о состоянии своих финансов.

На какое-то время атмосферу разрядили международные события. 1 ноября герцог Шарль-Эммануэль Савойский, двоюродный брат Генриха III, зять короля Филиппа II Испанского, оккупировал город и крепость Карманьолы в маркграфстве Салюс, сославшись на то, что он якобы хотел обезопасить себя от Ледигьера и гугенотов из Дофине. Когда новость об этой демонстрации силы дошла до Блуа, делегация трех сословий отправилась к королю, чтобы вынудить его наказать герцога. Они предлагали оплатить специальный рекрутский набор швейцарских солдат. Герцог Гиз оказался в деликатном положении, ведь Карманьола была занята маркизом де Сен-Сорленом, его единоутробным братом — сыном герцога де Немура и наследной герцогини де Гиз.

Чтобы показать себя настоящим патриотом, Меченый выложил 10 тысяч экю, поразив своим жестом папского посла Морозини: означало ли это, что герцог собирался, приняв от Испании деньги, начать войну с зятем католического короля? Или же прекращение войны с еретическим королем Наваррским задумано для того, чтобы выступить против католической Савойи?

Разумеется, первая поспешная реакция Штатов

после некоторых размышлений сменилась принятием позиции, более соответствовавшей взглядам большинства лигистов. Королю посоветовали отправить подкрепление господину де Майену, брату Гиза, который находился в это время в Дофине вместе с католической армией, так как никто не сомневался, что это не причинит никакого ущерба маркизу де Сен-Сорлену. И снова Генрих III не смог проявить свою власть и добиться сколь-нибудь конкретного решения финансового вопроса.

Впрочем, в этой сфере сопротивление Штатов проявилось как нельзя ясно. Прежде всего они удостоверились, что расходы Короны достигли 9,6 миллиона экю в год. Король предложил уменьшить их до 5 миллионов, но третье сословие отказалось голосовать за такую сумму и потребовало сократить ее до уровня 1576 года. Дворянство и духовенство присоединились к этому мнению. Духовенство же в свою очередь потребовало создать специальный суд, чтобы заставить виновных в расточительстве народного достояния вернуть награбленное.

Совещание в покоях королевы-матери

Слишком бурные дебаты между королем и делегациями происходили без обычного участия королевы-матери, уставшей от нескончаемых переговоров с разъездами по всему королевству. После увольнения министров, ее наперсников, она держалась в стороне и все свободное время посвящала устройству брака своей любимой внучки Кристины Лотарингской с великим герцогом Тосканским Фердинандом Медичи. Она покидала свои покои, расположенные на втором этаже, лишь для протокольных прогулок в подвесных садах, куда проходила по галерее Оленей, переброшенной через ров замка.

Между тем 23 ноября, обеспокоившись недостатком финансов, на которую Штаты обрекали короля, она призвала президента де Нейи и купеческого прево Ла Шапель-Марто, чтобы добиться от третьего со-

словия хоть каких-нибудь уступок. Она сказала, что королю известны их замыслы по поводу «уменьшения тальи¹», но она просит от них отказаться. «Вы требовали войны, — прибавила она, — до искоренения ереси; и если теперь вы не можете ничего дать для продолжения этого дела, это попросту означает одной рукой давать, а другой — отнимать. Если вы будете упорствовать в выполнении вашего требования, король возмутится и сильно разгневется».

Этот жалкий аргумент действия не возымел, депутаты ответили, что народ доведен до крайности и не может далее выносить взваленное на него бремя; Генеральные Штаты дали слабую надежду самым несчастным из подданных, и депутаты не могут предать своих избирателей и не оправдать оказанного им доверия. В ответ королева заметила, что третьему сословию следовало бы все это обсудить еще раз.

Новое обсуждение провели, но на нем депутаты единодушно решили стоять на своем. Таким образом, хлопоты королевы-матери произвели лишь негативный эффект. Депутаты заявили, что покинут Блуа, если их требование не будет удовлетворено.

Королевские аудиенции

На следующий день, 24 ноября, сословия пришли к полному согласию. Было составлено два прошения: в одном речь шла о сокращении податей, в другом — о создании судебной палаты для борьбы с финансистами-мошенниками. После обеда депутаты собрались, чтобы отнести свои предложения в замок. В приемной у короля собралось много народу. Наконец появился Генрих III. Архиепископ Буржский произнес смелую речь, председатель третьего сословия сказал лишь несколько слов, но обрисовал королю угрозу народного бунта. Снова уступив, государь отвечал словами примирения, не выказывая, насколько глубоко он потрясен. В течение следующих

¹ Талья — подушная подать.

двух дней он тщетно искал выход из этого тупикового положения, ведь Штаты диктовали ему условия, удерживая финансы в своих руках, то есть фактически страной правили они.

27 ноября в час дня король пригласил некоторых депутатов от третьего сословия в комнату королевы-матери. В присутствии архиепископа Лионского и президента де Нейи король заверил собравшихся, что его воля направлена на облегчение участи подданных. Он намеревается заняться своей свитой и перейти «с широкой ноги на узкую». Если двух каплунов много, придется довольствоваться одним. Но уменьшить сумму ежегодных поступлений до уровня 1576 года означало бы разорить и его дом, и его государство, а также помешать ведению войны с еретиками.

Король предложил подняться к нему тех депутатов третьего сословия, которые остались во дворе замка, и повторил им эти слова. Он уточнил, что деньги, необходимые на ведение войны, не попадут в его казну, а будут переданы в руки мещан, назначенных Штатами, для того чтобы распорядиться ими в соответствии с королевскими ордонансами. Он заверил, что оставшиеся деньги не потратит ни на крупные подарки, ни на безделицы, как делал раньше, что на душе у него тяжело, и он, дескать, глубоко раскаивается в прежнем своем поведении.

28 ноября Генрих III заявил Штатам, что, поскольку общий доход королевства составляет 9 миллионов экю, ему хватит трех миллионов на «поддержание его королевского достоинства». Два должны пойти на армии в Гийене и Дофине, а оставшиеся четыре — остаться в полном распоряжении Штатов «для выплаты рент, долгов и жалованья чиновникам, чтобы сохранить общественное доверие».

Провинции должны будут заниматься сбором податей, а их распределение должно пройти «через руки специально назначенных людей, не своих». Наконец, король запретил проводить новый сбор податей, пока Штаты не примут окончательного решения.

Уступки короля были встречены ропотом недовольства. С виду проявляя либеральность, король на

деле не предусматривал никакого реального сокращения расходов. Бремя налогов не облегчалось. Не успели посланцы короля выйти, как депутаты третьего сословия проголосовали за исполнение их первоначальных решений. К этому постановлению, вынесенному на следующий день на голосование в двух палатах, присоединились духовенство и дворянство.

Итак, Штаты ответили Генриху III вызовом. Тут нечему удивляться, ведь большинство депутатов принадлежали к Лиге, а на скамьях каждого сословия сидели те, кто возглавлял парижский мятеж.

Политический ужин у купеческого премо

Герцог Гиз рассматривал это противостояние как победу, но жалел о том, что на голосование не ставилось решение о какой-либо поддержке его финансами. Вечером того же дня, когда предложения короля были отвергнуты Штатами, он присутствовал на ужине, устроенном Ла Шапель-Марто. Он пришел туда в сопровождении епископа Лионского, своего обычного оратора, сыгравшего большую роль на Генеральных Штатах 1576 года и с тех пор сделавшегося наперсником и преданным слугой лотарингских принцев. После ужина, на котором ни слова не было сказано о делах, герцог Гиз усадил всех депутатов и рассказал им о нищете короля в таких выражениях, что присутствовавшие весьма удивились. Герцог имел самые честолюбивые цели, но война была ему необходима; она помогла бы осуществить его замыслы и принесла бы славу, дав возможность сыграть главную роль: он надеялся на блестящую победу над опасным претендентом на трон, еретиком Генрихом Наваррским. Но депутаты стойко поддержали свой отказ во всех кредитах Короне.

Не желавший подрывать свой авторитет Гиз испугался, что зашел слишком далеко, и на следующее утро позвал к себе четырех депутатов, чтобы возобновить беседу. Без обиняков он заявил им, что единст-

венно правильным решением, которое стоило принять, было удовлетворить короля в финансовом отношении, чтобы позволить ему вести войну.

Депутаты оставили герцогу так мало надежды, что он тотчас помчался в замок уговаривать короля сделать новые шаги.

Присутствие депутатов на «восходе короля»

Генрих III с покорностью последовал плану герцога и пригласил депутатов на свой церемониальный утренний туалет.

Он сказал, что его нельзя обвинять в расточительстве, так как у него нет ни су. К тому же один из тех, кому он раньше покровительствовал, Жуайез, с честью погиб в поединке, а другой, Эпернон, укрепился в Ла-Рошели вопреки воле короля. Продолжая свою речь, король начал одеваться, взял свое мантию, прикрепил колье и заметил, «что никогда не был расточителен в одежде, так как носит тот же костюм вот уже в течение трех месяцев».

Бурные переговоры у короля

Такая снисходительность короля не подкупила делегацию. 2 декабря депутаты третьего сословия вновь отправились в замок. Они вошли в кабинет короля и на основании неутешительных сообщений обрисовали ему бедствия подданных. Всюду царил ужасающая нищета. Король ответил на эти жалобы тем, что отменил налог на колокольни, право судей на «приправы» и налог на продажу товаров. Таким образом, он отменил налогов примерно на два миллиона, но эта цифра, с виду очень внушительная, на деле не была таковой, так как большая часть этих сборов и раньше целиком не взималась.

Делегаты вернулись к своим коллегам, но те оказались неумолимыми и продолжали требовать снижения общей суммы податей и создания специальной

судебной палаты, не обращая внимания на герцога Гиза и его брата кардинала.

Новая делегация от трех сословий, возглавляемая архиепископом Буржским, 3 декабря пришла в покои короля и изложила ему свои требования. С трудом справляясь со своими эмоциями, король вскочил и некоторое время говорил о любви к народу, а потом безо всякого перехода заявил: «Я согласен дать вам то, что вы просите». При столь неожиданных словах возгласы одобрения прервали его речь, и было слышно лишь оглушительное «Да здравствует король!». Когда вновь наступила тишина, Генрих III объявил, что эта уступка вменяет в обязанность Штатам оплату его расходов и расходов на ведение войны, согласно их обещаниям. Депутаты ощущали такое огромное удовлетворение, что это условие не могло омрачить их радости. Король был побежден, Штаты торжествовали. Провинции освобождались от невыносимого бремени, так что радость трех сословий не знала границ. Специальной комиссии предстояло рассмотреть различные новые варианты, но она не нашла удовлетворительного решения. Одни предлагали продать земли Короны, другие — передать содержание армии частным лицам на определенных условиях или еще более неожиданные реформы.

Король, желавший, чтобы немедленно проголосовали за субсидию, терял терпение. Он созвал небольшую группу депутатов третьего сословия, которым доверял. И сказал им, что, если они проголосуют за выделение кредита на ведение войны, он его положит в шкатулку с двумя ключами, один ключ будет у него, а другой — передан Штатам, мнения которых он обязуется спрашивать, прежде чем тратить собранные средства на нужды страны. «Правда, — добавил он, — некоторые члены моего Совета не придерживаются этого мнения и говорят, что это означает для меня взять пример с венецианского дожа и сделать мое государство полудемократическим. Но я готов к такому решению... Я узнал, что королева Англии, какой бы суровой она ни была, именно таким образом финансирует свое правительство и что ее

подданные, в случае необходимости, дают ей деньги более охотно, чем если бы платили ей подати»...

Депутаты выразили восхищение и доложили обо всем своим коллегам, разделившим их радость. Воспользовавшись их хорошим расположением, король отправил к ним господина де Мерля в сопровождении архиепископа Лионского и господина де Рамбуйе. Он велел им рассказать о своих невзгодах: его поставщик отказывается обслуживать королевский стол; его певчие ушли из-за того, что не получали жалованья; и попросить даровать ему 20—30 тысяч экю.

Когда депутаты выходили из кабинета и шли через приемную, архиепископ Лионский заметил, показав на советников короля: «Господа, вот дворяне, утверждающие, что котелок короля опрокинется, если вы не прикажете его подогреть».

Штаты согласились дать 30 тысяч экю на текущие расходы. Они также проголосовали за предоставление 90 тысяч экю авансом в счет суммы сборов следующего года, для посылки в Гийену и Дофине на настоящие нужды армии. Обе эти суммы (в виде ссуды) должны были быть немедленно выплачены несколькими членами палаты третьего сословия.

Итак, депутаты не замедлили обременить себя выполнением обещания, которое они дали королю. Они поклялись честью выделять ему средства для жизни, но чем дальше продвигалась работа комиссии по субсидиям, тем больше все убеждались, что единственной причиной настоящего положения казны были беспорядочные повседневные траты двора, а вовсе не недостаточность налогов. Когда 16 декабря король велел спросить об обещанных деньгах, президент Ла Шапель-Марто с большой смелостью ответил, что недовольство депутатов не может служить поводом, ускоряющим принятие решений: факты расточительности давали мало надежды на то, что в будущем король станет экономным. Когда все подсчитали, оказалось, что казна получила 27 миллионов ливров и «теперь все потеряно, съедено и растрчено; а сделано это лишь теми, кто давал пло-

хие советы, и что Штаты разгоняли при малейшей попытке сделать что-нибудь полезное».

Депутаты потребовали создания специальной судебной палаты, чтобы расправиться с теми, кто злоупотребил королевскими деньгами, и Генрих III согласился. Тогда они захотели узнать имена всех советников двора, которые войдут в эту палату, чтобы исключить оттуда подозрительных личностей, в противном случае они отказывались впредь давать деньги. Генрих III ответил им очень любезно, но, несмотря на внешнюю мягкость, он все сильнее страдал от наносимых ему оскорблений. На лице он сохранял улыбку, а внутри кипел от возмущения. После баррикад его постоянно оскорбляли, он испытывал одно унижение за другим и причиной всего он считал влияние Гизов. Своим приближенным он повторял, что у него «десять тысяч аргументов» против герцога, чьи вызывающие поступки он наблюдает каждый день. Незадолго до этого Гиз потребовал себе право иметь личную гвардию; не удовлетворившись тем, что взволновал Париж, через своих агентов он привел в движение большое число городов. Недавно он потребовал Орлеан в качестве надежной крепости, обещанной Лиге, который король хотел сохранить за собой, но был вынужден уступить под его напором.

Измученный король обнаружил, что Штаты становятся все более яркими приверженцами Гизов, приобретавшими все новых сообщников. Из секретных донесений король знал, что герцог готовился свергнуть его с престола. Сопротивление Штатов казалось ему свидетельством предательства Гиза. Каждый отказ Штатов выглядел для него предзнаменованием заговора, жертвой которого он должен пасть. В середине декабря ярость короля достигла предела, и он решил избавиться от своего соперника и мучителя. Ценой смерти одного ликвидировать оппозицию множества.

Диалог глухих, происходивший между государем и его народом в течение трех месяцев, затмевал собой все другие события придворной жизни. Дипломатические переговоры с Тосканой по поводу свадьбы великого герцога и тайные сделки с королем На-

варрским происходили за кулисами, в стороне от тягостных дискуссий по финансовым вопросам. Так же тайно готовилась и расправа над главарем лигистов.

Глава пятая *Трагедия в Блуа*

При дворе воцаряется угрюмость

Двор Франции, прежде проводивший время в блестящих и беззаботных играх, танцах, прогулках и охотах, в последние дни декабря сделался мрачным. Король держался особняком и не выходил из своих покоев. Он все больше завидовал Гизу и одновременно с этим испытывал растущую злобу к депутатам трех сословий; здоровье все так же подводило его, и он все чаще впадал в глубокую депрессию. Королева-мать плохо себя чувствовала и почти не показывалась на людях. Единственной обязанностью королевы-супруги оставалось незаметно и ненавязчиво заботиться об обоих.

Создавая проект радикального оздоровления финансов королевства, депутаты трудились, не покладая рук. 22 декабря делегация депутатов отправилась к королю за списком членов Совета; им велели подождать до следующего дня. Несколько часов спустя господин де Марль пришел сказать Штатам, что король сам изволит знать «тех, кто служит ему во благо».

Арест депутатов третьего сословия

23 декабря депутаты собрались в зале третьего сословия в обычный утренний час начала заседания; они были в полном составе и ждали обещанного сообщения. Депутат из Мулена читал доклад об отчуждении церковного имущества, когда пришел Ла Шпель-Марто и предупредил, что «слышал в замке шум и беспокойство», что «мосты разведены, а солдаты

поставлены на караул». Собрание отправило Ла Фосса, депутата из Канна, разузнать, в чем дело, и заседание продолжилось. Один депутат из Пикардии, Ле Руа, испугавшись, предложил разойтись, но большинством голосов порешили, что «не стоит покидать место, которое является верным убежищем и частью французского королевства».

Через несколько мгновений открылась дверь, и в зал ввалилось множество солдат, вооруженных пиками и алебардами. Впереди с клинком наголо выступал главный прево Франсуа де Плесси де Ришелье и кричал: «Смерть заговорщикам! Покушались на короля! Виновники здесь!» Некоторые депутаты кинулись вон из зала. Самые смелые стали протестовать, указывая на депутатскую неприкосновенность, но главный прево объявил, что некоторые члены собрания состоят в заговоре. Он назвал тех, на кого имелся ордер об аресте: Ла Шапель-Марто, Нейи, Компан, герцог Орлеанский и Ле Руа были задержаны и уведены, несмотря на протесты остальных. Один из депутатов, Бернар, призвал присутствующих всем вместе проследовать за своим президентом, но Ришелье тоном, не терпящим возражений, запретил им это делать. Потрясенные депутаты оцепенели. Потом, когда прошло первое изумление, они вышли толпой, чтобы отправиться в город и разведать о событиях, происходивших в замке. Тогда-то они узнали о западне, в которую попал герцог Гиз, когда пришел по вызову в кабинет короля; об аресте его брата, кардинала Гиза, и архиепископа Лионского.

Фатальный исход соперничества между королем и герцогом Гизом не был такой уж неожиданностью для тех, кто только что пережил сложности непростых переговоров Короны со Штатами.

Тревожные слухи

Приближение беды явно ощущалось среди всех событий, речей, торгов, соглашений, а затем отказов от собственных слов; вся эта нервотрепка стала ис-

ключительно серьезным испытанием для главных действующих лиц. Почти каждый день Гиз получал сообщения с советами остерегаться короля. Уже тогда, когда он приехал ко двору, находившемуся в Шартре, после примирения, последовавшего за днем баррикад, парижане преподнесли ему кольчугу, обшитую белой тафтой, и умоляли надевать ее перед тем, как идти к королю.

Медик королевы-матери, Филиппо Кавриана, одновременно еще и агент великого герцога Тосканского, наблюдая в октябре, как Гиз устраивается в замке Блуа с некоторыми членами своей семьи, записал, что приверженцы Гиза беспокоятся о том, как бы король не сыграл с ним ночью злую шутку и «не устроил бы ему и его родственникам Сицилийскую вечерню»¹.

До кардинала Гиза, проживавшего в городе Блуа в особняке д'Аллиои, тоже доходили тревожные слухи. Жители Орлеана предупредили Гиза о заговоре. Депутаты третьего сословия из Бове, приехав в Блуа, были так напуганы угрозами Гизу и лигистам, что тут же отправились обратно.

Солидарность Гизов

В ответ на все предупреждения герцог вел себя вызывающе по отношению к Генриху III. «Я его не боюсь, — говорил он маршалу де Рецу. — Он слишком труслив». И чтобы еще больше раздражить короля, он не таясь часто устраивал собственные совещания в своей комнате. На них ему давали отчет обо всем, что происходило на заседании Штатов, где принимались те самые решения, которые на следующий день депутаты представляли королю.

Приверженцы Гиза переживали, он оставался спокойным. Историк де Ту рассказывает о беседе Гиза с Гаспаром де Шомбергом, который призывал его за-

¹ «Сицилийская вечерня» — избиение восставшим населением Палермо захватчиков-французов в марте 1282 года.

ботиться о своей безопасности. «В конце концов, — ответил герцог, — я не думаю, что меня легко застать врасплох. Я не знаю ни одного человека на свете, который, схватившись со мной один на один, не почувствовал бы страха, да и к тому же меня обычно сопровождают; так что несколькими вооруженным людям не так-то просто напасть на меня, даже выждав момент, когда я буду не настороже. Моя свита ежедневно сопровождает меня до дверей королевской спальни, и, если вдруг она услышит хоть малейший шум, никакая охрана, никакой привратник не мешает ей прийти мне на помощь». Эти неосторожно сказанные слова были переданы королю, и, может быть, они и навели его на мысль расставить западню так, чтобы герцог оказался перед своими убийцами именно один и без оружия.

Неожиданный прецедент подтвердил, что вооруженные люди Меченого незамедлительно оказывали ему помощь даже во дворце.

В последние дни ноября во дворе замка вспыхнула ссора между приверженцами короля и сторонниками Гиза. Пока герцог совещался с королевой-матерью, его эскорт врукопашную сцепился с королевской гвардией, а потом с криками: «Да здравствует король!» — «Да здравствует Гиз!», все обнажили клинки. Из своего кабинета Генрих III услышал шум и надел кольчугу. А ниже этажом герцог продолжал оставаться невозмутимым под взглядом Екатерины Медичи. Кардинала Гиза тотчас известили, и, еще до того как закончилось сражение, он вызвал из особняка д'Аллои нескольких солдат для подмоги, воскликнув: «Ради Гиза!» Когда порядок был восстановлен, оказалось, что во дворе осталось несколько убитых. До сих пор нельзя сказать наверняка, не пытались ли Гизы осуществить в тот день переворот, неудавшийся оттого, что их войску не хватило хладнокровия.

Непримиримость, с трудом сдерживаемая обеими сторонами, взволновала Штаты, и они составили делегацию из двух епископов, двух дворян и двух членов третьего сословия, которая посоветовала герцогу для его личной безопасности вернуться в Орлеан.

Тогда вечером 9 декабря Гиз созвал всех, кому доверял, чтобы узнать их мнение. Пришло девять человек: кардинал Гиз, архиепископ Лионский, Пьер д'Эпинак, Ла Шапель-Марто, Этьен де Нейи, Кристоф де Бассомпьер, Кретьен де Савиньи и некоторые другие. Большинство из них советовали Гизу уехать, и только архиепископ Лионский был против. «Кто покидает поле боя, тот и проигрывает», — сказал он, и Гиз разделил его мнение: «Я так твердо решил не уезжать отсюда, чтобы моим отъездом не нанести вред королевству, что, даже если бы смерть вошла через эту дверь, я не выпрыгнул бы в окно». Эти слова лигисты передавали друг другу, и вскоре они стали известны королю.

«Черная желчь» короля

Страхи короля все возрастали. Даже королева-мать, столь горячо желавшая союза с Гизом, наконец поняла, что любое сотрудничество ее сына и Гиза становилось невозможным. Лекарь Мирон утверждал, что «именно она вывела весы из равновесия и заставила короля принять решение».

В середине декабря король получил много предупреждений, сильно встревоживших его и, в частности, усиливших «черную желчь» — депрессию, в состоянии которой он пребывал в зимние месяцы. Все сообщения были об одном и том же: герцог Гиз решил привезти Генриха III в Париж, чтобы лишить его трона. Эпернон, который правил в далекой провинции, «обиженный» королем, написал ему письмо с советом остерегаться покушения, назначенного на 20 декабря — День святого Фомы. Альфонсо Корсо, генерал-полковник острова Корсика, прибывший из Лиона, сообщил, что то же самое слышал от самого герцога Майенна. Придворный шпион узнал об этом «из уст одного дворянина де М., служившего господину де Гизу». Некий господин де Провеншер, а потом и госпожа д'Омаль, супруга двоюродного брата Гиза, если верить словам лекаря Мирона, дали тот же совет.

Капитан гвардии, вручивший королеве-матери письмо герцогини д'Омаль, оказался свидетелем разговора матери с сыном, закончившегося следующими словами: «Государь, сын мой, надо торопиться, очень долго мы ждем; отдайте же такой приказ, чтобы впредь не предавали, как на баррикадах в Париже». Однако, возможно, этот рассказ является вымыслом, поскольку впоследствии королева Екатерина пришла в смятение, узнав о том, как наказан герцог.

Искрой, вызвавшей пожар, стал, как рассказывали, обед 17 декабря, на котором собрались члены семьи Гизов. Кардинал Гиз произнес тост за здоровье своего брата — короля Франции, а потом добавил, что Валуа следует отправить в монастырь, где он наверняка станет прекрасным монахом. «Да, мой брат, — ответила госпожа де Монпансье, — вы будете держать ему голову, а я своими ножницами вырежу ему тонзуру». На следующее утро знаменитый актер Венетианелли, по прозвищу Великолепный, присутствовавший на обеде 17 декабря, проинформировал короля обо всем, что там произошло. По сведениям историка Давила, похоже на то, что идея об убийстве герцога Гиза возникла тогда же, 18 декабря.

Свадебные торжества у королевы-матери

В тот день при дворе был праздник. Старая королева-мать, хотя и очень плохо чувствовала себя из-за начинавшегося воспаления легких, устраивала в своих покоях большой прием по поводу заключения брака между великим герцогом Фердинандом Медичи и ее любимой внучкой Кристиной Лотарингской. Кристина долгое время находилась возле нее, сопровождала королеву во всех поездках, была к ней привязана и служила утешением в тяготах и разочарованиях ее жизни. Екатерина занимала во втором этаже крыла Франциска I анфиладу комнат, расположенных точно так же, как покои короля на третьем этаже. На передний двор, куда можно было спуститься по большой лестнице, выходили залы для приемов, а

у государя — залы Совета, прихожая и комната королевы Луизы. Мощная внутренняя стена, служившая прежде наружной стеной феодального замка, отделяла эту анфиладу комнат от другой, которая окнами своих лоджий смотрела на сады за замком. Под комнатой короля находилась комната королевы-матери, к ней примыкали кабинеты, обшитые панелями, и молельня. Оба этажа сообщались между собой винтовой лестницей, устроенной внутри стены и ведущей в помещения чердака.

Несмотря на нехватку денег в королевской казне, праздник по поводу подписания договора получился пышным. Екатерина перевезла в Блуа из своего парижского особняка большое количество мебели и серий гобеленов, которые она хотела, пока жива, подарить внучке от себя лично. В приданое принцессе было определено 600 тысяч экю, в том числе на 50 тысяч драгоценностей. Среди подарков Екатерины стоит упомянуть восемь великолепных гобеленов, сотканых во Фландрии в 1582 году из золота, серебра и шелка, представляющих сегодня гордость галереи Уффици во Флоренции. Эта тридцатидесятиметровая серия, которая, возможно, висела на стенах покоев королевы-матери, является лучшим изображением празднеств при дворе Валуа, начиная с длительного путешествия Карла IX по Франции в 1564 году и заканчивая въездом Франсуа-Эркуюля Анжуйского в Антверпен в качестве принца Нидерландского в 1582 году. Молодая великая герцогиня, увезя эти произведения искусства с собой во Флоренцию, могла видеть на них лица своих родственников по лотарингской линии. Некоторые из этих родственников должны были поехать во Флоренцию, чтобы выступать свидетелями на церемонии бракосочетания. Специальный представитель великого герцога для заключения брака, Орацио Ручеллаи, составил их список: герцог де Меркер, герцог Гиз и его старший сын, принц де Жуанвиль. Господин де Бассомпьер должен был представлять отца новобрачной, герцога Карла Лотарингского.

Король и королева-мать первыми подписали договор, а после них его скрепили подписями папский

нунций Карло Морозини, Орацио Ручеллаи, приложивший руку за великого герцога Тосканского, и Бассомпьер.

Военный совет по поводу убийства Гиза

Генрих III внезапно удалился с приема и по потайной лестнице поднялся в свои покои. Там находился его тесный круг: маршал д'Омон, Никола д'Анжен, маркиз де Рамбуе и его брат Луи, сеньор де Ментенон, а также полковник Альфонсо Корсо. Король в последний раз спросил их мнение. Тремя голосами против одного присутствующие проголосовали за немедленное убийство Гиза, опасаясь, как бы лигисты не опередили их, ведь приближался День святого Фомы, на который Гиз назначил осуществление собственного плана. Небольшое число верных людей знали об этом: Бове-Нанжи, Луи де Бертон, сеньор де Крийон, отказавшийся к ним присоединиться, и, наконец, несколько депутатов Генеральных Штатов, верноподанных короля. Среди них — Батист де Ламезан, депутат из Коменжа, который и поведал нам о последнем собрании, состоявшемся ночью 20 декабря в кабинете короля. Произошел удивительный разговор.

«— Государь, пригласите в кабинет этих двух предателей, герцога и кардинала Гиза, чтобы убить их при входе.

— И не думайте об этом, сеньор де Ламезан, — сказал король, — я прослыл бы Нероном!

— Каким еще Нероном! Если вы их не прикончите, они прикончат вас... Вы не можете ни схватить их, ни судить. А вы первый судья в нашем королевстве... Лотарингские сеньоры виновны в преступлении против Королевского Величества в первую очередь. Прикажите их убрать, и они будут убраны».

Исполнение «казни» решили поручить Сорока Пяти.

Постоянные хождения в королевских покоях обеспокоили приверженцев Гизов. Чтобы все выяснить, герцог настоял на аудиенции с королем. 21 декабря в восемь утра король принял Гиза и попросил прово-

дить его вместе с государственными секретарями до капеллы в саду, куда он ходил слушать мессу и причащаться. Гиз сказал ему, что предупрежден о том, что люди короля желают ему зла. Генрих III живо ответил ему: «Кузен, не думаете ли вы, что у меня столь злая душа?.. Напротив, заявляю вам, нет никого в моем королевстве, кого бы я любил больше или кем бы я больше дорожил, и очень скоро я вам убедительно это докажу». И он поклялся в своей искренности Плотью Христовой, которую собирался принять. Король еще некоторое время сохранял доброе выражение лица, но после мессы, закрывшись в своем кабинете, затопал ногами, пришел в необыкновенную ярость и с досады бросил на землю свою шляпу. И тотчас же повелел ускорить подготовку западни для герцога.

В середине ноября король распорядился устроить в просторных, никем не занятых залах чердачного этажа замка, прямо над его покоями, несколько небольших келий, предназначенных, как он говорил, для «отцов-капуцинов». Гизу, разумеется, доложили об этом, но он воспринял новость лишь как проявление монашеских склонностей государя, ведь одним из любимых развлечений лигистов было тешить себя мечтами о том, что скоро король уйдет в монастырь. В эти таинственные кельи, ключ от которых имелся лишь у него одного, король собирался провести по потайной винтовой лестнице в толще стены наемных убийц. Потом, для исполнения плана, тем же путем он намеревался вывести их в подходящий момент в свои покои, куда заранее должен был быть приглашен герцог.

Коварный план

Идеальным предлогом заманить к королю Гиза был вызов на Совет. Как только план созрел, к Генриху III вновь вернулось хладнокровие, и он постарался любезно держаться с тем, кому готовил смерть.

В четверг утром 22 декабря он встретил герцога Гиза в комнате королевы-матери, принимавшей ле-

карства. «Король был очень доброжелателен и продемонстрировал герцогу его особый статус тем, что несколько раз весело заговаривал с ним, угощал даже из своей бонбоньерки и пробовал из его. В тот же день после обеда, тщательно скрывая свои коварные замыслы, король пожелал провести большую часть послеобеденного времени с этим принцем».

Вечером король расстался с герцогом, сказав ему: «Кузен, у нас очень много дел, которые нужно бы срочно завершить до конца этого года. Поэтому придите завтра утром пораньше на Совет, мы будем ими заниматься. Я вас покидаю, а вы мне сообщите, что вы решили».

В приказном порядке приглашенный на Совет герцог Гиз узнал, что совещание должно состояться рано утром, поскольку потом король собирался отправиться в свой загородный дом, расположенный в Ла Ну в одном лье от замка, на опушке леса Блуа.

Для исполнения задуманного требовалось несколько изменить взаимное сообщение королевских покоев. Во время заседания Совета герцога бы вызвали в кабинет короля. Выход из этого кабинета в зал Совета заложили, чтобы вынудить герцога пройти через спальню государя, где его и должны были поджидать убийцы.

У королевских покоев решили поставить дополнительную охрану, чтобы, как только герцог вошел бы туда, лишить его помощи своих людей.

Для этого тайно были отданы четкие приказания. Чтобы отъезд короля в Ла Ну выглядел правдоподобным, повозки должны были въехать во двор замка в 4 часа утра. А чтобы им был разрешен въезд, ключи от замка, которые обычно каждый вечер отдавали герцогу Гизу, как главному дворецкому Франции, следовало взять у него накануне, 22 декабря. После того как все члены Совета соберутся, двери замка должны были закрыть, и Никола де Гримувиль, сеньор де Ларшан, капитан гвардейцев-телохранителей, встал бы со своими людьми на парадной лестнице, сославшись на то, что ему надо обратиться к Совету с требованием выплатить жалованье его гвардейцам. А что-

бы герцог не удивился, увидев его там, Гримвиль должен был сообщить ему вечером 22 декабря об этом своем намерении. Других телохранителей предполагалось расставить «на подъеме к старому кабинету», куда попадали из галереи Оленей, соединявшей второй этаж замка с садами.

Таким образом место убийства оказывалось в двойном и даже тройном кольце вооруженных людей, полностью отрезавших герцога от его приближенных.

Тревожная ночь

Как ни старались держать все приготовления в секрете, слухи о них все же просочились. Говорят, на ужине 22 декабря герцог нашел под салфеткой спрятанную записку. Он написал на ней: «Не посмеют!» и смял ее. Потом его мать, мадам де Немур, и кузен, герцог д'Эльбёф, стали умолять его не ходить на Совет, ибо король решил его убить. Герцог лишь беззаботно пожал плечами и отправился в спальню к своей любовнице Шарлотте де Сов. В три часа утра он вернулся в свои покои. Его хирург Лежён ждал его и передал ему пять анонимных записок одинакового содержания: в них говорилось о планах его убийства. Герцог взял письма, положил их у изголовья и заснул.

Часом позже в королевском крыле, напротив комнаты герцога, Пьер дю Альд, барон д'Аврий, ординарный королевский камердинер, постучался в дверь спальни королевы, где король проводил ночь. Врач Мирон описал эту сцену:

«Луиза дю Буа, дама де Пиолан, первая камеристка, вышла на шум и спросила, кто там. «Это дю Альд, — сказал тот. — Скажите королю, что уже 4 часа». «Он спит, и королева тоже», — ответила она. «Разбудите его, — сказал дю Альд, — он сам мне велел, или я буду стучать так сильно, что разбужу их обоих». Король, который не спал, потому что провел ночь в сильных душевных муках, услышав голоса, спросил у мадемуазель де Пиолан, кто это. «Сир, — сказала она, — это господин дю Альд, он говорит, что уже 4 часа».

— Пиолан, — сказал король, — подай мне туфли, одежду и подсвечник.

Он встал, оставив королеву в сильной растерянности, и отправился в свой кабинет».

Господа де Бельгард и дю Альд его уже ждали. Вскоре пришли другие советники и чиновники, которым король накануне назначил встречу: господа д'Омон, де Рамбуйе, де Ментенон, Франсуа д'О, секретари Мартен Рюзе, сеньор де Болье, и Луи Револь, Франсуа де Бальзак, сеньор д'Энтраг, и Шарль де Бальзак, сеньор де Дюн, Альфонсо Корсо, а также, как рассказывали, Франсуа де ла Жюши, сеньор де Рьё, Анри де Гуфье, сеньор до Бониве, и Франсуа де ла Гранж, сеньор де Монтиньи.

В 5 часов Сорок Пять собрались в галерее Оленей. Господин де Бельгард провел их на третий этаж в маленькую комнатку рядом с комнатой короля, где им раздали кинжалы и откуда по потайной лестнице провели в кельи под самой крышей.

Как только они ушли, капеллана Этьена Доргуэна и королевского духовника Клода де Бюля ввели в королевскую спальню, и они отслужили мессу в находящейся рядом маленькой молельне. Им предстояло молиться об исполнении намерений короля.

Тем временем герцог Гиз, не проспав и часу, был разбужен своим камердинером. Удивившись необычайному шуму, который услышал во дворе замка, тот решил, что противники занимают свои боевые позиции, намереваясь захватить хозяина. Но тревога оказалась ложной, ибо выяснилось, что этот шум произвели повозки, предназначенные для поездки короля в загородный дом.

Герцог вновь уснул. В 6 часов Жан Перикар, его секретарь, как обычно, пришел раздвинуть шторы. Герцог встал и надел костюм из серого атласа, слишком легкий для этого времени года. Рассказывают, что первый раз король послал за ним в половине седьмого, а через некоторое время — еще раз. К семи часам Гиз, закончив свой туалет, взял шпагу, накинул плащ и вышел в сопровождении Перикара. За окном едва светало.

Небо, затянутое тучами, казалось очень низким, лил холодный дождь. Гиз пересек двор. Двое из его друзей лигистов остановили Гиза по дороге, чтобы еще раз отговорить от решения идти на Совет. Он ответил им: «Хорошо защищен лишь тот, кого Бог бережет!» Потом поднялся по парадной лестнице, по дороге остановился на этаже королевы-матери и справился о ее здоровье. Екатерина, у которой усиливался плеврит, «принимала лекарства» и не могла принять его. Продолжая подниматься, он увидел, что на ступеньках стоят люди Ларшона, а сам Ларшон напомнил Гизу о его обещании поддержать их требования на Совете. Наконец он добрался до дверей королевских покоев и был допущен лишь в сопровождении Перикара, имевшего на это право, ибо он был секретарем по финансам.

Немного позже прибыли последние члены Совета, в частности кардинал де Гиз и архиепископ Лионский, Пьер д'Эпинак. Присутствующие, около десятка человек, разделились на маленькие группы и стали беседовать. Все ждали государственного секретаря Мартена Рюзе, который должен был представить вопросы, вынесенные на повестку дня. Герцог Гиз с самого утра ничего не ел, он почувствовал слабость и попросил своего секретаря Перикара сходить в его спальню за ракушкой из позолоченного серебра, служившей ему конфетницей, и насыпать в нее дамасского изюма, который он любил есть утром на завтрак.

Перикар долго не возвращался, и герцог попросил Жана де ла Мота, аббата де Сен-При, первого рядового камердинера государя, распорядиться «подать ему немножко лакомств короля». Сен-При принес ему бриньольских слив. Немного позже один из привратников Совета вошел в зал с конфетницей герцога. Перикар не смог проникнуть в королевские покои, так как чуть раньше гвардия перекрыла вход для любого, кто приходил извне. Ловушка захлопывалась.

Гиз вдруг почувствовал холод, он подошел к камину и попросил Шисса, слугу в гардеробной, подбро-

силь несколько поленьев, чтобы оживить огонь. «Мне холодно, — сказал он, — и очень нехорошо, пусть разведут огонь!» Ему делалось все хуже, из носа пошла кровь. Он стал искать платок и не обнаружил его в кармане шоссов. «Мои люди, — сказал он, — не дали мне сегодня все необходимое, но их можно простить, потому что они очень торопились». Он хотел позвать своих приближенных, но Сен-При остановил его, подав носовой платок.

В это время появился секретарь Рюзе де Больё и примерно в восемь часов начал зачитывать деловые бумаги советникам, занявшим места вокруг центрального стола комнаты. Узнав, что заседание началось, Генрих III велел советнику Револю передать герцогу Гизу, чтобы тот пришел к нему.

Сценарий убийства

Король и вправду закончил свои приготовления. Он сходил в кельи четвертого этажа за Сорока Пятью, которые находились там вот уже несколько часов; большую часть из них он расставил на лестницах и в кулуарах вплоть до галереи Оленей. В качестве резерва двенадцать из них заняли места в старом кабинете. Восемь, назначенных убийцами, ждали в королевской спальне. Это были Монпеза, сир де Лоньяк — их шеф, Жан де Монсерье, Жан де Люре, сеньор д'Арблад, Ожье де Саррьяк, Семалан, Этьен де Франк, Сен-Годан и Жак де Винь. К ним стоит добавить еще трех — Ольфанда дю Гаста, Сент-Обена и Бартелеми де Бальзака, поставленных на потайной лестнице, чтобы помешать герцогу, когда он войдет в королевскую спальню, вернуться в зал Совета. Приказав позвать герцога, Генрих удалился в коридор, который вел к новому кабинету, где, спрятавшись за коврами, он мог присутствовать при тщательно разработанной им драме. «Господин герцог, король вызывает вас, он в своем старом кабинете», — холодно сказал Револь, войдя в зал Совета. Герцог, не удивившись приглашению, поднялся, оставив на столе не-

сколько бриньольских слив, которые ему принесли, и спросил: «Господа, кто хочет?»

Когда он вошел в королевскую спальню, присутствие там нескольких обычных гвардейцев короля не явилось для него сюрпризом. Он поздоровался с ними и направился к двери в старый кабинет, но, не сделав и двух шагов, столкнулся с тремя гвардейцами, которые были там поставлены. Он повернулся, и на него тотчас напали восемь других, шедших за ним следом. Он едва успел крикнуть: «Эй! Друзья мои!», и этот крик был услышан в соседней комнате. Все вцепились в жертву и толкались. Четверо покатались по полу, в то время как герцог пытался вытащить шпагу, но тут же получил удары кинжалов в горло, живот, почки, лицо. Силы его словно удесятерились, и он продолжал сопротивляться, пытаясь добраться до двери в зал Совета. Однако борьба продолжалась недолго. Не больше чем через три минуты Гиз, измученный, захлебывающийся кровью, которая хлестала отовсюду, рухнул у самого подножия кровати короля и прошептал: «Пощадите, это оскорбляет меня». Неожиданно пришедшие Бельгард и Рюзе де Больё приблизились к жертве и посоветовали герцогу просить прощения у Бога и короля. У него еще хватило сил сказать: «Miserere Deus»¹, потом, как рассказывается в одном описании, он засунул в рот руку и стал кусать ее, чтобы не произнести имени короля. Генрих III появился в спальне и крикнул: «Прикончить его!» Потом, подойдя к уже остывающему телу и коснувшись его кончиком шпаги, он воскликнул: «Боже мой, какой же он большой, он кажется еще огромнее мертвый, чем живой».

Врач Франсуа Мирон добавляет, что король приказал своему секретарю Больё обыскать герцога. На одной руке у него нашли маленький ключик на золотой цепочке, а в «карманчике шосссов» — маленький кошелек с двенадцатью золотыми экю и запиской, в которой герцог написал: «Чтобы продолжать войны

¹ «Помилуй меня, Боже» (*лат.*) — начало католической молитвы.

во Франции, нужно 700 тысяч ливров ежегодно». Антраг сорвал у него с пальца золотое кольцо с бриллиантовым сердечком. Другие гвардейцы сняли с покойника его дорогие серьги.

Вакханалия жестокости

Несмотря на ковры и толстые стены, отделявшие комнату короля, в зале Совета слышали шум, который произвело убийство. Кардинал Гиз и архиепископ Лионский поспешно вскочили и бросились в зал стражи, чтобы позвать на помощь. Маршалы д'Омон и де Рец не дали им этого сделать. Они обнажили шпаги со словами: «Ради Бога, не двигайтесь, господа, у короля к вам дело». Другие члены Совета, предупрежденные до заседания о том, что должно произойти, не проявили ни удивления, ни страха. Они ничего не сделали, чтобы защитить прелатов, когда гвардейцы уводили тех по потайной лестнице в небольшие комнаты верхнего этажа. В тот же момент гвардейцы короля в замке и в городе начали производить аресты членов герцогской семьи и его приближенных. Его мать, герцогиня де Немур, его сын, принц де Жуанвиль, его секретарь Перикар, кардинал Бурбонский, которого несколькими днями раньше Генрих III признал своим предполагаемым наследником, а также многие дворяне — Эльбёф, Бриссак, Вуа-Дофен, Сент-Эньян были арестованы в своих покоях и находились под наблюдением. Архиепископов Бульонского и Комменжского предполагали арестовать в зале духовенства, но им удалось скрыться.

Известно, что третье сословие уже заседало, когда в зал в сопровождении своих гвардейцев вошел главный прево замка короля Франсуа Дюплесси де Ришелье, арестовал нескольких депутатов и увел пленников в замок. Капитаны гвардейцев были отправлены в провинции, чтобы арестовать верхушку Лиги. Так, Альфонс д'Орнандо утром уехал в Лион, где находился герцог де Майен. Но тот бежал, потому что его во-

время предупредил гонец испанского посла, Бернардо де Мендоза.

Король пошел к матери. Совсем больная Екатерина, лежа в своей комнате, слышала шум в комнате сына, расположенной прямо над ее покоями. Она перепугалась, как бы не убили короля. Когда он пришел, она успокоилась и внимательно выслушала его жалобы на герцога. Ей приписывают следующие слова: «Хорошо скроено, сын мой, теперь надо шить». В действительности же, по свидетельству медика Каврианы, королева была слишком слаба, чтобы ответить сыну. Она чуть не умерла от «страшного приступа боли». Зверский поступок короля не мог ее не потрясти; она и без того горевала из-за скорого отъезда Кристины Лотарингской, а теперь и вовсе пришла в ужас.

На короткое время эта жестокость оказалась полезной королю. 24 декабря он сообщил депутатам Генеральных Штатов, что дает им время до 8 января для окончательного составления наказов. На Рождество делегация от трех сословий отправилась к королю с просьбой освободить заложников, но он через господина де Марля передал депутатам духовенства, что бесполезно просить за кардинала Гиза, который мертв. На самом деле, заставив кардинала и архиепископа Лионского провести полную страхов ночь в одной из келий чердака замка, рано утром король приказал заколоть кардинала алебардами, выведя из комнаты. Тело прелата, как и тело его брата, было, как рассказывали, сожжено в камине, а пепел развеян, чтобы их могила не стала местом поклонения и единения приверженцев.

Ужас на заседании Генеральных Штатов

Двойное убийство Гизов не вызвало у депутатов особенного гнева. Они боялись, что, если выкажут недовольство, король отыграется на заложниках, все еще находившихся в его руках. Все так же продолжая отказывать в трех миллионах экю, которые просил Генрих III, они стали более активно рассматривать

вопросы, сумев решить их все к 15 января — на этот день было назначено закрытие сессии. В ответ на требования короля третье сословие вновь стало настаивать на создании специальной судебной палаты, которая заставила бы нечестных финансистов вернуть награбленное и таким образом сумела бы решить большую часть финансовых проблем, в которых погрязла Корона.

15 и 16 января в своих речах докладчики от сословий вновь вернулись к обычным темам. Высказывались пожелания о новых хороших ордонансах по реформе, которые бы наконец верно исполнялись. Из-за ужаса, которым все были охвачены после недавнего зверства короля, три сословия хотели как можно скорее покинуть Блуа. Некоторые, как, например, ученый Этьен Паскье, цитировали «Центурии» Нострадамуса, предвещавшие первую попытку убийства Гиза королем в Париже в мае 1588 года, потом его успех в Блуа:

Париж замыслит крупное убийство,
Блуа затем тот план осуществит.

И еще:

Весь двор в смятении тяжелом,
Блуа правитель друга умертвит.

Каждый осознавал, что близится к концу целая эпоха.

Смерть Екатерины Медичи

Королева Екатерина Медичи, видевшая и великолепие эпохи Ренессанса, и бедствия гражданских войн, угасла вскоре после смерти Гиза. 1 января 1589 года ей стало лучше, она вышла из своих покоев и пожелала, несмотря на предупреждения врачей, послушать мессу в капелле замка, а затем навестить кардинала Бурбонского, находившегося в заключении. Она хотела заверить его, что добьется от коро-

ля его освобождения. Старый прелат принял ее враждебно. Он упрекал Екатерину в том, что, пригласив в Блуа его и кардинала Гиза, она заманила их в ловушку: «Ваше слово, мадам, всех нас привело на бойню».

Королева-мать вернулась к себе в очень плохом состоянии. Она замерзла, пока ходила по коридорам и двору. Екатерина тут же слегла, и у нее началась горячка. Папский нунций и духовники толпились у ее изголовья. 5 января она пожелала составить завещание и причаститься. Ее причащал первый исповедник короля, священник по имени Жюльен де Сен-Жермен. Этьен Паскье и другие свидетели заметили, что таким образом осуществилось то, что некогда было напророчено королеве — остерегаться Сен-Жермена, если она хочет долго жить! Вскоре и вправду пришла смерть. В половине второго пополудни Екатерина скончалась, успев собороваться. В последние минуты возле нее находились король Генрих III и Кристина Лотарингская, два человека, к которым она больше всего была привязана в последний период своей жизни.

Эта необычная женщина в течение тридцати лет сама правила страной, а также давала советы своим сыновьям-королям и руководила ими. Поэтому ее смерть, наступившая вскоре после расправы над Гизами, сильно потрясла людей. Впоследствии многие не преминули напомнить, что в последние дни 1588 года имели место «чудесные знамения», возвестившие все эти события.

Под Рождество над городом Блуа увидели падающую звезду — «светоч, пылающий огнем». А в День невинноубиенных младенцев около семи или восьми вечера в небе появились два вооруженных человека, одетых в белое, с окровавленным мечом в правой руке. Эти «знамения» описаны на маленькой плакетке, там же дается их толкование: возвешение «смерти какого-нибудь знатного принца или принцессы за злодеяния и предательства, которые они недавно совершили».

Пышные похороны королевы-матери

Одно время ходили слухи, что королеву отравили. Чтобы рассеять эти подозрения, король приказал провести вскрытие. Легат доложил папе об операции: «Тело королевы было вскрыто по повелению короля, и все увидели, что поражено легкое, кровь разлилась в мозг, и нарыв на левом боку. Тело забальзамировали, положили в свинцовый, а сверху — в деревянный гроб. Потом разрешили народу, стекавшемуся из окрестностей, чтобы увидеть королеву, проститься с ней. Ее тело, одетое в самые прекрасные золотые одежды, которые имелись в замке, перенесли из обычной комнаты в зал для приемов. Многие дамы в траурных одеждах провели ночь возле тела, вокруг горело большое количество факелов. Францисканцы всю ночь пели над ней псалмы».

В действительности же выставлялась лишь специально изготовленная кукла, манекен со слепком лица королевы, как это всегда и делали в соответствии с обычаем. Обязательное королевское сюрко отыскивали в сундуках замка. Брантом рассказывал, что прежде оно служило для выставленного для прощания «воспоминания» королевы Анны Бретонской.

Эта кукла пролежала месяц, потом, 4 февраля, король устроил в церкви Христа Спасителя, что на валу замка Блуа, похороны своей матери. Архиепископ Буржский, Рено де Бон, президент палаты духовенства Генеральных Штатов, произнес надгробную речь — настоящий панегирик: «Вы потеряли самую великую королеву по добродетели, самую благородную по происхождению и потомству, самую достойную и благочестивую, самую целомудренную среди всех женщин, самую мудрую в своем правлении, самую мягкую в общении, самую приветливую и благожелательную со всеми».

Останки королевы, пока их не перевезли в Сен-Дени, лежали в свинцовом гробу в церкви Христа Спасителя в Блуа. Ее неважно забальзамировали, так как в городе не хватило необходимых для этого ингредиентов. Несколько дней спустя она начала «дурно

пахнуть», поэтому пришлось похоронить ее под покровом ночи, но не в склепе, а просто в земле, и безо всякой эпитафии.

Там она пролежала двадцать один год до тех пор, пока в 1610 году Диана Французская, незаконнорожденная дочь Генриха III и Филипы Дучи, его пьемонтской любовницы, не осуществила перенос останков законной супруги своего отца в ротонду Валуа в Сен-Дени.

Посмертные щедроты и долги

Завещание королевы было очень щедрым по отношению к тем, кто ей преданно служил: она завещала им около четырехсот тысяч экю. Королева выражала признание за усердие членам свиты, весьма многочисленной в то время: 11 придворных дам и фрейлин, 76 служащих дворян, 51 церковнослужитель, 23 врача и лекаря, 50 камеристок. Всего вознаграждалось около 500 человек, не считая дворцовой и кухонной челяди самого низкого ранга. Но эта щедрость была очень условной, ведь еще не были выплачены 50 тысяч экю жалованья за предыдущий год.

В число основных наследников входила Кристина Лотарингская. Новая великая герцогиня Тосканская получила все, что принадлежало королеве в Италии, включая ее права на герцогство Урбинское и 200 тысяч экю пистолей, обещанные ей предыдущим великим герцогом в качестве компенсации за передачу прав на ее имущество. Кристина наследовала парижский особняк королевы и половину всей ее обстановки, колец и драгоценностей.

Королева Луиза де Водемон получала Шенонсо со всем убранием; внук Екатерины, Карл Ангулемский, великий приор Франции, — графства Клермон и Овернь, баронские поместья Ла Тур и Ла Шез, все сеньории Оверни, которые Екатерина унаследовала от своей матери, а также графство Лораге и права на сборы и мельницы на юге в Каркассоне и Безье.

Заметили, что в завещании отсутствовало какое-либо упоминание о королеве Маргарите Наваррской,

которая попросту лишалась наследства. Остаток своего имущества королева завещала государю. Но до этого он должен был заплатить благотворительным учреждениям, основанным в пользу капитула¹ и обеспечиваемым 2000 экю ежегодного дохода, которые она учредила при церкви Благовещения, находившейся рядом с ее парижским особняком. Также король должен был продолжать материально помогать бедным девицам на выданье и жертвовать 6666 2/3 экю нищим, чтобы те молились за ее душу. А кроме того, Генрих III должен заплатить кредиторам королевы.

Долги Екатерины были огромны. Брантом и Л'Этуаль говорят о 800 тысячах экю. Остаток невыплаченного жалования свите вместе с завещанными деньгами составлял по меньшей мере 450 тысяч экю. Кредиторов было бесчисленное множество. Из них нам известны около сорока, причем они находились на различных ступенях иерархической лестницы, от смотрителя королевской виверры и баранов до банкира Себастьяна Заме и вдовы скульптора Жермена Пилна. Чтобы заплатить им, пришлось прибегнуть к распродаже имущества Екатерины, в частности опечатали ее парижский особняк. Наконец, гораздо позже, 16 декабря 1593 года, синдик² кредиторов Екатерины добился решения суда выставить на торги поместья Шенонсо, Монсо и Сен-Мор-де-Фоссе.

Турень, последнее прибежище династии

Похоронив мать, Генрих III долго в Блуа не задерживался. Разумеется, он не замедлил сосредоточить там войска, чтобы обезопасить себя от генерального наступления, которое готовили против него Лига и

¹ Капитул — (*capitulum* (лат.) — глава, позднее — общее собрание членов какого-либо ордена) — коллегия духовных лиц, состоящих при епископской кафедре в католической церкви.

² Синдик (*греч. syndikos* — в Древней Греции — защитник в суде) — в некоторых странах Западной Европы — представитель какого-либо учреждения, общины или корпорации, уполномоченный на ведение дел.

приверженцы Гизов. В этих целях он получил поддержку военных, возглавляемых Эперноном, Биронном, Омоном и д'О. С королем Наварры он подписал договор о примирении, который позволил им объединить силы.

Король удалился в Плесси-ле-Тур, а Тур сделал резиденцией правительства. Так как с Лигой было окончательно порвано, он обратился к Генриху Наваррскому. 30 апреля тот появился со своими войсками. Со всех сторон стекались протестанты и роялисты. Попытка лигистов под предводительством Майена взять Тур провалилась благодаря героической обороне бравого Крийона. Генрих III смело выступал на аванпостах; его было легко узнать по фиолетовому костюму — он носил траур, бесстрашно подставляя себя под пули противника.

Неудавшаяся попытка захватить Тур ознаменовала начало возрождения Короны. К июню путь на Париж был свободен. Оба Генриха отправились на осаду столицы. Известно, что 2 августа 1589 года король погиб там от руки доминиканца Жака Клемана. За этой смертью последовали девять лет гражданских войн, которые вел Генрих IV за свой законный престол.

С династией Валуа заканчивалось время, озаренное рождением нового мира Ренессанса. Замки на берегах Луары послужили ему великолепной театральной сценой. В них разворачивались приятные и грандиозные или, напротив, тревожные и ужасающие сюжеты. Театральную пьесу ставили сильные мира сего, а слуги и придворные, сами того не желая, оказались втянуты в этот удивительный спектакль, который и стал их повседневной жизнью.

Эпилог

Эпоха Ренессанса получила свое название через много лет после того, как ушли ее главные герои, творившие тогда свою историю. Со временем понятия, образы и формы искусства, сложившиеся по примеру Античности, оправдали в глазах ученых XIX века

разрыв этого периода с предыдущей эпохой, эпохой Средневековья. На самом деле жизнь всего пяти поколений, сменившихся за это время в замках Луары, хорошо показывает, что никакого разрыва не было. Люди совершенствовали свои технические приспособления, все больше вдохновляясь опытом зарубежных соседей, разумеется, принимали новые правила, но вековые привычки и образ мышления изменялись очень медленно. Люди пытались обновить архитектурные формы и в то же время прекрасно чувствовали себя в величественных зданиях традиционной готики, которые до сих пор продолжают украшать Францию. Здесь наблюдается переход, но никак не разрыв. И в этом переходе к новому миру можно выделить несколько мучительных этапов. Постоянные войны во Франции и за ее пределами, религиозный раскол страны вызывали социальные потрясения, но в истории Франции и прежде бывали такие периоды — Столетняя война, борьба арманьяков и бургиньонов, кризис папства и длительный церковный раскол, разделивший мир.

Новым и важным явлением, которое можно наблюдать в замках Луары, было возникновение двора, искусственно отделившегося от основной части населения королевства. Двор стал своеобразной стеной между государем и его подданными, скрывающей действия одних и проблемы других. В начале рассматриваемого периода замки Луары служили прибежищем монархии. Позже они сделались местом приемов вдали от волнений света, доступным лишь небольшой группке избранных.

На сессии Генеральных Штатов в замок Блуа стали стекаться подданные, но на их заседаниях Короне предоставлялась возможность лишь строго упорядоченного контакта с иерархическим обществом, члены которого, в зависимости от происхождения и занятий, делились на три сословия, закрытые друг от друга. Перед монархом, как при дворе, так и в Генеральных Штатах, оказывались скорее группировки, нежели отдельные личности. Сам Гиз являлся лишь глашатаем мощного оппозиционного движения.

Перед лицом власти представляли группы людей, а не отдельные личности, которые раньше были связаны обязательством личной верности; неограниченная монархия стала нормой власти, гегемония короля укрепила эту ситуацию. Но особенно при Карле IX и Генрихе III слабость монарха, борьба заговорщиков, которые активно действовали вокруг него, создавали впечатление, что строгие ритуалы жизни двора превратили государя в идола, лишённого реальной власти. Вот почему стали возможны «революция» 1588 года и ожесточенное сопротивление вторых Генеральных Штатов в Блуа в отношении финансовых требований Короны. Вот почему королева-мать Екатерина старалась тогда своей неутомимой и целенаправленной каждодневной деятельностью возобновлять прямые связи с подданными через переговоры, которые велись вовсе не в замках; королева сама ездила к недовольным и на месте убеждалась в бедствиях королевства. И эти бедствия были весьма велики.

В то время когда в роскошном обрамлении королевских резиденций внешние приличия и этикет вмещали в обязанность постоянную роскошь, условия жизни самых низких социальных категорий продолжали ухудшаться. Обратной стороной блестящих придворных праздников была убогая, а иногда и драматичная повседневная реальность большинства населения. Эпидемии, войны, экономические и финансовые кризисы — вот череда усугубляющих друг друга бед.

Деньги после длительного периода стабильности стали обесцениваться. Золотой экю с изображением солнца, который в 1515 году равнялся 36 су, в 1559-м вырос до 45 су и до 50 в 1561-м — хотя в нем стало меньше драгоценных металлов — до 52 в 1564-м и 54 су в 1562-м. Простые люди со скромными доходами получали все меньше, в то время как все больше золотых экю, серебряных тестонов¹ и иностранных

¹ Тестон — серебряная монета, достоинством в 10–12 су, ее начали выпускать при Людовике XII.

монет скапливалось у банкиров и торговцев. Драгоценные металлы из Америки в изобилии прибывали в испанские владения, откуда разливались по всей Европе. От этого и происходила растущая инфляция, с постоянным увеличением цен на все товары, как на предметы роскоши, так и на предметы первой необходимости.

Придворным, как мы видели, жить становилось труднее. Что же тогда говорить о средних и низших социальных слоях, которые сильно пострадали во время неурожаев 1564—1566-х, 1572 и 1573 годов, не имевших средств даже на питание, в то время как на их глазах в замках проходили блестящие празднества? В 1586 и 1587 годах, после того как от дождей сгнил весь урожай и цена на пшеницу достигла никогда ранее не виданного уровня, нищета народа сделалась просто невыносимой.

Эта нищета как раз и объясняет твердость третьего сословия в речах, с которыми они обращались в Блуа к королю осенью и зимой 1588 года. Всеобщим желанием, выражаемым уже вслух, было стремление к тому, чтобы изменился стиль жизни в замках, уменьшились потребности короля и его свиты. Безумная расточительность, одно время служившая инструментом власти, стала отныне неуместной. Позже она вновь вернется в умиротворенное Генрихом IV королевство, но на этот раз на берега Сены, где теперь уже в ее дворцах надолго остановится сияющий двор Франции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Помимо описи департаментских и муниципальных архивов и главной описи фондов Государственного Архива Франции, т. I, 1978 год (в частности серия К и КК) следует обратиться к:

H. Hauser. Les Sources de l'histoire de France, XVIe siècle, 1494—1610 Paris, 1906—1916.

A. Franklin. Les Sources de l'histoire de France. Paris, 1877.

Статьи в таких журналах, как «Revue des études rabelaisiennes», «Revue du XVIe siècle», «Bibliothèque d'humanisme et Renaissance», а также записки научных обществ Валь-де-Луар могут дать соответствующую информацию.

Кроме того, в настоящей работе впервые использованы несколько уникальных документов, недавно попавших в Государственный Архив Франции и до сих пор не привлекавших внимания исследователей. Особо отметим ежедневные счета пребывания принцев и короля в Амбуазе в 1556, 1563 и 1572 годах, сохранившиеся в серии АВ XIX Государственного Архива Франции, собрание Доверни.

К библиографии автора редакция сочла необходимым добавить некоторые важнейшие работы на русском языке.

Французское Возрождение: общие работы

J. Calmette. L'Elaboration du monde moderne. 3-e éd. Paris, 1949.

J. Delumenau. La Civilisation de la Renaissance. Paris, 1967.

H. Sée, A. Rébillon et A. Préclin. Le XVIe siècle. Paris, 1950.

H. Hauser et A. Renaudet. Les Débuts de l'âge moderne: la Renaissance et la Réforme. 4e éd. Paris, 1956.

R. Mousnier. Les XVIe et XVIIe siècles. 4e éd. Paris, 1965.

G. Atkinson. Les Nouveaux Horizons de la Renaissance française. s. d.

L. Batiffol. Le Siècle de la Renaissance. Paris, 1947.

J. Delumeau. La Civilisation de la Renaissance. Paris, 1967.

F. Funck-Brentano. La Renaissance. Paris, 1935.

A. De Levis-Mirepoix. La France de la Renaissance. Paris, 1947.

События политической жизни и политические структуры

Помимо отдельных исследований, упоминаемых в ссылках в библиографии к каждой главе, можно обратиться к:

E. Lavisse. Histoire de France. T. VI et VII/ Paris, 1902—1904.

P. Mesnard. L'Essor de la Philosophie politique au XVI-e siècle. Paris, 1936.

R. Douget. Les Institution de la France au XVI-e siècle. Paris, 1948.

G. Zeller. Les Institution de la France au XVI-e siècle. Paris, 1948.

J. Russell Major. Representantive Government in Early Modern France. New Haven and London, 1980.

- G. Dodu. Les Valois. Histoire d'une maison royale. 1328—1589. Paris, 1934.
- A. Denieul-Cormier. La France de la Renaissance, 1488—1559. Paris, 1962.
- Cl. Launau. Quand les rois de France étaient en Val-de-Loire. La vallée des reines. Paris, 1978.
- P. Rain. Les Chroniques des châteaux de la Loire, 2-e éd., Paris, 1925.
- J. de Croy. Nouveaux Documents pour l'histoire de la création des résidences royales des bords de la Loire. Paris et Blois, 1894.
- A. Félibien. Mémoires pour servir à l'histoire des Maisons royales. 1681. Ed. A. de Montaiglon. Paris, 1874.
- Лависс Э. и Рамбо А. Всеобщая история с IV столетия до нашего времени. Т. 3—5. М., 1897—1898.
- Луцицкий И. В. Католическая лига и кальвинисты во Франции. Киев, 1877.
- Луцицкий И. В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871.

География, описание местности

Несколько вводных и обобщающих работ:

- J.-X. Carre de Busserolle. Dictionnaire géographique, historique et biographique d'Indre et Loire. Tours, 1878.
- Guid du Val de Loire mystérieux. Paris, 1968.
- R. Dion. Le Val-de-Loire. Etude de Géographie régional. Tours, 1934.
- R. Dion. Histoire des Levées de la Loire. Paris, 1961.
- R. Dion. Histoire de la vigne et du vin en France. Paris, 1959.
- J. Martin-Demezil. «Les Forêts du Comté de Blois jusqu'à la fin du XV-e siècle»/ Mémoires de la Société des sciences et lettres du Loir-et-Cher, 35-e vol. 1974 P. 117—246.

Семья и общество

- A. Lefranc. La Vie quotidienne au temps de la Renaissance. Paris, 1938.
- A. van Bever. La Tourain vue par les écrivains et les artistes. Paris, s. d.
- R. Mandrou. Introduction à la France moderne. 1500—1640. Essai de Psychologie historique. Paris, 1961.
- Ch. De Ribbe. La Vie domestique, ses modèles et ses règles. Paris, 1877.
- Ph. Aries. L'Enfant et la vie familiale sous l'ancien régime. Paris, 1960.
- H.-R. d'Allemagne. Les Cartes à jouer du XIV-e au XX-e siècle. Paris, 1906.
- Ed. Fournier. Histoire des jouets et jeux d'enfants. Paris, 1889.
- Cl. Gauche. Le Plaisir des champs avec la vénerie, volerie et pêche. Paris, 1869.
- J.-J. Jusserand. Les Sports et jeux d'exercice de l'ancienne France. Paris, 1901.
- A. de Luze. La Magnifique Histoire du jeu de paume. Paris, 1932.

G. Pérouse. Les Nouvelles Françaises du XVI-e siècle, images de la vie du temps. Geneve, 1977.

J. Heers. Fêtes, jeux et joutes dans les sociétés d'Occident à la fin du Moyen Age. Paris-Montreal, 1971; Fêtes des fous et carnivals. Paris, 1982.

M. Lever. Le sceptre et la marotte. Histoire des fous de cour. Paris, 1982.

Архитектура и искусство

E. Babelon. La Civilisation française de la Renaissance. Paris, 1961.

A. Blunt. Art and Architecture in France. 1500—1700. Hamoudsworth, 1953.

P. du Colombier. L'Art Renaissance en France. Paris, 1950.

Châteaux de France. Region de la Loire. Paris, 1934.

F. Gebelin. Les Châteaux de la Loire. Dernière éd. Paris, 1957.

L. Hautecoeur. Histoire de l'architecture classique en France. T. I. 2-e éd. Paris, 1963.

C. Martin et C. Enlart. La Renaissance en France. L'architecture et la décoration. Paris, 1935.

P. Vitry. L'Architecture de la Renaissance en France / A. Michel. Histoire de l'art. T. IV, 2-e partie. Paris, 1911.

J.-A. du Cerceau. Les Plus Excellents Bastiments de France (1579). Nouvelle éd. par H. Destailleur. 2 tomes. Paris, 1868—1870.

Турчин В. С. Города и замки Луары. М., 1986.

Замки Луары // GEO. 1998. № 1.

Костюм и интерьер

E. Bonnaffé. Le Meuble en France au XVI-e siècle. Paris, 1887.

F. Boucher. Histoire du costume en Occident. Paris, 1965.

J.-B. Giraud. Documents pour servir à l'histoire de l'armurerie du Moyen Age et la Renaissance. Lion, 1895.

P. Lacroix. Mœurs, usages et costumes au Moyen Age et à l'époque de la Renaissance. Paris, 1973.

C. Piton. La Costume civil en France du XII-e au XIX-e siècle. Paris, s. d.

J. Quicherat. Histoire du costume en France. 2-e éd. Paris, 1877.

H. de Viel-Castel. Collection des costumes, armes et meubles pour servir à l'histoire de France. T. III. Paris, 1832.

H. Baudrillart. Histoire du luxe privé et public. T. III. Paris, 1880.

Мерцалова М. Н. Костюм разных времен и народов. Т. I. М., 1993.

Кибалова Л., Гербенова О., Ламарова М. Иллюстрированная энциклопедия моды. Прага, 1988.

Питание

G. Blond. Histoire pittoresque de notre alimentation. Paris, 1960.

L. Bourdeau. Etudes d'histoire générale. Histoire de l'alimentation. Paris, 1894.

B. Chevalier. Alimentation et niveau de vie à Tours à la fin du XV-e siècle. Dans: Bulletin philologique et historique du comité des travaux historiques et scientifiques. 1968, I. P. 143—157.

F. Gottschalk. Histoire de l'alimentation et de la gastronomie. Paris, 1948.

Pratiques et discours alimentaires à la Renaissance. Actes du Colloque du Centre d'études supérieures de la Renaissance. Tours, 1979; Paris, 1982.

Петроченко В., Пилипчук Н., Поляков Д. Рецепты французской кухни. М., 1991.

Здоровье и болезни

F. Wickersheimer. La Médecine et les médecins en France à l'époque de la Renaissance. Paris, 1906.

P. Delaunay. La Vie médicale aux XVI-e, XVII-e et XVIII-e siècles. Paris, 1935.

ОРИЕНТАЦИЯ ПО ГЛАВАМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Королевские традиции роскоши и комфорта

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗОЛОЧЕНОЕ УБЕЖИЩЕ МОНАРХИИ: МЕН, ШИНОН И ЛОШ

О Мене и наследстве герцога Жана Беррийского: F. Lenoux. Jean de France, duc de Berri. 4 vol. Paris, 1966. О Карле VII: G. Dufresne de Beaucourt. Histoire de Charles VII. 6 vol. Paris, 1881. Аньес Сорель недавно была упомянута в следующем романтическом эссе: J. Bourdin. La Dame de Beaute. Paris, 1982. Книга P. Champion. La Dame de Beauté, Agnès Sorel. Paris, 1931, снабжает источниками и детально описывает повседневную жизнь и придворные интриги. Дополнением послужит работа R. Philippe. Agnès Sorel. Paris, 1983, о пребывании в небольших замках и развлечениях на открытом воздухе, в том числе о поединках и праздновании «Мая». J. Vallery-Radot. Loches, 1926. О Шиноне см. два исследования по археологии и истории: G. de Cougny. Chinon et ses environs. Tours, 1898. E. Pepin. Chinon. Paris, 1924. Les Honneurs de la Cour, трактат, составленный Аленорой де Пуатье, виконтессой Фурнской, был опубликован ученым Lacurne de Sainte-Palaye в 1759 году, переиздан в Mémoires sur l'ancienne chevalerie par Charles Nodier. Paris, 1826. Т. II. P. 133—219.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЛЮДОВИК XI — КОРОЛЬ ТУРЕНИ

Стоит обратиться к *Mémoires de Ph. de Commines*, éd. Calmette et Durville. Paris, 1925. P. Murray Kendall. *Louis XI*. Paris, 1974. Воспоминания о пребывании Людовика XI в Плесси-ле-Туре в: С. Chevalier. *Promenades pittoresques en Tourain*. Tours, 1869. А также: P. Rain. *Les Chroniques...*, изд., указанное выше. О болезнях короля: L. Ipsar. *Louis XI et ses médecines*. Paris, 1936. Об Амбуазе: P. de Vaissiere. *Le Château d'Amboise*. Paris, 1935. F. Lesueur. *Le Château d'Amboise*. Paris, 1935. L.-A. Bosseboeuf. *Amboise, le château, le ville et le canton*. Tours, 1897. J. Melet-Samson. *La Ville d'Amboise aux XV-e et XVI-e siècles*. Dans: *Bulletin de la Société archéologique de Touraine*. T. 375 (1973). P. 263—268. С. Chevalier. *Inventaire analytique des Archives communales d'Amboise. 1421—1789, suivi de documents inédits relatifs à l'histoire de la ville*. Tours, 1874. О молодости Карла VIII: Y. Labande-Mailfert. *Charles VIII et son milieu. 1470—1498*. Paris, 1975. Об охоте: *Memoires sur l'ancienne chevalerie*. Ed. Citee. T. II. Paris, 1826. P. 303—311 et 343.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

АМБУАЗ, ЛУЧЕЗАРНАЯ МОЛОДОСТЬ КОРОЛЯ

См. библиографию по Амбуазу и Карлу VIII в предыдущей главе. А также: P. Rain. *Op. cit.* P. 45—60. Об Анне Бретонской написано очень много. Так, из недавно вышедших — работа J. Markale — не стоит забывать и о книге Auguste Bailly (1940). Среди исследований, содержащих документацию и подлинные иллюстрации, можно выделить: G.-G. Toudouze. *Anne de Bretagne*. Paris, 1938. E. Gabory. *L'Union de la Bretagne à la France. Anne de Bretagne, duchesse et reine*. Paris, 1941. Выдержки из счетов королевы опубликованы в: Leroux de Lincy. *Vie de la reine Anne de Bretagne*. 4 vol. Paris, 1860—1861; того же автора *Inventaire des vieilles armes conservées au château d'Ambois du temps de Lois XIII в Bibliothèque de l'Ecole des chartes*. 2-e série. T. IV (1847—1848). P. 412—422.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

БЛУА, ИЛИ ВЕЛИЧИЕ ЗРЕЛЫХ ЛЕТ

Об Анне Бретонской см. библиографию к предыдущей главе. По замку Блуа: F. et P. Lesueur. *Le Château de Blois*. Paris, 1914—1921; новое издание F. Lesueur. *Le Château de Blois*. Paris, 1970. M. Melot. *Politique et architecture. Essai sur Blois et le Blesois sous Louis XII*. Dans: *Gazette des beaux-arts*. Décembre 1967. Bergevin et Dupré. *Histoire de Blois*. 2 vol. Blois, 1846—1847. P. Rain. *Op. cit.* P. 61—81. R. de Maulde de la Claviere. *Histoire de Lois XII*. Paris, 1889—1891.

P. Lisueur. Les Jardins du château de Blois et leurs dépendances. Dans: Mémoires de la Société des sciences et Lettres de Loir-et-Cher. T. XVIII. 1904—1906. Дневник Луизы Савойской был издан М. Petitot dans: Collection des Mémoires... Т. XVI. Paris, 1820. P. 389—408. О заключении Лодовико Моро в Лоше см.: Negri da Oleggio. Lodovico il Moro dal soglio ducale al mastio di Loches. Milano, 1970.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Золотая пора Ренессанса

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВРЕМЯ РАСЦВЕТА КОРОЛЕВСКИХ РЕЗИДЕНЦИЙ

О царствовании Франциска I, с подробностями частной жизни людей и двора, хорошо рассказывается в трех произведениях: Ch. Terrasse. François I-er. Le Roi et le regne. 3 vol. Paris, 1945—1970. J. Jocquart. François I-er. Paris, 1981. R.-J. Knecht. François I-er. Cambridge, 1982. См. библиографию этих книг, где наряду с современными источниками указаны наиболее ценные работы и источники, опубликованные в XIX веке (Bourille, Paris, Naureau). О сюжете, ставшем причиной ученых споров: M. de Lescure. Les Amours de François I-er. Paris, 1865. О молодости короля: P. Henry-Bordeaux. Loise de Savoie. Paris, 1954. О королеве Клод: J.-A. Neret. Claude de France, femme de François I-er. 1499—1524. Monaco, 1943. О жизни в замке Амбуаз см. выше, I, гл. 2. Рукопись P. Sala. Les Prouesses de plusieurs rois, dédiées au roy François I-er (эпизод схватки с кабаном) находится в Национальной Библиотеке Франции, также см. Библиотеку Школы Хартий, II (1840—1841), с. 281—285, которая называет автора Nicole или Nicolas Sala. Начиная с этого времени, информацию о людях и событиях см. Brantome (Pierre de Bourdeille, seigneur de), Œuvres complètes. T. 1 a 11. L. Lalanne. Paris, 1864—1882, а также L. Lalanne. Vie et écrits de Brantome. Paris, 1896. Об охоте, праздниках и турнирах см.: Mémoires sur l'ancienne chevalerie, указ. издание, т. I. О структуре стражи: M. Boullier. Histoire des divers corps de la Maison militaire de France. Paris, 1818; ее штат при Франциске I описан у Rober de La Marck, seigneur de Fleuranges. Histoire des choses mémorables... M. Petitot. Collection des Mémoires... Т. XVI. Paris, 1820. P. 161—163.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ГРЕЗЫ, ОЖИВШИЕ В КАМНЕ

История и изучение внутренней планировки Бюры были возобновлены M. Garcynska-Tissier De Mallerai. Le Château de Bury en Blesois. Dans: Information d'histoire de l'art. Mars-avril 1965, № 2.

По Шенонсо см.: основной труд, затрагивающий весь этот период: С. Chevalier (abbe). *Histoire de Chenonceau, ces artistes, ces fêtes, ces vicissitudes d'après les archives du château et les autres sources historiques*. Lyon, 1868. Ch. Terrasse. *Le Château de Chebobeaux*. Paris, 1928: étude de l'architecture du château. Об Азель-Ридо: Н. Guerlin. *Les Châteaux de Touraine*. Paris, 1928. R. Milliat. *Azay-Le-Rideau*. Paris, s. d. О Шамборе: Н. Guerlin. *Le Château de Chambord*. Paris, 1912. P. Schommer. *Chambord. Notice historique et descriptive*. Paris, s. d. Недавнее исследование дает новые сведения о замысле и создании Шамбора: J. Guillaume. *Leonard de Vinci et l'architecture française. Le problème de Chambord*. Dans: *Revue de l'art*, № 25 (1974). P. 71—84. О путешествии Карла V: Godetroy. *Le Ceremonial francais, Entrée a Orleans de Charles Quint, 1539*. О королевских шпалерах и коврах: S. Schneeberg-Perelman. *Richesses du garde-meuble parisien de François I-er*. Dans: *Gazette des beaux-arts*. Novembre 1971. P. 253—304.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЦВЕТНИК ДИАНЫ

Вступление Дианы де Пуатье во владение Шенонсо, юридические споры и финансовые счета фаворитки описаны в упомянутом произведении (1868) С. Chevalier с указанием источников и библиографией. Подробности можно найти в: G. Guiffrey. *Lettres inédites de Dianne de Poytiers*. Paris, 1866, а также в различных частных исследованиях С. Chevalier: *Pièces historiques relatives à la chastellenie de Chenonceau*. Paris, 1864; *Diane de Poitiers au Conseil du roi*. Paris, 1866; *Comptes des recettes et dépenses faites en la chastellenie de Chenonceau par Diane de Poitiers*. Paris, 1864; *Lettres et devis de Philibert de l'Orme*. Paris, 1864. О семье и детях Генриха II и Екатерины Медичи: Н. Boucho. *Catherine de Medicis*. Paris, 1899. Амбуазские счета королевских детей взяты из коллекции Довернь Национальных Архивов Франции, серия АВ XIX. Счета расходов персонала дофина Франциска за 1554, 1555 и 1557 годы изданы в *Revue des sociétés savantes*. 4-е série, 8-2 (1868), p. 126—139; 5-е série, 4—2 (1872), p. 436—444. По поводу семейных отношений и политических событий: I. Cloula. *Catherine de Medicis*. Paris, 1979.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

Из многочисленных работ по истории литературы можно обратиться к следующим: L. Petit de Julleville. *Histoire de la langue et de la littérature française*. T. 3. Paris, 1897. R. Morcaj et A. Muller. *La Renaissance, dans Histoire de la littérature française* под редакцией J. Calvet, Paris, 1960. *Il Libro del Cortegiano* Бальдассара Кастильо-

не неоднократно издавалась на итальянском и французском языках. В частности, см. издание 1981 года Librairie Gatzanti с примечаниями Nicola Longo. *La Galateo Ovvero de' Costumi*, Giovanni Della Casa полностью опубликована в издательстве Mursia par B. Maier, 1980. О трактатах о вежливости: E. Bonnaffe. *Etudes sur la vie privée de la Renaissance*. Paris, 1898. О новеллистах, недавняя обобщающая работа: *Culture et politique en France à l'époque de l'humanisme et de la Renaissance*, études réunies par F. Simone, Torino, 1974. *L'Heptameron* Маргариты Наваррской был издан с примечаниями M. François, Paris, 1964 с библиографией, где указаны работы P. Jourda и Abel Lefranc. Также см.: *Conteurs français du XVI-e siècle*, éd. Par P. Jourda, coll. La Pléade, 1956, включающий в себя произведения Бонавентура, Десперье, Ноэля дю Файля, Жака Ивера и Беннинь Пуассно. По Рабле библиография очень велика, публикаций его произведения множество. К этому стоит добавить статьи, вышедшие с 1903 по 1913 год в *Revue des études rabelaisiennes*, *Revue du seizieme siècle*, *Humanisme et Renaissance*, издания 1934 года, *Bibliothèque d'humanisme en Renaissance*. Стоит обратить внимание на: M. Psichari. *Les Jeux de Gargantua*, 1908, 1909; L. Sainean. *L'Histoire naturelle dans l'œuvre de Rabelais*, 1916; A. Lefranc. *Di Vin chez Rabelais*, 1924, и т. д. Среди общих работ для справок: P. Stapfer. *Rabelais, sa personne, son genie, son œuvre*, 1906. J. Plattard. *François Rabelais*, 1932.

G. Lote. *La Vie et l'œuvre de François Rabelais*, 1938. A. Lefranc. *Rabelais*, 1953. О литературных пристрастиях французов: A. Lefranc. *Vie auotidienne...*, op. cit., chap. IV a VI. E. Vesch. *Les Adaptations en prose des schansons de geste au XV-e et au XVI-e siècles*, *Revue du seizeme siècle*, III (1915). A. Tilley. *Les Romans de chevalerie en prose*, ibidem, VI (1919). О религиозном сознании и верованиях эпохи: H. Bremond. *Histoire littéraire du sentiment religieux en France*. T. I. Paris, 1916. L. Fevre. *Le Probleme de l'incroyance au XVI-e siècle. La religion de Rabelais*. Paris, 1942. L. Fevre. *Auteur de l'«Heptameron»*. *Amour sacre, amour profane*. Paris, 1943. О георграфических открытиях: Ch. de la Roncier. *Histoire de la marine française*. T. I à III. Paris, 1899—1906. О Плеяде: H. Chamard. *Histoire de la Pléiade*. Paris, 4 vol., in 4°, 1939—1944. У этого же самого автора есть подробная работа о Жоашене дю Бели. О жизни Ронсара: H. Longnon. *Pierre de Ronsard, les ancêtres, la jeunesse*, 1912. J. Martillere. *Pierre de Ronsard*. Paris, 1924. P. Laumonier. *Ronsard et sa province*. Paris, 1924. P. Champion. *Ronsard et son temps*. Paris, 1925. О его творчестве: P. Laumonier. *Ronsard, poete lyrique*. Paris, 1932.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РИТМЫ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

См. общую библиографию по костюму. Рекомендуем обратиться к двум основным работам: E. Bonnaffe. *Etudes sur la vie privée de la Renaissance*. Paris, 1898. *Pratiques et discours alimentaires a la*

Renaissance. Actes du colloque tenu au Centre d'études supérieures de la Renaissance. Tours, 1979. Ed. Par J.-Cl. Margolin et R. Sauzet. Paris, 1982. См. упомянутое издание А. Denieul-Cormier. La France de Renaissance, 1488—1559, по поводу методов врачевания Амбруаза Паре. А также L. Romier. Régime médical pour un prince adolescent. 1555, Revue du seizieme siecle. Т. II (1914). По играм, помимо изданий, упомянутых в общей библиографии, см.: M. Psichari, Les Jeux de Gargantua dans Revue des etudes rabelaisiennes. Т. VI (1908) et t. VII (1909). J.-Cl. Margolin, Les Jeux a la Renaissance dans Bibliotheque d'humanisme et Renaissance, t. 43 (1981): resume des Qctes (a paraître) d'un colloque du Centre d'etudes de la Renaissance. Tours, 1980. О ланте см. упомянутую выше книгу А. de Luze. Астрологи незаметно оказывали весьма существенное влияние, особенно при выборе даты проведения церемонии, битвы или подписания договора. См.: Cathérine de Medicis, Paris, 1979 (bibliographie, p. 682). О важности пророчеств: E. F. Parker, La Légende de Nostradamus et sa vie réelle dans Revue du XVI-e siècle, 1923.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Пылающий закат

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Волнения в Амбруазе, торжества в Шенонсо

Об эпохе религиозных войн: I. Clouas, вышеуказанное издание. P. Miquel. Les Guerres de religion. Paris, 1980. R. Sfephan. Histoire du protestantisme. Paris, 1961. Хорошая общая подготовка. О событиях в Амбруазе: L. Romier. La Conjuración d'Amboise. 1923. P. Rain, вышеуказанное издание. Сцена ясновидения, якобы произошедшая в Шенонсо, а также прочие случаи обращения к магии изложены в книге (требующей осторожного подхода): d'E. Defrance, Cathérine de Médicis, ses astrologues et ses magiciens-envouteurs. Documents inédits sur la diplomatie et les sciences occultes du XVI-e siècle, Paris, 1911. Расходы Карла IX в дни поста и в обычные дни хранятся в коллекции Довернь, серия АВ XIX Национальных архивов Франции. Последняя интересная работа на тему питания J. Boucher, L'Alimentation en milieu de Cour sous les derniers Valois, dans Pratiques et discours alimentaires à la Renaissance, Actes du Colloque de Tours, 1979, p. 161—176. Траурные королевские туалеты описаны в королевских счетах, хранящихся в Национальных архивах Франции (КК 125), а также в счетах свиты принцессы Маргариты (КК 233). Что касается гардероба принца, в работе использованы различные документы свиты герцога Орлеанского, брата короля Карла IX, опубликованные М. Brossard, Bulletin archéologique du Comité des travaux historiques et scientifiques, année 1890, p. 6—24. Перечень драгоценностей, принадлежавших

Короне в 1560 году, издан Paul Lacroix, *Revue universelle des arts*, t. III et IV (1856). А также см.: *Histoire des joyux de la Couronne de France*, Paris, 1889, описи за 1551, 1559, 1560 и 1570 годы. Документы, касающиеся Шенонсо, хранятся в архивах этого замка и были использованы в: С. Chevalier, *Histoire de Chenonceau*, главы XX—XXII (имеет справочник по документам и библиографию). Р. Rain, указ. издание, гл. VII.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЕЛИЧИЕ И СУМАСБРОДСТВО

О первых Генеральных Штатах в Блуа: С. Picot. *Histoire des Etats généraux consideres au point de vue de leur influence sur le gouvernement de la France de 1355 a 1614*. Т. 2 et 3. Paris, 1872. Е. Charleville. *Les Etats généraux de 1576*. Paris, 1901. G. de Taix. *Recueil sommaire des propositions... en la chambre ecclesiastique*. Paris, 1625. J. Bodin. *Recueil de tout ce qui s'est negocié en la chambre du Tiers Etat*, 1577. О Дворцовой академии: R.-J. Sealy. *The Palace Academy of Henri III*. Geneve, 1981, здесь даны недавно опубликованные сведения, в частности переписка послов. Об эволюции правил этикета: А. Lefranc. *La Vie quotidienne...*, указ. издание. Текст документа, регламентирующего порядки двора короля Генриха III, приводится в Cimger et Danjou. *Archives curieuses de l'histoire de France*, 1-série. Т. X (1830). Многочисленные подробности см. у Брантома (см. полный перечень его произведений). О комедиантах см.: А. Baschet. *Les Comédiens italiens à la Cour de France*. Paris, 1882. О праздниках в Шенонсо: С. Chevalier, указ. издание. Проект Филибера Делорма воспроизведен в: J. Androuet du Cerceau. *Le Second Volume des plus excellents bastiments de France*. Paris, 1579, новое издание Н. Destailleur, Paris, 1870: подборка чертежей «Augmentacion de bastiments deliberes faire par la royne mere du roy». О новом фасаде Шенонсо: С. Terrasse. *Le Château de Chenonceaux*, p. 43 et 63.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРИЧУДИВОЕ ОБЩЕСТВО

Легенда о миньонах весьма критично и излишне полемично преподносится в работе Р. Champion. *Humanisme et Renaissance*. Т. VI (1939). Рекомендуем обратиться к докторской диссертации J. Boucher. *Société et mentalités autour de Henri III*. Lille et Paris, 1981, 4 vol. О вкладе итальянцев: Е. Picot. *Les Italiens en France au XVI-e siècle*. Bordequx, 1901—1918; *Les Français italialisants au XVI-e siècle*. Paris, 1906—1907, 2 vol. О празднествах двора: G. Wildenstein. *Un fournisseur d'habits de Théâtre et de mascarade à Paris sous Henri II dans Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*, t. XXIII (1961). Среди иконографических документов можно выделить серию шпа-

лер «Праздники Валуа», хранящуюся во Флоренции, в галерее Уфици. F. Yates. *The Valois Tapestries*. London, 1959; новое издание — 1975. О костюме и моде см. работы, упомянутые в общей библиографии. О перчатках существует великолепная работа: R. Boissarie. *De l'importance des gants parfumés*, *Historia*, 392 (июль 1979). С. 96—102. Мелодрама, поставленная королевой Луизой в Блуа в феврале 1581 года, описана в: J. Boucher. Указ. издание. Т. III. С. 1153. Характер и привычки Генриха III прекрасно описаны в первом томе этой работы, также к ней стоит обращаться по поводу повседневной жизни придворных и их расходов. Помимо традиционных документов, например, депеш послов и хроник, упоминаемых всеми авторами, имеет смысл обратиться к аннотированным изданиям серии «*Textes littéraires français*» (Droz, Genève; Minar, Paris): R. de Lucinge. *Lettres sur les debuts de la Ligue*, et *Lettres sur la Cour d'Henri III*, опубликованным A. Dufour, 1964 et 1966. E. Pasquier. *Mettres historiques pour les années 1556—1594* et *Lettres familières*, опубликованным D. Thickett, 1966 et 1974.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ СЛОВЕСНАЯ ДУЭЛЬ КОРОЛЯ И НАЦИИ

Среди многочисленных изданий о Лиге и соперничестве герцога Гиза и Генриха III см.: J. de Croize. *Les Guises, les Valois et Philippe II*. 2 vol. Paris, 1866. H. Forneron. *Les Ducs de Guise et leur époque. Etude historique sur le XVI-e siècle*. 2 vol. Paris, 1877. О Генеральных Штатах 1588 года: G. Picot. *Histoire des Etats généraux...*, указ. издание. Протоколы заседаний воспроизведены у Mayer, *Les Etats généraux et autres assemblées*, t. XV, 1789.

ГЛАВА ПЯТАЯ ТРАГЕДИЯ В БЛУА

Наиболее полный рассказ об убийстве Гизов см.: P. de Vaissiere. *Récits du Temps des Troubles. De quelques assassins*. Paris, 1912. Другое упоминания об этом: P. Rain, указ. издание, глава VIII. J. Vivent. *La Tragédie de Blois. Le roi de France et le duc de Guise. 1585—1588*. Paris, 1946. Донесение Мирона опубликовано в *Archives curieuses de l'histoire de France*, 1-e série, t. XII. См.: A. de Thou, *Histoire universelle*, trad. française, t. X, 1734. Стоит обратиться к справкам, ссылкам и хроникам, опубликованным P. de Vaissiere, указ. издание. О завещании и смерти Екатерины Медичи см.: I. Clouas. *Catherine de Médicis. О сближении Генриха III и Генриха Наваррского*: J.-P. Babelon. *Henri IV*. Paris, 1982.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. П. Левандовский. Роман замков</i>	6
Вступление	16

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Королевские традиции роскоши и комфорта

Глава первая. Золоченое убежище монархии: Мен, Шинон и Лош	19
Мен, замок наслаждений	19
Шинон, скала трех замков	20
Новое жилище в Лоше	23
Королевский церемониал	25
Обслуживание государя и вельмож	28
«Царствование» Аньес Сорель	29
Глава вторая. Людовик XI — король Турени	33
Многогрудное воспитание короля	33
Король обосновался в Турени	35
Жизнь королевы в Амбуазе	36
Юные годы дофина Карла	39
Плесси — уединение среди полей	42
Стол короля	44
Охота — пуще неволи	45
Суевренная набожность	48
Глава третья. Амбуаз, лучезарная молодость короля	51
Семейные праздники	51
Генеральные Штаты в Туре	52
Бракосочетание Карла VIII в Ланже	53
Новый замок в Амбуазе	55
Сервис королевского дома	59
Мебель, ковры и коллекции	61
Итальянские трофеи	63
Дофин Карл-Орланд	64
Повседневные королевские развлечения	65
Любовь к литературе и искусству	69
Несчастный случай	70
Глава четвертая. Блуа, или Величие зрелых лет	72
Развод короля	72
Блуа, феодальная столица	73
Воспитание Людовика Орлеанского	74
Людовик XII и Анна Бретонская	75
Триумфальная архитектура	76
Уют королевского дома	78
Фрейлины королевы	79
Свита Анны Бретонской	81

Роскошь и набожность	84
Радости охоты	84
Материнские заботы	86
Новое искусство садоводства	87
Политики короля	88
Княжеский визит: принц Филипп Австрийский и Иоанна Кастильская	88
Борьба за престол	92
Королевский похоронный обряд	93
Воспитание наследника престола	94
Лош, узилище Лодовико Моро	97

ЧАСТЬ ВТОРАЯ Золотая пора Ренессанса

Глава первая. Время расцвета королевских резиденций ..	100
Восшествие на престол юной четы	100
Торжества в Амбуазе	102
Леонардо да Винчи в Кло-Люсе	104
Дела и развлечения	105
Жестокость и сладострастие	106
Крещение дофина	107
Свадьба герцога Урбинского	110
Король-охотник	111
Штат военных	113
Гражданская свита	115
Королевское крыло в Блуа	116
Семейные несчастья	119
Легендарные любовные истории	120
Глава вторая. Грезы, ожившие в камне	123
Жилища сеньоров	123
Люди при дворе — люди при деньгах. История Бюри	124
Рождение Шенонсо	126
Женская рука: Азе-ле-Ридо	128
Шамбор, символ и шедевр Ренессанса	130
Двор в долине Луары: охота и приемы	135
Интриги и споры	137
Реформы и гуманизм	138
Движимое имущество короля: ковровая опись	140
Слишком большой двор	144
Добрый нрав короля	145
Глава третья. Цветник Дианы	146
Диана де Пуатье вступает во владение Шенонсо	146
Управление и надзор за поместьем	147
Образцовое поместье	149
Преобразования: сад с видом на Шер и площадки для игр	152
Лабиринты судопроизводства	156

Замок на воде	158
Королевские дети в Амбуазе	160
Визит королевы Екатерины	161
Питание и расходы королевских детей	164
Глава четвертая. Светская жизнь	167
Новый кодекс вежливости. Придворный кавалер и придворная дама; трактат Бальдассара Кастильоне.....	168
Мода на трактаты о вежливости: «Галат» делла Каза	170
Пестрое общество: иностранные гвардейцы и шуты, дрессированные животные и мошенники	173
Дамы, нравственность и религия	176
«Гептамерон» и закулисная жизнь двора	177
Любовь на испанский манер	179
Популярное чтиво и рыцарские романы	180
Грандиозная шутка Рабле	181
Кодекс вежливости: «Амадис Галльский»	184
Открытия: очарование экзотики	184
Поэзия — зеркало мира	186
Дю Белле и Ронсар, придворные и поэты	187
Глава пятая. Ритмы повседневного существования	191
Роскошь в одежде	191
Ночные привычки	194
Гигиена	195
Еда	196
Этикет застолья	198
Диеты	199
Завершение трапезы	202
Танцы	202
Салонные игры	203
Игра в лапту	205
Игры под открытым небом: пай-май, кегли, мячи и шары .	207
Благородные игры: кольцо, мишень, турниры и поединки .	208
Роль астрологов	209

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ Пылающий закат

Глава первая. Волнения в Амбуазе, торжества в Шенонсо	211
Мечь королевы	211
Роскошный траур	213
Окружение принцессы Марго	216
Заговор «недовольных»	218
Двор отступает в Амбуаз	219
Маскарад на средопостной неделе	220
Подготовка к обороне Амбуаза.	
Боевые действия против заговорщиков	221
Кровавая расправа	223

Двор перебирается в Шенонсо	224
Великолепный въезд королевской четы — Франциска II и Марии Стюарт	225
Продолжение праздника	230
Отрада постных дней в Амбуазе	231
Домен королевы Екатерины: земли и доходы	238
Вассалы недворянского происхождения	239
Сады Екатерины	241
Источник в скале	242
Беседки из виноградной лозы и питомник для разведения шелковичных червей	243
Гардероб очаровательного принца	244
Баснословные сокровища	248
Замки Луары в эпоху религиозных войн.	249
Блуа: матриониальные маневры королевы Екатерины ...	250
Безудержные развлечения	251
Один день Карла IX	252
Глава вторая. Величие и сумасбродство	255
«Летучий эскадрон»	256
Возвращение двора в Блуа	256
Новый церемониал	257
Дворцовая академия	258
Королевский режим дня	259
Первые Генеральные Штаты в Блуа	262
Прибытие итальянских комедиантов	264
Конец вражды	265
Непристойные празднества и пиры в Плесси и Шенонсо .	265
Грандиозный проект Филибера Делорма	268
Долина Луары — центр переговоров	269
Античный декор Шенонсо	271
Своды — службы королевы	272
Живые воды вместо стен	273
Комфортабельная обитель королевы-матери	274
Глава третья. Причудливое общество	275
Ссоры фаворитов	275
Король и его миньоны	276
Второе поколение миньонов	278
Двор без короля. Интриги королевы-матери	279
Государевы защитники и забавники	280
Итальянцы на королевской службе	281
Мода на театр	282
Парадные одежды	285
Маски и перчатки	286
Туалеты королевы Марго	288
Домашний театр при дворе	289
Генрих III — «заводила» в играх	291
Королевские причуды	291
Сорок пять гвардейцев-телохранителей	293

Расходы придворных	294
Огромные долги	295
Глава четвертая. Словесная дуэль короля и нации	296
Возвышение Лиги	296
Созыв вторых Генеральных Штатов в Блуа	297
Отставка министров	298
Съезд депутатов Генеральных Штатов:	
церемонии и предварительные переговоры	299
Торжественное открытие сессии	300
Тронная речь	302
Принесение присяги Святому Союзу	306
Совещание в покоях королевы-матери	309
Королевские аудиенции	310
Политический ужин у купеческого престо	312
Присутствие депутатов на «восходе короля»	313
Бурные переговоры у короля	313
Глава пятая. Трагедия в Блуа	317
При дворе воцаряется угрюмость	317
Арест депутатов третьего сословия	317
Тревожные слухи	318
Солидарность Гизов	319
«Черная желчь» короля	321
Свадебные торжества у королевы-матери	322
Военный совет по поводу убийства Гиза	324
Коварный план	325
Тревожная ночь	327
Утро расправы	329
Сценарий убийства	330
Вакханалия жестокости	332
Ужас на заседании Генеральных Штатов	333
Смерть Екатерины Медичи	334
Пышные похороны королевы-матери	336
Посмертные щедроты и долги	337
Турень, последнее прибежище династии	338
Эпилог	339
Библиография	343
Ориентация по главам	346

Клулас И.

К 51 Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения / Пер. с фр. О. Жуковой, Л. Кайсаровой; Науч. ред. и предисл. А. П. Левандовского. — М.: Мол. гвардия, 2001. — 358[10] с.: ил. — (Живая история: Повседневная жизнь человечества).

ISBN 5-235-02393-5

В блестящей, ярко и живо написанной книге Ивана Клуласа через жизнь расположенных в долине Луары замков раскрываются интересные страницы истории Франции, от царствования Карла VII до времен Генриха III, последнего короля из династии Валуа. Читатель узнает о привычках и нравах королевского двора, о пиршествах и охоте, нарядах и играх, повседневном и праздничном меню, а также о хозяйственной деятельности королевских особ и их приближенных.

УДК 940.20
ББК 63.3(0)4

Иван Клулас

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ В ЗАМКАХ ЛУАРЫ В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Главный редактор издательства **А. В. Петров**

Редактор **О. И. Ярикова**

Художественный редактор **К. Г. Фадин**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Т. И. Маляренко, Г. В. Платова, Т. В. Рахманина**

Лицензия № ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 29.05.2000. Подписано в печать 03.03.2001. Формат 84х108¹/₃₂.
Бумага офсетная №1. Гарнитура «Гармон». Усл. печ. л. 19,32+1,68 вкл.
Тираж 5000 экз. Заказ 29758.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 103030, Москва, Сушевская ул., 21.

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 103030, Москва, Сушевская ул., 21.

ISBN 5-235-02393-5

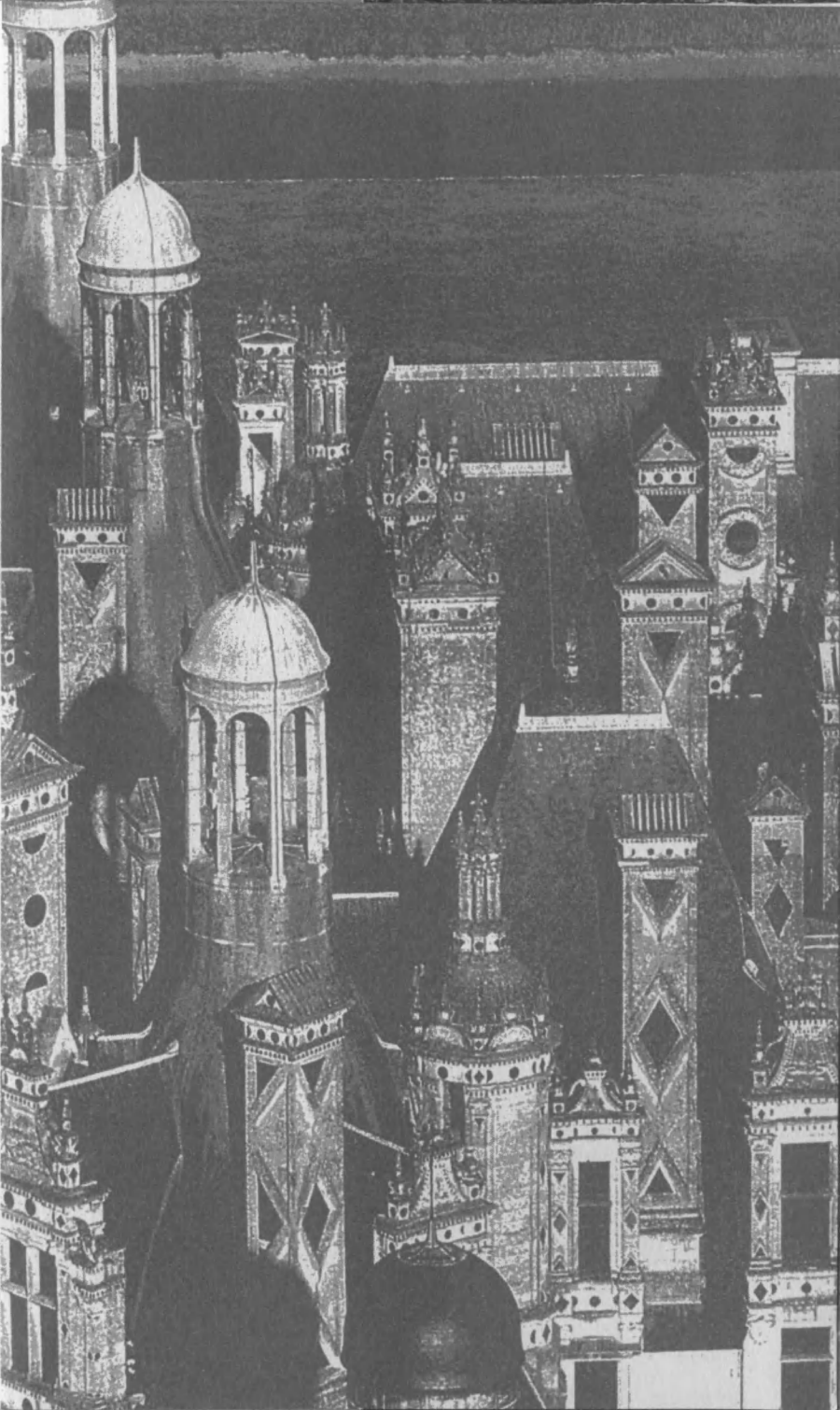
В ТИПОГРАФИИ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

к вашим услугам:

**набор,
верстка с элементами графики
и полутонными иллюстрациями;
изготовление фотоформ;
печать любого формата,
красочности
и тиража
на машинах
с электронными системами
контроля качества;
переплетные и отделочные работы
всех видов;
экспедирование
периодических изданий.**

**Контактные телефоны:
285-88-49, 285-89-08, 285-80-70**

**Адрес в Internet
www.mg.gvardiya.ru ♦ ds@mg.gvardiya.ru**

СКОРО ВЫЙДУТ В СВЕТ:

М. Брион

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА

В. Марочкин

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РОССИЙСКОГО
РОК-МУЗЫКАНТА

М. Пастуро

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ФРАНЦИИ И АНГЛИИ
ВО ВРЕМЕНА РЫЦАРЕЙ
КРУГЛОГО СТОЛА

Жан Марабини

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
БЕРЛИНА ПРИ ГИТЛЕРЕ

П. Зюмтор

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ГОЛЛАНДИИ
ВО ВРЕМЕНА РЕМБРАНДА

А. Зверев

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ПАРИЖА

ISBN 5-235-02393-5

9 785235 023932

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ